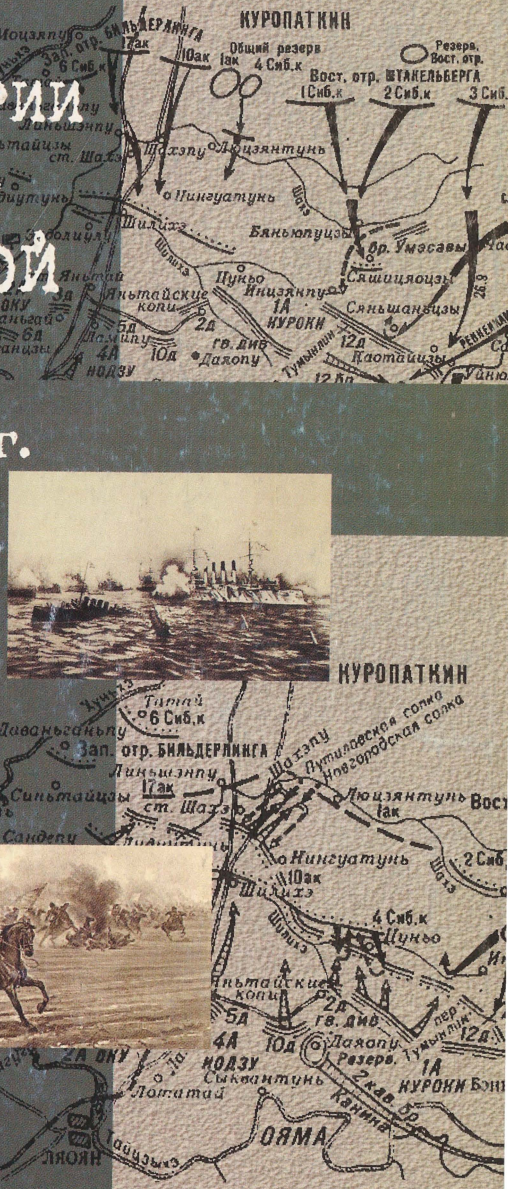
ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

1904-1905 гг.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

1904–1905 гг.

Сборник материалов
к 100-летию со дня окончания войны

Автор-составитель *Е. М. Османов*

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2005

ББК 63.3(2)521
И32

Рецензент канд. ист. наук *Л. В. Зенина* (СПбГУ)

Из истории русско-японской войны 1904–
И32 1905 гг.: Сборник материалов к 100-летию со дня окончания войны. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. — 470 с.

ISBN 5-288-03737-X

Представленная читателю работа включает незаслуженно забытый в современной России труд дореволюционного военного историка и непосредственного участника русско-японской войны 1904–1905 гг. В. А. Апушкина «Русско-японская война 1904–1905 гг.».

Вторая часть книги посвящена практически неизвестной и по сей день странице русско-японской войны — организации разведывательно-диверсионной работы Японии на фронтах и в тылах русской армии и стремлению России наладить широкую контрразведывательную сеть. Приводятся закрытые и малоизвестные документы, агентурные данные, донесения и записки полицейских и военных органов России.

Книга предназначена для специалистов в области военной истории, истории русско-японских отношений, а также широкого круга читателей, интересующихся историей первой для России войны XX в.

ББК 63.3(2)521

В оформлении использованы отдельные иллюстрации из книги В. А. Апушкина «Русско-японская война 1904–1905 гг». М., 1910.

© Авторы, 2005
© Издательство С.-Петербургского университета, 2005

ISBN 5-288-03737-X

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В 2005 г. исполняется 100 лет с момента окончания русско-японской войны 1904–1905 гг. Эта война, ставшая первым крупным конфликтом XX в., положила начало серии страшных войн и оказала огромное влияние на судьбу России. В потерпевшей поражение стране вспыхнула первая русская революция 1905–1907 гг., приблизившая крах Российской империи. Длившаяся полтора года война унесла около 220 тыс. жизней русских. Сухопутные силы Японии потеряли убитыми 45 377 человек, ранеными — 153 584 человек, а общие потери японского флота составили 3692 человека. По масштабу и по мировому значению русско-японская война уступает Первой и Второй мировым войнам, интерес к этой странице нашей истории не ослабевает и по сей день. В этой войне переплелось все — блестящие страницы беспримерного героизма русских солдат и горечь поражений, нерешительность и откровенное предательство высшего военного руководства, оборона Порт-Артура и его позорная сдача генералом Стесселем, попытки генерала Кондратенко и адмирала Макарова переломить ход событий и, конечно, страшная Цусимская трагедия. Несмотря на свой ограниченный характер, русско-японская война оказала заметное влияние на расстановку сил в мире и тем самым предопределила характер многих политических процессов и военных столкновений. Русско-японская война подвела черту под длительной географической экспансией России. Победа Японии в войне укрепила ее экспансионистские амбиции в регионе, привела к нарастанию милитаризма во внутренней политике, поставила Японию в один ряд с великими европейскими державами. Япония, получив преобладание в

Корее и прибрежном Китае, начала проявлять интерес к германской военно-морской базе Циндао. Это стало одной из причин вступления ее в Первую мировую войну на стороне противников Германии. Дальнейшая японская экспансия в Китай послужила причиной все более усиливающихся трений с США.

Война оказала большое влияние на развитие военного искусства. В ее ходе отчетливо выявилась возросшая роль экономического и морального факторов. Россия, в свою очередь, потеряла позицию одной из крупнейших морских держав. Отказ от «океанической» стратегии и возврат к стратегии континентальной привел к сокращению международной торговли и ужесточению внутренней политики. Геополитический баланс в мире существенно изменился. Россия потеряла практически все позиции в Тихоокеанском регионе. Это означало, что она была вынуждена отказаться от восточного (юго-восточного) направления экспансии и направить свое внимание на Европу и Ближний Восток. Ввиду резкого ослабления морской мощи России и возврата ее политики на «континентальные рельсы» улучшились русско-английские отношения, в результате чего был подписан договор с Англией о разграничении сфер влияния в Афганистане, окончательно оформилась Антанта. В то же время, несмотря на кажущуюся очевидность поражения России, и сегодня среди историков нет единого ответа на вопрос: была ли побеждена Россия? Основные дебаты идут по поводу заключения мирного договора. Многие ссылаются на то, что это была не капитуляция России, а подписание равноправного договора о мире. Потеря части Сахалина считается незначительной уступкой Японии. Но, несмотря на эти благие попытки снять позор с России, все-таки русско-японская война была Россией проиграна. Другое дело, что в силу огромной территории Россия сохранила свои ресурсы и благодаря умелой дипломатии Витте смогла снять многие требования Японии на мирных переговорах в Портсмуте. Но это уже не война, а ее следствие.

Итак, русско-японская война началась 8 февраля (27 января по ст. стилю) 1904 г. нападением главных сил японского флота на корабли русской Тихоокеанской эскадры, стоявшие на внешнем рейде Порт-Артура. Были выведены из строя два русских броненосца и один крейсер. Тихоокеанская эскадра укрылась на внутреннем рейде.

Главной причиной войны послужили противоречия между империалистическими державами на Дальнем Востоке. Правительства России и Японии, побуждаемые крупной буржуазией и помещиками, стремились овладеть Кореей, Маньчжурией и другими важными в стратегическом и экономическом плане территориями. Остановить Россию в продвижении на Дальнем Востоке, разорвать сложившиеся российско-китайские связи, подчинить своему единовластному контролю Корею и в перспективе Китай — вот главные причины русско-японской войны. Одержав победу над Китаем в 1895 г., правящие круги Японии стремились укрепить свое присутствие в Корее. Поэто-

му окончание японо-китайской войны плавно переросло в подготовку к новой войне, на этот раз с Россией.

Япония рассчитывала вытеснить Россию из Кореи и Маньчжурии, закрепить за собой Ляодунский полуостров (который она получила от Китая в результате войны, но в силу демарша трех стран была вынуждена отказаться от его приобретения) и, если повезет, захватить русские территории на Дальнем Востоке, в первую очередь — Сахалин.

Россия же продолжала свои территориальные приобретения. Северный Китай и Корея входили в зону русских интересов. Одновременно с продвижением в Маньчжурии Россия добилась успехов и в Корее. 14 мая 1896 г. по соглашению, подписанному в Сеуле, Япония и Россия получили право содержать в Корее свои войска, а договор, подписанный 9 июня того же года, признал за обеими державами взаимно равные права в этой стране. Однако Япония, получив поддержку Великобритании, имевшей свои интересы в регионе, стала вытеснять Россию. Россия была вынуждена признать преимущественные экономические интересы Японии в Корее, что стало первой серьезной уступкой Японии со стороны России. В июне 1901 г. в Японии ушел в отставку сравнительно умеренный кабинет премьер-министра Ито Хиробуми. Власть оказалась в руках крайних милитаристов в лице членов кабинета Кацуры. Тем же летом японское правительство возобновило переговоры с Англией о союзе и экономической помощи.

Постройка Россией транссибирской магистрали и КВЖД, аренда Порт-Артура и усиление общего влияния России противоречило в равной степени интересам Японии и Великобритании. Разумеется, Великобритания не собиралась сама воевать с Россией, эта «почетная роль» была оставлена Японии. 30 января 1902 г. Англия и Япония подписали союзный договор, ставший крупной победой японской внешней политики. Договор давал Японии возможность начать войну с Россией, обладая уверенностью, что ни одна держава не окажет России вооруженной поддержки из опасения войны уже не с одной Японией, но и с Англией. Вместе с тем Японии обеспечивалась и финансовая помощь Англии. В результате англо-японского договора Англия получила возможность нанести при помощи Японии серьезный удар России и, кроме того, в известной степени усилить свое влияние в Европе в борьбе против нового соперника — Германии.

Но Японии помогала не только Великобритания. США также считали Россию главным соперником на Тихом океане. В их лице Япония получила необходимый ей нейтралитет. Германия также жаждала войны России с Японией, поскольку надеялась, что война отвлечет силы русской армии из Европы.

Но этого не желала Франция, которая не одобряла отвлечения русских сил на Дальний Восток. Поэтому русская дипломатия немедленно обратилась к ней с предложением совместно выступить с ответом на англо-японский союз. В итоге, 20 марта 1902 г. Россия и

Франция опубликовали общую декларацию. Она гласила: «Будучи вынужденными учитывать возможность враждебных действий других держав либо повторения беспорядков в Китае, оба союзных правительства оставляют за собой право озаботиться в такого рода случаях принятием мер, необходимых для охраны их интересов». Эта декларация имела малообязывающий характер и не привела к созданию хоть сколь-либо действенного союза.

Получив столь мощную поддержку, Япония стала выдвигать России более жесткие запросы, в частности — требовала признания сферой «особых» интересов не только Корею, но и Маньчжурию. Разумеется, данное требование носило ярко выраженный провокационный характер и с российской стороны не могло быть удовлетворено.

Что касается России, то здесь ситуация также была неоднозначной. Правительство фактически раскололось на два лагеря — «агрессивный» и «умеренный». Первый из них, среди членов которого были министр внутренних дел В. К. Плеве, статс-секретарь А. М. Безобразов, наместник царя на Дальнем Востоке Е. И. Алексеев, получил название «безобразовская клика». Эти лица, имевшие огромное влияние и власть, открыто толкали Николая II на путь захвата территорий Китая и считали, что война с Японией будет на пользу России, так как упрочит позиции власти внутри страны. Возможно, в случае победы в войне России так бы и произошло, но, к сожалению или к счастью, победа Японии привела к совершенно иным последствиям.

Другой лагерь, ядром которого были председатель комитета министров С. Ю. Витте, министр иностранных дел В. Н. Ламздорф, военный министр А. Н. Куропаткин, считал, что время войны для России, в силу неподготовленности страны и вооруженных сил, еще не наступило, необходимо пойти на временные уступки Японии. Данные противоречия лишали политику России целостности, и хотя, после долгих дебатов, Россия согласилась пойти на уступки и продолжить переговоры, было уже поздно. Отправленная 3 февраля нота российского правительства была специально задержана на телеграфе в Нагасаки до 7 февраля, а 6 февраля, согласно принятому 30 января решению о начале войны, японский флот вышел в Желтое море.

К началу войны русских войск на Дальнем Востоке числилось около 100 тыс. человек, в том числе в регулярных войсках: офицеров — 2 тыс. 985 и нижних чинов — 89 тыс. 470, в казачьих войсках: офицеров — 264 и нижних чинов — 5 тыс. 116. Войска Приамурского округа были сведены в 1-й и 2-й Сибирские корпуса.

Русский военно-морской флот на Дальнем Востоке состоял из 7 эскадренных броненосцев: «Цесаревич», «Ретвизан», «Пересвет», «Победа», «Севастополь», «Петропавловск», «Полтава»; 4 броненосных крейсеров: «Баян», «Россия», «Громобой», «Рюрик» (последние три базировались во Владивостоке); 5 бронепалубных крейсеров: «Богатырь» (базировался во Владивостоке), «Варяг» (стационер

в Чемульпо), «Паллада», «Диана», «Аскольд»; 2 легких крейсеров: «Новик», «Боярин»; 27 эсминцев, 10 миноносцев, 2 минных заградителей, 3 канонерских лодок и 5 вспомогательных кораблей. Практически все боевые корабли соответствовали международным стандартам для своих классов. Основная часть флота (1-я Тихоокеанская эскадра и часть Сибирской флотилии под командованием вице-адмирала О. В. Старка) базировалась в Порт-Артуре и 4 крейсера (Владивостокский отряд крейсеров под командованием вице-адмирала П. А. Безобразова) — во Владивостоке. Русские военно-морские силы на Дальнем Востоке уступали Японии по численности основных классов кораблей, по их тактико-техническим свойствам, по скорострельности и дальнобойности орудий. Русские корабли отличались от японских разнотипностью, уступали японским по скорости хода и по бронированию.

В отличие от России, к 1904 г. Япония была готова к действиям. Она располагала развитой промышленностью и транспортом. С помощью западных союзников Япония создала сильный военно-морской флот — 170 боевых и 262 транспортных судна — и большую армию — свыше 370 тыс. человек в мирное время. Основной военно-морской силой японцев являлись 6 однотипных новейших эскадренных броненосцев, вооруженных 12-дюймовыми (305-мм) орудиями. Кроме того, в состав их флота входил более старый броненосец, 8 броненосных крейсеров, 12 легких крейсеров, 27 эсминцев, 19 малых миноносцев и вспомогательные корабли (всего 80 вымпелов). В целом японские армия и флот, при их правильной подготовке, заметно превосходили российские силы.

Подробно останавливаться на ходе самих военных действий представляется не совсем уместным, поскольку все это подробно рассмотрено в публикуемой в данной работе книге В. А. Апушкина. Вместе с тем краткий сжатый обзор событий вековой давности необходимо представить и, в первую очередь для того, чтобы читатель, впервые решивший познакомиться с историей русско-японской войны, приступая к прочтению ниже публикуемой работы и документов, имел общее представление об одной из интереснейших и трагических страниц русской истории.

Итак, 6 января японский флот под командованием Того Хэйхатиро покинул прибрежные воды Японии, а в ночь с 8 на 9 февраля атаковал русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура. Не обладая господством на море, Япония не могла укрепиться на материке. Это прекрасно понимало японское военное командование, которое первоочередной задачей считало, что необходимо уничтожить российский Тихоокеанский флот и захватить его главную базу на Дальнем Востоке — Порт-Артур. Поэтому первой частью японского плана войны была блокада Порт-Артура с суши и с моря, его захват и уничтожение Порт-Артурской эскадры. Вторая часть плана японцев состояла в том, чтобы уничтожить русские сухопутные силы в

Маньчжурии и вынудить тем самым Россию отказаться от дальнейшего продолжения военных действий.

План России имел пассивный характер. Русское командование предполагало в течение длительного периода (7 месяцев) обороняться, а затем, после сосредоточения в Маньчжурии превосходящих сил, перейти в наступление. Планы действий русской сухопутной армии и военно-морского флота не были согласованы.

Активные действия Тихоокеанская эскадра начала только в марте, когда в командование Тихоокеанским флотом вступил адмирал С. О. Макаров. Действия эскадры были весьма успешными, но после гибели Макарова (13 апреля 1904 г.) они прекратились.

Что касается сухопутного театра военных действий, то Япония переправила на континент четыре армии. Три из них действовали против Маньчжурской армии в районе Ляояна, а одна вела осаду Порт-Артура.

В начале августа 1904 г. Тихоокеанская эскадра безуспешно пыталась прорваться из Порт-Артура во Владивосток. Некоторые корабли при этом были потоплены, часть укрылась в нейтральных портах, а остальные вернулись в Порт-Артур.

Во второй половине августа японцы предприняли неудачную попытку штурмом взять Порт-Артур и потеряли при этом до 15 тыс. солдат и офицеров.

К концу августа 1904 г. главные силы Маньчжурской армии развернулись в районе Ляояна, где японцы и приступили к проведению атак. Сражение под Ляояном длилось 11 суток. Русские войска прочно удерживали свои позиции, но генерал Куропаткин неправильно оценил ход сражения и без всяких оснований приказал войскам отступить в момент, когда японцы сами готовились к отступлению.

Русская армия отошла в район южнее Мукдена и 5 октября 1904 г. перешла в наступление, которое было подготовлено крайне плохо. 10 октября японская армия также перешла в наступление. На ряде направлений развернулись встречные бои, но, поскольку ни русские, ни японские войска не были подготовлены к такому виду боя, обе стороны вскоре перешли к обороне на рубеже реки Шахэ. Борьба приняла позиционный характер.

Много нового в организацию и ведение оборонь: внесли героические защитники Порт-Артура. Подступы к нему были перекрыты системой долговременных и полевых укреплений, разделенных на секторы и участки. На отдельных участках доступ к ним преграждался установленными проволочными заграждениями под током высокого напряжения. Впервые были изготовлены и применены минометы. Для отражении ночных атак применялись прожекторы. Гарнизон Порт-Артура во главе с начальником сухопутной обороны генералом Р. И. Кондратенко успешно отражал многократные атаки превосходящих сил противника. Только в результате предательских действий

генерала Стесселя Порт-Артур вскоре после гибели генерала Кондратенко был сдан без видимых на то оснований.

После падения Порт-Артура японское командование сосредоточило все войска (пять армий) против главных сил русской армии, находившихся южнее Мукдена. Японское командование планировало охватить русские войска с обоих флангов, окружить их и уничтожить. 23 февраля 1905 г. японские войска перешли в наступление. В результате боев Маньчжурская армия вынуждена была оставить Мукден и отступить на заранее подготовленные Сыпингайские оборонительные позиции.

План японского командования не был осуществлен: вместо разгрома русской армии произошло ее вытеснение на север. При этом японская армия понесла настолько тяжелые потери, что оказалась совершенно неспособной к дальнейшим активным действиям. После Мукденского сражения активные боевые действия на суше прекратились.

Последней надеждой русского правительства на успех в войне была переброска эскадры кораблей из Балтийского моря под руководством начальника главного морского штаба вице-адмирала З. П. Рожественского на Тихий океан. Но, поскольку в эту эскадру были включены устаревшие и неисправные суда и вообще все, что могло держаться на плаву, 27 (14) мая 1905 г. эскадру перехватил японский флот и разгромил в Цусимском проливе. Почти все русские корабли были потоплены. Исход войны стал очевиден.

К этому времени Япония заняла Южную Маньчжурию и Сахалин. Но, в силу истощения ресурсов, Япония была не способна продолжать военные действия. Не могла продолжать их и Россия, где, вдобавок к внутриполитическому кризису, разгоралась революция.

При посредничестве президента США Рузвельта Россия и Япония начали мирные переговоры, и 6 сентября (23 августа) 1905 г. был подписан договор, по которому Россия потеряла Порт-Артур, половину острова Сахалин и покинула Маньчжурию. Корея была отнесена к сфере влияния Японии. В то же время Рузвельт стоял на позиции не признания права Японии на контрибуцию, в результате чего война оказалась разорительной для японской экономики.

Так что же стало причиной поражения России? Помимо общеизвестных тезисов, необходимо назвать преступное пренебрежение изучением Японии и ее вооруженных сил до начала войны, особенно после победы Японии в войне с Китаем.

До 1904 г. интерес к Японии в России был ограничен лишь ее «азиатской своеобразностью». Начавшееся с 70-х годов XIX в. бурное развитие капитализма и рост милитаризма в Японии нисколько не беспокоило военное руководство России, которое, считая Японию дикой и отсталой страной, не прогнозировало даже самой возможности возникновения каких-либо противоречий между ней и «Великой Россией».

Лишь залпы орудий на Дальнем Востоке, возвестившие начало войны, заставили российское общество приступить к действительно серьезному изучению Японии и ее вооруженных сил. Первые книги и статьи появились еще в ходе войны. Но из-за противоречивой информации, особенно в ее военно-исторической части, научное значение их невелико. Свою главную задачу авторы видели в оправдании политики правительства, воспитании у населения патриотических чувств, способствовании созданию благоприятных условий для ведения войны. Тем не менее эти работы содержат немало ценных фактических сведений, интересных наблюдений, фотографий и зарисовок. К числу таких работ необходимо отнести Летопись войны с Японией (Под ред. полковника Дубенского. СПб., 1904. №1–36; 1905. №37–72) и Иллюстрированную летопись русско-японской войны (по официальным данным, сведениям печати и показаниям очевидцев) (СПб., 1905-05). Данные работы, представлявшие собой оперативное хронологическое изложение событий, заложили основы отечественной историографии русско-японской войны 1904–1905 гг.

Всестороннее изучение русско-японской войны началось только после ее окончания. Естественно, что первоочередной задачей стало создание официальной истории войны. Эту работу Военное министерство решило взять под свой контроль, образовав для ее выполнения специальный орган. Им стала Военно-историческая комиссия по описанию русско-японской войны 1904–1905 гг., учрежденная в сентябре 1906 г. при Главном управлении Генерального штаба. Ее председателем назначили генерал-майора В. И. Ромейко-Гурко. Членами комиссии являлись полковники К. М. Адариди, М. В. Грулев, С. П. Илинский, В. Н. Минут, Ф. П. Рерберг, Н. Н. Сиверо, П. Н. Синайский, А. М. Хвостов. В нее входили также инженер-подполковник А. В. Шварц, барон Н. А. Корф, подполковник К. К. Агафонов. Всего над описанием войны трудились 35 человек.

К составлению «истории» комиссия приступила в 1906 г. и закончила ее в конце 1910 г. За четыре года было изучено 12 тыс. документов. Итогом работы явилось создание труда «Русско-японская война 1904–1905 гг.», изданного в 9 томах (16 книгах). Общий объем его составил 600 печатных листов. Отдельно в 9 альбомах был выпущен атлас, включавший 525 карт и планов. «Русско-японская война 1904–1905 гг.» содержит подробное описание боевых действий на суше.

Описание военных действий на море было возложено на Историческую комиссию, созданную в 1908 г. при Морском генеральном штабе. Комиссия намеревалась создать фундаментальный труд. Чтобы выполнить этот широкий замысел, к работе пришлось привлечь много сотрудников. На разработку труда ушло 10 лет. Однако полностью осуществить намеченную программу не удалось. Вышло в свет 7 томов описания и 9 томов документов.

Хотя данная работа считается одним из фундаментальных тру-

дов по истории русско-японской войны в отечественной историографии, она имеет ряд существенных недостатков. Обращает на себя внимание, что и председатель, и многие члены Комиссии были из людей, «близких» Куропаткину. Некоторые «неудобные» темы вообще не включены в первоначальный план. Так, при планировании работы были пропущены такие события, как «набег генерала Мищенко на Иньокоу» и «операция под Сандепу». Описание этих двух операций, тесно связанных между собою, было решено составить незадолго до окончания работ Комиссии. При этом описание «набега на Иньокоу» было составлено добровольным историком, генерал-майором Лодыженским, а «Сандепускую операцию» поручили составить генералу Грулеву, который самостоятельно не смог проделать работу и завершил ее с помощью полковника Сиверса. Таким образом, «официальная история» войны была написана. Этот труд стал основой большинства появлявшихся позже (и по сей день) работ по русско-японской войне.

На фоне «официальных» историй особенно поучительными являются воспоминания и размышления о минувшей войне ее активного участника В. А. Апушкина, рассмотревшего в своей работе «Русско-японская война 1904–05 гг.» широкий круг проблем, как-то: происхождение, характер и уроки войны, способы ведения вооруженной борьбы на сухопутном и морском театрах, причины отдельных неудач русской армии и причины общего поражения. Использование широкого спектра источников и литературы позволило автору провести целостное и всестороннее изучение войны и предоставить читателю огромный фактический материал, до сего дня не потерявший актуальности. Хотя Апушкину и не удалось в полной мере освободиться от влияния «официальной» истории войны, его труд представляет законченное и самостоятельное исследование, которое, несомненно, будет интересно и современному читателю.

Заслуживает внимания и сама личность автора. В. А. Апушкин родился в 1868 г. Он сделал блестящую военную карьеру и дослужился до генерал-лейтенанта. Всю русско-японскую войну Апушкин провел в действующей армии, благодаря чему не понаслышке знал об успехах и неудачах русских войск. После войны он написал ряд статей об отдельных эпизодах военных действий. Писательская карьера автора завершается написанием ниже воспроизводимого труда, который сразу же после выхода в свет подвергся нападкам со стороны «старых» генералов, придерживавшихся официальной позиции.

В предисловии к книге Апушкин пишет: «... Имея в виду подъем общественного интереса к вопросам нашей государственной обороны, созданный небывалым в нашей истории крушением нашего военно-политического могущества, — памятуя тот интерес, который проявило русское общество в тяжелую годину войны к ее событиям и причинам их, — интерес, скудно удовлетворявшийся отрывочными корреспонденциями с театра войны, проходившими сквозь строгую двойную

военную цензуру, — сознавая, наконец, что этот интерес к событиям, послужившим решительным толчком к обновлению государственного строя России и могущим еще иметь свое кровавое продолжение, — не заглох, редакция книгоиздательского товарищества "Образование" просила меня составить популярный (однако не в смысле широкой народной массы) очерк русско-японской войны...

Центр тяжести ее [книги] лежит не в том, где какой корпус, дивизия или полк стояли, и как во всех подробностях сражения происходили, а в том, как последние подготовлялись, и что влияло на исход их — в смысле победы или поражения. Словом, я уделил больше внимания и места не вопросам тактики, а более широким, понятным и интересным вопросам стратегии, — не исполнителям боевых диспозиций, а тем, кто давал для них директивы, чей разум и воля направляли ход войны.

Соответственно основному характеру книги даны в ней и рисунки, представляющие снимки с батальных картин наших художников, являющиеся также отражением общественного внимания и интереса к минувшей войне».

Разумеется, под «теми, кто давал директивы» подразумевается высшее военное руководство, и в первую очередь генерал Куропаткин. В отличие от «официальной истории», которая тоже вынуждена иногда критиковать командование, Апушкин делает это острее, и главное — доказательнее, ссылаясь при этом на источники.

С горечью Апушкин отмечает, что в России фактически не было организованной разведки. Следует отметить, что на эту сторону военных событий автор обращает внимание одним из первых. Большое внимание в книге уделено причинам поражения русского флота. Отмечено, что русская тихоокеанская эскадра до войны почти не плавала, не стреляла и не производила маневров. «Оправданием» служило то обстоятельство, что все эти виды тактического обучения флота обходятся чрезвычайно дорого в денежном отношении.

Уместно заметить, что японцы не жалели денег на тактическую подготовку и ежегодно проводили большие маневры. Автор привел интересные данные о состоянии русского флота к началу войны: «... За 2 года до начала войны командующий тихоокеанской эскадрой доносил в Петербург о некомплекте личного состава. Не доставало: офицеров — от 16 до 39%, инженеров-механиков — от 25 до 29%, минеров — от 17 до 20%, кондукторов — до 76%, артиллеристов — от 11 до 31%, машинистов — 16%. Не доставало также огромного количества снарядов:

— к 12″ орудиям — 50%,
— к 6″ орудиям — 83%,
— к 10″ орудиям — 100%,
— к 3″ орудиям — 97%,
— к 8″ орудиям — 13%,
— к 47 мм орудиям — 96%.

То, что имелось, было распределено совершенно непродуманно, например, во Владивостоке не было ни одного 3″ снаряда, в то время, как для 12″ орудий там было 1037 снарядов. Между тем все корабли, вооруженные этими орудиями, находились в Порт-Артуре, где к ним было всего 163 снаряда...» Разумеется, такие данные были многим не по нраву.

О личности автора, его прогрессивных взглядах свидетельствуют факты из его дальнейшей карьеры, совершившей новый взлет после отречения Николая II. С марта 1917 по июль 1918 г. Апушкин занимает должность главного военного прокурора русской армии. С марта 1917 г. он член Чрезвычайной комиссии Временного правительства по расследованию действий бывших министров и других высших должностных лиц. По его инициативе в законодательном порядке отменены смертная казнь в армии, телесные наказания в военно-тюремных заведениях и дисциплинарных батальонах, ликвидированы военно-полевые суды.

Хотя за прошедшее с окончания войны столетие отечественная историография по русско-японской войне насчитывает несколько тысяч работ, публикация незаслуженно забытого труда В. А. Апушкина представляется крайне необходимой, поскольку, в отличие от современных историков, автор описывает войну как ее непосредственный участник, который хорошо видел и осознавал результат поражения России.

Как уже было сказано, Апушкин первый в отечественной историографии по русско-японской войне обратил внимание на роль в войне разведки и отметил, что система разведки и контрразведки в России в предшествующий войне период, да и ее ходе, практически отсутствовала. Это, в свою очередь, дало японскому Генеральному штабу возможность создать на театре военных действий и в России в целом развитую и хорошо организованную сеть шпионов и диверсантов. Эта причина также сыграла важную роль в победе Японии. Поэтому во второй части данной работы мы поместили не только очерк о деятельности японской разведки и российской контрразведки в годы войны и в предшествующий ей период, но и сочли уместным опубликовать ряд официальных документов того времени, которые убедительно подтверждают, что от разведки зависит многое, и в первую очередь — победа или поражение. Это не следует забывать и работникам современных спецслужб, от деятельности которых зависит будущее России. Печальный опыт столетней давности сегодня актуален как никогда.

Е. М. Османов

В. А. Апушкинъ

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА
1904–1905 г.

Съ рисунками и планами

МОСКВА — 1910

Типографія **РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА**
Мыльниковъ пер., собств. домъ

Телефонъ 18-35

Глава первая

ПРОШЛОЕ РУССКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Отношения России и Японии между собою никогда не были хорошими. Их всегда омрачала боязливая подозрительность маленькой замкнутой в себе островной державы к гиганту-государству, распростершемуся на двух материках[1]. Эта враждебность впервые проявилась в Японии в конце XVIII в. К этому времени наши дальневосточные владения равнялись уже 72 000 кв. миль, включая в себя острова Курильские, Командорские, Алеутские, Шумачинские, Евдокиевские, Кадьяк, Ситха, Прибылова, Гвоздевы, Св. Матфея и колонию Росс на берегах Новой Калифорнии. Для использования этих обширных владений, обладавших населением в 100 000 человек и всевозможными дарами природы, в 1779 г., под покровительством нашего правительства, образовалась Российско-Американская Компания[2], которой были предоставлены исключительные права не только в отношении пушных, рыбных, горных промыслов и торговли, но и по управлению этими островами и колониями.

Едва Компания эта успела проявить свою деятельность, как в 1790 г. появляется в Японии первый политический памфлет, указывающий на захватную политику России на Дальнем Востоке[3]. Когда же в 1806 г. на острове Сахалин

появляются впервые русские форпосты в виде нескольких казарм, долженствовавших скорее быть приютом русских промышленников, чем солдат, японцы переходят от слов к делу. Толпы японцев-колонистов появляются на острове и занимают наиболее важные в промышленном и стратегическом отношении пункты.

В Японии давно и хорошо знали о неисчислимых естественных богатствах Сахалина. На Сахалин ездили как за «золотым руном» — за сельдяным туком, удобрявшим скудную почву японских островов, за ценными породами рыбы — кеты и лосося, за китовым усом, за жиром кита и моржа, за мехом котика и бобра, за золотом, за лесом, но, вывозя все это оттуда, японцы раньше не обнаруживали намерения колонизовать Сахалин. Очевидно, что колонизация его в 1806 г. была делом не экономической необходимости, а политической демонстрацией. Но Российско-Американская Компания отнеслась к ней вначале вполне благодушно и предложила Японии заключить с ней торговый договор.

Япония ответила отказом. Не допуская иностранцев на свои острова, она и здесь хотела применить политику закрытых дверей. Но на Сахалин суверенных прав у Японии еще не было, не было даже и права первенства в колонизации его, и естественно, что этот высокомерный отказ возмутил представителя Компании, камергера Рязанова. Он захотел «проучить» японцев и приказал командиру фрегата «Юнона», лейтенанту Хвостову, истребить находившиеся у Сахалина японские суда, уничтожить японские магазины, сооруженные на острове для хранения рыбы и припасов, захватить японцев и «вообще произвести погром, достаточно внушительный, чтобы отбить у них навсегда охоту селиться на острове»[4].

Хвостов очень ретиво выполнил это поручение осенью 1806 г., а весною 1807 г. повторил этот погром, причем у берегов острова Иезо[5] он захватил 4 японских коммерческих судна. Хотя за свои самовольные на этот раз действия лейтенант Хвостов по прибытии в Охотск и был арестован и

отдан под суд, но произведенные им «погромы» произвели сильное впечатление на правителя Японии, и он принял ряд мер для защиты островов Японского архипелага от русского нашествия: по берегам Японии приказано было строить крепости «против русских»; на остров было послано 3 тыс. солдат для защиты его «от русских», губернаторам островов велено быть в постоянной готовности противодействовать высадке «русских». Долго ждали японцы этого нашествия и, наконец, усмотрели его в экспедиции лейтенанта Головнина[6], которому на шлюпе «Диана» поручено было описать принадлежавшие нам Курильские острова и Охотское море. В июле 1811 года Головнин с частью экипажа своего судна был захвачен японцами в плен и освобожден только осенью 1813 г. после продолжительных и настойчивых уверений, что русское правительство не принимало участия в действиях лейтенанта Хвостова.

Во избежание повторения подобных инцидентов со стороны России в течение трех лет — 1815, 1816 и 1817 гг. — делались попытки войти с Японией в правильные международные отношения. Но Япония упорно их отклоняла и вынудила, наконец, сибирское начальство воспретить всякое повторение этих попыток. В течение сорока лет всякие сношения России с Японией были прерваны.

Это обстоятельство не могло, конечно, остановить исторически слагавшейся эволюции нашей государственной жизни, искавшей для себя новых путей и естественных границ. Открыв в 1848 г. устья Амура, Россия, естественно, желала обладать и верховьями его. Употребив все усилия к установлению добрососедских отношений с Китаем, мы получили по Айгунскому договору с ним[7] в 1858 г. все земли Уссурийского края и право безраздельного владения Амуром. В то же время на острове Сахалин были заняты нами в 1852 г. посты Дуэ и Анива. Здесь мы снова встретились с японцами. На этот раз дело обошлось без ссоры. Остров представлял собою как бы бесхозяйную землю; аборигены его — айны[8] — не могли отстаивать его самостоятельности, и потому японское правительство, хорошо сознавая шат-

кость своего единоличного права на обладание островом, не стало препятствовать заселению его русскими людьми. Да и политическая обстановка этому не благоприятствовала. В том же 1852 г. правительство Северо-Американских Соединенных Штатов отправило в Японию экспедицию командора Биддля с поручением завязать, наконец, сношения с этою нелюдимою страною. Биддлю было сказано от имени правителя Японии, что, соблюдая завет своих предков, японский народ избегает всякого общения с иностранцами и от этого завета отступить не может. Ответ этот вызвал бурю протестов в Америке. Печать, клубы, конгресс в Вашингтоне — все потребовали внушительной морской демонстрации против Японии. И вот в феврале 1854 г. девять сильных американских военных пароходов стали на якорь против Канагава (Иокогама)[9]. Под жерлами их пушек японскому правительству пришлось подписать Канагавский договор[10], положивший начало целому ряду сходных с ним трактатов, заключенных с Японией другими державами, в силу которых европейцы и американцы получили право селиться в портах Хакодатэ, Канагава, Нагасаки, Хёго и Ниигата, приобретать в них дома, строить церкви, торговать и т. д.

26 января 1855 г. в Симода подобный же договор впервые заключила с Японией и Россия[11]. Согласно ему, граница была проведена между островами Итуруп и Уруп. Сахалин же оставался в общем не разграниченном владении, так как он сам по себе не представлял какой-либо определенной политической величины, население его не выработало никакой формы государственности и жило на началах родового быта; посещался он одинаково русскими и японцами, и не было вообще никаких доказательств его принадлежности какой-либо стране. Для закрепления нейтрального характера Сахалина вслед за подписанием Симодского договора был снят наш пост на южной оконечности острова. Мы хотели этим фактом убедить японцев в нашем миролюбии. Но не убедили в нем. Не такой был момент. Японский народ был потрясен происшедшими событиями и оскорблен

в своем национальном самолюбии вынужденною необходимостью отказаться от заветов предков и войти в сношения с иноземцами. Среди него образовалась «лига патриотов», которая поставила своею задачею бороться с нашествием «заморских чертей» — иностранцев на Японию. И среди последних на первое место поставлена была ближайшая соседка Японии — Россия. Стоявший во главе этой лиги популярный в стране поэт Фудзита[12] в ряде политических поэм указывал на постепенное расширение территории России за счет Китая и на мечты ее присоединить к своим владениям и архипелаг Японских островов. Патриотизм лиги, ее тревоги и подозрения сообщились и японской прессе. Она зорко следила за поступательным движением России с севера Сахалина к южной его оконечности, отделенной от Японии узким проливом Лаперуза, и указывала народу, что Россия стремится завладеть Сахалином не только с целью монополизировать рыбные его богатства, но и с тем, чтобы создать из него операционную базу для завоевательной экспедиции в Японию.

Стихи Фудзита возымели свое действие. После того как лига патриотов посетила Сахалин и убедилась в преобладании на нем русского влияния над японским, правительство японское признало необходимым размежеваться. В 1862 г. с этой целью в Петербург впервые явилось японское посольство[13]. Переговоры не имели успеха, так как японские делегаты желали, чтобы северной границей их владений считалась 51-я параллель. Желание это не было уважено нашим правительством. Япония же не желала отказаться от обладания Сахалином. Однако отсутствие естественной границы все более и более вело к взаимным спорам и недоразумениям. Сознавая, что сама она не в состоянии отстоять свои требования, Япония в 1875 г. признала, наконец, себя вынужденной уступить России Сахалин полностью, взяв себе в вознаграждение за отказ от него Курильские острова[14].

Японский народ, лишившийся теперь возможности безданно, беспошлинно добывать на Сахалине сельдяной тук,

лес, рыбу, каменный уголь, остался крайне недоволен этой сделкой, — и печать объявила Россию «коварным врагом» Японии, «жестоким ее притеснителем» и т. п. И хотя Россия не участвовала ни в одной из военных демонстраций, имевших целью открыть свободный доступ в Японию иноземцам и устроенных в 1854 г. американцами, а в 1864 г. — англичанами, французами и голландцами; хотя она ни разу не пыталась воздействовать на Корею в пользу христиан посылкой своей эскадры, как это сделали в 1866 г. французы, а в 1871 г. — американцы; хотя, наконец, она все свои дела с Китаем вела также совершенно мирным путем, не следуя примеру англичан, бомбардировавших в 1856 г. форты к югу от Кантона и повторивших на другой год эту военную демонстрацию вместе с французским флотом, — тем не менее именно Россия казалась Японии опаснейшим ее врагом, и каждое ее мероприятие рассматривалось как угроза независимости и развитию Японии.

Конечно, здесь не обошлось без посторонних влияний — влияний наших европейских недругов.

Со всем этим надлежало считаться и бороться. Но гордые своей прошлой славой, своей международной репутацией «северного колосса», мы считали «неотъемлемым добытое веками право обосноваться на тихоокеанском побережье» и, пренебрегая косыми взглядами на нас японцев, предоставляли событиям идти и развиваться своим чередом. Мы словно не замечали лихорадочного возбуждения, с которым в это время происходило в Японии обновление всей ее государственной жизни. Реформы следовали одна за другой — и в течение двух десятилетий (1870–1890 гг.) Япония совершенно преобразилась: феодальный строй уничтожен, столица перенесена из Киото в Эдо (Токио), проведены железные дороги, введена золотая валюта, развилась промышленность, торговля, страна покрылась сетью кредитных учреждений, образование сделано всеобщим и обязательным, издан свод законов, реорганизованы на европейский лад армия и флот, численность ко-

торых значительно увеличена, и, наконец, стране дарована конституция[15].

На Дальнем Востоке, несомненно, возникала новая сила... А мы по-прежнему жили не спеша, довольствуясь в отношении дальневосточной окраины полумерами. Так, в 1855 г. мы начали колонизовать берега и низовья Амура. Но туда никто не шел из центральной России, и ясно почему: в воздухе уже чуялось падение крепостного права, подавались адреса, созывались комитеты и комиссии, — и крестьянство ждало разрешения жгучего вопроса на родной земле. Тогда явилась мысль о принудительном заселении этого края штрафованными солдатами из Забайкалья, а Сахалина — преступниками со всей России. Конечно, и из этих мероприятий ничего не вышло. Сахалинские природные богатства не были вовсе использованы, а Приамурье так и осталось незаселенным, некультурным краем.

В 1860 г. для закрепления нашего владычества на Дальнем Востоке создан был Владивосток как административный центр края, как крепость и порт. Последний был обширен, но замерзал. И только через 35 лет мы начали искать другой, незамерзающий порт для обеспечения свободы действий нашего тихоокеанского флота. Но для обеспечения его углем мы не сделали за все это время ничего, и, когда грянула война, наш флот не имел нигде — ни в Атлантическом, ни в Индийском, ни в Тихом океанах — ни одной собственной угольной станции.

Наконец, начав в 1891 г. строить железную дорогу через всю Сибирь[16], мы ничего не изменили ни в темпе работ, ни в расчетах ее провозоспособности не только после событий 1894–1895 гг.,[17] когда отношения к нам японского народа достигли апогея враждебности, но и после событий 1900 г.[18], указывавших на развитие чувства протеста против европейского нашествия на Азию в исконных ее обитателях.

Наша дипломатия словно не замечала, что каждому новому нашему шагу на Дальнем Востоке, как бы скромен и робок он ни был, соответствует и шаг Японии, долженству-

ющий уравновесить ее шансы на успех в возможной борьбе с нами.

В 1875 г. Япония уступила нам весь Сахалин. В следующем же году она возмещает эту потерю договором с Кореей об открытии ей порта Фузан и оккупацией островов Рюкю[19]. Ступив однажды на территорию Кореи, Япония быстро расширяет здесь сферу своего влияния. В 1880 г. она получает уже доступ в порты Гензан и Чемульпо, а в 1881 г. содействует свергнутому регенту захватить короля Кореи. Потерпев в лице этого регента, захваченного китайскими властями, неудачу, Япония в 1885 г., уже за свой счет и страх, не прячась больше ни за чьи спины, производит в Корее дворцовую революцию, во время которой японские солдаты захватывают в плен корейского короля. Корея постепенно, все более и более выходит из-под власти и влияния своего суверена — Китая и подчиняется влиянию Японии. Японцы навязали ей никелевую монету, изгнанную из Японии; для своих стратегических целей они провели в стране телеграф, построили железную дорогу Фузан—Сеул, организовали переселение в Корею японских эмигрантов и для охраны их ввели в страну японские войска. Только последнее обстоятельство обратило внимание нашего правительства на усиление Японии в Корее, но, будучи настроено миролюбиво, оно быстро удовлетворилось ответом, что увеличение японских войск в Корее незначительно.

Между тем здесь все уже было подготовлено к окончательному переходу Кореи из-под протектората Китая под покровительство Японии. Нужен был только внешний повод для войны с Китаем. К ней усиленно готовились, и в этой подготовке крупную и деятельную роль сыграл первый же парламент Японии, созванный в 1890 г. Именно с этого времени замечается ускоренное развитие численности вооруженных сил Японии и усиление их боевой готовности всеми усовершенствованиями новейшей военной техники.

В 1894 г. бывший регент Кореи, не раз уже пытавшийся свергнуть законное правительство страны, вернулся на ро-

дину из китайского плена и снова поднял знамя восстания. Основываясь на конвенции своей с Китаем 1885 г., предоставлявшей обоим этим государствам при возникновении в Корее смуты немедленно же высаживать свои войска на полуостров для восстановления порядка, Япония заявила Китаю о своем намерении воспользоваться этим правом. Китай, ссылаясь на свои верховные права над Кореей и понимая расчеты японцев, искавших только случая увеличить еще более свои войска в Корее, отказал им в совместной оккупации Кореи как излишней мере, не отвечающей размерам смуты. Япония не подчинилась этому отказу, усилила свои войска в Корее и предъявила корейскому правительству ряд требований относительно реформ во всех отраслях государственной жизни. Получив уклончивый ответ от корейского правительства, а от китайского — требование вывести свои войска из Кореи, Япония без объявления войны заняла Сеул, овладела особой короля и открыла военные действия как на море, так и на суше внезапными нападениями на китайские войска и суда.

Начавшаяся таким образом война окончена была Японией вполне успешно, и при заключении мира она потребовала от Китая уплаты контрибуции, признания независимости Кореи и уступки ей Ляодунского полуострова вместе с Порт-Артуром, взятым штурмом. Против последнего требования заявили протест Германия, Франция и Россия, — и Япония со злобой в сердце должна была ему подчиниться. По Симоносекскому договору 5 апреля 1895 г. Ляодун и Порт-Артур остались во власти Китая.

Японский народ был возмущен этим вмешательством европейцев в дела Азии: его национальное самолюбие было оскорблено, его тщеславию «победителя» был нанесен удар, сознанию силы были поставлены границы. Однако проповедь принципа «Азия для азиатов» не встретила сочувствия и поддержки в правящих и интеллигентных сферах японского народа. Ими ясно сознавалось, что собственными средствами отомстить не скоро удастся. А мщения требует душа народа. Кому же мстить? Франция и Гер-

мания непосредственно не соприкасаются с Японией и не внушают опасения в том смысле, что для округления своих владений они вдруг пожелают присоединить к себе архипелаг Японских островов. Другое дело — Россия! Ей все твердят: «Ты третий Рим! Ты третий Рим!» И она охотно это слушает, охотно верит в свое мировое назначение и, действительно, ширится, растет, катится огромною волною по великому азиатскому материку. Она ближе всех других держав к Японии — и этой своей близостью она опаснее всех других. И потому на нее именно обрушилось всего сильнее, всего полнее негодование Японии за симоносекскую обиду.

Казалось бы, к этому шуму японской печати, к этим страстным речам ненависти, раздававшимся в Японии с трибун парламента и политических клубов, нам надлежало прислушаться и так или иначе с ними считаться. Но мы и на этот раз остались слепы и глухи к тому, что происходило на Японских островах. Мы жили, словно зачарованные горделивыми стихами:

Не верь в Святую Русь кто хочет,
Лишь верь она себе самой —
И Бог победы не отсрочит
В угоду трусости людской.
То, что обещано судьбою
Уж с колыбели было ей,
Что ей завещано веками
И верой всех ее царей.
Венца и скиптра Византии
Вам не удастся нас лишить!
Всемирную судьбу России,
Нет, вам ее не запрудить!..

И мы верили, что «за нас Провидение», что «все, что мы делаем, — предопределено свыше» и что «никто не посмеет».

Совершенно не считаясь с настроением Японии, созданным Симоносекским договором[20], пожалуй, даже считая себя ее благодетелями, так как взялись гарантировать ей исправный платеж Китаем контрибуции, мы как раз в это именно время сделали ряд шагов, свидетельствовавших,

что после долгих лет бездействия на Дальнем Востоке мы желаем играть на нем деятельную роль.

В конце того же года, когда был заключен Симоносекский мир, а именно 10 декабря 1895 г., наше правительство разрешило учреждение акционерного общества для производства торговых операций в странах Восточной Азии под названием «Русско-Китайский Банк». Новому обществу предоставлено было право, независимо от производства обычных банковских операций, приобретать у Китайского правительства также концессии на постройку железных дорог в пределах Китая и на проведение телеграфных линий.

В силу этого права правление Русско-Китайского Банка уже 27 августа 1896 г. заключило с китайским правительством договор, предоставлявший Банку право образовать «Общество Китайской Восточной железной дороги», которое, в связи с постройкой железнодорожного пути или независимо от него, могло еще разрабатывать угольные копи и эксплуатировать в Китае другие торговые и промышленные предприятия. Ни для кого тогда уже не составляло секрета, что Русско-Китайский Банк и Общество Восточно-Китайской ж. д. суть учреждения официозные: возникли по идее если не самого русского правительства, то во всяком случае лиц, влиятельных в русских правящих сферах, пользуются их покровительством и финансовой поддержкой.

Конечно, это делалось не бескорыстно: не ради только того, чтобы платить дивиденд Китайскому Императорскому правительству, внесшему в складочный капитал Банка 5 000 000 лан или 7 125 000 р.; не ради только увеличения доходов китайских купцов и выгодного помещения капиталов русской знати и русских промышленников. Учреждения эти преследовали, несомненно, русские государственные цели.

Прежде всего они облегчали возможность провести часть магистрали великого Сибирского пути по владениям Китая, чем сокращался путь, сберегались средства нашего

государственного казначейства и понижался провозной тариф. Во-вторых, деятельность Банка и Правления дороги, направленная к развитию торговли и промыслов, несомненно, должна была поднять доходность великого Сибирского пути, оживить глухой край и повлечь за собой его колонизацию. И в-третьих, участие китайского правительства в капиталах Банка обеспечивало нам принятое на себя перед Японией поручительство по выплате Китаем контрибуции.

Считая задачу свою обосноваться на материке не достигнутой войною с Китаем и сознавая, что отныне интересы последнего тесно сплетены с интересами России, Япония не могла, конечно, оставаться спокойной пред фактами учреждения Русско-Китайского Банка и Восточно-Китайской ж. д. Враждебное настроение против русских все росло и выдвинуло на очередь новый вопрос. До этого времени наша тихоокеанская эскадра спокойно, без всяких опасений пользовалась рейдами и бухтами Японии для зимних своих стоянок. Теперь пребывание в них было уже не только неприятно, но и небезопасно. Являлась необходимость найти порт вне японских территориальных вод для пребывания в нем наших судов на то время, когда Владивостокский рейд замерзает. Выбор пал на бухту Киао-Чао[21], и китайское правительство, «во внимание к дружбе обоих государств», дало уже России свое согласие на зимовку в ней русской эскадры. Но Киао-Чао давно уже интересовалась Германия. Ей также нужна была в Тихом океане собственная угольная станция. Так как Китай уже неоднократно отклонял домогательства Германии относительно Киао-Чао, то последняя самовольно заняла эту бухту в ноябре 1897 года. Мы не вмешивались, а Китай не смел сопротивляться, — и захват был оформлен арендным договором на 90 лет. Это было так же неожиданно для Японии, как и для нас, но она отнеслась к совершившемуся факту сдержанно, возложив ответственность за него... на Россию. «России, — рассуждала японская печать, — китайское правительство предоставило пользоваться Киао-Чаоской бух-

той; стало быть, с согласия России Германия заняла эту бухту, Россия же имеет-де в виду Ляодунский полуостров, и Японии надлежит принять меры к обеспечению своих интересов».

Если автор первого политического памфлета в Японии против России поплатился за издание его тюрьмою, то с течением времени отношение Японского правительства к этой теме резко изменилось, и теперь оно охотно пользовалось услугами печати для возбуждения в народе шовинизма и усиления с его согласия вооруженных сил страны. И японская печать сделала свое дело. Общественное мнение страны было доведено до сильнейшего возбуждения против России — и парламент постановил: удвоить армию и флот и выполнить эту задачу к 1906 г. Средством для этого должна была служить военная контрибуция, взятая с Китая, в исправном платеже которой поручилась... Россия! Так мы сами помогали Японии вооружаться против нас. Велико же было наше политическое ослепление!

Как добросовестно исполняли мы принятое на себя пред Японией обязательство, и как деятельно, энергично работали японские военные сферы, доказывается тем, что военная программа Японии была выполнена ею на два года ранее назначенного срока — к 1904 г.

Понятно, что при таких условиях пребывание нашей эскадры зимою 1896–1897 гг. в Нагасаки и других японских портах только укрепило мысль о необходимости для России иметь свой незамерзающий порт. Подумывали о Фузане в Корее, но, зная, что этот порт давно служит предметом вожделения Японии, в целях сохранения с ней мира отказались от его приобретения. Между тем китайское правительство, от имени богдыхана, объявило нашему посланнику 27 ноября 1897 г., что для наших военных судов открыты впредь все без исключения порты Китая. Тогда Государь Император Высочайше повелеть соизволил, чтобы отряд нашей тихоокеанской эскадры отправился для временной стоянки в Порт-Артур, на что китайское правительство изъявило полное свое согласие.

1 декабря 1897 г. отряд этот (2 крейсера и 1 канонерская лодка) прибыл на рейд Порт-Артура. А следом за ним явился из Чифу английский соглядатай — крейсер «Дафнэ». Несмотря на сделанный ему сигнал «вам вход воспрещается», «Дафнэ» вошел во внутренний рейд и пробыл на нем несколько часов. Через несколько дней английский консул в Тянь-Цзине запросил местные китайские власти о причинах, в силу которых русские суда были допущены в Порт-Артур. Китайцы ответили: «для защиты интересов Китая». Ответ этот, конечно, не мог удовлетворить Англию, и надлежало ожидать с ее стороны новых запросов, новых самовольных заходов английских судов в Порт-Артур и т. п. демонстраций, противодействовать которым Китай был бессилен. Поэтому Россия предложила китайскому правительству оформить пользование ею Порт-Артуром письменным соглашением, подобно тому, который заключен с Германией относительно Киао-Чао.

Китай изъявил согласие — и в результате происходивших по этому вопросу переговоров 15 (27) марта 1898 г. в Пекине было подписано уполномоченными России и Китая соглашение о предоставлении первой в арендное пользование портов Артура и Талиенваня на 25 лет с правом продления этого срока. Первый, как исключительно военный порт, предоставлен был в пользование только русским и китайским судам, а второй, как порт торговый, открывался для коммерческих судов всех наций. В течение всего арендного срока военная и гражданская власть на арендованной территории предоставлялась России. Концессия, данная в 1896 г. китайским правительством Обществу Восточно-Китайской ж. д., была этим же соглашением распространена в том смысле, что Общество получило право построить от магистрали ветки на Талиенван — Артур и к реке Ялу.

Переговоры по этим вопросам и последовавшее за ними соглашение России с Китаем, конечно, сильно волновали японское правительство, японское общественное мнение и японскую печать. Последняя представляла из себя в это

время сплошной поток ругательств, клеветы, инсинуаций и угроз по адресу нашего отечества. Первое пыталось всячески противодействовать этому соглашению. Так, Япония усилила свои требования об уплате ей Китаем контрибуции, а Англия, будущая ее союзница, отказала Китаю в займе на удовлетворение этого требования. Когда же Россия устроила этот заем Китаю и, вследствие обеспечения им уплаты военной контрибуции, потребовала, в силу Симоносекского договора, очищения Японией китайской крепости Вей-ха-вей, последнюю пожелала занять Англия.

Для ответа был назначен 4-дневный срок с угрозою, что в случае отказа Англия возьмет его отрытой силой. При такой постановке требования Китай, конечно, подчинился ему, — и важный боевой пункт в Желтом море перешел из японских рук в дружественные им — английские.

Ярко выразившееся в этот период враждебное к России настроение Японии побудило наше правительство изыскать меры против ее агрессивных действий в отношении нас. К сожалению, оно остановилось на способе действий, уже осужденном историей в лице Российско-Американской Компании, который, как всякая полумера, послужил нам только во вред. Я говорю о роли и деятельности «Лесопромышленного Товарищества» на Ялу.

Плачевное финансовое положение Кореи и политическое ее бессилие повели к тому, что после японо-китайской войны 1894–1895 гг. от ее политической независимости осталась только тень. В то время как Россия, верная букве соглашения ее с Японией в 1896 г. о независимости Кореи, считала неудобным иметь там даже таких своих представителей, как организатор восточной школы в Сеуле или агент Министерства финансов, Япония не останавливалась ни перед чем для подчинения себе Кореи. Она не остановилась даже перед убийством руками своих солдат супруги корейского короля[22], сопротивлявшейся всю жизнь японскому влиянию. И скоро все государственное хозяйство Кореи, вся ее жизнь очутились в руках иноземцев. Все коммерческие сношения Кореи с иностранными рынками велись только

при посредстве японских банков; японцы же обслуживали железные дороги и порты Кореи своим торговым флотом; они же строили в Корее новые железнодорожные пути и эксплуатировали золотоносные земли, водворив для этих работ в стране целую армию японских рабочих. Англичане владели таможнями и лучшими золотыми рудниками, американцы — трамваями в Сеуле. Каждый день на международный рынок выносилась какая-нибудь новая корейская ценность. Появилась среди них и концессия на эксплуатацию лесов Северной Кореи. Можно было опасаться, что и ее приобретет Япония и тогда, под видом работников, водворит на границе русско-маньчжурской территории новую японскую армию.

Явилась мысль создать между нами — в Маньчжурии и японцами — в Корее нейтральную полосу земли частного пользования. Полагали, что с нее можно будет заблаговременно усмотреть движение японских войск к границам наших владений.

В 1897 г. эта концессия была приобретена одним владивостокским купцом, который, не приступая к ее эксплуатации, в 1899 г., с согласия корейского правительства, передал ее «Лесопромышленному Товариществу». Организаторы и руководители операций Товарищества, по-видимому, не обладали ни специальной подготовкой для ведения промышленных предприятий, ни знанием жизни Дальнего Востока, ни пониманием политической обстановки, ни дипломатическим тактом. Зато они проявили огромный коммерческий аппетит. Быстро позабыв, что целью проектированных на Ялу операций является не коммерческая выгода, а закрепление за русскими людьми права пребывания у самых границ японского влияния в Корее, и что лесная концессия на Ялу — это лишь политический наблюдательный пункт, а не источник наживы частного общества, да еще за счет чужих капиталов, заправилы Товарищества, не управившись с лесным делом, стали торопливо хвататься за новые виды промышленности. Товарищество приобрело Фушунские угольные копи, открыло в Инкоу склад русских

мануфактурных изделий, входило в роль охранителей на реке Ляохе китайских джонок с хлебом от нападений хунхузов, хлопотало присоединить к своим операциям пароходное предприятие по Ляохе, желало принять участие в соляном откупе Маньчжурии и, наконец, стало настойчиво домогаться концессии на железную дорогу Инчжоу—Сеул. Вдобавок ко всему руководители Товарищества проявляли недостаточную тактичность в отношении местного населения и властей. Так, они приняли на свою службу одного из местных предводителей хунхузов и вербовали свои охранные команды из сомнительных элементов, вследствие чего действия этих команд часто отличались запальчивостью и неправомерностью. Понятно, что при таких условиях деятельность Товарищества и его стремления еще более разожгли ненависть Японии к России. Японское правительство видело в операциях Товарищества на Ялу базис к совершенному завладению Кореей; японская печать трубила о коварстве России; в двух-трех сотнях охранной стражи Товарищества она видела тысячи русских солдат, введенных в Корею, а в плотинах, возведенных на Ялу против разлива и наводнений, — батареи и форты. Японское общество всему этому верило, очевидно, не допуская мысли, чтобы Россия не стремилась к тому же, к чему стремится Япония, и не действовала при этом теми же путями и средствами, как она.

На самом деле, грозное для японской промышленности и для японского политического влияния в Корее Русское Лесопромышленное Товарищество только и делало, что просило или о предоставлении ему в пользование какого-либо нового источника дохода, или прямо — о новой и новой субсидии. Дела его шли все хуже и хуже, — и к ноябрю 1903 г. касса Товарищества была уже совершенно пуста. В виду «деловой слабости организации лесного дела и ненадежности агентов» решено было даже деятельность Товарищества приостановить, «чтобы дать ему новую организацию».

Японцы не могли не знать истинного положения дел То-

варищества, они не могли также не видеть, как медленно создавала Россия средства самозащиты на Дальнем Востоке, — и если тем не менее в печати, в клубах, в парламенте они трубили о коварстве России, об ее агрессивной политике, то, конечно, лишь для оправдания в глазах Европы и Америки своих собственных действий. Целью же последних было не только упрочение политического своего значения на Дальнем Востоке, но и обеспечение экономического прогресса Японии. С тех самых пор, как обнаружилась политическая немощность Китая и, пользуясь ею, европейские державы, одна за другою, стали основывать колонии на берегах Желтого моря, — торговый баланс Японии с каждым годом становился все неблагоприятнее. За время с 1896 по 1900 г. ввоз товаров в Японию превышал вывоз из нее в среднем, на 62 000 000 р., а в 1900 г. разница эта достигла уже 83 000 000 р. Вместе с японским падал также и английский торговый баланс. Под натиском товаров Германии, Америки, Франции и других стран с развитою обрабатывающей промышленностью английский баланс упал к 1903 г. до превышения ввоза над вывозом на 182 млн. руб. В то же время русский торговый баланс был сведен к этому году с превышением экспорта над импортом на 348 млн. рублей.

Итак, в отношении России у Японии к причинам политическим прибавились еще экономические доводы — нужда в рынках, торговое соперничество и т. п. Англия — наша старая соперница повсюду, — сама заинтересованная в том же, умело использовала и политические, и экономические страхи Японии, и ее оскорбленное в Симонесэки национальное достоинство для нанесения России такого удара, который надолго сделал бы ее безвредной для Англии не только на Дальнем Востоке, но и на Ближнем, и в Центральной Азии, и в Персии. 30 января 1902 г. между Японией и Великобританией заключен был договор, в силу которого обе эти державы в течение пяти лет обязывались взаимно ограждать друг друга от вожделений других народов, а в известных случаях соблюдать нейтралитет[23]. Из текста

этого договора видно, что заключение его вызвано «единственным желанием поддержать status quo и всеобщий мир на Востоке и, в частности, для сохранения независимости Китайской и Корейской империй».

Хотя указание на эту частную цель совершенно ясно свидетельствовало о намерении Англии и Японии вмешиваться в дела Китая и Кореи и готовности их на почве этих дел войти даже в столкновение с интересами других держав, русское правительство отнеслось к факту этого союза «с величайшим спокойствием», о чем и заявило громко в «Правительственном Вестнике» с присовокуплением того, что «идеи, которыми руководствовалась русская политика со времени беспорядков в Китае, останутся и впредь неизменными». Все это, конечно, имело бы свою цену только в том случае, если бы спокойное сознание нашей правоты и непреклонности наших намерений опиралось на ясно выраженную нашу боевую мощь — на готовность и возможность отстоять свою политику на Дальнем Востоке вооруженной силой. Но вместо этого мы тщились убедить вооружавшуюся против нас Японию доводами нравственного характера. «Нравственною порукою» искренности миролюбия русского правительства в декларации его выставлен был «железнодорожный путь с ветвью по Маньчжурии к незамерзающему порту, при посредстве коего Россия намерена расширить лишь пределы торговли и промышленности всего мира». Но ведь именно эти-то — путь с ветвью по Маньчжурии, незамерзающий порт и расширение пределов мировой торговли — и были в глазах Японии угрозами ее развитию, политическому и экономическому, факторами нового роста и могущества России. Понятно, что декларация в «Правительственном Вестнике» совершенно не убедила Японию в нашем миролюбии, а подала лишь новый повод говорить о нашем коварстве. Но не только слова — и дела давали к этому повод.

Наряду с пламенным русофобством, в Японии, преимущественно в высших правительственных кругах, создалось и русофильское течение. Во главе его стал влиятельный

маркиз Ито[24], который доказывал, что Япония может достигнуть желательных целей не войной с Россией, а союзом с нею. Его доводы были так красноречивы, что Япония долго и сильно колебалась в выборе себе союзника между Англией и Россией. Составляя планы нападения на наши дальневосточные владения, японский генеральный штаб одновременно и столь же усердно работал над планами вторжения в Ост-Индию. Наконец, Япония даже склонилась в сторону союза с Россией, и с этой целью в 1901 г. в Петербург приезжало специальное посольство с маркизом Ито во главе. Но Россия отклонила это предложение из опасения, что такой союз послужил бы сигналом к всемирной смуте. Устранение же от союза с Японией, по мнению наших дипломатов, свидетельствовало о «неуклонном намерении России ограничиться на берегах Тихого океана политической самозащитой без всяких агрессивных вожделений».

Отказ от союза был новым ударом национальному самолюбию Японии и истолкован был, конечно, в том смысле, что России нужны на Дальнем Востоке свободные руки именно против Японии. И это бросило ее в объятия Англии.

Заручившись ее содействием, заканчивая уже программу увеличения своих вооруженных сил, Япония в июле 1903 г. обратилась к нашему правительству с предложением пересмотреть существующие договоры наши как с нею, так и с Китаем и Кореей в целях восстановления политического равновесия и прочного порядка вещей на берегах Тихого океана. В частности, Япония требовала очищения нами Маньчжурии, признания за нею преимуществ в сфере торгово-промышленных интересов и дел в Корее и, наконец, права охранять такое положение вещей военной силой.

В ответ на эти предложения в августе 1903 г. составлен был нашим правительством проект соглашения, по которому предполагалось: 1) установить взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность Китая и Кореи; 2) обоюдно признавать суще-

ствование интересов Японии — в Корее, а России — в Маньчжурии; 3) обоюдно поручиться не препятствовать развитию таких промышленных и торговых предприятий, которые не противоречат постановлению п. 1-го, и 4) признать со стороны России за Японией право давать корейскому правительству советы и указания по проведению реформ в стране и установлению в ней надлежащего управления.

Проект этот не удовлетворил уже Японию, общественное мнение которой, разжигаемое печатью и политическими клубами, требовало от России совершенного забвения ею своих интересов. Она пожелала дополнить наш проект соглашения согласием России: 1) на продолжение Корейской железной дороги через Южную Маньчжурию; 2) на отправку японских войск в Корею для защиты японских интересов, усмирения восстания, беспорядков и пр.; 3) на оказание Японией Корее военной помощи для установления хорошего управления и, наконец, 4) «в интересах других держав» — на признание Россией равноправности всех наций в торгово-промышленном отношении их с Китаем и Кореей.

По поводу этих требований Наместник Его Императорского Величества на Дальнем Востоке генерал-адъютант Алексеев телеграфировал в Петербург в сентябре 1903 г., что японцы проявляют «совершенно недопустимую притязательность, отнимающую всякую возможность прийти к соглашению», и высказывал мнение, что единственным основанием нашего соглашения с Японией могло бы послужить признание ею Маньчжурии, стоящей вне сферы японских интересов.

В самой Японии по этому вопросу образовались три течения. Одни полагали, что Японии не следует вмешиваться в маньчжурские дела; другие — что Маньчжурию надлежит сделать нейтральною областью, и, наконец, третьи требовали вытеснения России из Маньчжурии, хотя бы ценой войны. И все три течения сливались в одно, когда речь касалась Кореи. Так, например, газета «Дзимин», высказываясь безусловно против войны с Россией за Маньчжурию,

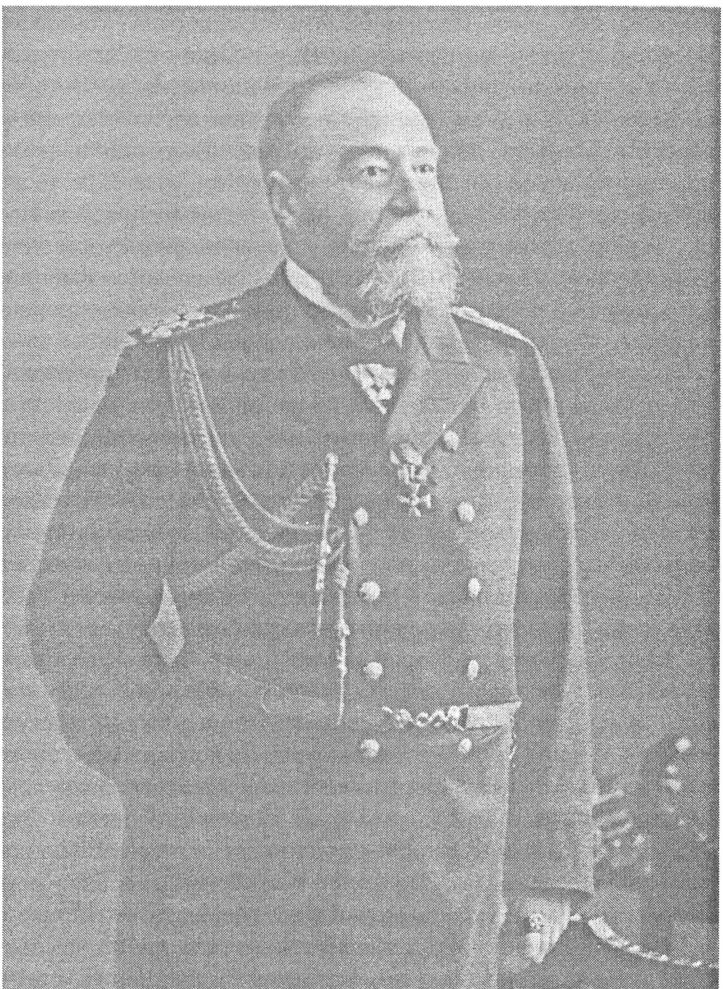
заявляла, что первою будет говорить о борьбе с врагом, если кто-либо затронет интересы Японии в Корее.

Однако японское правительство, считавшее, что настал час утверждения японского владычества и на материке Азии, решило именно маньчжурский вопрос сделать предлогом войны. Из телеграммы нашего посланника в Токио, барона Розена, от 30 октября 1903 г. видно, что в этом вопросе японское правительство заняло положение, прямо противоположное тому принципиальному положению, которого с самого возникновения переговоров держалось наше правительство. В октябре месяце пожелания Японии об *эвакуации* Россией войск из Маньчжурии начали уже принимать вид требований, с примесью угроз.

Считая свое положение в Маньчжурии прочно обоснованным договорами с Китаем и соглашениями с другими европейскими державами, затратив на территории ее громадный капитал на постройку ж. д. дороги, города Дальнего, его порта и Порт-Артура, Россия не могла, конечно, отказаться от тех выгод, которые давала ей аренда этой территории. Поэтому, отстаивая свое положение в Маньчжурии, правительство наше в ноябре 1903 г. предложило японскому правительству новый проект соглашения, в котором были расширены пределы интересов Японии лишь в Корее.

Японское правительство не удовлетворилось и этим проектом и, не выжидая уже результатов дальнейших переговоров, перешло от слов к делу. Генерал-адъютант Алексеев 24 декабря 1903 г. телеграфировал в Петербург, что, по полученным им сведениям, нельзя уже более сомневаться в намерении Японии занять Корею и установить над нею протекторат при вынужденном на то согласии корейского правительства. Доказательством тому служили: прибытие в Чемульпо и в Сеул японских офицеров, доставка туда боевых и продовольственных запасов, зафрахтование Японией значительного числа транспортных судов и приготовление к посадке на эти суда 3–4 японских дивизий.

Такой вызывающий образ действий Японии, по мнению

Наместник Его Императорского Величества на Дальнем Востоке
генерал-адъютант, адмирал
Е. И. АЛЕКСЕЕВ

Наместника, обязывал нас принять ряд предохранительных мер: или 1) объявить мобилизацию в войсках Дальнего Востока, а также по возможности и в Сибири; для подготовки сосредоточения войск, обеспечения целости Восточно-Китайской ж. д. и удержания страны в спокойствии — ввести в Маньчжурии военное положение и, одновременно, занять войсками нижнее течение Ялу, или 2) довести до военного состава и тотчас же начать перевозку в Иркутск двух армейских корпусов, предназначенных для усиления войск Дальнего Востока; одновременно с сим принять меры по подготовке мобилизации остальных подкреплений, с объявлением на военном положении Маньчжурии и приморских крепостей (Порт-Артура и Владивостока) для немедленного приведения последних в полную боевую готовность. Из числа перечисленных выше мероприятий наиболее действительною, обеспечивающею нас на Дальнем Востоке мерою генерал-адъютант Алексеев считал объявление мобилизации и в случае, если бы японское правительство после посылки первого экспедиционного отряда в Корею не приостановило тотчас же отправки дальнейших эшелонов, признавал ее неотложно-необходимою.

Вообще, занятию Кореи японскими войсками генерал-адъютант Алексеев придавал значение большой и серьезной опасности для нас в военном отношении. Исходя из условий полной боевой готовности японского флота и японской армии, могущей двинуться в Корею тотчас же за первым эшелоном в 15–20 тыс. чел., Наместник считал, что мы можем быть предупреждены японцами на Ялу и на путях, ведущих оттуда к Восточно-Китайской ж. д.; это могло расстроить все наши расчеты на сосредоточение войск в Южной Маньчжурии и заставить отнести район его значительно далее на север, с предоставлением Порт-Артура его собственной участи. Такой успех японцев в самом начале кампании мог также поднять против нас все враждебные нам элементы Маньчжурии и Северного Китая, которые, опираясь на близость японской армии, должны были явиться серьезною угрозою для нашего единственного

железнодорожного пути сообщения с Россией. Все это, по мнению Наместника, обязывало нас «не с целью вызвать вооруженное столкновение, а исключительно в видах необходимой самообороны» принять указываемые им меры для поддержания нарушенного оккупацией Кореи равновесия в стратегическом положении сторон.

В ответ на эти предложения и соображения генерал-адъютант Алексеев получил 30 декабря 1903 г. через военного министра следующие указания: с началом высадки японцев в Корею 1) объявить Порт-Артур и Владивосток на военном положении; 2) приготовиться к мобилизации всех войск, расположенных в Наместничестве, и 3) подготовить к выдвижению на Корейскую границу отряд для прикрытия сосредоточения наших войск в Южной Маньчжурии. При этом указывалось на необходимость принять все меры к тому, чтобы на Корейской границе не произошло каких-либо столкновений, «ибо таковые могут сделать войну неизбежной». Вместе с тем в распоряжение Наместника было ассигновано 3 млн руб. на непредвиденные расходы по образованию и увеличению продовольственных и иных запасов, по сформированию транспортов, разработке дорог, возведению укреплений и т. п. надобностям, вызываемым чрезвычайными военными обстоятельствами.

Что же касается собственно переговоров с японским правительством, то Наместнику было тогда же выяснено, что надо приложить все усилия к тому, чтобы избежать войны, так как для России каждый год мирного времени составляет огромную выгоду; что политика твердая, но вежливая по форме и не придирчивая в вопросах не существенных, — лучше всего достигнет цели; поэтому, отклоняя переговоры об эвакуации Маньчжурии, так как это дело касалось только Китая и России, Наместнику указано было не считать за casus belli оккупацию японцами Кореи.

Но японское правительство разглашало повсюду, что оно вступило в переговоры с Россией об улаживании именно маньчжурского вопроса, и потому уступки наши по ко-

рейскому вопросу его уже не удовлетворяли. Оно требовало от России именно и, прежде всего, эвакуации Маньчжурии.

Последние японские предложения в этом смысле, очень притязательные по содержанию и очень самоуверенные по тону, были получены в Петербурге 3 января 1904 г. На запрос японского посланника г. Курино, когда можно ожидать ответа на эти предложения, ему ответили, что Государю Императору благоугодно для всестороннего обсуждения их назначить 15 (28) января особое совещание, и что, вероятно, Высочайшее решение будет принято не ранее 20 января (2 февраля).

Действительно, в этот именно день Государь повелел изготовить проект окончательных инструкций нашему посланнику в Токио, а на другой день, 21 января (3 февраля), Наместнику были отправлены три телеграммы, заключавшие в себе полный текст проекта соглашения с Японией, все доводы и соображения, которыми наше правительство руководствовалось при введении некоторых поправок в японские предложения и, наконец, общие указания, которыми Наместник должен был снабдить барона Розена.

Сущность нового нашего проекта соглашения с Японией сводилась на этот раз к тому, что, отклоняя по-прежнему переговоры об эвакуации Россией Маньчжурии, наше правительство, ради сохранения мира, соглашалось уничтожить нейтральную зону в Корее и соединить корейскую (в сущности — японскую) ж. д. с Восточно-Китайской (в сущности — русской) ж. д., когда они будут доведены до реки Ялу. Дальше этого в ряду уступок, сделанных Россией, идти было трудно. Этого не позволяло наше государственное достоинство и национальное самолюбие.

В тот же день, когда этот, третий по счету, наш проект соглашения был отправлен Японии через Наместника Е. И. В. на Дальнем Востоке, от последнего была получена депеша, в которой он доносил, что непрекращающиеся военные приготовления Японии достигли «уже почти крайнего предела», составляют для нас «прямую угрозу», и что «при настоящих обстоятельствах, указывающих на

значительно более серьезные намерения со стороны Японии, нежели высадка небольшого оккупационного отряда в Корее», мероприятия, предложенные им в депеше от 24 декабря 1903 г., «не могут уже считаться достаточными».

«Принятие самых решительных мер с нашей стороны, для усиления боевой готовности войск Д. Востока, — телеграфировал генерал-адъютант Алексеев, — не только необходимо в целях самообороны, но может быть еще послужит последним средством избежать войны, внушая Японии опасение за благоприятный для нее исход столкновения».

Поэтому он полагал необходимым тотчас же объявить мобилизацию войск Дальнего Востока и Сибири, подвезти войска к району сосредоточения и решительными действиями нашего флота воспротивиться высадке японских войск в Чемульпо. События, направлявшиеся энергическою, смелою рукою японского правительства, опередили ответ на эти предложения генерал-адъютанта Алексеева.

22 января (4 февраля) наш министр иностранных дел граф Ламздорф уведомил японского посланника в Петербурге о передаче барону Розену ответных предложений России, а через 48 часов после этого, в 4 ч дня 24 января (6 февраля), им были получены от Курино две ноты, в которых сообщалось о прекращении японским правительством дальнейших переговоров, ввиду того, что Россия уклоняется от ответа на предложения Японии, и о разрыве дипломатических сношений между обоими государствами, вследствие чего весь состав японской миссии 28 января покинет Петербург.

Впоследствии стало известно, что в течение трех дней, 21, 22 и 23 января, в Токио, под председательством микадо[25], происходили совещания высших государственных сановников, на которых решено было считать замедление Россией в ответе на последние предложения Японии достаточным основанием для начала военных действий. Между тем ответ этот был уже в Токио, но от принятия его японское правительство умышленно и всячески уклонялось.

Оно хотело войны, верило в успех Японии и ждало от нее больших результатов, чем от дипломатических переговоров. Но, прерывая последние, оно умышленно вводило в заблуждение нашу доверчивую, миролюбивую дипломатию. Обе ноты японского посланника нашему министру иностранных дел сопровождались частным письмом г. Курино, в котором последний выражал надежду, что перерыв в дипломатических сношениях ограничится возможно кратчайшим сроком. Этому поверили, — и «Правительственный Вестник», доводя до всеобщего сведения о разрыве сношений с Японией, разъяснил, что этот факт еще не знаменует начала войны и что стараниями дипломатов все может уладиться. Что этим хотели, быть может, успокоить русское общество, не посвященное дотоле в ход переговоров с Японией, это еще понятно. Но непонятно, что эту же точку зрения на события хотели привить из Петербурга и Наместнику Е. И. В. на Дальнем Востоке, который нуждался не в этом, а в ответе на сделанные им еще 20 января предложения. Вместо этого ответа генерал-адъютант Алексеев получил 24 января из министерства иностранных дел срочную телеграмму о разрыве сношений с Японией. В ней лишь глухо указывалось, что образ действий японского правительства, не выждавшего даже получения ответа русского правительства, возлагает на Японию ответственность за последствия, могущие произойти от перерыва дипломатических сношений между обеими империями.

Но Япония не боялась этой ответственности и, зная себе цену, смело шла на последствия этого разрыва.

Примечания

[1] О становлении русско-японских отношений см.: *Жуков Е. М.* Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973. Т. 1.; *Синтаро Накамура.* Японцы и русские. Из истории контактов / Пер. с яп. В. Я. Салтыкова. М., 1983.; *Файнберг Э. Я.* Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960. и др. — *Прим. сост.*

[2] Русская торговая компания, созданная в 1799 г. в целях закрепления и освоения русских земель в Северной Америке и разви-

тия русской торговли и промыслов на Дальнем Востоке, находилась под контролем правительства, имела монопольное право на все промыслы и ископаемые на северо-западном берегу Америки от 55° с. ш. до Берингова пролива, на Алеутских, Курильских и др. островах. Ликвидирована в 1868 г. в связи с продажей Аляски США. — *Прим. сост.*

[3] См.: *Синтаро Накамура.* Японцы и русские. Из истории контактов / Пер. с яп. В. Я. Салтыкова. М., 1983. — *Прим. сост.*

[4] Погромы, учиненные Хвостовым и командиром фрегата «Авось» Давыдовым в 1806–1807 гг., были произведены без санкции российского правительства. По возвращении в Охотск летом 1807 г. Хвостов и Давыдов были арестованы, но благодаря усилиям Российско-американской компании были освобождены. Действия русских офицеров значительно ухудшили отношения между странами. — *Прим. сост.*

[5] Правильно — Эдзо — в XVII–XIX веках название острова Хоккайдо. Термином «Эдзо» японцы обозначали никому не подчиняющихся «северных дикарей». Постепенно под Эдзо в Японии стали подразумевать вообще все земли севернее острова Хонсю, включая Сахалин и Курилы. — *Прим. сост.*

[6] Василий Михайлович Головнин (1776–1831) — русский мореплаватель, вице-адмирал. Совершил два кругосветных плавания в 1807–1909 и 1817–1919 гг. Во время съемки Курильских островов был захвачен в плен японцами. Описал свое 26 месячное пребывание в Японии (1811–1913) в кн.: *Головнин В. М.* Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 г.х, с приобщением замечаний его о Японском государстве и народе. Хабаровск, 1972. — *Прим. сост.*

[7] Договор о русско-китайской границе и торговле. Подписан 16 мая 1858 г. в городе Айгунь на правом берегу реки Амур. Со стороны России договор подписан генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым, со стороны Китая — главнокомандующим И. Шанем. Согласно договору, «левый берег Амура, начиная от реки Аргуни до морского устья реки Амур», признавался владением России, а «правый берег, считая вниз по течению до реки Уссури», — владением Китая. Вопрос об Уссурийском крае от реки Уссури до моря оставался открытым. Эти земли считались общим владением. Реки Уссури, Сунгари, Амур находились в общем плавании, иностранные суда не имели права плавания по ним. Договор юридически закреплял за Россией территорию, которая была за ней закреплена по Нерчинскому договору 1689 г. Айгунский договор был дополнен Пекинским договором 1860 г., когда за Россией был закреплен Уссурийский край. Полный текст договора см.: *Ключников Ю. В., Сабанин А.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах, декларациях. Ч. 1. От французской революции до империалистической войны. М., 1925. С. 176–177. — *Прим. сост.*

[8] Народность на острове Хоккайдо. По языку и физическому типу айны сильно отличаются от японцев, но обнаруживают сходство с населением Юго-Восточной Азии. Оттуда их предки, очевидно, еще в раннем неолите мигрировали в Японию, составили один из древнейших слоев населения. Японская колонизация Хоккайдо в середине XIX в. разрушила традиционный уклад айнов, основанный на оседлом рыболовецком и охотничьем хозяйстве. На острове Хоккайдо айны постепенно ассимилируются с японцами, говорят на айнском языке и японском.

Айны, жившие также до XVIII в. на Камчатке, а до начала XX в. на Южном Сахалине и Курильских островах, ассимилировались с нивхами и ительменами; часть была переселена в Японию. — *Прим. сост.*

[9] 13 февраля 1854 г. американская флотилия из 9 военных кораблей под командованием коммодора Перри Мэтью Колбрайта (1794–1858) прибыла в бухту Урага, высадила десант из 500 вооруженных моряков и силой «открыла» западному миру Японию. — *Прим. сост.*

[10] Первый договор о мире и дружественных отношениях между США и Японией, подписанный 31 марта 1854 г. в г. Канагава (Иокогама). Договор предусматривал право американских кораблей заходить в порты Симода (полуостров Идзу) и Хакодатэ (остров Хоккайдо) для закупки воды, продовольствия и угля; назначение американского консула в город Симода. Канагавский договор положил начало серии так называемых неравноправных договоров, заключенных Японией с Россией, Англией, Францией и другими странами (всего с 17 государствами). Согласно этим договорам, иностранцы получали право экстерриториальности и консульской юрисдикции на территории Японии. — *Прим. сост.*

[11] Так называемый Симодский трактат — первый японо-русский договор, заключенный адмиралом Евфимием Васильевичем Путятиным (1803–1883). Заключен в Симода в храме Гёкусэндзи.

В договоре было отмечено, что:

— между странами устанавливались дипломатические отношения;

— подданные одной стороны получали защиту и покровительство на территории другой, обеспечивалась неприкосновенность их собственности;

— была урегулирована проблема территориального размежевания на Курильских островах, граница между странами была проведена между островами Уруп и Итуруп (остров Сахалин остался неразделенным);

— для русских судов открывались порты Хакодатэ, Нагасаки и Симода, где разрешались торговые сделки в ограниченных размерах и под присмотром японских чиновников;

— предусматривалось назначение русского консула в одном из открытых портов;

— в них же предоставлялось право экстерриториальности;

— Россия получала статус наибольшего благоприятствования.

При обмене ратификационными грамотами в мае 1856 г. в Симоде японской стороне были переданы в дар шхуна «Хэда» и 52 пушки с фрегата «Диана». Первым консулом в Хакодатэ был назначен И. А. Гошкевич. — *Прим. сост.*

[12] Возможно речь идет о ученом-конфуцианце, самурае дома Мито Фудзита Токо (1806–1855), который сформировал идеи национализма шовинистического толка и питал националистическую идеологию лидеров Мэйдзи и последующих эпох. — *Прим. сост.*

[13] Миссия Такэноути Симоцукэ, включавшая 38 человек, в декабре 1861 г. покинула на английском судне Иокогама и после посещения ряда стран (Англии, Франции, Голландии, Германии) 28 июля 1862 г. прибыла в Петербург. Основная задача миссии в России заключалась в демаркации государственной границы на Сахалине. Японские предложения о разграничении острова по 51-й параллели были отвергнуты, и в январе 1863 г. миссия возвратилась в Японию. — *Прим. сост.*

[14] Основные переговоры начались в середине 1874 г. с прибытием в Петербург чрезвычайного и полномочного посланника Японии в России Эномото Такэаки. Он привез два проекта разрешения главной проблемы переговоров — владение островом Сахалин. Согласно первому, в обмен на Южный Сахалин Россия должна была уступить Японии остров Уруп с прилегающими островками и компенсировать японскую недвижимость на Сахалине. По второму Япония должна была получить все Курильские острова.

7 мая 1875 г. русский канцлер А. М. Горчаков и японский посланник Эномото Такэаки подписали Трактат между Россией и Японией, более известный как Санкт-Петербургский договор 1875 г.

В его ст. 1 говорилось: «Его Величество Император Японский за себя и своих наследников уступает Его Величеству Императору Российскому часть территории острова Сахалин, которой он ныне владеет... Отныне означенный остров Сахалин весь вполне будет принадлежать Российской империи, и пограничная черта между империями Российской и Японской будет проходить в этих водах через пролив Лаперуза».

В статье 2 было зафиксировано: «Взамен уступки России прав на остров Сахалин... Его Величество Император Всероссийский за себя и своих наследников уступает Его Величеству Императору Японскому группу островов, называемых Курильскими...».

Согласно другим статьям Санкт-Петербургского договора, всем жителям уступаемых территорий предоставлялось право сохранить прежнее гражданство или вернуться на родину, но при этом они подпадали под юрисдикцию той страны, к которой перешла соответствующая территория.

В портах Охотского моря и Камчатки Япония получила для су-

доходства, торговли и рыбной ловли те же права, что и страны, обладавшие статусом наиболее благоприятствуемой нации.

Кроме того, японские суда, заходящие в порт Корсаков, освобождались от портовых сборов и таможенных пошлин сроком на 10 лет. Там же открывалось японское консульство. Российская сторона выплатила Японии за недвижимое имущество на Южном Сахалине свыше 112 тыс. рублей. Полный текст договора см.: *Ключников Ю. В., Сабанин А.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах, декларациях. Ч. 1. От французской революции до империалистической войны. М., 1925. — *Прим. сост.*

[15] Проведение указанных реформ началось после так называемой незавершенной буржуазной революции Мэйдзи 1867 г. В японской историографии более употребителен термин «реставрация» либо «обновление» Мэйдзи — «Мэйдзи-исин», означающий восстановление в стране прямого императорского правления. В результате революции на трон был возведен 16-летний император Муцухито. Правил с 1867 по 1912 г. Девиз годов его правления — «Мэйдзи» — букв. «просвещенное правление». Подробнее о проблеме трактовки вышеуказанных событий см.: *Гришелева Л. Д.* Формирование японской национальной культуры. М., 1986; *Конрад Н. И.* Столетие японской революции // Конрад Н. И. Избранные труды. История. М., 1974; *Кузнецов Ю. Д., Навлицкая Г. Б., Сырицын И. М.* История Японии. М., 1988. — *Прим. сост.*

[16] Транссибирская магистраль. Строительство началось в 1891 г. К весне 1901 г. было закончено строительство забайкальского участка Транссиба до станции Сретенск, и для соединения европейской части России с Тихоокеанским побережьем сплошным рельсовым путем недоставало участка примерно в 2 тысячи км от Хабаровска до Сретенска. Правда, из-за сложных климатических и геологических условий на Амурском участке, а также по политическим соображениям царское правительство на первых порах отказалось от строительства здесь дороги и решило от Забайкалья до Владивостока идти более южным путем, через Маньчжурию. Так возникла построенная Россией и введенная в эксплуатацию в 1903 г. Китайско-Восточная железная дорога, проходящая по территории Маньчжурии через Харбин до станции Пограничная (Гродеково). В 1901 г. построена и линия от Гродеково до Уссурийска, и Владивосток был связан стальной колеей с центром России. С постройкой Китайско-Восточной железной дороги установилось сообщение с Дальним Востоком на всем протяжении Великого Сибирского пути. Европа получила выход к Тихому океану.

Однако пропускная способность дороги оказалась недостаточной. Во время русско-японской войны магистраль не справлялась с передвижением войск и с доставкой воинских грузов. Сибирская железная дорога в период войны пропускала только 13 поездов в сутки, поэтому было принято решение о сокращении перевозок гражданских грузов.

Кроме того, переброска войск осложнялась тем, что был не достроен участок Кругобайкальской железной дороги и до 1905 г. связь между западным и восточным берегами Байкала осуществлялась с помощью паромной переправы. Полностью строительство дороги было завершено в 1916 г. — *Прим. сост.*

[17] Речь идет о японо-китайской войне 1894–1895 гг.

В поисках новых источников сырья и рынков сбыта Япония с начала 70-х гг. XIX в. начинает активную внешнюю экспансию. Захват в 1872 г. архипелага Рюкю, военная экспедиция на Тайвань в 1874 и Корейский поход 1876 г. явились предпосылкой к большой войне за эти территории, которые находились под властью Китая. Накопив достаточно сил и усилив армию и флот, в 1894 г. Япония спровоцировала войну с Китаем. Победив в войне, Япония получила большую контрибуцию и Тайвань. Корея была объявлена независимой от Китая. В то же время полученный Японией Ляодунский полуостров, благодаря вмешательству европейских стран, был возвращен Китаю. После победы над Китаем, основным соперником Японии становится Россия. — *Прим. сост.*

[18] Речь идет о ихэтуаньском восстании — народном антиимпериалистическом восстании в Северном Китае в 1899–1901 гг. Восстание было начато тайным обществом Ихэцюань («Кулак во имя справедливости и согласия»), позже получившим название Ихэтуань («Отряды справедливости и согласия»). В июне 1900 г. ихэтуани вступили в Пекин. Войска Германии, Японии, Великобритании, США, Франции, России, Италии и Австро-Венгрии подавили восстание (названное иностранцами боксерским).

При подавлении восстания Россия полностью подчинила Маньчжурию и усилила свое влияние в регионе, что вызвало резкий протест Японии. — *Прим. сост.*

[19] Архипелаг Рюкю окончательно был включен в территорию Японии в виде провинции Окинава в 1879 г. — *Прим. сост.*

[20] Мирный договор от 17 апреля 1895 г., положивший конец войне между Японией и Китаем. Полный текст договора см.: Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895–1905. СПб., 1906. С. 1-13. — *Прим. сост.*

[21] Циндао. — *Прим. сост.*

[22] 8 октября 1895 г. японцы совершили убийство корейской королевы Мин и вынудили корейского короля Коджона бежать в русскую дипломатическую миссию. Одной из причин убийства стала ориентация партии королевы на Россию, с которой в 1884 г. был заключен договор.

Как только Коджон оказался вне сферы досягаемости японцев, он тут же издал указ, распускающий прояпонский кабинет. Тогда Россия получила равные с японцами права — например, право держать такое же количество солдат для охраны миссии.

Период с 1896 по 1898 г. был лучшим в российско-корейских от-

ношениях. Тогда в Корею были направлены две партии русских военных инструкторов для обучения корейских солдат, а вернувшегося во дворец Коджона охраняли уже русские войска. Однако Россия в то время была занята соперничеством с Англией в Китае, и сил на все не хватало. Поэтому в 1898 г. она подписала Токийский протокол, по которому Япония получала преобладающие права в Корее, а русские инструкторы были отозваны. — *Прим. сост.*

[23] В первой статье договора обе стороны признавали друг за другом право на вмешательство во внутренние дела Китая и Кореи ради защиты своих интересов, «если им будут угрожать либо агрессивные действия какой-либо другой державы, либо беспорядки, возникшие в Китае и Корее».

Вторая статья обязывала каждую из сторон соблюдать строгий нейтралитет в случае, если другая сторона, защищая свои интересы в Китае или Корее, окажется в состоянии войны с третьей державой. В случае войны одного из союзников с двумя и более державами договор (согласно статье 3) обязывал другую договаривающуюся сторону оказать ему военную помощь.

Англо-японский союзный договор был крупной победой японской внешней политики. Он давал Японии возможность начать войну с Россией, обладая уверенностью, что ни одна держава не окажет России вооруженной поддержки из опасения войны уже не с одной Японией, но и с Англией. Вместе с тем Японии обеспечивалась и финансовая помощь Англии.

Русская дипломатия немедленно обратилась к Франции с предложением совместно выступить с ответом на англо-японский союз. — *Прим. сост.*

[24] Ито Хиробуми (1841–1909) — премьер-министр Японии. Родился в западной Японии 14 октября 1841 г. Учился морскому делу в Англии в 1863 г. Вошел в правительство в 1867 г. В 1878 г. стал министром внутренних дел. Главный автор проекта конституции, принятой 11 февраля 1889 г. (конституция Мэйдзи). Ито был премьер-министром в 1885–1888, 1892–1896, 1898 и 1900–1901 гг. Выполнял важные дипломатические миссии, особенно в Китае и России, сыграл важную роль в событиях, которые привели к аннексии Кореи. Умер Ито в Харбине 26 октября 1909 г. — *Прим. сост.*

[24] Букв. «почтенные ворота» — обозначение японского императора (тэнно); более применяем за границей, чем в самой Японии. — *Прим. сост.*

Глава вторая

ГОТОВНОСТЬ К ВОЙНЕ

Военная мощь Японии обнаружилась еще в войну ее с Китаем. Лица, имевшие возможность наблюдать в то время японские войска и деятельность японского военного министерства, уже тогда пришли к заключению, что японцы — «виртуозы по части секретов». Мобилизация и перевозка войск обставлены были глубочайшей тайной. Посадка войск на железную дорогу и суда совершалась быстро и в образцовом порядке, без суеты и шума, словно войска только и делали, что практиковались в этом. Во время переходов солдаты вели себя отлично, относясь ко всему с педантическою серьезностью, обнаруживая основательную подготовку мирного времени, твердое знание каждым, что он должен делать, строгую дисциплину и бодрое, воинственное настроение. Оружие японской армии было в безукоризненном состоянии, обмундирование и снаряжение доказывало большую заботливость военного министерства и его большой практический смысл. Словом, уже тогда обнаружилось совершенство военной организации Японии как для оборонительных, так и наступательных операций, умение хранить тайну и изучать противника. И это приводило дальновидных людей к убеждению, что «в лице Японии народилась новая сила, которая будет иметь большое влияние на судьбы Дальнего Востока и создаст нам в будущем много хлопот и затруднений». «Мысль об этом как-то

не укладывается в голове, — признавались люди, сделавшие это открытие, — но с этим рано или поздно придется примириться».

Скоро этот вывод стал лейтмотивом донесений наших военных агентов в Японии, а совместное действие наших войск с японскими, при усмирении восстания боксеров в Китае в 1900 г., дало возможность большому числу наших военачальников и офицеров убедиться в его справедливости.

Казалось бы, все это должно было побудить наши военное и морское министерства обратить на Японию самое серьезное внимание, подвигнуть на ее изучение и всемерно озаботиться усилением нашей собственной боевой готовности на Дальнем Востоке.

К сожалению, с этим не торопились. Наиболее убедительным примером этой неторопливости явилось состояние боевой готовности крепости Порт-Артур к началу войны.

Устройство в Порт-Артуре сухопутной крепости с солидными сооружениями и сильным гарнизоном, которая могла бы быть оплотом всей нашей тихоокеанской эскадры и была бы способна выдержать продолжительную осаду превосходных сил противника, было решено принципиально вслед за занятием этого пункта, в марте 1898 г.

Проект крепости, разработанный военным инженером полковником Величко, удостоился Высочайшего утверждения 18 января 1900 г. По этому проекту вся оборона Порт-Артура делилась на две части: с моря и с суши. Приморский фронт должны были составить 27 батарей долговременной постройки, а сухопутный фронт — две линии укреплений: первая (внешняя), протяжением в 22 версты, должна была состоять из 8 фортов, 9 укреплений, 6 долговременных батарей и 4 редутов, а вторая (внутренняя или центральная ограда), в $6\,{}^1\!/_2$ верст длиною, — из 4 редутов, соединенных валом и рвом. «Все по части сооружения должно быть исполнено в мирное время, — говорилось в объяснительной записке полковника Величко к его проекту, — и в Порт-Артуре заблаговременно должны быть устроены не

только форты, но и все временные укрепления, редуты, батареи и даже стрелковые окопы с их препятствиями».

Поэтому для ускорения работ денежные ассигнования начались еще до утверждения проекта крепости. Все расходы по возведению оборонительных сооружений были исчислены в 8 927 775 рублей, причем постройка их должна была вестись в две очереди, в течение десяти лет, и закончиться к 1909 г.

Столь продолжительный срок сооружения нашей «твердыни» на Дальнем Востоке принят был, очевидно, под влиянием оптимистических уверений тогдашнего министра иностранных дел, сделанных им Особому Совещанию, учрежденному в апреле 1898 г. под председательством статс-секретаря графа Сольского, для обсуждения предстоящих расходов по охране наших новых владений на Дальнем Востоке. Граф Муравьев уверял тогда Особое Совещание, что «нашему постепенному укреплению на Квантунском полуострове не предстоит никакой опасности». «При той впечатлительности, — говорил он, — с которою встречается в Англии, Германии, Японии и отчасти в Америке каждый наш шаг на Дальнем Востоке, надлежит наблюдать особую осторожность в организации охраны нашей новой колонии, и строгая постепенность должна быть почитаема одним из главных условий наших дальнейших действий. К тому же, — продолжал граф Муравьев, — не должно забывать, что главная охрана Порт-Артура, с тех пор как на нем поднят русский флаг, заключается, конечно, не в тех войсковых частях и артиллерийских орудиях, которые там будут сосредоточены, а в сознании всех наций в том, что за этим пунктом стоит вся Россия и непреклонно заявленная воля Его Императорского Величества».

Эти соображения, неглубокие и недальновидные по существу, плохо согласовались с психологией и расчетами наших политических соперников на Дальнем Востоке, которые относились впечатлительно не столько к каждому нашему шагу, сколько к ясно определившемуся намерению России укрепиться на Дальнем Востоке.

Однако они были приняты совещанием во внимание, и под влиянием их началось и сокращение кредитов на оборонительные работы, и существенные изменения в самом порядке их производства. Работы эти были разделены уже не на две очереди, а на три, и ход их виден наглядно из таблицы соотношения кредитов и работ (см. с. 56–57).

Из таблицы видно, как медленно велись в Артуре оборонительные работы: форт № 4 строился 4 года; батареи А, В и Г — три года, временные укрепления № 3 и 5 — два года. Видимо, никто не торопил и никто не торопился с ними. Военные инженеры были заняты, главным образом, постройкой казарм и частных зданий. Крепостного инженерного управления не существовало, и о нем заговорили только с началом войны, штаты же его так и остались не утвержденными; мобилизационный план крепости выработан не был, не было для нее даже особой инструкции. Подступы к ней и передовые позиции оставлялись до войны без внимания. Между тем на постройку под боком крепости коммерческого порта и торгового города Дальнего нашлись и средства и энергия, и в то время, как война застала Порт-Артур в беззащитном и беспомощном состоянии, Дальний, обошедшийся нашему государственному казначейству в сумму свыше 20 млн рублей, оказался прекрасно оборудованной базой для действий японцев против крепости и сыграл в ее судьбе роковую роль.

Единственный военный инженер, находившийся до войны в распоряжении коменданта порт-артурской крепости, генерала Стесселя, полковник Крестинский, на суде по делу о сдаче Артура такими штрихами обрисовал ее боевую готовность перед войной: «Форт № 5 — груда камней, бетонных сооружений нет; на батарее Б — нет пушек; промежуток между фортом № 5 и укреплением 4 ничем не занят; форт № 4 кончен, но пушек ни одной; на Зубчатой батарее пушки в сарае; долина реки Луньхе совершенно не подготовлена к обороне; на Панлуньшане — ничего, Кумирнинский редут не окончен; укрепление 3 — груда камней и

вчерне отрытый ров; форт №3 в таком же состоянии...» и т. д.

В июне месяце 1903 г., следуя в Японию, военный министр генерал-адъютант Куропаткин осмотрел укрепления Порт-Артура и нашел их не удовлетворяющими возможности отразить атаку японской армии. И вот только тогда начали торопиться с работами. Испрошено было немедленное ассигнование в распоряжение наместника Е. И. В. на Дальнем Востоке $2^1/_2$ млн на усиление боевой готовности Квантуна и особенно Артура, но, конечно, за полгода много сделать не успели.

К началу войны состояние крепости было таково:

> На Приморском фронте: из 27 проектированных батарей не начато 6; построено вчерне 3 батареи долговременного типа и 3 батареи временного типа, и вполне окончено постройкой 6 долговременных батарей и 9 временных; на Сухопутном фронте: из проектированных 8 долговременных фортов вполне готов 1, вчерне — 3; начат постройкой 1 и не исполнено вовсе 3; из 9 укреплений долговременного характера вполне готов 1, вчерне — 2 и вовсе не исполнено 6; из 8 проектированных долговременных батарей исполнено 4, начата постройкою 1, не исполнено вовсе 2, а 1 исполнена как временного типа; из 4 проектированных укреплений временного характера — не исполнено ни одно; вполне готовы были лишь Центральная ограда с 4 редутами и дороги первой очереди.

На вооружении этих укреплений находилось: на приморском фронте — 119 орудий и на сухопутном — 280; не доставало же против проектированной нормальной табели на первом фронте — 5 орудий, а на втором — 186.

Та же неторопливость и та же горделивая уверенность, что главная охрана наших новых владений заключается «в сознании всех наций, что за ними стоит вся Россия», проявились и относительно усиления наших войск на Дальнем Востоке.

До войны численность последних в пределах Приамурья, Маньчжурии и Квантуна (не считая гарнизонов Артура и Владивостока) не превышала 70 батальонов пехоты, 69 эскадронов и сотен кавалерии и 160 орудий. Сосредоточить на театре войны достаточные силы для решительной побе-

<table>
<tr><th>1898 г.</th><th>1899 г.</th><th>1900 г.</th><th>1901 г.</th><th>1902 г.</th><th>1903 г.</th></tr>
<tr><td colspan="6">НА ПРИМОРСКОМ ФРОНТЕ</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Устройство двух пороховых погребов.

Покупка катера, барж и заготовка материала.

Установка 20 орудий, присланных из Владивостока.</td><td colspan="2">Постройка батареи № 6 (Тигровая гора) на 8 – 9" мортир.
Постройка батареи № 7 (на 4 – 11" мортир).
Постройка батареи № 9 (на 5 – 6" пушек).
Постройка бетонного порохового погреба на Тигровой горе.
Постройка батареи № 13 (Золотая гора).
Постройка батареи № 15 (Электрический утес).
Постройка батареи № 19 (Сев. Крестовая гора).
Постройка бетонного порохового погреба у Двурогого холма.</td><td rowspan="2">–</td><td colspan="2">Постройка долговременной батареи № 20 (Южн. Крестовая гора).</td></tr>
<tr><td>Временная установка 20 орудий.</td><td>Постройка помещений для двух электроосветителей. Постройка помещений для дальномеров.
Постройка батареи № 3.
Постройка батареи № 18 (на Плоском мысу).</td><td></td><td>Постройка батареи № 2 (на Голове тигра).

Постройка батареи батареи № 16 (Лагерной).

Приведение в порядок бонного заграждения.</td></tr>
<tr><td>493 000 р.</td><td>615 779 р.</td><td>543 221 р.</td><td></td><td>70 000 р.</td><td>225 000 р.</td></tr>
<tr><td colspan="6"></td></tr>
<tr><td colspan="6">ИТОГО 1 947 000 р.</td></tr>
</table>

НА СУХОПУТНОМ ФРОНТЕ					
Устройство крепостных дорог.	Постройка крепостной ограды.	Постройка долговременного форта № 5. Постройка временного укрепления № 4 с Барбетной батареей. Постройка долговременной батареи Д.		Устройство крепостных батарей. Продолжалась постройка батарей В и Г.	Постройка временных батарей.
		Постройка долговременного форта № 4.			
		Постройка питательных погребови батареи А. Постройка форта № 1 и Круглой батареи. Постройка батареи Г и долговременной батареи В.		Постройка фортов № 2 и 3. Постройка временных укреплений № 3 и 5. Постройка долговременных батарей А и Б. Продолжалась постройка форта № 1.	
				Устройство плотин, оборонительных решеток и приспособлений для кругового обстрела на батареях № 4 и 2.	
160 000 р.	114 630 р.	611 607 р.	182 738 р.	883 625 р.	723 625 р.
ИТОГО 2 676 225 руб.					

А всего на оборонительные работы отпущено 4 623 225 руб.

ды (230 батальонов, 111 эскадронов и сотен и 576 орудий) мы могли только через полгода.

Между тем японцы уже через 3 месяца имели в Маньчжурии и Ляодуне 156 батальонов, а через 6 могли усилить их соответствующим количеством резервных войск.

Имея в виду это неравенство в условиях мобилизации и тревожное положение политических дел уже летом 1903 г., Наместник Е. И. В. на Дальнем Востоке генерал-адъютант Алексеев считал необходимым иметь всегда под рукою не менее 50 тыс. войск. Для этого надлежало сформировать новые 44 батальона пехоты и соответственно увеличить количество кавалерии и артиллерии. Вместе с тем генерал-адъютант Алексеев находил желательным перевести из Приамурья на Квантун 6, 7, 8, 13, 14 и 16-й восточносибирские стрелковые полки, 4 батареи 1-й восточносибирской стрелковой артиллерийской бригады и 2 батареи Забайкальского артиллерийского дивизиона, развернуть Квантунскую саперную роту в батальон и свести 2-ю, 3 и 4-ю восточносибирские стрелковые бригады с их артиллерией в особый Квантунский армейский корпус, придав ему Квантунский саперный батальон и Забайкальскую казачью бригаду с ее батареей.

В частности, по отношению к Порт-Артуру предполагалось сформировать: а) два новых крепостных пехотных полка 4 батальонного состава; б) 4-й батальон для существовавшего уже Порт-артурского крепостного пехотного полка; в) охотничьи команды при всех этих полках; г) 3-й батальон крепостной артиллерии; д) вылазочную батарею, минную роту и саперную роту (взамен развертываемой в Квантунский саперный батальон).

Расход на все эти формирования определялся генерал-адъютантом Алексеевым в сумме около 30 млн рублей (12 175 000 руб. — единовременно и 17 675 000 руб. — в течение предстоявшего пятилетия 1904—1908 гг.[1]).

Но Особое Совещание под председательством графа Сольского, рассмотрев в октябре и ноябре месяцах 1903 г. это заявление Наместника, и на этот раз сократило тре-

бования военного ведомства. Оно хотя и признало, что «необходимость усиления наших войск на Дальнем Востоке обусловливается осложнением политических отношений России с Японией», но это явление, по его мнению, имело «несомненно временный характер и должно уступить место более определенному и более устойчивому порядку вещей, с которым и будет надлежать сообразовать военные мероприятия на Дальнем Востоке». Все еще оптимистически настроенному совещанию казалось более целесообразным предусмотреть потребности военного ведомства лишь на ближайшее время, т. е. на истекавший 1903 г. и на два следующих — 1904 и 1905 гг. И потому оно ассигновало на усиление обороны Дальнего Востока на 1903 и 1904 гг. сверхсметным кредитом по 3 млн рублей, а на 1905 г. — 6 млн рублей.

Конечно, этот импровизированный тогда у нас совет государственной обороны более снисходительно отнесся бы к насущным требованиям военного ведомства, если бы в последнем уже тогда не обнаружилась пагубная рознь. Дело в том, что требования генерал-адъютанта Алексеева еще ранее, чем поступить на рассмотрение Особого Совещания, подверглись значительному сокращению со стороны военного министра при обсуждении их на совещаниях, происходивших под его председательством в Порт-Артуре в июне 1903 г. Уже тогда вместо 44 батальонов предположено было сформировать лишь 22 (14 для гарнизонов Порт-Артура и Владивостока и 8 для полевых войск); сформирование же нового корпуса пограничной стражи, как предлагалось генерал-адъютантом Алексеевым, признано было и вовсе не нужным.

В половине июля 1903 г. в Забайкалье доставлены были вторые бригады 31-й и 35-й пехотных дивизий с их артиллерией и в конце сентября перевезены в Приморскую область, ближе к предполагаемому району сосредоточения армии.

12 августа состоялось Высочайшее повеление о сформировании 7-й и 8-й восточносибирских стрелковых бригад, в

составе 4 полков 3-батальонного состава каждый, и в половине ноября формирование этих частей было закончено.

Считая такое усиление войск Дальнего Востока достаточным, военный министр уже в конце октября запросил Наместника, не признает ли он возможным отказаться от одного из двух корпусов (10-го и 17-го), предназначенных к перевозке в Маньчжурию в случае войны с Японией вместе с 4 резервными дивизиями Казанского военного округа. Генерал-адъютант Алексеев ответил отрицательно, указывая на все развивавшееся усиление вооруженных сил Японии. Тем не менее число вновь формируемых батальонов было сокращено в Петербурге до 18, а формирование 9-й восточносибирской стрелковой бригады отложено до весны 1904 г., причем последнее решено было сделать путем выделения из состава других восточносибирских стрелковых бригад по одному батальону. Взамен выбывших батальонов бригады должны были сформировать из своего состава новые батальоны, пополнив происшедший некомплект новобранцами призывов 1903–04 гг. Такая мера, вызывая крупные организационные перемены, давала в результате всего лишних 3–4 тыс. штыков. Наместник протестовал и против этого. В результате этих пререканий военным министром в начале января 1904 г. выработан был следующий план усиления нашего военного положения на Дальнем Востоке: 1) обратить 2-батальонные восточносибирские стрелковые полки в 3-батальонные, переименовать бригады в дивизии; 2) добавить еще 11 батарей, чтобы сформировать для 7 дивизий по одному 4 батарейному полку, и придать 7 и 8 дивизиям (гарнизоны Порт-Артура и Владивостока) по 2 вылазочных батареи; 3) сформировать 3-й Сибирский армейский корпус; 4) в каждом корпусе иметь по одному саперному батальону и 5) для обороны острова Сахалина сформировать 2 отдельных батальона.

Но, проектируя все эти мероприятия, мы все-таки готовились не к войне, а к миру.

Сообщая 13 января 1904 г. генерал-адъютанту Алексееву о предположенных формированиях, военный министр,

генерал-адъютант Куропаткин вместе с тем спрашивал его, нельзя ли «в случае улажения затруднений с Японией расквартировать 9-ю восточносибирскую стрелковую бригаду в Сибирском военном округе в виде резерва войск Дальнего Востока?»

И эта вера в благоприятное «разрешение кризиса», это эпическое спокойствие пред буквой грозного по существу англо-японского договора, это разительное непонимание в такой острый момент политической обстановки, психики противника, истинных мотивов его действий, его намерений и целей — лишали все эти проекты улучшения нашего военно-политического положения на Дальнем Востоке не только энергии быстроты их осуществления, но даже ясной и твердой уверенности в их необходимости, в их рациональности. Осторожно, медленно и робко, «боясь, как бы не раздразнить гусей» бряцанием своего оружия, мы, не спеша, готовились к войне и, став вдруг необычайно экономны, учитывали каждый рубль, испрашивавшийся на усиление обороны угрожаемой окраины.

Было что-то роковое в этом ослеплении своей старой славой и талантами своих дипломатов, — в этом споре между собою далеких и близких от места надвигавшихся событий людей.

Иначе, по-видимому, обстояло дело в Японии. О том, что именно и как делалось в то же самое время на ее островах, — до сих пор еще в литературу не проникло сведений. Японцы ревниво берегли свою тайну даже от своих друзей — союзников.

Вот что, например, занес в свою записную книжку генерал-лейтенант сэр Ян Гамильтон, английский военный агент при японской армии:

> «Сегодня, 16-го апреля нов. ст. 1904 г., исполнился месяц со времени моего пребывания в Японии! Я склонен думать, что время мое потрачено совершенно даром... Я очень часто встречался с бароном Камура, министром иностранных дел, с премьер-министром, графом Кацура, с военным министром генерал--лейтенантом Тераучи[2], с морским министром, бароном Ямамото, с президентом совета обороны маркизом Ямагата, с начальником

генерального штаба армии генерал-лейтенантом Ойяма[3], с его помощником генерал-лейтенантом бароном Кодама и, наконец, с начальником 2-го отделения генерального штаба генерал-майором Фукушима[4]... Мне никогда не удавалось обменяться с премьер-министром более чем несколькими словами... А генерал Фукушима не сообщил ни одному лицу, ни одного факта ценностью в медный грош...»[5]

И до сих пор об этом периоде мы знаем очень мало и потому только в самых общих чертах можем обрисовать подготовку Японии к войне.

Закончив к 1904 г. обширную программу увеличения своих вооруженных сил, японское правительство одновременно с началом дипломатических переговоров о Корее, в июле 1903 г., начало подготовлять свои армию и флот на случай военных действий. До осени эти приготовления не выходили из пределов обычной подготовки к войне и указывали лишь на крайнюю предусмотрительность Японии. В японских арсеналах днем и ночью шла безостановочная работа; в двух дивизиях, под видом учебных сборов, были призваны запасные; заготовлялась теплая одежда; в некоторых пунктах возводились помещения для войск и устраивались склады всякого рода запасов; для осадного парка было заказано 44 орудия. В сентябре главные силы японского флота были собраны в гавани Сасебо[6]. Число зафрахтованных для военных надобностей транспортов быстро возрастало: в средине ноября их было 8, в конце декабря — 36, в начале января 1904 г. — 45, а в середине января — 70; вместимость их превышала уже 200 тыс. тонн; пароходам дальнего плавания приказано было возвратиться в Японию; в Такэсака (на острове Цусима) и в Сасебо устанавливались минные заграждения. Это обилие транспортных судов, уже приспособленных к перевозке войск и военных грузов, при обилии пунктов посадки и погрузки их ясно указывало на намерение японцев быстро перебросить на материк сразу же значительные силы. И были уже признаки, по которым этого следовало ждать со дня на день. Японский телеграф перестал принимать депеши. В

Корее среди японцев господствовало сильное возбуждение, которое постепенно передавалось и тем из них, которые находились в Маньчжурии и на Квантуне.

Ввиду всех этих тревожных признаков адмиралу Алексееву разрешено было, наконец, в первых числах января 1904 г. расходовать отпущенный в его распоряжение 3-миллионный кредит и подготовить крепость Порт-Артур к переходу на военное положение, а 10 января повелено, без объявления мобилизации, привести в боевую готовность 3-ю восточносибирскую стрелковую бригаду, артиллерийский дивизион, казачью бригаду и роту саперов и двинуть их к корейской границе[7].

17 января 1904 г. последовало Высочайшее повеление о сформировании 3 батальонов для полков семи восточносибирских стрелковых бригад. И так как близость войны все еще не ощущали, то формирование это решено было произвести в Европейской России и сформированные здесь 28 батальонов перевезти на Дальний Восток. Это, конечно, должно было потребовать немало времени. Для усиления же владивостокского гарнизона генерал-адъютант Алексеев, по собственной инициативе, не имея разрешения свыше, приказал формировать третьи батальоны в полках 8-й бригады. Ввиду же недостатка запасных нижних чинов на месте, он просил военного министра перевезти во Владивосток из Европейской России еще 4 батальона пехоты и 1 батальон крепостной артиллерии.

Понимая, однако, что все эти полумеры не соответствуют тревожному положению дел, Наместник, наконец, решился, как мы знаем, 20 января 1904 г. ходатайствовать о немедленной мобилизации всех войск Дальнего Востока и Сибири. Вместе с тем он указывал на необходимость, не выжидая дальнейших событий, теперь же противодействовать нашими морскими силами высадке японцев на Корейский берег.

Ответ на эти представления генерал-адъютант Алексеев получил лишь 27 января и читал его уже под гром бомбардировки Порт-Артура японскою эскадрою.

В Петербурге все еще не верили в близость войны и, во всяком случае, не хотели, чтобы первый выстрел был сделан нами.

Поэтому усиление войск угрожаемой окраины попрежнему шло методически, осторожными шагами, не пугая Японию и не делая нас более сильными.

18 января 4 льготным батареям была объявлена мобилизация; 20 января последовало распоряжение о сформировании некоторых частей, 24-го — о сформировании 3 Сибирского армейского корпуса из 3-й, 4-й и 9-й (еще не существовавшей вовсе) восточносибирских стрелковых бригад, Отдельной Забайкальской казачьей бригады и 3 восточносибирского саперного батальона и, наконец, 26 января (накануне войны) — о формировании 9-й восточносибирской стрелковой бригады путем выделения по одной роте из всех 32 и без того слабых по своему составу восточносибирских стрелковых полков[8].

В результате всех этих мероприятий мы имели к началу войны в Маньчжурии, Приамурье и в Сибири 9 стрелковых дивизий, по 4 полка 2-батальонного состава в каждой[9]; 3 сибирские пехотные дивизии из 4 полков 4-батальонного состава каждая; 2 казачьи дивизии, 2 отдельные бригады, 3 отдельных полка, 1 дивизион и 2 отдельных сотни; всего: 120 батальонов, 95 сотен, 248 орудий пешей артиллерии, 24 орудия конной артиллерии и 8 пулеметов. Войска эти были разбросаны на пространстве 2200 верст по параллели и 1400 верст по меридиану. Из них на театре войны, т. е. в Маньчжурии и на Ляодуне, находилось 72 батальона, 42 сотни, 200 орудий и 8 пулеметов, а собственно в районе сосредоточения армии — только $7^1/_2$ батальонов, 4 сотни и 22 орудия.

Мобилизация этих сил требовала весьма значительного времени: пехота — 40 дней, конница — 24 дней и артиллерия — 51 день.

Такая продолжительность вызывалась разбросной сил на огромной территории, слабым развитием путей сообщения, одноколейностью и слабою провозоспособностью ве-

ликого сибирского пути[10] и недостатком запасных нижних чинов на месте, вследствие чего их надо было подвозить из Европейской России[11].

Мобилизовав указанные выше части, мы получали армию в 110 000 человек.

Наш тихоокеанский флот составляли: 7 броненосцев; 4 бронированных, 6 бронепалубных и 4 небронированных крейсеров; 7 канонерских лодок и 42 миноносца и миноноски — всего 70 судов водоизмещением в 192 300 тонн.

Главные силы этого флота — эскадра вице-адмирала Старка — стояли в Порт-Артуре. Их боевую часть составляли 7 броненосцев[12], 6 крейсеров[13], 3 транспорта и 25 миноносцев; береговую же оборону несли 3 крейсера[14], 4 канонерских лодки, 2 минных крейсера и 1 транспорт; на этой эскадре было всего: орудий разного калибра 920, офицеров 477 человек и нижних чинов 14 084 человек

Другая эскадра, под командой контр-адмирала барона Штакельберга, в составе 4 крейсеров[15] и 1 транспорта[16], находилась во Владивостоке. Остальные суда были разбросаны в различных пунктах: крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» стояли в Чемульпо (Корея); канонерская лодка «Сивуч» — в Инкоу (Маньчжурия) и канонерская лодка «Маньчжур» — в Шанхае (Китай).

Против этих сил Япония имела в своем распоряжении 13 дивизий (12 армейских и 1 гвардейская), в составе 4 полков трехбатальонного состава каждый[17]; при каждой дивизии — 1 полк кавалерии[18], 1 полк артиллерии[19], полк инженерных войск[20] и 1 обозный батальон[21]. В состав дивизий не входили две отдельные кавалерийские бригады и две артиллерийские бригады (16 эскадронов и 198 горных орудий).

Впоследствии выяснилось, что, кроме полевых дивизий, в составе японских армий было еще около 20 резервных бригад[22], о существовании которых мы и не подозревали.

Вследствие этого общая численность армии, которую Япония могла выставить на театре войны, определялась нами в 230–250 тыс. человек полевых и запасных войск, при

798 орудиях[23]. Между тем в книге английского публициста Стэда-сына «Японцы об Японии», мы находим весьма авторитетное свидетельство фельдмаршала маркиза Ямагата[24] о том, что после победоносной войны с Китаем численность японской армии доведена была до 500 тыс. чел. К сожалению, мы узнали об этом слишком поздно.

Морские вооруженные силы Японии состояли из 6 броненосцев, 22 крейсеров[25], 85 миноносцев, 19 истребителей миноносцев и других судов второстепенного значения, всего — 168 боевых судов, водоизмещением в 265 700 тонн, с серьезным артиллерийским вооружением[26].

Таким образом, и на море, и на суше Япония имела значительный численный перевес над нами.

Материальная часть ее армии и флота также превосходила нашу.

Хотя баллистические свойства трехлинейной винтовки, состоявшей на вооружении нашей пехоты и конницы, были одинаковы со свойствами японского ружья, образца 1897 г.[27], а свойства нашего полевого орудия были даже выше японской пушки системы Арисака, но у нас почти совсем не было горных орудий, которые наиболее отвечали топографическим свойствам театра войны; было очень мало пулеметов и совсем не было фугасных снарядов (даже обыкновенной гранаты), тогда как японцы имели новый тип их, в виде шимозы.

В то время как ни обоз наш (колесный), ни обмундирование и снаряжение наших войск не отвечали ни одному из топографических, климатических и бытовых условий страны, в которых предстояло вести войну, и вообще не отличались ни практичностью, ни достаточным количеством запасов их, японцы имели обоз — вьючный, а снаряжение и обмундирование — практичное и тщательно соображенное с местными условиями современной войны.

Японский пехотинец имел за спиною ранец, в котором было все необходимое в походе, до почтовых принадлежностей включительно; двубортное пальто-шинель из прочного драпа с капюшоном, запасную пару башмаков, очень лег-

Генерал-адъютант **КУРОПАТКИН**
(Из собрания В. А. Апушкина)

Генерал-адъютант **ЛИНЕВИЧ**
(Из собрания В. А. Апушкина)

кий, алюминиевый котелок (с крышкой), в котором помещался двухдневный запас риса, небольшой холщовый ме-

шочек для хранения приправы к рису, три патронных сумки на 120 патронов, алюминиевую баклагу и чарку, малую линнемановскую лопату и часть палатки. Вся эта ноша не превышала $1^1/_2$ пудов веса. Не только офицеры, но и все унтер-офицеры японской армии имели бинокли, карты и компасы.

То же самое приходится сказать и о качественном соотношении морских вооруженных сил, наших и японских.

В то время как в нашей тихоокеанской эскадре были прекрасные отдельные боевые единицы, но не было ничего цельного, ибо суда были различных типов, различной конструкции и имели различную скорость хода, вследствие чего быстроходные суда в бою и на походе должны были равняться по тихоходным, — японский флот отличался однородностью конструкции своих судов и одинаковой их скоростью. Но, пожалуй, еще более разницы было в степени боевой подготовки и подъема духа соперников.

Господство в Корее и в водах Тихого океана, омывающих берега японских островов, составляли такие жизненные интересы Японии, ясно сознаваемые всем японским народом, что война за эти интересы являлась для Японии вполне национальною. Обидный же для Японии исход победоносной войны ее с Китаем настолько обострил сознание этих интересов, что осуществление их сделалось вопросом национальной чести, стало делом личной мести каждого японца за погибших в этой безрезультатной войне его товарищей, друзей, отцов и братьев. Вот что, например, по этому поводу рассказывает Тадеучи Сакурай[28], автор очерков боевой жизни японской армии под Порт-Артуром,[29] в предисловии к своей книге «Живые ядра»:

> «Десять лет мы ждали случая отомстить за эту обиду! Когда непобедимая Императорская армия высадилась на эту землю (Ляодун), из недр ее тысячи погибших здесь приветствовали возвращение товарищей; казалось, их геройские души не могли найти покоя в этой вырванной у них земле. Когда я впервые вступил на полуостров (в 1904 г.), я невольно воскликнул: «Это наша, японская земля! Мы купили ее ценой крови наших славных воинов!» Я чувствовал везде кругом невидимое присутствие этих жертв

войны: они воодушевляли нас и двигали на новые победы. «Под нашими ногами тлеют кости наших братьев, над нами парит их дух. Он не находит себе успокоения. Люди умерли, но души их бессмертны! Там, в выси, над нами, они зовут нас в бой» — вот что говорил я солдатам, ведя их против неприятеля».

Вот во имя чего десять лет Япония готовилась к войне, и вот с какими чувствами японские войска высаживались на Квантуне и в Корее, шли в Маньчжурию и вступали в бой с нашими войсками.

Мы поняли это слишком поздно. В конце войны, беседуя с иностранными военными агентами, генерал Куропаткин признал, что в японской армии объединилось все, что в общем итоге давало им максимум моральных сил. Правительство, парламент и народ действовали дружно в одном и том же направлении. Каждый японец отдавал себе отчет в значении этой войны для его родины. У нас обстоятельства сложились иначе. «Какой интерес, — спрашивал он своих собеседников, — мог иметь простой мужик, скажем, из Полтавской губернии, которого призывали из запаса, сажали в вагон и везли в Маньчжурию, к войне с Японией, название которой он слышал первый раз в жизни?».

Действительно, стимулов, руководивших японцами, у нас не было. Для русского общества, для русского народа, лишенных возможности участвовать в политической жизни своего отечества и влиять на нее, до последнего момента неосведомленных о событиях, совершавшихся на Дальнем Востоке и вызвавших войну, последняя, конечно, была делом не национальным. Не только солдаты, но и офицеры не знали точно и осмысленно, во имя чего она началась, а темные слухи, будто корыстолюбивые притязания какой-то кучки аферистов на лесные богатства Кореи создали пресловутый «корейский вопрос», как casus belli для Японии, лишали войну ореола справедливости.

И хотя исконная доблесть русского солдата, русского офицера как бойцов, осталась та же, какими знал их весь мир на протяжении двух последних столетий, и они, как прежде, действовали самоотверженно, гибли геройски, не

боялись трудов, опасностей и смерти и все это покорно сносили, но Куропаткин не мог скрыть ни от себя, ни от других, что «в армии нет особого боевого одушевления».

Не было одушевления, не было и веры в себя и в свой успех. «Прискорбно то, — признавался генерал Куропаткин, — что некоторые начальствующие лица разных степеней, начиная с ротных командиров, проявляют недостаточную уверенность в нашей победе над японцами и обнаруживают слишком нервное отношение к противнику»[30].

«Нижние чины, — по его мнению, — стали тоже более нервны, чем в русско-турецкую войну. Но все же, — добавлял он, — это — прекрасный материал»[31].

Однако следует признать, что таким «прекрасным материалом» были только нижние чины действительной службы, но не запаса. Преждевременно состарившиеся дети наших деревень, разоряемых «недородами», голодными тифами, малоземельем, непосильными податями, пьянством и невежеством во всех сферах жизни, лишенные чувства гражданственности и сознания своего гражданского долга, запасные нижние чины являлись на театр войны с очень небольшим запасом воинских знаний и воинского духа.

Сам генерал Куропаткин не скрыл от иностранных военных агентов в цитированном уже выше разговоре с ними, что в начале войны в 10-м корпусе дело почти дошло до открытого боя с оружием в руках между запасными и молодыми солдатами: «Вы, – говорили первые из них, — вы — солдаты, ваше дело война; а мы — мужики, какое нам дело до этой истории?!.»[32].

И только война, бой, первое же «боевое крещение» возвращали им воинский вид, поднимали их дух и сплачивали с молодыми солдатами в одно боевое товарищество чувством долга и воинской чести. Например, полки злополучной 54-й пехотной резервной дивизии (генерала Орлова), не проявившие, как известно, стойкости в первом их столкновении с японцами под Ляояном (Янтайские копи), в последующих боях заслужили репутацию вполне надежных, доблестных и стойких в боевом отношении частей.

То же самое приходится сказать и о другой крупной составной части нашей вооруженной силы на Дальнем Востоке — казачестве. Несомненно, это — также «прекрасный материал». Но черты его характеристики, разбросанные изобильно в книге А. Квитки «Дневник забайкальского офицера в русско-японскую войну 1904–1905 гг.» обнаруживают ясно, как мало заботились у нас до войны о поддержании на должной высоте того, что должно было служить «глазами и ушами» армии.

Например, в Уссурийском казачьем полку накануне выступления в поход обнаружилось, что «большинство казаков не умело ни стрелять, ни владеть шашкой, не знало ни конного, ни пешего строя, а офицеры недостаточно подготовлены». Походное снаряжение мобилизованных полков 2-й очереди Забайкальского казачьего войска свидетельствовало о большой беззаботности войскового начальства: «Ни у одного из казаков не оказалось запасной подковы». Недостатки обучения и воспитания второочередных полков в мирное время сказались на войне в неумении их действовать в горах (горное эхо вводило их в заблуждение, и они атаковали сопки, не занятые неприятелем), в неумении быстро переправляться через реки (переправа через Тайцзыхе, требовавшая не более двух часов времени, заняла пять часов), в недисциплинированности на походе (даже идя ночью для внезапной атаки деревни, они болтали без умолку), в небрежном несении караульной службы, в вялой стрельбе в бою, в склонности к панике.

И как нижние чины действительной службы были лучше запасных, так и казаки 1-й очереди были лучше взятых со льготы. «Обученные и в хороших руках (напр., ген. Мищенко), они, по мнению г. Квитки, были расторопны и в храбрости не уступали никому»[33].

К сожалению, этих «хороших рук» было мало в прямом и переносном смысле. Некомплект офицеров, ставший хроническим явлением нашей армии, вызвал к жизни такие суррогаты офицерского корпуса, как «зауряд-

прапорщики» и «прапорщики запаса». Первыми, после крайне нетрудного испытания «в грамотности», делались на время войны толковые фельдфебели и унтер-офицеры, отбывшие срок своей действительной службы; вторыми — после такого же нетрудного испытания в «военных науках» — делались интеллигенты, отбывшие воинскую повинность. Специальная военная подготовка тех и других была очень слаба, но у первых все-таки, пожалуй, лучше. Это были в сущности настоящие «солдаты», для которых военная служба была и призванием, и ремеслом. Их связи с армией были кровные, прочные — и за честь носить офицерские погоны они честно платили своей кровью, своей жизнью. Вторые же, в громадном большинстве, и в офицерском мундире оставались адвокатами, учителями и чиновниками разных ведомств. Их идеалы, интересы, вкусы и характеры были чужды войне, армии и военной службе, с которыми их связывал лишь временами тяжелый принудительный долг гражданина.

Эти две группы «прапорщиков» еще более увеличивали разнообразие нашего офицерского корпуса, состоявшего нормально из трех категорий: питомцев кадетских корпусов и военных училищ; питомцев учебных заведений гражданских ведомств, окончивших особые военно-училищные курсы, и, наконец, лиц, не окончивших сполна ни военных, ни гражданских средних учебных заведений и ставших офицерами, пройдя курс юнкерских училищ. Такое разнообразие в воспитании и образовании нашего офицерского корпуса, конечно, значительно понижало число лиц, на которых в трудную минуту можно было положиться и которым можно было дать ответственное боевое поручение.

К тому же «русские начальники всех рангов, — по замечанию германского военного агента при нашей армии майора барона Теттау, — привыкли, чтобы их опекали, боялись ответственности и, не воспитанные, а скорее, даже подавленные в духе самодеятельности, избегали принимать самостоятельные решения».

«Неуверенность в победе», о которой доносил генерал-адъютант Куропаткин, объяснялась также общим сознанием нашей неподготовленности к войне, сознанием превосходства в этом отношении нашего противника. Так, например, в армии широко было распространено мнение, несомненно, неблагоприятно отражавшееся на ее духе, что японцами, благодаря прекрасной организации военного шпионства, еще до войны хорошо изучен театр военных действий. Мы же, фактические хозяева в нем, имели карты местности только южнее Ляояна, но и они, с потерей нами этого пункта, утратили свое значение; район же между Ляояном и Мукденом освещен был очень плохо, а карт местности севернее Мукдена и вовсе не было[34]. Наши офицеры-рекогносцеры во время войны то и дело «открывали Америки», а войска то и дело натыкались в походе на неведомые и трудно проходимые перевалы, а в бою — на «проклятые сопки»[35].

Все эти недостатки в «духе» и боевой подготовке нашей армии усугублялись еще недостатками ее организации.

В то время как японская армия представляла стройную систему, в основу которой положен был принцип тождества составных частей, и ее дивизии являлись гибкими, подвижными организмами, обладавшими всеми средствами для ведения самостоятельных операций сообразно всем условиям театра войны, наши корпуса, дивизии и даже полки были чрезвычайно разнообразны по своему качественному и количественному составу, являясь продуктами не вдумчивой и прочно сложившейся организации, а наскоро сделанной импровизации. Во главе их стояли иногда «случайные» начальники. Так, например, войсками 3-го сибирского корпуса пришлось командовать командиру 2-го (генералу Засуличу), а войсками 2-го — командиру 3-го (генералу Стесселю). Полки 9-й восточносибирской стрелковой дивизии, сформированные из рот остальных полков, представляли пестрый конгломерат отдельных войсковых частей, не имевших единства ни в степени обученности и боевой подготовки людей, ни в навыках и приемах дей-

ствий и управления, ни в боевых и товарищеских традициях. В остальных полках «чужими» были третьи батальоны, сформированные из войск Европейской России.

Значение связи между духом и организацией прекрасно было формулировано еще в начале войны генералом Мищенко.

> «Сюда, — говорил он, — следовало бы двинуть готовые корпуса, а новые сформировать и оставлять в России. Это дало бы нам на войне большой нравственный плюс: сплоченный корпус офицеров, знакомых со своими людьми, — полковые традиции, большее благоустройство, готовый механизм. А то укомплектовали полки третьими батальонами, взятыми из других частей, которые кажутся чужими; понадергали отовсюду офицеров, которые сами тут новички, ничего не знают в совершенно новой для них обстановке. И их никто не знает: ни подчиненные, ни начальники. К тому же знаете нашу привычку: пользуясь случаем, сбывать из полка худшие элементы? Ну, на них косо и смотрят: какие они? что им можно поручить и доверить? А война будет не шуточная. Нужны лучшие люди, отборные. Дух армии надо всемерно поддерживать, потому что сама война в ее поводах не дает для того достаточного материала»[36].

Так говорил генерал, в руках которого впоследствии всякая войсковая часть оказывалась прекрасною боевою силою.

Флот наш в Тихом океане был не в лучшем положении. Еще за два года до войны начальник тихоокеанской эскадры доносил об огромном некомплекте в личном составе ее. Недоставало: обер-офицеров от 16 до 39%, инженеров-механиков — от 25 до 29%, кондукторов — до 76%, артиллеристов разных званий — до 31%, минеров — от 17 до 20%, машинистов и кочегаров до 16%. Некомплект этот так и не был пополнен к началу кампании.

Недоставало также огромного количества снарядов: к 12"орудиям — 50%, к 10 — 100%, к 8 — 13%, к 6 — 83%, к 4,7 — 38%, к 3 — 97%, к 47 мм — 96%, к 37 мм — 80%. Недоставало, главным образом, наилучших и нужнейших сортов снарядов — бронебойных и фугасных, а то, что имелось, было распределено совершенно беспорядочно; например, во Владивостоке не было ни одного 3"снаряда, тогда как для

12"орудий там было 1037 снарядов; между тем, все корабли, вооруженные этими орудиями, находились в Порт-Артуре, где к ним было всего 153 снаряда.

В ужасном положении находились и средства эскадры для починки судов. Единственный док, в который можно было ввести броненосец или большой крейсер, находился во Владивостоке. Но во Владивостоке не было ни одного броненосца. Все же остальные средства для ремонта кораблей обоих портов (Владивостока и Порт-Артура) и в мирное время могли выполнить лишь половину обыкновенного ремонта[37].

По экономическим соображениям морского министерства эскадра наша вообще выходила в море и стреляла очень мало, и потому соединенное плавание и маневрирование ее было очень плохо слажено; двухсторонних же маневров, которые только и могли выяснить пригодность тех или иных тактических приемов для эскадренного боя, не производилось вовсе. Ночное плавание, без огней, и разведочная служба были также плохо организованы, и практики в них было очень мало. Система опознавательных сигналов была очень сложна. Единственно, что было в безусловной исправности на наших судах, это вахтенная служба[38]. Но, по замечанию Н. Л. Кладо, «было бы несправедливо умолчать о том, что среди морских офицеров совершенно отсутствовало военное образование, т. е. знакомство с историей морских войн и развития военно-морского искусства, с морской тактикой и с морской стратегией. Это невежество, по его словам, особенно сильно сказывалось в высшем командном персонале и в составе морского министерства», — и им объясняет г. Кладо то, что недостатки флота, хорошо известные руководителям его, казались им не столь опасными, как это было на самом деле, и потому они не торопились их устранить.

Это замечание о флоте следует распространить и на армию, в которой даже корпусные командиры не были подчас знакомы с современной военной техникой и тактикой боя. Только горький опыт Вафангоуского боя научил, на-

пример, генерала Штакельберга, как следует пользоваться современной артиллерией.

О боевой подготовке японского флота мы имеем очень мало данных в литературе. Известно, какой тайной обставляли японцы все, что касалось подготовки к войне и военным действиям, в особенности флота. И только из опубликованного за границей дневника японского морского офицера Нирутаки, командира миноносца «Акацуки» (в эскадре адмирала Того), мы узнаем, что «японский флот всю зиму 1903 г. вертелся, как белка в колесе, в открытом море, во всякую погоду, при собачьем холоде», производя ученья и практические стрельбы. Стреляли японцы в этот период так много, что «на последних учениях, — по словам Нирутаки, — старые торпеды стали давать осечку». «Осечки в серьезном деле лицом к лицу с русскими! — восклицает он. — Если бы со мной случилось что-либо подобное, я пустил бы себе пулю в лоб». В результате такой напряженной работы он заносит в свой дневник накануне выхода минной флотилии из Иокосука в Сасебо 1 февраля 1904 г. нов. ст. (18 января стар. стиля) следующие строки: «Лучшей команды нечего и желать; люди были толковы еще до принятия их на борт, а нынешняя, если можно так выразиться, зимняя мирная кампания не прошла без пользы. Мы все дьявольски много учились, и нас ничем не удивишь»[39].

Из иностранцев только английскому корреспонденту Сеппинг-Райту удалось видеть близко эскадру Того, и он свидетельствует о «лихорадочно-энергической деятельности арсенала в Сасебо (главной станции для ремонта и перевооружения судов) и арсенала в Куре (центр постройки новых судов).

Подводя итоги сказанному, следует признать, что война застала нас неподготовленными. Численность войск была недостаточна, предположения по усилению их не были еще доведены до конца; работа железной дороги, не подготовленной вследствие незаконченности ее оборудования к усиленным перевозкам, не удовлетворяла данным, которые

могли бы обеспечить сосредоточение наших сил; укрепления Порт-Артура и Владивостока, в особенности первого, далеко не были закончены; флот не имел того, что иметь ему надлежало; боевая подготовка войск имела существенные пробелы; одушевления войною не было, а уверения дипломатов, что ее удастся избежать, не давали возможности ему развиться и вылиться в энергичную подготовительную работу; командный персонал не был на должной высоте по своей научной подготовке, воспитанию, боевому опыту, складу духовных сил и физической годности. Наконец, и политическая обстановка нам также не благоприятствовала: войну предстояло вести на чужой, китайской территории, население которой, родственное по племенному своему происхождению с нашим противником, было настроено к нам скорее враждебно, чем дружественно; это выразилось тотчас же с открытием военных действий в оживлении деятельности хунхузских шаек по линии железной дороги, которую они неоднократно пытались испортить, и в движении лучших китайских войск генерала Ма из Печилийской провинции на север к реке Ляохе, т. е. к нашим путям сообщения.

Японцы имели пред нами численный перевес на суше и на море, преобладание в духе, вытекавшее из желания всей нации войны во что бы то ни стало, тщательную десятилетнюю подготовку к ней и командный персонал, получивший боевой опыт на том же театре войны, что давало ему превосходное его знание.

Вот при какой обстановке и с какими шансами на успех начиналось соперничество двух рас за господство в Азии.

* * *

План стратегического развертывания нашей армии в случае войны с Японией был выработан окончательно в ноябре 1903 г.

По этому плану, главную массу войск (всего 60 батальонов пехоты, 65 сотен кавалерии, 160 орудий и 2 саперных

батальона), силою до 65 тыс. штыков и шашек, надлежало направить в Южную Маньчжурию, сосредоточив главные силы в районе Хайчен–Ляоян и выдвинув авангарды (всего 18 батальонов, 25 сотен и 86 орудий — около 19 000 человек) к реке Ялу. Гарнизон крепости Порт-Артура должны были составлять 7-я восточносибирская стрелковая дивизия (12 батальонов), 2 батальона крепостной артиллерии и 1 саперная рота. Кроме того, для охраны Квантунской области, а в случае надобности и для усиления крепостного гарнизона, назначался 5-й восточносибирский стрелковый полк (2 батальона), 2 запасных батальона, 1 сотня казаков и нештатная 57-мм батарея в 6 орудий. Гарнизон крепости Владивосток должны были составить 8-я восточносибирская стрелковая дивизия (8 батальонов), 2 батальона крепостной артиллерии, 2 саперные роты и 1 минная рота. На Южно-Уссурийском театре войны, в районе Раздольное—Посьет, предполагалось сосредоточить вторые бригады 31-й и 35-й пехотных дивизий, сформировав из них отдельную сводную дивизию при 24 орудиях, кроме Посьетской нештатной батареи (8 орудий) и Новощевской минной роты. Гарнизон Николаевских укреплений (на Амуре) составляли 1 крепостной пехотный батальон, 1 крепостная артиллерийская рота и 1 минная рота.

В основание этого плана принято было заключение начальника временного морского штаба Наместника контр-адмирала Витгефта, что «при настоящем соотношении сил нашего и японского флота возможность поражения нашего флота не допускается; раз же, что наш флот не разбит, высадка японцев в Инкоу и в Корейском заливе немыслима».

Именно вследствие этого преувеличенного мнения о непобедимости нашего тихоокеанского флота для обороны Квантуна и Порт-Артура и признано было первоначально достаточным 16 батальонов.

В частности, план военных действий нашего флота был выработан еще в 1901 г., и хотя впоследствии он неоднократно подвергался обсуждению и пересмотру, сущность

его оставалась все той же. По этому плану флот наш, господствуя в Печилийском заливе, в Желтом и Южно-Корейском морях, должен был препятствовать высадке неприятельских войск в Чемульпо или в устьях реки Ялу и тем дать возможность нашей армии, сосредоточившись в Мукдене и Ляояне, двинуться к Корейской границе для преграждения неприятельского вторжения в пределы Маньчжурии. Для успешного решения этой задачи главные силы нашего флота, имея базой Порт-Артур, должны были преградить путь неприятельскому флоту в Желтое море для высадки десанта на западном побережье Кореи, а второстепенные имели целью отвлекать часть неприятельского флота от Печилийского и Корейского бассейнов. Для этого во Владивостоке был оставлен самостоятельный крейсерский отряд, который должен был действовать в тыл неприятелю, угрожать его сообщениям, преследовать его транспорты и коммерческие суда и производить нападения на малоукрепленные пункты японских берегов.

В общем ход войны представлялся генерал-адъютанту Куропаткину в следующем желательном виде:

«План войны должен быть очень простой, — писал он во всеподданнейшей записке от 2 февраля 1904 г., — 1) борьба флотов за главенство на море; 2) десант со стороны японцев и противодействие ему; 3) оборонительные действия с широким развитием партизанских действий до сбора значительных сил; 4) переход в наступление и вытеснение японцев сперва из Маньчжурии, а потом из Кореи, и 5) десант в Японию, разбитие территориальных войск, борьба с народным восстанием, овладение столицами и особою императора».

План японцев был повторением их плана войны с Китаем в 1894 г. и заключался в следующем: 1) захват господства на море; 2) захват Кореи для обеспечения операционной линии и устройства промежуточной базы для флота и армии; в частности, овладение Фузаном и Мозампо для совершенного обеспечения операционной линии закрытием Корейского пролива и овладение Гензаном, Чемульпо,

Цинампо и устьем Ялу для сокращения операционной линии устройством промежуточных баз; 3) переход через реку Ялу и занятие Фынхуанчена для прикрытия Кореи и обеспечения операции против Артура; 4) высадка у Бицзыво и операции против Квантуна и Инкоу, с одной стороны, и Хайчена — с другой; 5) высадка у Дагушаня и операции против Хайчена для захвата железной дороги и, наконец, 6) операции против Ляояна для поражения русской армии.

В соответствии с этим планом японцами были образованы 4 армии: 1-я — для захвата Кореи, 2-я и 4-я — для захвата железной дороги, и 3-я — для овладения Порт-Артуром. Начать военные действия на суше должна была 1-я армия под начальством генерала Куроки, численностью до 60 тыс. Она должна была, высадившись в Корее, оттеснить наши авангарды от реки Ялу и занять стратегическую позицию у Фынхуанчена на фланге путей от Ляояна к Порт-Артуру с целью обеспечить высадку остальных армий на Ляодунском полуострове у Бицзыво и Дагушана.

Для обеспечения десанта 1-й армии главная эскадра под начальством адмирала Того, в составе 20 броненосцев и крейсеров, с отрядом миноносцев, должна была действовать против Порт-Артура и уничтожить или заблокировать в нем эскадру адмирала Старка. Другая эскадра, из 6 крейсеров и 8 миноносцев, под командой адмирала Уриу, должна была конвоировать десант, предназначенный для овладения столицей Кореи — Сеулом, захватить стоявшие в гавани Сеула — Чемульпо наши суда («Варяг» и Кореец») и занятием позиции к северу от Сеула прикрыть дальнейшую высадку японской армии.

Сопоставляя эти планы, приходится сказать, что наш «очень простой» план хотя и предусматривал даже высадку в Японию, захват японских столиц и микадо, в сущности своей сводился, однако, всего лишь к сосредоточению значительных сил, что надолго предопределяло оборонительный характер действий и отдавало инициативу их

в руки противника; план же японцев, не имея в виду соответственно далеких географических целей, наступательный по существу, проникнут был крайней осторожностью и методичностью, несмотря на исключительно благоприятную для них обстановку.

Принятое японцами решение обеспечить успех своих первых операций начатием их *внезапно*, еще более отдавало в их руки инициативу военных действий, являющуюся одним из крупных факторов успеха.

Осуществление этих планов выпало на долю: с нашей стороны — генерал-адъютанта, адмирала Е. И. Алексеева, со званием главнокомандующего, генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина — с правами командующего Маньчжурской армией и вице-адмирала С. О. Макарова — с правами командующего флотом, причем оба этих последних лица были названы «самостоятельными и ответственными главными начальниками»; а со стороны Японии — на долю маркиза Ойяма.

О мало известной дотоле личности последнего стоит сказать несколько слов. В японско-китайскую войну он командовал армией, действовавшей против Порт-Артура, и взял его открытым штурмом. После этой войны он был начальником генерального штаба. Основанием для избрания его на эту должность, по словам сэра Яна Гамильтона, послужили честность, большая личная популярность и влияние клана Сатсума[40], к которому он принадлежит. «Великий маркиз», как зовут его в Японии, произвел на Гамильтона впечатление скорее «tries grand seigneur'a» — «с широкими политическими связями, чем человека, который хотя бы на минуту хотел казаться необыкновенно старательным ученым и профессиональным военным». «У нас имеются сотни более образованных, совершенных и знающих офицеров, которые могли бы занять место Ойямы», — говорил о своем главнокомандующем сэру Гамильтону один из японских офицеров, — но они не будут Ойямой». Из ряда других генералов Ойяму выделяла непоколебимая твердость характера при достижении намеченной цели — твер-

Маршал **ОЯМА**

дость, «исключительная даже для японца», как горделиво заявляли сэру Гамильтону сами японцы.

Как раз обратное говорили у нас о генерале Куропаткине, считая его самым образованным, совершенным и знающим офицером и потому самым подходящим вождем нашей армии в начинавшейся войне. И только скептики и остряки, вроде Драгомирова, спрашивали, говорят: «А кто же будет при нем Скобелевым?»

Что касается адмирала Алексеева, то его боевой опыт определялся руководством им нашими войсками при усмирении восстания боксеров в 1900 г. Среди своих подчиненных он пользовался большим уважением и авторитетом — за твердость воли, огромную трудоспособность, ясное понимание сложных обстоятельств и государственный ум. К

сожалению, все эти положительные качества были парализованы теперь тем распределением власти на театре войны, которое барон Теттау называет «своеобразным и не вполне ясным» и вследствие которого «помощник его, командующий армией, то прямо сносился с Петербургом, то считал нужным испрашивать указаний главнокомандующего, то доносил ему о своих распоряжениях post factum».

* * *

Театр войны охватывал огромное пространство между Владивостоком, Харбином, Порт-Артуром и Сеулом, заключая в себя Уссурийский край, остров Сахалин, Маньчжурию, Ляодунский полуостров и Корею.

Реками Сунгари, Уссури, Амуром и Ялу район этот делится на две части: Приморскую область, Южно-Уссурийский край и Корею с одною стороны, Маньчжурию и Ляодун — с другой. Так как последняя по своей заселенности, культурности и топографическим условиям наиболее благоприятна для развития военных операций и на ней сосредоточены были главнейшие цели действий японцев, которым принадлежала инициатива их, — крепость Порт-Артур, главные силы русской тихоокеанской эскадры и русская армия, то естественно, что она и стала ареной борьбы за господство на Дальнем Востоке. К тому же обладание Маньчжурией само собою обеспечивало японцам обладание и Ляодуном, и Кореей.

Примечания

[1] До войны бюджет военного министерства определялся на пять лет вперед. — *Прим. авт.*

[2] Правильно — Тераути. — *Прим. сост.*

[3] Правильно — Ояма. — *Прим. сост.*

[4] Правильно — Фукусима. — *Прим. сост.*

[5] *Гамильтон Ян.* Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны / Пер. с англ. генерального штаба капитан Семенов. Изд. В. Березовского. Ч. 1. С. 18, 19 и 30. — *Прим. авт.*

[6] Правильно — Сасэбо. — *Прим. сост.*

[7] 18 января бригада эта была двинута на линию Ляоян–Гайчжоу и 3 февраля сосредоточилась в Ляояне и Хайчене. — *Прим. авт.*

[8] Роты эти прибыли в пункты формирования полков к 4 февраля. — *Прим. авт.*

[9] 9-я дивизия и третьи батальоны только еще начали формироваться. — *Прим. авт.*

[10] Три поезда в сутки и 6 поездов — через 3 месяца от начала войны. — *Прим. авт.*

[11] От Москвы до Владивостока — 8 680 верст, а до Порт-Артура — 8 870 верст. — *Прим. авт.*

[12] «Петропавловск», «Севастополь», «Полтава», «Пересвет», «Победа», «Ретвизан» и «Цесаревич». — *Прим. авт.*

[13] «Аскольд», «Баян», «Диана, «Паллада», «Боярин» и «Новик». — *Прим. авт.*

[14] «Забияка», «Джигит» и «Разбойник». — *Прим. авт.*

[15] «Россия», «Громобой», «Богатырь» и «Рюрик». — *Прим. авт.*

[16] «Лена». — *Прим. авт.*

[17] В батальоне 4 роты, в роте — 250 чел. — *Прим. авт.*

[18] В полку — 3 эскадрона, около 190 коней каждый. — *Прим. авт.*

[19] В полку — 6 батарей 6-орудийного состава каждая; 5 полков имели горные орудия и 1 полк имел в своем составе три горные батареи. — *Прим. авт.*

[20] К гвардейской дивизии причислен также железнодорожный полк. — *Прим. авт.*

[21] Крепостная артиллерия также была в мирное время расписана по дивизиям. — *Прим. авт.*

[22] Нормальный состав ее выяснен был в 8 батальонов, 2 эскадрона и 36 орудий. — *Прим. авт.*

[23] См. изданный в 1904 г. при содействии Главного Штаба военно-географический и статистический обзор Японии, составленный генерального штаба полковником Богуславским, и справку о японской армии, изданную в 1904 г. штабом Заамурского округа пограничной стражи. — *Прим. авт.*

[24] Президент Императорского Совета обороны. — *Прим. авт.*

[25] В том числе 6 броненосных и 9 бронепалубных. — *Прим. авт.*

[26] Броненосцы имели по 4 орудия 12"и от 10 до 14 ор. — 6"; броненосные крейсера по 4 ор. — 8"и по 12—14 ор. — 6"; меньших калибров суда имели от 20 до 32 орудий. — *Прим. авт.*

[27] Только запасные войска и резервные бригады японской армии имели на вооружении более старый образец ружья — Мурата. — *Прим. авт.*

[28] Тадэути Сакурай. — *Прим. сост.*

[29] Переведена на русский язык под редакцией Ю. Романовского и А. фон Шварца; издание В. Березовского. — *Прим. авт.*

[30] Письмо Командующего Маньчжурской армией Наместнику Е. И. В. на Дальнем Востоке от 25 июля 1904 г. №961. — *Прим. авт.*

[31] Всеподданнейшее письмо генерал-адъютанта Куропаткина от 8 июня 1904 г. — *Прим. авт.*

[32] *Барон Теттау.* Восемнадцать месяцев в Маньчжурии с русскими войсками / Пер. с нем. М. Грулева, изд. В. Березовского. Ч. 2. С. 415. — *Прим. авт.*

[33] *Квитка А.* Дневник забайкальского офицера. Изд. В. Березовского. С. 46, 79, 91, 36, 204–205, 136, 133, 100 и 334. — *Прим. авт.*

[34] Намерение штаба Приамурского военного округа осветить съемкою район севернее Ляояна было отклонено военным министром генерал-адъютантом Куропаткиным, который нашел, что «много съемочных работ произведено по Ляодунскому полуострову и очень мало по столь же важному для России пространству между магистралью Восточно-Китайской ж. д. и рекою Амуром». — *Прим. авт.*

[35] Интересны обстоятельства, при которых открыт был кратчайший и удобнейший путь из Ляояна в город Саймадзы. В начале апреля 1904 г. из Фынхуанчена выслан был для закупки и сбора фуража транспорт из 50 повозок при 60 нижних чинах под командой корнета В. К. Шнеура. Маршрут движения транспорта составлен был по 20-верстной карте. Однако она оказалась не соответственной действительности — и транспорт заблудился. Совершенно случайно он через город Саймадзы вышел на Ляоян — Фынхуанченскую дорогу и добрался до Ляояна. Во время блуждания транспорта по горам произошло Тюренченское сражение — и штаб армии был озабочен скорейшим занятием Саймадзы, чтобы предупредить возможность выхода японских войск на путь выступления наших войск к Ялу. Но путь, известный штабу, был труднодоступен для артиллерии и долог. Путь же, случайно обнаруженный корнетом Шнеуром, был короче на 45–50 верст и имел на своем протяжении всего лишь один незначительный перевал, а не три. Об открытии корнета Шнеура стало известно командующему армией, который и поручил ему провести отряд в Саймадзы. Только благодаря этому обстоятельству этот узел дорог с Ялу на Мукден через города Куаньдансян и Фынхуанчен был занят нами 22 апреля, а 25 числа того же месяца за обладание им уже произошел бой.

Точно также, совершенно неожиданно был обнаружен на пути наступления 3-го сибирского армейского корпуса к Бенсиху в сентябре 1904 г. массив Лиутхилаза у деревни Каотайцзы. На картах, розданных войскам, тут было белое пятно, т. е. ровное место. Гора не была своевременно занята нами, ее заняли японцы и преградили корпусу дальнейший путь. — *Прим. авт.*

[36] См. мою книгу: *Мищенко.* Из воспоминаний о русско-японской войне. Изд. В. Березовского, 1908. С. 108–109. — *Прим. авт.*

[37] См.: Русско-японская война на суше и на море. Художеств. альбом с текстом. Изд. В. Березовского; Вып. V: Морские действия. Очерк. Составлен Н. Л. Кладо. — *Прим. авт.*

[38] В частности, для характеристики боевой годности нашего ми-

носного флота в Порт-Артуре к началу войны, вот данные о состоянии миноносца «Расторопный» — одного из двух миноносцев, несших службу по охране эскадры в роковую для последней ночь с 26 по 27 января 1904 г. Вооружение его состояло из двух минных поворотных аппаратов для мин Уайтхеда, из одного 75-мм орудия, трех 47-мм орудий и боевого прожектора. Ни аппараты, ни одно из орудий испытаны не были. Испытания машины на наибольшую скорость также не было сделано. Прислуги было мало: из 4 командиров налицо был один, из двух трюмных — также один, сигнальщиком был простой матрос, не умевший разобрать ни одного сигнала; машинную и кочегарную команду составляли частью ученики, взятые с других судов эскадры, частью — рядовые матросы. В общем, команда миноносца была настолько малоопытна в управлении машиной и котлами, что матрос, назначенный быть трюмным, не знал, какой кран нужно открыть для приема воды, и принял ее не в цистерну, а в трюм. Но главный недостаток миноносца, совершенно не оправдывавшего свое название, заключался в том, что он не мог иметь пресной воды более, чем на 60 миль плавания, и, стало быть, не мог участвовать в продолжительном походе с эскадрою. — *Прим. авт.*

[39] *Сеппинг-Райт Н. С.* С адмиралом Того. Описание семимесячной службы под его командой. Изд. В. Березовского. С. 25–26. — *Прим. авт.*

[40] Сацума — одно из самых развитых княжеств на юге Японии. После революции Мэйдзи представители именно этого княжества заняли командные посты в вооруженных силах. — *Прим. сост.*

Глава третья

НАЧАЛО ВОЙНЫ — ПОРТ-АРТУР — ТЮРЕНЧЕН — ЦЗИНЬЧЖОУ

На тайных совещаниях членов высшего японского правительства, происходивших 21, 22 и 23 января 1904 г., решено было начать военные действия без объявления войны, внезапным нападением на порт-артурскую эскадру и на отдельные ее суда[1].

Для сохранения этого решения в тайне прервано было всякое сообщение Токио и Сеула с внешним миром: телеграф перестал действовать, корреспонденция, адресованная нашим дипломатическим представителям в Корее и Японии, перехватывалась японцами, а 23 января ими же был захвачен в море и пароход нашего Добровольного флота «Екатеринослав».

На следующий день, 24, в Японии была объявлена мобилизация, а 25 рано утром эскадра адмирала Того (6 броненосцев, 14 крейсеров и 26 миноносцев) вышла из Сасебо в море.

«Куда мы идем, никому неизвестно, — записал в своем дневнике знакомый уже нам командир «Акацуки» Нирутаки. — Сигналов еще не было, и все следуют за флагманским кораблем. Но, судя по курсу, мы идем к Порт-Артуру. Ход держим самый малый. Погода холодная, море сердитое. В Сасебо я слышал, что мы не будем объявлять войны, так как это совершенно непонятный глупый европейский обы-

чай. Я заранее радуюсь смерти каждого русского, так как ненавижу эту нацию; она одна мешает величию Японии».

Одновременно с эскадрой адмирала Того двинулась к Чемульпо и эскадра адмирала Уриу (6 крейсеров и 8 миноносцев), конвоируя транспорты с войсками 1-й армии (Куроки).

26 января в 18 милях от Артура эскадра адмирала Того встретила английский пароход, вышедший из Артура в 5 ч. вечера того же дня и увозивший оттуда японцев, спешно ликвидировавших свои дома и распродавших за бесценок свои товары и имущество. По признанию сопровождавшего их японского консула, опубликованному потом в газетах, на этом же самом пароходе выехал из Артура и японский шпион, штаб-офицер, переодетый пароходным слугою. Он перешел на борт флагманского корабля «Микаса» и сделал адмиралу Того подробный доклад обо всем, что видел в Порт-Артуре, — о расположении русской эскадры, о состоянии ее боевой готовности и о мерах ее охранения. На представленном им адмиралу плане порт-артурского рейда было точно указано, где какое русское судно стояло. С этого плана быстро были приготовлены копии, и затем на флагманский корабль были созваны командиры всех судов миноносной флотилии.

«Господа,—сказал им Того, — вы должны сегодня же вечером или сейчас же после полуночи напасть на русскую эскадру в Порт-Артуре и Дальнем. Говорят, враг не подготовлен встретить наше нападение, так как ждет объявления войны с нашей стороны. Но я советую не доверять этому вполне».

И дав ряд указаний, как обеспечить успех этой атаки, Того закончил свою речь словами: «Нападение должно быть произведено во всяком случае. И помните: на войне выигрывает тот, кто смело атакует».

Наша порт-артурская эскадра стояла в это время на внешнем рейде, выстроенная в три линии: северную (считая от запада к востоку) составляли «Петропавловск», «Полтава» и «Севастополь», среднюю — «Пересвет», «Победа»,

«Ретвизан» и «Цесаревич» и южную — «Ангара», «Диана», «Паллада», «Баян» и «Аскольд». Севернее эскадры, отдельно, под берегом, стояли «Новик», «Боярин» и «Гиляк».

Эскадра выведена была из внутреннего рейда на внешний еще 18 января — «дабы быть в готовности к немедленному исполнению всякого поручения». Для охраны ее ежедневно назначались два крейсера — в дежурство под парами, два корабля — для освещения рейда прожекторами и распознания подходящих судов, два миноносца — для крейсерства в море на 20 миль от эскадры, и одна канонерская лодка — для крейсерства на 10 миль. Согласно инструкции, объявленной по эскадре 19 января, ежедневно вечером прекращалось сообщение судов с берегом, корабли приготовлялись по сигналу к отражению минной атаки, а по спуску флага вся судовая артиллерия, кроме башенной, заряжалась, и прислуга одного борта оставалась на всю ночь при орудиях. Не было лишь заграждающего бона, спуска на ночь предохранительных от мин сетей, да штанговые огни оставались на ночь открытыми во избежание столкновений в темноте с двигавшимися по рейду частными судами. Однако именно это-то все и делало нашу эскадру уязвимою и отчетливо видимою для противника целью.

Начальник эскадры вице-адмирал Старк ясно это сознавал и, считая ее при таких условиях недостаточно обеспеченной, 26 января подал наместнику рапорт, в котором просил указаний по охране эскадры на ночь и о разрешении посылать для наблюдения за японскими судами к островам Клиффорд и Шантунг по два быстроходных крейсера.

Не желая ослаблять эскадру высылкой судов для дальнего крейсерства, адмирал Алексеев в тот же день (26 января) положил на этом рапорте резолюцию: «Пока высылать по одному крейсеру, начав с 28 января». Другие же мероприятия по охране эскадры он поручил выработать особому совещанию под председательством самого адмирала Старка. Не теряя времени, последний собрал это совещание в тот же вечер, 26 января, на своем флагманском корабле

«Петропавловск». Оно началось в $8^1/_2$ ч. вечера и окончилось в 11. Теперь для нас безразлично, какие именно меры были проектированы на этом совещании для охраны эскадры[2]. Все было теперь уже поздно — и в этой запоздалой поспешности была злая насмешка рока.

Покидая после совещания «Петропавловск», начальник морского штаба Наместника контр-адмирал Витгефт уверенно сказал провожавшим его лицам: «А все-таки войны не будет!» Но он не успел еще доехать на своем катере до берега, как за его спиною, на только что покинутом им спокойном рейде, раздался гром минных взрывов и грохот орудий.

Война уже началась.

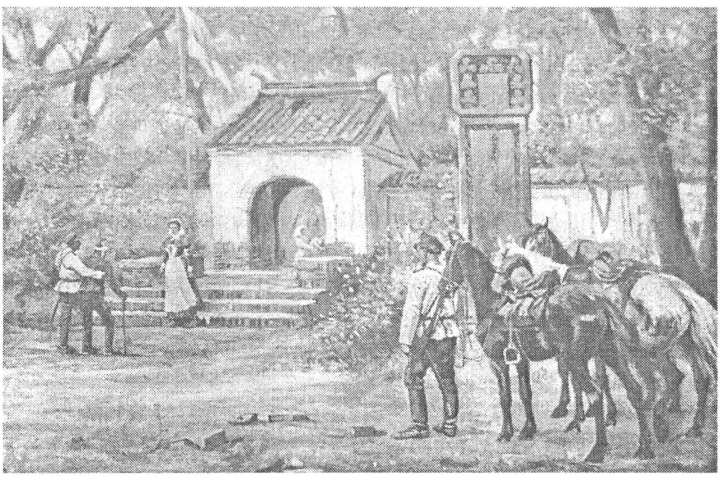
Для атаки нашей эскадры японская минная флотилия была разделена на два отряда: 10 миноносцев были направлены к мысу Ляотешань для атаки правого фланга нашей эскадры и 8 — к Талиенвану для атаки левого фланга.

«Ночь была темная, но ясная, — прекрасная ночь для атаки, — пишет в своем дневнике Нирутаки. — Ярко светил огонь маяка. Весь город горел огнями, и светящиеся точки указывали местонахождение эскадры».

Японские суда шли без огней, и только на судне начальника флотилии при самом подходе к рейду были зажжены «на всякий случай» огни — красный и белый, — «известный нам сигнал русских судов, желающих зайти в Артур», — признается Нирутаки.

Все увеличивая ход, бесшумно и незримо неслись японские миноносцы на нашу эскадру.

Было 35 минут 12 часа ночи, когда командир «Ретвизана» капитан I ранга Щенснович проснулся в своей каюте от сильного сотрясения всего корабля. Электрическое освещение погасло и не действовало. Наверху били тревогу — «отражение минной атаки», и по первым же звукам этого сигнала открыт был огонь с броненосца. Хотя в момент нападения на корабле не спало всего лишь около 100 человек, но все — и офицеры и матросы — моментально оказались на своих местах. Щенснович выскочил наверх и, получив до-

В русский красный крест
худ. В. Мазуровский

клад вахтенного начальника, что в корабль попала мина, приказал разводить пары и подвести под пробоину парус, а освещение перевести на котловые динамо-машины. Так как корабль сильно кренило, то были затоплены для выпрямления его правые патронные погреба, а когда машины были готовы, «Ретвизан» снялся с якоря и пошел в гавань. Но нос его все более опускался в воду, и, не дойдя до гавани, броненосец приткнулся к берегу в проходе и долго стоял здесь, отражая своим огнем попытки японцев загородить проход брандерами.

На «Цесаревиче» вахтенный офицер заметил подходящие японские миноносцы раньше, чем они успели выпустить мины, и дал сигнал к отражению минной атаки. Огонь был тотчас же открыт и поднял на корабле всех на ноги. Японские миноносцы не шли, а летали, и были уже так близко — в интервале между «Цесаревичем» и «Аскольдом», — что командир первого судна капитан I ранга Григорович приказал стрелять по ним из пулеметов. Но японский миноносец дошел все-таки до цели и выпустил мину.

От взрыва ее на корабле погасло электричество, и судно, содрогнувшись, повалилось на правый борт, а затем стало крениться на левый. Но ожесточенная стрельба с броненосца не умолкала, а во всех котлах его разводились пары. Пока это делалось, «Цесаревич» был атакован вторично. Мины прошли на этот раз под кормою. Через 40 минут после взрыва машина была готова, и броненосец, имея крен 170, управляясь одними машинами, так как руль не действовал и рулевое отделение было залито водой, пошел в гавань и здесь, в узком проходе, занятом уже «Ретвизаном», проскакивая мимо него, «рыскнул» сильно в сторону и также приткнулся к отмели, на которой и пробыл до 2 часов следующего дня. По дороге броненосец был атакован в третий раз, но отбил атаку огнем.

Кроме «Ретвизана» и «Цесаревича», была еще атакована «Паллада» и также потерпела аварию.

Остальные суда эскадры поддерживали своим огнем атакованные корабли, а крейсер «Новик», по сигналу адмирала Старка, бросился было даже в погоню за японскими миноносцами, уходившими с рейда после атаки, но не догнал их. Молчали только береговые батареи крепости, не имевшей никакой административной связи с флотом. Здесь полагали, что на рейде происходит ночной маневр эскадры. Только через $1^1/_2$ часа после начала минной атаки с Золотой горы был подан крепости сигнал тревоги, войскам гарнизона приказано было немедленно занять места по диспозиции, сухопутному фронту крепости начать вооружаться, а батареям береговой обороны быть в полной готовности к бою.

В результате этой атаки у нас были выведены из строя два броненосца и один крейсер, убито 2 нижних чина, ранено 8 и утонуло 5. Японцы потеряли не менее двух миноносцев.

Если эта катастрофа не приняла больших размеров для нас, то это надо объяснить только бдительностью вахты на судах и расторопностью офицеров и матросов.

«Надо отдать справедливость, — замечает в своем днев-

нике Нирутаки, атаковавший со своим «Акацуки» «Палладу», — если они (русские) и не были начеку, то не растерялись и с быстротою молнии заняли свои посты. В одну минуту пушки были заряжены и прожектора поставлены».

Около 11 часов утра 27 января японский флот снова появился перед крепостью и открыл по ней огонь. Ему отвечали наши батареи вместе с эскадрой, которая, будучи теперь ослаблена на три боевые единицы, не решилась принять бой в открытом море. Этот артиллерийский поединок продолжался около часа. Выяснив результат ночной атаки своих миноносцев и выведя у нас из строя еще один броненосец («Полтава») и два крейсера («Аскольд» и «Новик»), Того отошел. Мы потеряли в этот день на эскадре ранеными — 5 офицеров, убитыми нижних чинов — 14 чел. и ранеными — 69 чел.; в гарнизоне нижних чинов убитыми — 1 чел. и ранеными — 6 чел.

* * *

В то время как эскадра адмирала Того шла к Порт-Артуру, эскадра адмирала Уриу двигалась к Чемульпо. В 4 часа дня 26 января она встретила вблизи этого порта нашу канонерскую лодку «Кореец», посланную нашим посланником в Сеуле графом Павловым в Порт-Артур с донесением о положении дел в Корее. Японская эскадра обстреляла «Корейца», и он вернулся на Чемульпский рейд. Ночью с подошедших японских транспортов высадилось около трех тысяч солдат, которые и заняли Сеул. Утром 27 января командир крейсера «Варяг» капитан I ранга Руднев получил от адмирала Уриу официальное уведомление о начале враждебных действий и приглашение покинуть рейд до полудня под угрозой в противном случае атаковать русские суда на рейде. Извещение об этом предложении получили от Уриу и командиры иностранных судов, стоявших в Чемульпо.

— Я буду стрелять в того, кто первый откроет огонь на нейтральном рейде, — ответил на это японскому морскому офицеру командир английского судна «Талбот».

— Как, и в нас? — изумился японец.

— Мне все равно, — резко возразил ему англичанин.

Хотя выход из порта грозил нашим судам неравным боем, Руднев все же принял этот вызов и вместе с «Корейцем» вышел в море. Пред величием его подвига забыты были все политические комбинации и счеты, и все иностранные корабли проводили наши суда, шедшие на верную гибель, гимном «Боже, царя храни». На предложение, сделанное Уриу сигналом сдаться, Руднев ответил молчанием. Тогда японская эскадра открыла по нашим судам жесточайший огонь. Японцы так торопились потопить быстроходный «Варяг», так боялись, что он прорвется и уйдет, что начали стрелять, едва он показался у выхода из гавани. Если бы они дали ему отойти дальше в море, ему труднее было бы вернуться на рейд. Теперь «Варягу» скоро пришлось это сделать, так как «Кореец», следовавший за ним, не мог развить той же скорости. Бросить его одного на добычу японцам Руднев не хотел и, выдержав короткий бой, в течение которого на «Варяге» были убиты 1 офицер (мичман граф Нирод) и 33 матроса и ранено 3 офицера и 70 матросов, а сам он контужен в голову, — вернулся с «Варягом» и «Корейцем» на рейд, где и затопил оба судна[3].

Вечером того же дня японский посланник при корейском дворе потребовал аудиенции у корейского императора, был им принят и заявил, что отныне Корея будет находиться под управлением Японии. Безвольный и бессильный повелитель страны «Утреннего спокойствия» не протестовал. Он намеревался было бежать в нашу миссию, чтобы оттуда перебраться на французское судно. Но попытка эта не удалась. Его дворец зорко стерегли английские и японские патрули. Его дворцовая стража бежала в горы. И он покорился своей участи. Таким образом, Корея как база была японцами себе обеспечена.

27 января издан был Высочайший манифест, объявлявший населению Империи, что Наместнику Е. И. В. на Дальнем Востоке повелено «вооруженною силою ответить на вызов Японии». В манифесте говорилось, что «были при-

ложены все усилия для упрочения спокойствия на Дальнем Востоке», что «в сих миролюбивых целях изъявлено было согласие на предложенный японским правительством пересмотр существующих между обеими империями соглашений по корейским делам», но что Япония, «не выждав даже получения последних ответных предложений» нашего правительства, разорвала дипломатические сношения с Россией и начала военные действия.

Микадо же в своем манифесте, опубликованном в Токио лишь 29 января, напротив, возлагал ответственность за войну на Россию.

«Россия, — объявлял он своему народу, — ни разу не пошла навстречу нашим предложениям в духе примирения и умышленными проволочками старалась затянуть улажение этого вопроса (о неприкосновенности Кореи). Заявляя о своем желании поддерживать мир, она, с другой стороны, усердно готовилась к войне на суше и на море, стараясь, таким образом, выполнить свои эгоистические планы. Мы, — говорилось далее в этом манифесте, — никоим образом не можем поверить тому, что Россия с самого начала переговоров была воодушевлена серьезным и искренним желанием мира. Она отклонила предложения нашего правительства. Независимость Кореи в опасности. Это угрожает жизненным интересам нашей Империи».

27 января объявлена была мобилизация войск Дальнего Востока. Главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами, действующими против Японии, назначен был генерал-адъютант адмирал Алексеев; во временное командование Манчжурской армией вступил генерал-лейтенант Линевич, а 8 февраля командующим ею в качестве самостоятельного и ответственного начальника назначен был генерал-адъютант Куропаткин.

Пунктом сосредоточения главных сил нашей армии (собственно Ляоян-Хайченской группы их) был избран Ляоян, к которому 3 февраля и сосредоточились части 3-й восточносибирской стрелковой дивизии. Как ни мал числом был этот отряд ($7^1/_2$ батальонов, 4 сотни и 22 ору-

дия), но присутствие его имело важное значение: китайская администрация не посмела открыто проявить враждебное к нам отношение. А что расположение к этому было, свидетельствует факт обнаружения в некоторых местностях Маньчжурии особого «объявления (о войне Велико-Цинского государства штаба Маньчжурских войск Чжунь-И», датированного 18 февраля ст. ст. 1904 г. В объявлении этом спрашивалось: «Когда же найдутся люди, благородные, пылкие и выдающиеся, которые в глубокую ночь, отточив мечи и штыки, отомстят врагам Дай-Цинского государства?!»

«Арендуя три восточные провинции, — говорилось в нем далее, — Россия распевала о всеобщем мире и заявляла, что она заботится о защите интересов всего Дай-Цинского государства. Слова ее были прелестны и заявления — прекрасны. Кто же мог тогда подумать, что она будет такая лютая, как теперь. Кто мог подумать, что после года И-нэй (1895 г.) русские люди станут многократно пользоваться нашим упадком...» и т. д.[4].

Воззвание кончалось призывом «непоколебимых в исполнении долга и горячо принимающих к сердцу общественное дело людей» воспользоваться случаем, взяться за оружие, изгнать русских, «врагов Великих Цинов», и отплатить им «за копившуюся годами обиду».

Сорокатысячный корпус китайского генерала Ма, стоявший в окрестностях Синминтина, внушал нам в это время серьезные опасения, и, на случай открытия Китаем враждебных действий против нас, сформирован был небольшой Ляохейский отряд ($3^1/_2$ роты, 6 сотен и 4 орудия), который должен был разрушить важнейшие сооружения на железной дороге Инкоу–Синминтин при первой же попытке Ма захватить их.

Вместе с тем организовано было наблюдение за побережьем Корейского и Ляодунского залива для определения пунктов высадки неприятеля и разведки количества японских войск, высаживающихся в Корее, и путей их наступления.

Эта последняя задача возложена была на передовой конный отряд генерал-майора Мищенко, в составе Отдельной Забайкальской казачьей бригады, 1-й Забайкальской казачьей батареи и охотничьей команды 15 восточносибирского стрелкового полка. 28 января одна сотня этого отряда двинулась к границам Кореи; 1 февраля туда высланы были три офицерских разъезда, и следом за ними в Корею вступил весь отряд. 6 февраля его разъезды захватили в Ичжу японского майора и пять солдат, наблюдавших за переправами на реке Ялу, а 15 февраля под Пеньяном произошла первая встреча наших разъездов с японскими. Она вызвала в Пеньяне сильную тревогу, свидетельствовавшую, что наступления наших войск в Корею не ожидали. Это было важное обстоятельство, которое могло бы, вероятно, сильно спутать все расчеты японцев и передать инициативу действий в наши руки. Но им не воспользовались, и этого первого маленького с виду, но важного по своему значению успеха не только не использовали и не развили, но свели его к нулю. 18 февраля генерал Линевич, считая выдвинутое положение отряда генерала Мищенко опасным, приказал ему отойти назад в Ичжу, на Ялу, наблюдая впереди лежащую местность лишь разъездами.

Очевидно, генерал Линевич боялся лишиться конницы в самом начале войны. Но главнокомандующий адмирал Алексеев этих опасений не разделял и, узнав о потере соприкосновения с противником, приказал Линевичу немедленно двинуть конный отряд вперед и предписать ему более решительный образ действий.

26 февраля отряд снова двинулся в глубь Кореи, но за это время обстановка уже сильно изменилась и, конечно, не в нашу пользу. 12 февраля в городе Аньчжу не было еще ни одного японца, а 3 марта он был уже занят трехтысячным японским отрядом, и, стало быть, теперь мы не могли продвинуться далее этого пункта. Теперь мы всюду уже натыкались на японцев. Головные отряды их находились уже на правом берегу Пакченгана, их разъ-

езды доходили до Касана, а главные силы, высадившись в Цинампо и Сеуле, шли к Пеньяну и далее на Унсан и Канге.

Собрав все эти сведения и считая задачу разведки посильно выполненною, генерал Мищенко хотел уже отходить за Ялу, когда получил от генерала Линевича выражение сожаления, что он не «потрепал» японцев. Тогда генерал Мищенко снова повернул свой отряд обратно и 15 марта атаковал корейский городок Чончжю, занятый, по слухам, 4 японскими эскадронами.

Это был наш первый смелый, «хороший» бой, в сущности своей бесполезный, так как новых данных о противнике он нам не дал, а только подкрепил уверенность, что в окрестностях Чончжю, Аньчжу и Пеньяна сосредоточивается 1-я японская армия.

Так как в то же время отряд, выдвинутый из Владивостока в Северную Корею, нигде противника не обнаружил, то стало ясно, что ближайшею целью действий японской армии, высадившейся в Корее, было наступление к Ялу, форсирование переправы через эту реку и дальнейшее развитие операции на Маньчжурском театре.

Перевозка и высадка войск армии Куроки прикрывалась эскадрой адмирала Того, который для обеспечения этой операции сделал ряд попыток заблокировать наш флот в Порт-Артуре. 11 февраля, ночью, он направил на «Ретвизан», севший на мели в проходе и его сторживший, 4 парохода-брандера, которые должны были его взорвать и затопиться сами в проходе. Но брандеры были разбиты огнем «Ретвизана» и приморских батарей крепости, не дойдя до цели. В следующую ночь Того повторил эту попытку, но так же безуспешно. Тогда 26 февраля он попытался уничтожить наш флот бомбардировкой, но и она не достигла цели.

В то же время, в конце февраля для обеспечения перевозки японской гвардии на театр войны к Владивостоку вышла эскадра адмирала Камимуры в составе 8 крейсеров, чтобы парализовать возможную опасность со стороны

нашей владивостокской эскадры. Последняя уже выходила, было, в море в начале февраля для крейсерских операций, но, застигнутая штормами, вернулась назад, уничтожив лишь один японский пароход у Сунгарского пролива. Теперь она была опаснее порт-артурской эскадры, которая не могла предпринять активных действий, так как пять судов ее чинилось после повреждений, причиненных ей ночной атакой миноносцев и боем 27 января.

22 февраля эскадра Камимуры бомбардировала Владивосток. Крепость не отвечала, и японская эскадра ушла.

Центр тяжести военных действий на море снова перенесся к Порт-Артуру.

9 марта эскадра адмирала Того снова появилась перед ним. На этот раз навстречу ей вышла наша эскадра, готовая принять бой под прикрытием приморских батарей крепости. Японцы были поражены этим обстоятельством и уклонились от открытого состязания; они ушли за массив Ляотешаня и, будучи там неуязвимы выстрелами наших крепостных орудий, открыли перекидную стрельбу по городу, крепости и внутреннему рейду. Но, к новому удивлению японцев, им стали отвечать чинившиеся еще в восточном бассейне «Ретвизан» и «Цесаревич» и так метко, что японцы быстро ушли и оттуда[5].

Всем этим наша порт-артурская эскадра обязана была энергии и отваге нового командующего флотом в Тихом океане вице-адмирала С. О. Макарова.

Он прибыл в Порт-Артур 24 февраля и поднял свой флаг на быстроходном крейсере «Аскольд». «В этом сразу сказалось что-то ободряющее, — пишет в своих воспоминаниях о «страдных днях Порт-Артура» г. П. Ларенко; — сам адмирал не искал спасения за толстой броней и под прикрытием Золотой горы, а перешел на легкий крейсер, стоявший как раз против входа в гавань, — будто стал сразу на страже и готов был защищать эту гавань. Это поняли все и вздохнули облегченно».

Это был творческий, пытливый ум, отважная душа,

ненасытно жаждавшая труда и подвига, талантливая, разносторонне гибкая натура не только моряка, но и общественного деятеля, отдававшаяся каждому делу беззаветно, самоотверженно, «всей полнотой душевных сил». Ученый, моряк, изобретатель и писатель, Макаров в то же время верил, что

Сила флота не в громадах,
Не в бронированных «армадах», —
Сила в духе и в сердцах...

И потому, прибыв в Артур, он своими решительными требованиями энергической работы от всех, своею проповедью необходимости активной деятельности флота и примером личной энергии, отваги и личного труда сразу поднял дух эскадры, упавший после ряда неудач первых дней войны: выбытия из строя 3 судов после внезапной атаки японских миноносцев 26 января; выбытия из строя 2 судов после боя 27 января; гибели минного транспорта «Енисей» 29 января при постановке им минного заграждения и гибели «Боярина» 30 января в Талиенванской бухте.

«За короткое время пребывания Макарова в Артуре, — читаем мы в дневнике г. П. Ларенко от 13 марта, — им вооружены даже все катера. Деятельность в порту стала кипучей, в штабе адмирала разрабатываются всевозможные проекты дальнейшей борьбы. Всюду царит воодушевление и уверенность в успехе».

Японцы это поняли, почувствовали и жаждали только одного — гибели Макарова.

Вот какие откровенные признания находим мы в знакомом уже читателям дневнике Нирутаки, командира «Акацуки»: «Как переменилось положение вещей с тех пор, как Макаров принял командование! — восклицает он. — Дать генеральное сражение неизбежно, как бы мы при этом ни рисковали, иначе русские со дня на день будут становиться все решительнее, опытнее и опаснее...».

И действительно, наша эскадра стала постепенно переходить к активному образу действий. Она выходила в море

и удалялась на значительное расстояние от крепости; миноносцы наши все время держались в море и смело вступали в бой с неприятельскими; подчас они геройски гибли сами, как, например, «Стерегущий» и «Страшный», но и губили врага. Новая попытка японцев заградить нашей эскадре выход из гавани брандерами снова им не удалась.

Близилось уже время, назначенное для высадки в Ляодун 2-й и 3-ей японских армий, а между тем нельзя было ожидать теперь что она произойдет так же беспрепятственно, как и высадка 1-й армии. И вот адмирал Того прибегнул к новому приему борьбы: он стал разбрасывать по ночам в море, перед крепостью, мины.

31 марта утром наша эскадра вышла из гавани на поддержку своим миноносцам, возвращавшимся с боем из ночного крейсерства. За миноносцами гналась вся японская эскадра. На этот раз она, по-видимому, готова была принять бой. Желая завлечь неприятеля под огонь наших приморских батарей, Макаров приказал эскадре отходить назад. При этом движении броненосец «Петропавловск», на котором находился и сам командующий нашим флотом, наткнулся на одну из разбросанных японцами мин, взорвался и погиб вместе с адмиралом, его штабом, известным художником В. В. Верещагиным и почти всем его экипажем. Чудом уцелели немногие, в том числе Е. И. В. Великий князь Кирилл Владимирович и командир броненосца капитан I ранга Яковлев.

Нирутаки, наблюдавший со своего «Акацуки» гибель русского судна, отразил в своем дневнике затаенную мечту каждого японца в это время: «Был бы лишь убит адмирал Макаров. Это для нас главное».

И эта мечта их сбылась.

Наша Порт-Артурская эскадра вернулась к тому бездействию, из которого на короткий срок ее вывел Макаров. Новый же командующий флотом вице-адмирал Скрыдлов за все время кампании ничем себя не проявил. И никто уже более не оспаривал у японцев их господства на море.

2 апреля эскадра Того в третий раз бомбардировала

Порт-Артур, но и эта бомбардировка не дала им существенных результатов; японская эскадра отошла, и под Порт-Артуром временно наступило затишье.

В крепости спешно достраивали неоконченные форты, батареи и укрепления, возводили новые и укрепляли передовую Цзиньчжоускую позицию. Для усиления гарнизона крепости решено было перевести на Квантун из Инкоу 15-й восточносибирский стрелковый полк и из Гирина — 16-й полк; таким образом, здесь сосредоточилась вся 4-я восточносибирская стрелковая дивизия (генерал-майор Фок). Спешно также подвозили в крепость живой скот, консервы и другие запасы продовольствия. 14 марта в Порт-Артур прибыл вновь назначенный комендантом его генерал-лейтенант Смирнов, а 15 марта прибыл в Ляоян к армии и давно ожидавшийся ею генерал-адъютант Куропаткин.

К этому времени в районе сосредоточения армии, в Южной Маньчжурии, собрано было 59 батальонов, 39 эскадронов и сотен и 140 орудий. Войска эти были расположены следующим образом:

Южный отряд под начальством генерал-лейтенанта Сахарова[6] (20 батальонов, 6 эскадронов и 54 орудия) расположен был в районе Хайчен–Дашичао–Инкоу–Гайчжоу.

Восточный авангард под командой генерал-маора Кашталинского (8 батальонов[7], 24 орудия, 8 горных орудий и 8 пулеметов) выдвинут был к реке Ялу, в районе Шахедзы—Тюренчен—Фынхуанчен.

Конный отряд генерал-майора Мищенко (18 сотен и 6 орудий) действовал еще в Северной Корее; к нему причислены были 5 сотен, наблюдавшие за побережьем Корейского залива от Дагушаня до Бицзыво.

Главные силы были собраны в две группы: у Айсандзяня (8 батальонов и 24 орудия) и у Ляояна (21 батальон, 10 сотен и 24 орудия).

В Мукдене, для охраны Главной квартиры Наместника главнокомандующего, находилось 3 батальона и 4 орудия.

На Квантуне и в Порт-Артуре было около 30 батальо-

нов и 64 полевых орудия, не считая крепостной артиллерии, инженерных войск и морских и нестроевых команд.

В Приморской области имелось 11 батальонов, 6 сотен и 32 орудия, кроме того, 1 резервный и 2 саперных батальона, 2 конные и 4 пешие сотни Уссурийского казачьего войска и 21 вольная дружина, около 500 человек в каждой; гарнизон Владивостока составляли 12 батальонов, а гарнизон Николаевска-на-Амуре — 2 батальона, и, наконец, для обороны Сахалина сформировано было, в помощь 4 местным командам, 7 вольных дружин, по 200 человек в каждой.

Хотя успешности подвоза войск на театр войны и препятствовала незаконченность Кругобайкальской ж. д., вследствие чего войска шли походным порядком по льду Байкальского озера (39 верст), а также малая оборудованность Забайкальской и Восточно-Китайской ж. д., все же сосредоточение нашей армии происходило настолько успешно, что к половине марта мы имели на 15 батальонов более, чем предполагалось по плану.

К этому же времени японцы успели высадить в Сеуле 20 тыс. и в Цинампо — 18 тыс.

Их перевозке могла теперь угрожать лишь наша Владивостокская крейсерская эскадра. В середине апреля она, действительно, вышла в Японское море для крейсерства, под командою контр-адмирала Иессена, взорвала два японских парохода и потопила большой японский транспорт с войсками, шедший в Корею, но, узнав, что против нее идет снова эскадра Камимуры (10 судов), вернулась во Владивосток.

К 21 марта передовые японские отряды подошли к реке Ялу и заняли город Ичжу. Под напором их отряд генерала Мищенко, несмотря на сильный ледоход, благополучно переправился на правый берег и соединился с отрядом генерал-майора Кашталинского, сторожившим реку.

Переходом за Ялу конница наша была спасена, но связь с противником была потеряна[8].

В первых числах апреля, когда обнаружилось, что у Ичжу сосредоточилась вся 1-я японская армия, положение

отряда генерала Кашталинского, удаленного на 200 верст от главных сил и отделенного от них горами, признано было опасным, и он был усилен частями 6-й восточносибирской стрелковой дивизии (генерал-лейтенант Трусов) до $17^1/_4$ батальонов, 21 сотни и 62 орудий. Отряд этот получил наименование Восточного и командовать им был назначен командир 2 Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенант Засулич.

Восточному отряду генералом Куропаткиным поставлены были следующие задачи: 1) пользуясь местными условиями, затруднить переход противнику через реку Ялу и дальнейшее его наступление через Феншуйлинский хребет и 2) выяснить силы и направление наступавшей из Кореи японской армии. Вместе с тем отряду указывалось, что при выполнении этих задач он должен, с одной стороны, «всеми мерами избегать решительного боя с превосходным в силах противником и не допускать подвергнуть себя поражению до отхода на главные силы нашей армии», а с другой — «дать противнику отпор с должной твердостью, но и с благоразумием».

Нельзя не признать, что эти указания противоречили одно другому и превращали ясную и простую, хотя тяжелую задачу Восточного отряда, в трудно исполнимую. Требование дать врагу отпор «с должной твердостью» побуждало отряд оставаться на Ялу до последней возможности, чтобы нанести противнику при совершении трудной операции — переправы через реку — возможно больший урон; требование же избегать решительного боя и не дать подвергнуть себя поражению побуждало к отступлению с позиции ранее, чем противник перейдет на правый берег. Но тогда как же затруднить ему переправу? Регулятором действий указывалось «благоразумие», основанное на соображении о превосходных силах неприятеля. Но силы последнего выясняются боем, а его-то и рекомендовалось всеми мерами избегать.

Немудрено, что генерал Засулич, отъезжая из Ляояна к отряду, уже был удручен тем, что его «ругать будут», «так

как отступление с боем, — говорил он, — под напором значительных сил неприятеля и на местности пересеченной, всегда будет носить характер поражения»[9].

К тому же, не будучи совсем знаком с войсками своего отряда и их начальниками, он не знал, в какой мере и на кого из них он может положиться в этих трудных обстоятельствах.

Сам же командующий армией не нашел времени и возможности посетить Восточный отряд, осмотреть его расположение, поднять его дух и вообще на месте оценить обстановку первого серьезного столкновения с противником на важном стратегическом пункте театра войны. Его внимание сосредоточено было в это время на прибывавших в Ляоян войсках и на инженерной подготовке театра войны[10].

Между тем центр тяжести войны лежал теперь на берегах Ялу. Здесь именно закладывался фундамент всех наших будущих неудач и успехов нашего противника.

«Первое серьезное столкновение, — говорит генерал-лейтенант сэр Ян Гамильтон, — за исключением, конечно, решающего исход кампании сражения, представляется чрезвычайно важным. Как бы незначительны ни были силы обеих сторон и второстепенны результаты первого сражения, его исход всегда должен оказать существенное влияние на ход кампании. Результат этот отразится не только на духе сражающихся войск и на престиже представляемых ими стран, но и способен придать столь необходимую инициативу победоносному полководцу. Если же принять во внимание, что предстоявшее столкновение должно было произойти впервые между двумя расами Европы и Азии, то исход сражения представляется особенно важным».

Генерал Куропаткин смотрел на это иначе. Он, видимо, не учитывал морального впечатления нашего отступления после боя на Ялу, как начала кампании; он боялся только одного: поражения Восточного отряда, упуская из вида, что при энергичном образе действий японцев оно было весьма вероятно для малочисленного отряда, отделенного

от главных сил двумястами верст и горною страною. По словам барона Теттау, в штабе командующего армией господствовало мнение, что «японцам следует дать спокойно высадиться и проникнуть в Маньчжурию, чем дальше, тем лучше»[11].

Между тем и стратегическое значение Ялу как серьезной оборонительной линии и преграды, и самая местность занятого нами правого берега ее обязывали и давали возможность оборонять ее не ради только одной демонстрации.

Ширина Ялу от Сяопусихе до Голуцзы — от 150 до 250 саженей, глубина — от 8 до 12 футов; от Голуцзы до устья река разбивается на рукава, разделяемые песчаными и частью болотистыми островами, и здесь ширина её достигает от 1 до 5 верст, а глубина 13 футов. Правый берег командует над левым, который спускается к реке пологими скатами.

Гамильтон, осматривавший Тюренченскую позицию после боя, называет ее «природною крепостью». «Холмы, занимавшиеся русскими, — пишет он, — круто возвышаются над ровным песком, подобно настоящему брустверу, а речка Айхо протекает перед фронтом позиции как раз в таком расстоянии, где должен был бы находиться ров. Отсюда в южном направлении вплоть до Ялу простирается самый совершенный гласис, какой можно только вообразить, около 2 000 ярдов длиною. Для войск, атакующих эту позицию, нет ни малейшего закрытия на всем протяжении этого естественного гласиса».

Хотя эта позиция была выбрана нами за несколько месяцев до боя, она была укреплена чрезвычайно слабо: несколько полевых стрелковых окопов, два полевых небольших укрепления — вот и все. Даже пути отступления, пролегавшие по очень пересеченной местности, не были разработаны.

Японцы закончили свои подготовительные действия для форсирования переправы через Ялу к 12 апреля, возведя ряд солидных замаскированных батарей, вооруженных

осадными орудиями. Районом переправы они избрали участок севернее г. Ичжу, но в то же время демонстративно делали приготовления к переправе и в других местах.

С 12 апреля они производят ряд попыток перевести на наш (правый) берег небольшие свои отряды, что дает генералу Куропаткину основание высказать начальнику Восточного отряда свое мнение, что «действия японцев мало энергичны». Однако, несмотря на противодействие наших охотничьих команд, японцы понемногу сосредоточиваются на нашем берегу и 16 апреля оттесняют нас с Хусанских высот на левом берегу Айхо, притока Ялу, текущего перед фронтом нашей позиции.

17 апреля, под прикрытием сильного огня своих полевых и осадных батарей с левого берега Ялу и отряда на Хусанских высотах, они начинают переправу севернее Ичжу и в то же время выбивают нас из деревни Хусан. К 6 часам вечера того же дня на правом берегу Ялу сосредоточивается уже целая японская дивизия (2-я). Под прикрытием ее и речной флотилии адмирала Гогайя, прибывшей к устью Ялу, к 8 часам вечера 17 заканчивается японцами наводка через Ялу мостов для переправы остальных частей армии Куроки. Ночью на 18-е по ним переходят на наш берег еще две японские дивизии.

Генерал Засулич решает дать уже переправившемуся врагу «должный отпор» — и вечером 17 апреля посылает генералу Кашталинскому, оставленному им непосредственно командовать войсками Тюренченской позиции, приказание: «принять бой, оставаясь на той же позиции».

Войска наши в это время были расположены следующим образом: у Тюренчена — 4 батальона, 8 орудий и пулеметная рота; у Потетынзы — 2 батальона и 7 орудий, у Чингоу — 1 батальон и 2 орудия; у Шахедзы — 6 батальонов и 8 орудий; в 5 верстах от Шахедзы и в 10–12 верстах от линии Чингоу–Тюренчен у деревни Тензы — обший резерв — 5 батальонов и 8 орудий; отряд генерала Мищенко ($2^1/_2$ батальона, 11 сотен и 14 орудий) охранял на протяжении 70 верст побережье от устья Ялу до Дагушаня;

конный отряд полковника Трухина ($1^1/_2$ батальона, 5 сотен и 8 горных орудий), прикрывая путь отступления на Куандяньсян, был разбросан на 50 верст от Сяопусихе до Амбихе. Итак, Восточный отряд генерала Засулича, силою в 20–25 тыс. человек, был разбросан на 150 верст, причем против значительной части армии Куроки в боевой линии стояло всего лишь 10 тыс. на протяжении почти 30 верст.

Сосредоточив за ночь против левого фланга отряда Кашталинского 3 дивизии, 30 полевых орудий и много горных, расположив на островах по Ялу еще 36 полевых орудий, японцы в 5 часов утра 18 апреля открыли сильный артиллерийский огонь из осадных орудий, расположенных у Ичжу, по правому флангу нашей позиции у Тюренчена, и, подготовив им свое наступление, двинулись через реку Айхо вброд. После ряда повторных атак они сбили, наконец, с позиции 22-й восточносибирский стрелковый полк, стоявший на крайнем левом фланге, и он, отступая, обнажил этот фланг. Около полудня они сбили также батальон, стоявший у Чингоу, и стали обходить наш левый фланг. Частные резервы наши были уже израсходованы, а общий резерв, при котором находился и Засулич, бездействовал. Как упорно ни держались наши стрелки в полевых окопах под градом снарядов, но и у Тюренчена они отошли. Тогда Засулич, узнав об обходе японцами левого фланга и больших потерях, понесенных войсками, приказал всему отряду отступать к Фынхуанчену. Для прикрытия отступления он выдвинул из резерва два батальона 11 восточносибирского стрелкового полка и одну батарею на позицию к северу от Тензы. Однако вследствие пересеченной местности батареей этой воспользоваться было нельзя, и генерал Кашталинский отправил ее обратно.

Тесня 12-й восточносибирский стрелковый полк, отступавший от Тюренчена вместе с 2-й батареей 6-й восточносибирской стрелковой артиллерийской бригадой и пулеметной ротой к общему резерву, японцы уже к 1 часу дня так близко подошли к стоявшим у Тензы на позиции батальонам 11 полка, что отправленная от них назад батарея не

могла выйти на дорогу. Последняя обстреливалась японцами страшным перекрестным огнем. Тогда батарея снялась с передков и, чтобы погибнуть с честью, открыла по неприятелю огонь с самой близкой дистанции. Ее поддержала пулеметная рота, не желающая бросать батарею в ее бедственном положении, и, выручая товарищей, «легла костьми», по донесению Каштанлинского. «Костьми же легла» затем и батарея, потерявшая всю прислугу и всех лошадей. 12-й же полк пробился.

Прикрывавший отступление отряда 11-й полк продержался на позиции еще два часа. Обойденные японцами с обоих флангов и с тылу, обстреливаемые с фронта, батальоны этого полка несколько раз бросались в штыки, чтобы прорвать огненное кольцо японцев. Но последние штыкового удара не принимали и отходили назад, продолжая осыпать геройские батальоны градом пуль. В одной из этих атак был убит командир полка полковник Лайминг. Только в четвертом часу дня остаткам этих храбрецов, воодушевляемых полковым священником отцом Щербаковским, удалось пробиться и отойти за отрядом на Фынхуанчен. Японцы попытались было их преследовать, но были остановлены залпами свежего батальона, высланного из общего резерва. Отступление отряда ознаменовалось паникой в тылу — в обозах и на этапах. Не задерживаясь у Фынхуанчена, Восточный отряд отошел на перевалы Феншуйлинского хребта, а армия Куроки заняла Фынхуанчен.

Мы потеряли в Тюренченском бою 73 офицера и 2324 нижних чина, т. е. 14% всего отряда, и, кроме того, 22 орудия и 8 пулеметов.

Мы не будем входить здесь в детальный разбор причин этой первой нашей крупной неудачи на сухопутном театре войны. Их слишком много. Ограничимся главными, существенными. Они сводятся к следующему: 1) импровизированный состав отряда; 2) неудачный выбор начальника, в последующих боях доказавшего свою полную неспособность; 3) растянутость позиции по фронту и огромная разброска сил на ней; 4) неудовлетворительная подготовка

поля сражения в фортификационном отношении; 5) плохая разведка; 6) невнимание к тем признакам, по которым можно было разгадать намерения противника; 7) отдаленность общего резерва от пункта атаки; 8) противоречивость директив, данных начальнику отряда командующим армией; 9) стремление последнего руководить действиями отряда из Ляояна и 10) отсутствие руководства и распорядительности со стороны самого генерала Засулича.

Впечатление от поражения Восточного отряда под Тюренченом в России и в самой Маньчжурской армии было громадное, близкое к панике. Японские же офицеры признавались Гамильтону, что со времени сражения на Ялу доверие их к своим силам и уверенность в победе удвоились. Овладев течением Ялу и тем обеспечив за собою Корею, японцы тотчас же приступили к высадке на Ляодун своей 2-й армии генерала Оку.

Если нельзя было помешать высадке японцев на Корейском побережье, то, казалось бы, на Ляодунском, где мы были еще фактическими хозяевами, это было можно и должно сделать, не ограничиваясь только ролью наблюдателей её. Задачу эту, прежде всего, должен был выполнить наш флот. И в этом смысле ему даны были указания адмиралом Алексеевым. Воспрещая Порт-артурской эскадре предпринимать какие-либо активные действия впредь до исправления всех своих боевых судов, главнокомандующий предписывал ей производить рекогносцировки крейсерами и отрядами миноносцев, а когда выяснится пункт высадки японских войск, то и атаковать транспорты, появившиеся в сфере действия наших миноносцев. Однако Совет адмиралов и капитанов, созванный контр-адмиралом Витгефтом, командовавшим эскадрою за смертью Макарова, для обсуждения способов исполнения этого предписания, высказался в том смысле, что атака эта может быть произведена лишь в случае высадки неприятеля южнее Цзиньчжоуской бухты.

Так как именно этого-то обстоятельства и трудно было ожидать, ибо японцы в этом случае очутились бы между

двух огней — крепости и укрепленной Цзиньчжоуской позиции, то, очевидно, противодействие высадке выпадало всецело на долю сухопутных войск — артурского гарнизона и Маньчжурской армии. Однако генерал Куропаткин полагал, что при малочисленности наших сил стремление наше противодействовать высадке японцев на береговой линии Ляодуна в несколько сот верст длиною — неосуществимо. Мы могли, по его мнению, оказать некоторое сопротивление сухопутными войсками только при высадке у Гайчжоу и довольно сильное сопротивление при высадке их у Инкоу; охрана же доступа в южную часть Ляодунскаго полуострова, до Цзиньчжоуского перешейка, должна была лежать на флоте и на войсках Квантунской группы. Таким образом, и Маньчжурская армия слагала с себя эту задачу, и противодействие высадке на Ляодун выпадало, стало быть, всецело на долю войск Квантунской группы.

Для задержания противника возможно дольше и далее от Порт-Артура из этой группы выдвинута была вперед, к Цзиньчжоускому перешейку, 4-я восточносибирская стрелковая дивизия генерал-майора Фока.

В случае наступления противника на Порт-Артур генерал Фок должен был встретить его на Цзиньчжоуской позиции, но при этом главной задачей иметь не удержание этой позиции во что бы то ни стало, а своевременный отвод с нее войск на усиление гарнизона крепости. Охрана побережья возложена была на пешие и конные охотничьи команды, которые выставляли от себя наблюдательные посты, соединенные телефоном со штабом дивизии, находившимся на ст. Нангалин. Только пост на мысу Терминаль, близ Бицзыво, не имел телефона и поддерживал связь с ближайшим телеграфным пунктом летучей почтой. Установить и здесь телефонное сообщение явился было 22 апреля саперный офицер, но было уже поздно.

Еще вечером 21 апреля к южным островам группы Эллиот, против Бицзыво, подошли японские транспорты, конвоируемые военными судами, и 22 числа утром началась высадка войск вблизи бухты Кинчан.

Стоявшая в Бицзыво охотничья команда пыталась противодействовать высадке, но была огнем с японских судов оттеснена к западу. Двинутый со станции Пуландян к месту высадки 1 батальон (из состава Маньчжурской армии) с полпути вернулся обратно, то же сделали 2 охотничьи команды и 1 батальон с 1 батареей, высланные из Артура для прикрытия железнодорожного пути. Словом, высадке серьезно не мешали, и в результате японцы уже 23 апреля прервали железнодорожное и телеграфное сообщение крепости с армией. Наместнику-главнокомандующему, находившемуся в то время в Порт-Артуре, едва удалось накануне, 22 апреля, проскочить на север, причем поезд его был обстрелян. Генерал Куропаткин также сделал слабую попытку задержать высадку, двинув к месту ее отряд в 7 батальонов под командой генерал-майора Зыкова. Но последний действовал неэнергично и до места высадки не дошел, а ограничился лишь занятием участка железной дороги южнее станции Вафандян; все же, благодаря этому отряду, удалось на короткое время восстановить сношение с Порт-Артуром, — и подполковник Спиридонов мужественно провел туда поезд с мелинитовыми бомбами, пулеметами и снарядами.

28 апреля малочисленный отряд генерала Зыкова, выдвинутый от главных сил армии на 156 верст и потому рисковавший «подвергнуться не только участи отряда генерала Засулича, но и совершенному уничтожению», был отозван назад ранее, чем выяснил размеры высадки японцев.

Не встречая себе противодействия, японцы решили произвести высадку части своих сил и в тылу Цзиньчжоуской позиции, рассчитывая, что, быть может, это вынудит нас с тою же поспешностью очистить и эту позицию. 28 апреля японские суда вошли в бухту Керр и высадили небольшой десант; но огнем наших орудий он был прогнан на суда обратно.

Только 2 мая выяснилось направление движения высадившихся в Бицзыво японских войск. До этого же дня связи с неприятелем установлено не было.

Командующий Тихоокеанским флотом вице-адмирал
С. О. МАКАРОВ
(Погиб на броненосце «Петропавловск» 31 марта 1904 г.)

Когда авангарды его показались на дорогах к Саншилипу и Игядянь и обнаружилось намерение противника атаковать Цзиньчжоускую позицию, генерал Фок, по предложению генерала Стесселя, предпринял усиленную рекогносцировку для выяснения численности неприятеля. Диспозиции для неё отдано не было, а словесно приказано было выдвинуть вперед два авангарда: левый под начальством генерал-майора Надеина к деревне Шисалитеза ($1^1/_2$ батальона, 1 конная охотничья команда, 1 батарея в 4 поршневых орудия, запряженных быками) и правый под начальством подполковника князя Мачабели к деревне Чифантань ($1^3/_4$ батальона и 1 охотничья команда). Промежуток

между этими авангардами (около 4 верст) был прикрыт 1-м батальоном. Остальные части дивизии с 2 батареями стали за срединою расположения, у горы Самсон, впереди Цзиньчжоуской позиции. Японцы начали наступать в значительных силах против обоих наших авангардов с утра 3 мая. Против левого они действовали пассивно, ограничившись сильным артиллерийским огнем, которым быстро уничтожили одну нашу батарею, стоявшую на открытой позиции; против правого же авангарда они действовали активно и 14 ротами обрушились на две наших роты и команду. После стойкого сопротивления, эти части, не будучи поддержаны из резерва, стали отступать. Тогда генерал Фок, не вводя в дело резерва, приказал обоим нашим авангардам отходить на Цзиньчжоускую позицию. Отступили они под сильным натиском противника, который в тот же день вечером занял все горы впереди позиции.

4 мая утром все полки 4-й дивизии отошли за Цзиньчжоускую позицию, и на ней остался только один 5-й восточносибирский стрелковый полк, который ее укреплял и которому теперь предстояло ее оборонять. Стратегическое значение этой позиции состояло в том, что она преграждала японцам доступ к Порт-Артуру и, стало быть, оборона ее давала нам возможность выиграть время для усиления неготовой еще крепости; затем, эта позиция прикрывала расположенные за нею неукрепленные вовсе города Дальний и Талиенван, овладев которыми японцы приобретали пункты, удобные для подготовки своих атак против Артура, и, наконец, она обеспечивала за нами территорию Квантунского полуострова с находившимися на ней жизненными средствами, которые могли увеличить запасы крепости.

Позиция представляет собою возвышенность, протяжением около 2 верст, расположенную по средине узкого, шириною до 4 верст, перешейка в полутора верстах к югу от города Цзиньчжоу. Фланги позиции упираются в море, что было бы выгодно, если бы на море господствовал наш флот, и что было невыгодно теперь, при господстве на нем японского флота, который мог обстреливать ее продольно.

Холмистая местность перед фронтом позиции, усеянная китайскими деревнями и отдельными фанзами, прорезанная многочисленными промоинами, облегчала скрытый подход противника к позиции и скрытое размещение его артиллерии.

К укреплению этой позиции приступлено было только с началом войны; работа велась 5-м полком и наемными китайцами, среди которых было, конечно, немало японских шпионов. Ко времени боя на ней было устроено 15 батарей, вооруженных 64 орудиями разных систем и калибров (имея по 150 патронов на орудие), 8 редутов и люнетов и двух, а местами трех ярусов окопов для стрелков. В общем длина всех траншей на позиции равнялась 8 верстам. Перед фронтом ее расположены были проволочные заграждения и кое-где фугасы, которые во время боя однако не взорвались. Бухты, омывающие фланги позиции, минированы не были. Тафашинские высоты и Нангалинский хребет, находившиеся южнее позиции и представлявшие собою 2-ю и 3-ю оборонительные линии на пути к Артуру, к обороне подготовлены не были.

Относительно характера обороны Цзиньчжоуской позиции генералом Стесселем дан был генералу Фоку ряд указаний. Так, еще 15 февраля генерал Стессель писал ему, что «оборона позиции, как бы она ни была атакована, должна быть до последней возможности, т. е. до штыковых свалок. Позиция имеет чрезвычайную важность, и удержание ее до подхода в тыл противнику, атакующему ее с фронта, отрядов из Маньчжурской армии, для этого высланных, необходимо». 6 мая генерал Стессель еще раз подтвердил генералу Фоку, что «на самую упорную оборону позиции должно быть обращено все внимание. Одного полка там мало. Пока Цзиньчжоу наше, Артур — безопасен».

Однако сам генерал Стессель имел от генерала Куропаткина указание совершенно иного характера, не оставлявшее сомнения, что никакого подхода в тыл японцам, атакующим Цзиньчжоу, отрядов из Маньчжурской армии не будет.

«По моему мнению, — писал генерал Куропаткин 4 мая генералу Стесселю, все еще, видимо, находясь под впечатлением Тюренченского боя, — самое главное — это своевременно отвести войска генерала Фока в состав гарнизона Порт-Артура. Мне представляется весьма желательным вовремя снять и увезти с Цзиньчжоуской позиции орудия, иначе будут новые трофеи. Впечатление произведет это крайне тяжелое...»

Однако увезти с позиции во время боя, через горы в крепость, тяжелые крепостные орудия было совершенно невозможно; это значило вовсе отказаться от ее обороны, а своевременный отвод с нее войск, считавшийся генералом Куропаткиным «самым главным», сводил к нулю все значение этой преграды, долженствовавшей возможно долее задержать неприятеля на пути к не готовой еще для его встречи крепости.

Генерал Стессель не сообщил генералу Фоку это мнение командующего армией, и, таким образом, на обязанности генерала Фока оставалась самая упорная оборона ее «до последней возможности». Однако, хотя генерал Стессель и указывал генералу Фоку, что для «такой» обороны одного полка мало, генерал Фок все-таки занял позицию только одним 5-м полком, который и растаял в 8-верстной траншее.

Лежащий впереди позиции городок Цзиньчжоу занят был двумя ротами и одной охотничьей командой. Остальные три полка дивизии расположились в общем резерве у деревни Наньгуалин; полевая артиллерия заняла позади позиции Тафашинские высоты и должна была поддерживать своим огнем ее оборону.

Для атаки нашей позиции генерал Оку назначил три дивизии, а одна дивизия с кавалерийской бригадой должна была прикрывать их с севера от Маньчжурской армии. Японская артиллерия расположилась перед позицией в трех группах, — всего 216 орудий, в том числе 25—30 орудий были осадного типа.

6 мая японцы начали свои окопные работы пред Цзинь-

чжоу; 7 мая они трижды атаковали город, но были отбиты его гарнизоном.

Решительные действия их против Цзиньчжоуской позиции начались 12 мая.

В этот день неприятель с 5 часов утра открыл сильный артиллерийский огонь по городу и позиции. Под прикрытием его японская пехота снова пошла на штурм города и снова была отбита. В 11 часов утра огонь неприятельской артиллерии смолк. Это была, по-видимому, сильная артиллерийская рекогносцировка, достигшая своей цели, так как наши позиционные батареи отвечали японцам и тем не только обнаружили свое местонахождение, но и лишили себя части снарядов, которые должны были пригодиться им на другой день для отбития штурма.

Около 4 часов дня в Цзиньчжоуский залив вошли японские миноносцы и канонерские лодки для поддержки с моря огнем своих орудий, атаки позиции. Ночью 12 мая, в сильную грозу, японцы взяли штурмом городок Цзиньчжоу.

Все события этого дня (12 мая) ясно указывали на то, что японцы не замедлят теперь атакой позиции. Тем не менее генерал Фок не дал никакой диспозиции для ожидаемого всеми боя и сам остался на станции Нангалин, послав вместо себя на позицию руководить ее обороной почтенного, но престарелого генерала Надеина.

В 5 часов утра 13 мая японцы открыли по позиции адский огонь из 230 орудий; наша позиционная артиллерия им отвечала, но недолго: расстреляв все свои снаряды, она замолкла уже к 10 часам утра. С этого момента позиция стала защищаться только ружейным огнем, имея слабую поддержку с батарей на Тафашинских и Нангалинских высотах.

Одновременно с началом артиллерийского боя противник двинул свою пехоту на оба наших фланга. Желая охватить наш левый фланг, японцы шли по воде залива, так что над водою видны были лишь их головы. К 12 часам дня наступление их было здесь остановлено огнем наших

стрелков и батареи с Нангалинских высот. Атака на наш правый фланг к 3 часам дня была также остановлена при содействии нашей канонерской лодки «Бобр», прибывшей в Хенуэзский залив и стрелявшей в течение часа во фланг японским цепям и колоннам.

Успешнее наступали японцы против центра нашей позиции; уже к 2 часам дня они подошли здесь к нашим окопам на 800 шагов. Около 3 часов дня неприятельский огонь внезапно смолк; продолжали стрелять только японские канонерки, и эта относительная тишина, наступившая на поле сражения, ввела в заблуждение генерала Надеина, который донес в Артур, что «атаки неприятеля отбиты, и орудия его приведены к молчанию огнем наших батарей». Однако бой скоро возобновился, и, под прикрытием своих цепей, которые находились уже от наших окопов левого фланга всего лишь в 400 шагах, в центре — на расстоянии 500—700 шагов, а на правом фланге — в 800—1200 шагов, японские колонны стали передвигаться с левого фланга на правый. Заметив это, генерал Надеин выслал из общего резерва два батальона и приказал им занять пустые окопы левого фланга. Но эти батальоны были встречены по дороге генералом Фоком, шедшим на позиции со станции Тафашин, и возвращены им обратно. В 4 часа дня противник возобновил артиллерийский огонь, сосредоточив его теперь только по окопам, которые буквально сметались им в уровень с землей. В то же время из-за горы Самсон показались новые густые колонны японской пехоты. Израсходовав весь свой ничтожный резерв, потеряв уже значительное число людей, командир 5-го полка полковник Третьяков в третий раз обратился к генералу Фоку с просьбой прислать подкрепление. Генерал Фок, имевший в своем распоряжении три полка, стоявшие в бездействии на биваке у деревни Наньгуалин, прислал две роты, с приказанием не сажать их в окопы. Однако полковник Третьяков, видя, что защитники окопов левого фланга, совершенно разрушенных огнем неприятеля, уже отошли из них, направил туда эти роты. Но было уже поздно. Японцы уже обошли наш левый фланг по воде

и появились в тылу батареи № 12, на которой и водрузили свой флаг. Тогда отступление стало общим. Попытка полковника Третьякова путем личного воздействия на солдат возобновить бой не удалась. Ему отвечали, что «приказано отступать». И действительно, впоследствии оказалось, что таково было распоряжение генерала Фока, переданное войскам помимо полковника Третьякова. При отступлении войска наши понесли потери, пожалуй, еще более сильные, чем при обороне, так как японцы открыли сильный огонь по всему тылу позиции и по станции Тафашин, и под этим огнем войскам нашим приходилось преодолевать в наступавшей темноте проволочные заграждения и волчьи ямы, устроенные в тылу позиции на случай атаки ее с юга.

Отступавшие роты были остановлены и устроены только на возвышенностях позади позиции, под прикрытием сперва батальона 14 полка, потом батальонов 15 полка, занявших Тафашинские высоты, а затем батальонов 13 полка, державшихся на этих высотах до 6 часов утра 14 мая. Хотя японцы нас и не преследовали, тем не менее возбуждение войск после боя было так велико, что ночью около станции Нангалин произошла паника.

В ту же ночь на 14 мая мы очистили город Дальний, не успев хорошо испортить мост, подъемные краны и другие капитальные и ценные сооружения этого коммерческого порта. Это значительно облегчило впоследствии японцам высадку и выгрузку здесь войск и грузов для их осадной армии.

15 мая японцы заняли Дальний, находившейся в течение всего 14 числа во власти хунхузов.

16 мая все части дивизии генерала Фока перевалили через Шининзинский хребет и заняли Волчьи горы в 15–19 верстах от Артура.

В бою за «ворота к Артуру», как называли Цзиньчжоускую позицию, мы потеряли 1087 человек и всю позиционную артиллерию; японцы же купили свою победу ценой потери 6000 человек.

Так разыгрался второй бой этой кампании — первый

для Квантунской группы войск нашей армии. Он закрепил за японцами свободу операций на Квантуне против Порт-Артура, разобщил окончательно обе группы войск Маньчжурской армии — Ляоян-Хайченскую и Квантунскую — и нанес нам новый жестокий моральный удар.

В заседании верховного военно-уголовного суда по делу о сдаче крепости Порт-Артур генерал-адъютант Куропаткин в своем свидетельском показании сделал любопытное сопоставление между Цзиньчжоуским и Тюренченским боями.

«Как ни кажутся они различны между собою, — сказал он, — но у них есть большое сходство. Там и здесь, на Ялу и на Цзиньчжоу, были выдвинуты авангарды, и возможность поражения была очень велика. Они должны были задерживать противника, чтобы выиграть время для сосредоточения Маньчжурской армии и для укрепления Артура. Тут дорог был каждый день. Но на Ялу генерал Засулич по собственной инициативе принял упорный бой, а генерал Фок на Цзиньчжоу упорного боя не принял. Первому этого не следовало делать, а второму надлежало, так как с юга ему ничто не угрожало. Оба понесли большие потери»[12].

На этом, однако, параллель между Цзиньчжоу и Тюренченом не кончается, и мы уже от себя ее продолжим для выяснения, почему при различной обстановке генералы Засулич и Фок действовали одинаково и почему их действия окончились неудачей.

Прежде всего, надлежит отметить недостаточную ясность директив, данных командующим армией войскам для обороны Ялу и Цзиньчжоу: эти позиции и надо было оборонять, и не надо; самый бой определялся не стратегическим значением обороняемых линий и пунктов, а соотношением выставленных для обороны их отрядов с численностью противника; поэтому в том и в другом случае прежде всего желали не победить, а не быть разбитыми. И были разбиты под Тюренченом и под Цзиньчжоу. Следствием неопределенных, неясных в конечной своей цели и в направлении воли высшего командования директив было отсутствие руководящей идеи при укреплении позиций на Ялу и на Цзиньчжоу и в занятии их войсками; вследствие этого ни на Ялу, ни на Цзиньчжоу тыловые позиции не были устроены, и противнику были противопоставлены малочисленные отря-

ды. Для руководства первыми и трудными по обстановке боями избраны были генералы, не обладавшие военно-научной подготовкой, не оправдавшие и впоследствии своими действиями возлагавшихся на них надежд; последние основывались, вероятно, лишь на имении ими «белого крестика», полученного ими в штаб-офицерских чинах в турецкую войну и удостоверявшего, конечно, об их личной храбрости, качестве ценном, но в настоящее время недостаточном для военачальника. Далее следует отметить в обоих случаях слабую разведку противника; передачу непосредственного руководства обороной вверенных им позиций другим младшим по себе генералам: Засуличем — Кашталинскому, Фоком — Надеину, и ненахождение обоих в надлежащей близости к полю сражения; следствием этого было плохое, если не полное, отсутствие высшего руководительства боем, ибо те, кому оно было непосредственно поручено, не чувствовали себя достаточно самостоятельными и ответственными за исход обороны; отсутствие диспозиций для боя, не отданных ни Засуличем, ни Фоком; неразгадка обоими этими генералами значения артиллерийского огня противника 17 апреля и 12 мая, имевшего целью лишь выяснить расположение наших батарей на Ялу и на Цзиньчжоу; отдаленность резервов от боевой линии и неумелое пользование ими; необеспечение порядка и путей отступления, что могло в том и в другом случае повести к совершенному истреблению наших отрядов, если бы неприятель вздумал довершить свой успех их преследованием, и, наконец, геройское поведение наших войск в крайне неравном бою и паника при отступлении.

Все эти данные оказались, к сожалению, характерными чертами нашей системы воевать и той военной школы вождей, из которой вышли печальной памяти герои Тюренчена, Цзиньчжоу, Артура, Вафангоу, Сандепу и Мукдена.

Со стороны же японцев и на Ялу и на Цзиньчжоу проявились: 1) тщательная подготовка операции; 2) искусное пользование местностью для передвижения пехоты и расположения артиллерии; 3) сильные артиллерийские реко-

гносцировки наших позиций накануне решительного боя; 4) настойчивость в охвате наших флангов; 5) стремительность атаки; 6) содействие флота сухопутным войскам, и 7) крайняя осторожность в развитии операции даже при наличности успеха.

В то время как армия Оку вела наступление и атаку Цзиньчжоуской позиции, за ее спиной происходила высадка 4-й армии генерала Ноги — у Бицзыво, и 3-й армии генерала Нодзу — у Дагушаня. Когда же Цзиньчжоуская позиция была взята японцами, армия Оку двинулась на север для совместных действий с армиями Куроки и Нодзу против Маньчжурской армии, а армия Ноги осталась на Квантуне для осады Порт-Артура.

Примечания

[1] Также, без объявления войны, Япония начала военные действия против Китая в 1894 г., атаковав своей эскадрой около Чемульпо китайские военные суда и транспорты, везшие войска в Корею. — *Прим. авт.*

[2] Журнал этого совещания погиб вместе с «Петропавловском», на котором хранился. — *Прим. авт.*

[3] Взрыв «Варяга» был опасен для других, стоявших на рейде судов. — *Прим. авт.*

[4] Цитируем по официальному переводу этого документа на русский язык. — *Прим. авт.*

[5] Стрельба «Ретвизана» и «Цесаревича» была подготовлена заранее и корректировалась с наблюдательного пункта близ маяка на Ляотешане. — *Прим. авт.*

[6] С приездом генерала Куропаткина занял пост начальника штаба Маньчжурской армии, а Южным отрядом стал командовать генерал от кавалерии барон Штакельберг. — *Прим. авт.*

[7] 3-я восточносибирская стрелковая дивизия. — *Прим. авт.*

[8] На смену отряда Мищенко в начале апреля в Корею вступил партизанский отряд генерального штаба подполковника Мадритова (2 охотничьи команды и 2 сотни, всего 550 человек) для действия на пути наступления японцев в тылу их. Постепенно занимая города Чхосан, Пектон, Хичхен, Мадритов 27 апреля атаковал в тылу японской армии город Аньчжю, занятый сильным японским гарнизоном. Будучи отбит им, отряд Мадритова двинулся к городу Хам-Хынгу для разведки восточного побережья в районе Пеньян–Гензан. Сжегши в Хам-Хынге большой мост через Сен-чюн-ган, «красоту и гордость

всей Кореи», где мосты редки, сжегши затем большой торговый город Канге и 48 деревень в его окрестности, отряд 19 мая вернулся за Ялу, в первых числах июня занял город Хуайженсян и уже отсюда продолжал действовать в тылу японцев. — *Прим. авт.*

[9] См. мою книгу: Куропаткин. Из воспоминаний о русско-японской войне. 2-е изд. 1908. — *Прим. авт.*

[10] Укрепление позиции на перевалах Феншуйлинского хребта и у Ляояна, Мукдена, Телина и Харбина, разработка дорог через перевал к Ялу и от Гайчжоу к Мукдену, устройство переправы через Ляохе и постройка барачных лагерей для 3 корпусов. — *Прим. авт.*

[11] 18 месяцев в Маньчжурии с русскими войсками. Т. I. С. 64. — *Прим. авт.*

[12] См.: *Березовских В.* Дело о сдаче крепости Порт-Артура японским войскам в 1904 г. Отчет / Под ред. В. А. Апушкина (С. 122). — *Прим. авт.*

Глава четвертая

ВАФАНГОУ—ДАШИЧАО—ХАЙЧЕН

После овладения японцами Цзиньчжоуской позицией пред русскими вождями, естественно, возник вопрос, куда же теперь будут направлены главные удары неприятеля: на юг или на север? — на неготовый к обороне Порт-Артур или на неокончившую свое сосредоточение Маньчжурскую армию? Где будет центр борьбы: в Маньчжурии или на Квантуне?

И в разрешении этого вопроса их мнения разделились. Главнокомандующий, генерал-адъютант Алексеев, полагал, что объектом дальнейших действий 2-й и 3-ей японских армий (Оку и Нодзу) явится Артур.

Предположение это имело за собой много оснований; прежде всего, овладение Артуром представляло для Японии важное политическое значение, ибо этим сразу же восстанавливалось положение, приобретенное ею некогда по Симоносекскому договору, и национальное самолюбие, оскорбленное его изменением, получало удовлетворение; в военном отношении — оно отдавало в руки Японии вместе с крепостью нашу эскадру, создавало на континенте новую базу, устраняло разделение сил для ведения военных операций на два фронта и позволяло обратить их всецело против Маньчжурской армии. Поэтому казалось вполне вероятным, что именно действия против Артура станут теперь

ближайшей задачей японцев, дабы не дать времени Артуру укрепиться, а Маньчжурской армии собраться в достаточных силах для выручки крепости.

В справедливости этих предположений убеждал и характер действий армии Куроки. Заняв Фынхуанчен, он усердно демонстрировал наступление по различным направлениям. Сильный авангард его направлялся то на Ляоян, то на Саймацзы, то на Хайчен — делал в их направлении несколько переходов и отходил назад. Все это как бы указывало, что армия Куроки в данный момент играет второстепенную роль, прикрывая главные операции на Ляодунском полуострове. Адмирал Алексеев так эти действия Куроки и понимал и потому признавал необходимым поспешить переходом в наступление Маньчжурской армии для спасения Артура. Об этом же в ряде донесений настойчиво просил его и Стессель. «Скорая помощь необходима, — телеграфировал последний Наместнику после падения Цзиньчжоу. — Доношу это для спасения всего дела».

Судьба Артура вообще сильно заботила Наместника. Еще 8 мая он указывал генералу Куропаткину, что «наступила минута для решительных действий». Последние, по мнению главнокомандующего, могли выразиться в следующем: 1) выставив заслон к югу, наступать на Фынхуанчен с целью разбить и отбросить японцев за реку Ялу, дабы получить свободу действий и идти на выручку Артура, обеспечив себя заслоном со стороны Ялу; или 2) выставив заслоны против Фынхуанчена на перевалах, с остальными силами двинуться на выручку Артура.

Генерал-адъютант Алексеев считал обе эти задачи вполне выполнимыми с теми силами, которые были уже собраны у нас к этому времени: около 100 батальонов, 70 эскадронов и сотен и 240 орудий.

Генерал Куропаткин не признал, однако, тогда своевременным переход в наступление, так как «для принятия каких-либо определенных решений, по его мнению, недоставало главных данных: где будут находиться главные силы японцев и какой окончательный план они примут». Но

разгадать этот план было, конечно, не так-то легко, и этих «главных данных» по-прежнему недоставало генералу Куропаткину и теперь, когда Цзиньчжоу уже пал и Артур был отрезан от армии.

Дело было, однако, не столько в этих «данных», сколько в том, что «генерал Куропаткин, даже рискуя падением Порт-Артура, не намерен был идти на выручку его, пока не сосредоточит всех войск»[1]. Дело было в том, что положение осажденной крепости представлялось ему в весьма благоприятном свете. «Завидую определенности и простоте задачи, которая выпадет на славные войска Квантунской области, если на них обрушится главный удар», — писал генерал Куропаткин Стесселю 4 мая 1904 г. Напоминая затем последнему в дальнейших сношениях с ним, что «патронов и хлеба в крепости много, — а это главное», командующий армией советовал Стесселю «запастись, кроме непоколебимой твердости, мужеством еще и терпением». Сила порт-артурского гарнизона, исчислявшаяся им в 45 000 человек, казалась ему достаточной для отражения атаки крепости открытой силой. Наоборот, силы Маньчжурской армии, находившейся к половине мая в районе сосредоточения, — 101 батальон, 83 эскадрона и сотни и более 250 орудий — казались генералу Куропаткину недостаточными для перехода в наступление. Поэтому, получив после падения Цзиньчжоу от генерал-адъютанта Алексеева приказание «безотлагательно приступить» к подготовке наступления для выручки Порт-Артура и довести назначенные для сего силы до 4 дивизий (48 батальонов), генерал Куропаткин телеграммой 19 мая еще раз указал главнокомандующему на крайнюю опасность движения нашего к Порт-Артуру. По мнению генерала Куропаткина, опасность грозила не столько Артуру, сколько Маньчжурской армии, в обход левого фланга которой японцы направили значительные силы на Саймацзы.

Но генерал-адъютант Алексеев, справедливо видя и в этом наступлении японцев лишь демонстрацию, настаивал на организации выручки Артура и для окончательного раз-

решения затянувшихся переговоров по этому вопросу командировал в Ляоян для личных объяснений с генералом Куропаткиным своего начальника штаба генерала Жилинского. При этом выяснилось, что, хотя состав Маньчжурской армии и возрос к этому времени до 108 батальонов, а через неделю должен был достигнуть 117 батальонов, и в то же время не имелось никаких серьезных признаков решительного наступления значительных сил противника со стороны Феншуйлина, — генерал Куропаткин все-таки не признавал возможным назначить для наступления к Артуру единовременно более 32 батальонов.

Находя такие силы недостаточными для столь серьезной операции, а дальнейшие пререкания с генералом Куропаткиным напрасною тратою времени, генерал-адъютант Алексеев обо всем этом всеподданнейше донес Государю Императору. В ответ он удостоился получить указания: 1) что участь Порт-Артура, действительно, возбуждает серьезные опасения, 2) что для отвлечения от него удара нужно принять самые решительные меры и 3) что переход Маньчжурской армии к активной деятельности является вопросом вполне назревшим. Предоставляя определение необходимых средств и способов к осуществлению этого власти генерал-адъютанта Алексеева как главнокомандующего, Государь Император Высочайше повелел передать в то же время генерал-адъютанту Куропаткину, что ответственность за участь Порт-Артура возлагается им всецело на него.

Передавая дословно генералу Куропаткину содержание этой Высочайшей телеграммы «для сведения и исполнения», генерал-адъютант Алексеев в то же время, 24 мая, предписал ему: 1) на помощь Порт-Артуру назначить не менее 4 дивизий, всего не менее 48 батальонов; 2) наступление произвести быстро и решительно и 3) для обеспечения со стороны Фынхуанчена выставить заслон.

Генерал Куропаткин и этому категорическому приказанию главнокомандующего подчинился только отчасти.

Для выручки Порт-Артура он назначил в первую оче-

редь 32 батальона, 100 орудий и 22 сотни; для охраны побережья Инкоу–Сеньючен были назначены 8 батальонов и 8 же батальонов составляли резерв. Все эти войска подчинены были командиру 1 Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенанту барону Штакельбергу. Для отпора армии Куроки, демонстративно грозившей нам наступлением, генерал Куропаткин оставил на перевалах от Саймацзы до Далина около 40 батальонов, 94 орудия и 52 сотни и в резерве у Ляояна 18 батальонов.

Получив донесение о таком распределении сил, генерал-адъютант Алексеев еще раз указал генерал-адъютанту Куропаткину, что 40 батальонов, из которых 8, охранявшие побережье, были удалены от остальных на 60—80 верст и имели специальное значение, — недостаточно; что необходимо быстро сосредоточить к исходному пункту все 48 батальонов для нанесения удара противнику возможно скорее и что, хотя операция эта связана с некоторым риском, но рисковать можно, так как и противник сильно разбросал свои силы.

На это указание генерал Куропаткин ответил 30 мая, что сосредоточение производится с возможной быстротой, что он признает и сам недостаточность сил, направляемых на юг, но что усиление их затруднительно, так как армии грозит опасность с востока, ибо у Сюяня происходит сосредоточение японских войск, и с началом наступления Штакельберга можно ожидать оттуда энергического наступления Куроки.

У Сюяня в это время в действительности происходило следующее.

С отходом за Ялу разведывательная служба передового конного отряда генерала Мищенко кончилась, и ему была поставлена новая задача: вместе с Восточным отрядом сторожить эту реку и наблюдать за высадкой японских войск на берега Ляодуна. После боя под Тюренченом отряду приказано было 18 апреля отступать и идти к Пьямыню и Фынхуанчену на соединение с Восточным отрядом. Установив с ним связь, генерал Мищенко получил затем новую зада-

чу: идти на Шализай и охранять пути к Сюяню и Хайчену от Фынхуанчена, Пьямыня, Шахедзы и Дагушаня. Отряд отходил к Сюяню, делая в сутки по 2–3 версты, чтобы все время быть в самой тесной связи с противником и своей постоянной готовностью принять бой, по возможности, больше затруднить его продвижение вперед; конные разъезды, высылавшиеся в количестве 10–12, ежедневно имели перестрелки и схватки с японцами.

Но от решительного боя с нашим конным отрядом противник все время уклонялся. Однако П. И. Мищенко не из числа тех генералов, которые без боя отдают противнику такие пункты, как Сюян, где узлом связались дороги на Фынхуанчен, Дагушань, Артур, Гайчжоу, Хайчен и Ляоян. Поэтому, дойдя до Сюяня, он занял здесь 24 мая позицию для боя. Стратегическое значение Сюяня побуждало японцев овладеть им во что бы то ни стало, а местность вполне благоприятствовала им для атаки русского отряда. И 26 мая здесь действительно разыгрался бой. Куроки целой дивизией обрушился на наш передовой отряд, насчитывавший всего 1 200 сабель, но Мищенко победоносно вышел из «ловушки», как называли сюяньскую котловину, в которой японцы хотели запереть его, и, отойдя к Сахотану, занял здесь 30 мая сильную горную позицию, чтобы новым боем задержать движение противника к Гайчжоу. Отдельные сотни отряда сторожили перевалы Уйдалинский, Папалинский и Чапанлинский.

Сюяньский бой и затем усиленная рекогносцировка Нигулинского перевала (за Чапанлинским) обнаружили тяготение армии Куроки не к Хайчену, не к Ляояну и к Мукдену, а к Гайчжоу, т. е. именно на путь наступления генерала Штакелъберга.

В силу этого приведенные выше соображения генерала Куропаткина о трудности усилить корпус Штакельберга не отвечали истинному положению дела, которое, напротив, было таково, что побуждало сделать этот корпус достаточно сильным для того, чтобы он мог преодолеть на своем пути сопротивление не только армии Оку, но и армии Нод-

зу и Куроки, двигавшихся ему во фланг и грозивших отрезать путь отступления нашему отряду в случае, если бы он далеко углубился на юг.

Генералу Куропаткину, явно не сочувствовавшему переходу в наступление, надлежало или категорически от него отказаться, или, подчинившись приказанию главнокомандующего, исполнить его полностью. Только в таком случае он мог снять с себя ответственность за неудачу.

Между тем генерал Куропаткин, не предоставляя генералу Штакельбергу того количества сил, которое предписывалось назначить главнокомандующим, поставил ему явно несоразмерную с этими силами задачу: «Наступлением в направлении на Порт-Артур притянуть на себя возможно большие силы противника и тем ослабить его армию, оперирующую на Квантунском полуострове».

Конечною целью движения ставилось «овладение Цзиньчжоуской позицией и дальнейшее наступление к Порт-Артуру». Ставя такие широкие и далекие цели и предписывая «произвести движение быстро и решительно», генерал Куропаткин вместе с тем и барону Штакельбергу, как ранее Засуличу на Ялу и Стесселю, на Цзиньчжоу предписывает «не доводить дела до решительного столкновения и отнюдь не допускать израсходования своего резерва в бою, пока не выяснится обстановка».

В исполнение этого предписания генерал Штакельберг стал сосредоточивать главные силы своего корпуса у Инкоу—Гайчжоу. Авангард их 17 мая двинулся от станции Ванзелин на юг, и часть его в тот же день имела лихое кавалерийское дело с противником у Вафангоу. 23 мая к этому же пункту подошла голова колонны главных сил, и только в этот день прибыл к войскам барон Штакельберг. Выбрав позицию к югу от станции, он приказал ее укрепить. Работы по укреплению были не сложны: на гребнях высот вырыты были окопы для артиллерии, лишенные всякой маскировки; к западу и востоку от них выкопаны были для стрелков ровики незначительного профиля; опорных пунктов на позиции не было, и сама она по своему протя-

жению совершенно не соответствовала силам отряда; перед фронтом ее была гористая местность, неудобная для маневрирования больших частей; правый фланг упирался в холмы, покрытые рощами.

Генерал Оку, узнав, что против него двинуты не все силы Маньчжурской армии, а только один корпус, сам перешел в наступление и 31 мая отбросил назад наш слабый авангард (6 батальонов, 8 орудий). Вслед за ним отошла к Вафандяну и наша передовая конница (15 эскадронов и сотен и 6 конных орудий). Тогда барон Штакельберг приказал войскам своего корпуса занять «укрепленную» позицию, дабы принять на ней оборонительный бой. Согласно отданной на 1 июня диспозиции, позиции заняли собственно 11 батальонов при 68 орудиях; в общем резерве оставлено было 8 батальонов и 16 орудий; авангард (6 батальонов, 1 сотня и 8 орудий), отходя под натиском противника, должен был усилить левый участок позиции, кавалерии (11 сотен и 6 орудий) приказано было охранять правый фланг. В дополнение к диспозиции командиры частей получили в ночь на 1 июня полевые записки с указанием путей отступления.

С рассветом 1 июня японцы начали наступление двумя колоннами и быстро оттеснили наш авангард. В полдень японские батареи открыли сильный огонь по восточному участку. Наши батареи, стоявшие открыто на гребнях гор, понесли тяжкие потери. Под прикрытием своего огня японская пехотная дивизия повела наступление на левый участок позиции и к 3 часам дня подошла к нашим окопам на несколько сот шагов, а в 4 часа, засыпав эти окопы дождем ружейного и пулеметного огня, бросилась на них в атаку, пытаясь охватить наш левый фланг. Атака эта была отбита нами сильнейшим ружейным огнем. Наступившая темнота не позволила японцам повторить ее, и они прекратили даже артиллерийский огонь.

Частный успех — отбитие атаки — воодушевил генерала Штакельберга на переход в наступление, и он предполагал произвести его вечером того же 1 июня или на рассвете

2-го. Однако диспозиции для этого им отдано не было, а были лишь посланы начальникам участков позиции записки, в которых говорилось, что командир корпуса предоставляет им «сговориться» между собою относительно атаки противника без всякого указания на создавшуюся обстановку. Кавалерия должна была содействовать атаке поисками на фланге и в тылу противника, оттянуть на себя часть его сил и выяснить, не идут ли к нему подкрепления. В общем, план наступления, по-видимому, был таков: главный удар нанести противнику нашим левым флангом с охватом его правого фланга; нашему же правому флангу надлежало ограничиться обороной.

Генерал Оку, в свою очередь, решил атаковать нашу позицию всеми своими силами: одна дивизия должна наступать с фронта, другая — произвести обход нашего правого фланга, а третья — оставаться в резерве.

Японцы начали наступление на фронт нашего правого участка и охват его фланга в 6 часов утра 2 июня, и уже около 8 часов утра 36-й восточносибирский стрелковый полк обстреливался ими с трех сторон. Конница наша, под командой генерала Самсонова, пыталась было еще в 5 часов утра произвести указанный ей поиск на фланге и в тылу противника, но была встречена сильным ружейным огнем из лесу и с высот к югу от деревни Тафаншин. Спешившись, она завязала перестрелку, но под натиском значительных сил противника, наступавших на нашу позицию, вынуждена была отойти к деревне Лункао, откуда и стала наблюдать за действиями противника, много способствуя тому, что наша неудача не обратилась в катастрофу.

Для противодействия обходу японцами нашего правого фланга из частного резерва высланы были сперва 2 роты, а затем из общего резерва — и полк с батареей. Эти войска лихой контратакой задержали наступление противника, но не смогли его остановить вовсе, и японцы продолжали врезываться клином между позициями 35 и 36 восточносибирских стрелковых полков, грозя последнему полным

окружением. Для спасения его генерал Штакельберг лично двинул в бой из 4 батальонов общего резерва еще два. Но и это не помогло делу: около $11^1/_2$ часов утра получено было донесение от генерала Самсонова, что японцы вышли в тыл корпуса севернее станции Вафангоу. Таким образом, их обходное движение удалось вполне.

Между тем начальники двух атакующих колонн нашего левого участка еще и к 12 часам дня не успели «сговориться» о времени и способе действия. 1-я восточносибирская стрелковая дивизия генерала Гернгросса сосредоточилась у деревни Вафанвопен для наступления к рассвету, между тем как бригада 35-й пехотной дивизии генерал-майора Гласко, предназначенная для обхода правого фланга и находившаяся в тылу корпуса у деревни Цюйзятунь, поднялась с бивака лишь в половине 5 часа утра. По дороге к Вафанвопену ложным донесением, что японцы показались у деревни Цюйзятунь и угрожают левому флангу корпуса, бригада была остановлена. Только к 10 часам утра выяснилось, что противника не видно здесь «и на десять верст кругом». Тогда бригада двинулась вперед. Но было уже поздно. Генерал Гернгросс, прождав 8 часов подхода отряда генерала Гласко, самостоятельно начал наступление, и хотя имел частный успех, но развить его не мог и около 2 часов дня вынужден был отдать войскам приказ об отступлении, так как войска центра и правого фланга уже отходили под напором превосходных сил противника, изнуренные долгим боем и зноем и своевременно не поддержанные действиями нашего левого фланга.

При отступлении пришлось оставить на позиции 17 орудий, большею частью разбитых неприятельскими снарядами и лишившихся всех офицеров и прислуги. Мы потеряли в этом бою 124 офицера и 3348 нижних чинов убитыми и ранеными. Противник не преследовал, и отступление совершилось под прикрытием прибывшего к концу боя Тобольского сибирского пехотного полка.

Итак, мы в третий раз потерпели серьезную неудачу. Причинами ее, как и под Тюренченом и под Цзиньчжоу,

следует считать внутреннее противоречие в данных командующим армией генералу Штакельбергу директивах, недостаточную силу выдвинутого вперед корпуса; отсутствие разведки о силах противника; отсутствие диспозиции для боя второго дня, неопределенность приказаний, переданных полевыми записками; отсутствие инициативы у многих начальствующих лиц и полное отсутствие руководства боем со стороны командира корпуса; неумелое пользование им артиллерией, расположенной открыто, и конницей, работа которой сведена была целиком к наблюдению за противником.

Ответственность за неудачу возложена была, конечно, на генерала Штакельберга. Генерал-адъютант Алексеев требовал даже отрешения его от командования корпусом, но защитником Штакельберга явился генерал Куропаткин. В письме от 3 июля 1904 г. к главнокомандующему он извинял генерала Штакельберга тем, что против него действовала большая часть высадившихся на Квантуне сил противника, что у нас к началу боя было только 36 батальонов, что гористая местность помешала разведке сил и расположения противника и что выдвинутое положение его корпуса давало случай армии Куроки отрезать ему путь отступления.

Было бы долго входить здесь в разбор всех этих объяснений, остановимся на последнем: в то время как корпус генерала Штакельберга вел бой у Вафангоу, передовые части армии Нодзу начали наступление от Сюяня к Хайчену и на Далинском перевале вступили в бой с отрядом генерала Левестама (10 батальонов и 20 орудий).

Получив известие об этом бое, генерал Куропаткин сейчас же предписал генералу барону Штакельбергу «даже в случае победного боя не увлекаться преследованием». Между тем это наступление было только демонстрацией: как только Нодзу стало известно об успехе, одержанном Оку под Вафангоу, он тотчас же, 3 июня, прекратил наступление на Далинский перевал. Армия Куроки продвинулась за это время в направлении к Дашичао всего лишь на

50 верст. Итак, все эти страхи генерала Куропаткина были напрасны и свидетельствовали лишь об его непрозорливости. А между тем они, конечно, отражались на психике барона Штакельберга, вынужденного вести операцию, которой не сочувствовал командующий армией, цели которой были очень далеки, а средства для их достижения очень малы, которая в самом же начале, даже «в случае победного боя», сводилась к нулю и теряла всякий смысл.

Под Вафангоу впервые сказалось губительно для дела двоевластие, царившее над армией в лице главнокомандующего и командующего армией в качестве «самостоятельного помощника» первого. Различие их взглядов на способы ведения войны, проявлявшееся и ранее, на этот раз проявилось особенно резко, затянув производство задуманной первым из них операции почти на целый месяц. С Вафангоу ярко определилось в штабе главнокомандующего стремление «вперед» и желание захватить инициативу действий, а в штабе командующего армией тяготение «назад», «терпение» и «осторожность», преувеличенное представление о противнике и полное подчинение его воле, его инициативе.

Неудача под Вафангоу не поколебала, однако, наступательных тенденций генерал-адъютанта Алексеева, и он уже 7 июня запросил генерала Куропаткина, не признает ли он возможным нанести армии Куроки отдельное поражение. Генерал Куропаткин ответил, что если наступление неприятеля с юга есть только демонстрация, то он перейдет с армией в наступление против Куроки.

Взаимное расположение сторон в это время было следующее:

1-я японская армия (Куроки) — 3 дивизии, 1 резервная бригада и 1 кавалерийская бригада — стояла двумя группами: у Айянамыня и Фынхуанчена; 2-я японская армия (Ноги) — 4 дивизии — осаждала Порт-Артур; 3-я японская армия (Оку) — 3 дивизии и 1 кавалерийская бригада — после боя у Вафангоу продвинулась вперед и занимала Сеньючен; 4-я японская армия (Нодзу) — 3 дивизии — стояла у Сюяня.

Против армии Куроки — на Феншуйлинском, Модулинском и Тхазелинском перевалах стоял Восточный отряд: 18 батальонов стрелков, 1 батальон саперов, 9 сотен и 40 орудий 3 сибирского армейского корпуса; им командовал теперь, вместо генерала Засулича, генерал-лейтенант граф Келлер; против арми Нодзу — у Симучена, на Далинском и Пханлинском перевалах стоял отряд генерала Левестама: 11 батальонов, 5 сотен и 28 орудий (части 4-го и 3-го корпусов сибирской армии); против армии Оку у Гайчжоу — 1-й сибирский корпус генерала барона Штакельберга: 24 батальона, 6 эскадронов и 64 орудия (1-я и 9-я восточносибирские стрелковые дивизии). Связью между отрядами Штакельберга и Левестама служил отряд генерала Мищенко (23 сотни и 6 конных орудий), стоявший, после отхода от Сюяня, у Сахотана и наблюдавший перевалы Уйдалин и Чапанлин, а резервом им служил 4-й сибирский армейский корпус (24 батальона, 6 сотен и 32 орудия) генерала Зарубаева, сосредоточенный на линии Танчи–Дашичао. Сибирская казачья дивизия (генерала Самсонова) вела разведку на фронте отряда генерала Штакельберга. Отряд генерала Коссаговского у Давана наблюдал течение Ляохе и Монголии, обеспечивая правый фланг армии, а отряд генерала Ренненкампфа (4 батальона, 18 сотен, 8 горных орудий и 6 конных орудий), стоя у Саймацзы и Цзянчана, прикрывал левый фланг армии. Главные ее силы: 28 батальонов, 4 сотни и 80 орудий — стояли на линии Ляоян-Хайчен, и сюда же подходили головные части 10 армейского корпуса, за которым следовал 17-й армейский корпус.

Таким образом, Маньчжурская армия занимала линию длиною около 200 верст от Инкоу до Цзянчана с небольшим резервом в Ляояне. Готовая всюду встретить противника, она была, однако, повсюду слаба для того, чтобы дать решительный отпор наступлению противника. Эта «кордонная система» ведения войны, давно осужденная историей и военной наукой, была на этот раз воскрешена Куропаткиным потому, что с самого начала кампании он определял

Генерал-лейтенант граф **КЕЛЛЕР**

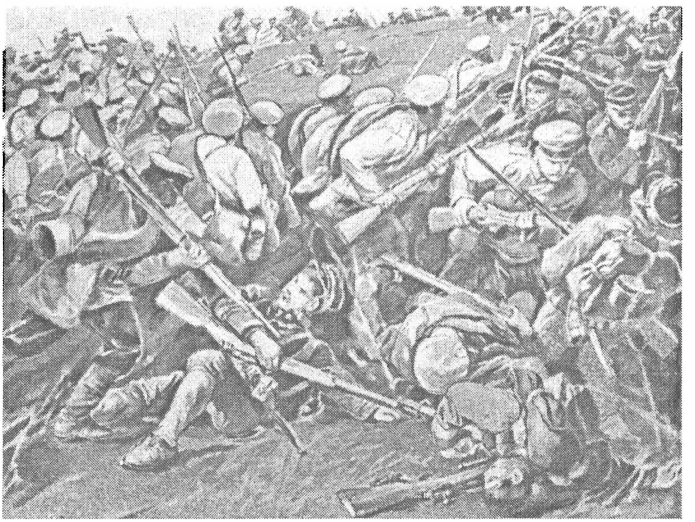
все свои действия в зависимости от операций японцев и не пытался вернуть себе инициативу, и, во-вторых, потому, что сведения о противнике, его намерениях, силе и местонахождении были чрезвычайно смутны, неопределенны и подчас совершенно отсутствовали. Отсюда вытекала крайняя чувствительность к слухам, выражавшаяся в том, что при первом же тревожном известии о движении противника для противодействия ему на угрожаемый пункт переводились части из одной группы в другую, эта последняя усиливалась на счет третьей и т. д., создавая в результате изнурявшее людей «метание» из стороны в сторону и нарушение организации корпусов, дивизий, бригад и полков, получавших смешанный состав[2]. О малой осведомленности нашей о противнике и об отсутствии у наших вождей яс-

ной и определенной цели действий и плана свидетельствует между прочим следующий факт.

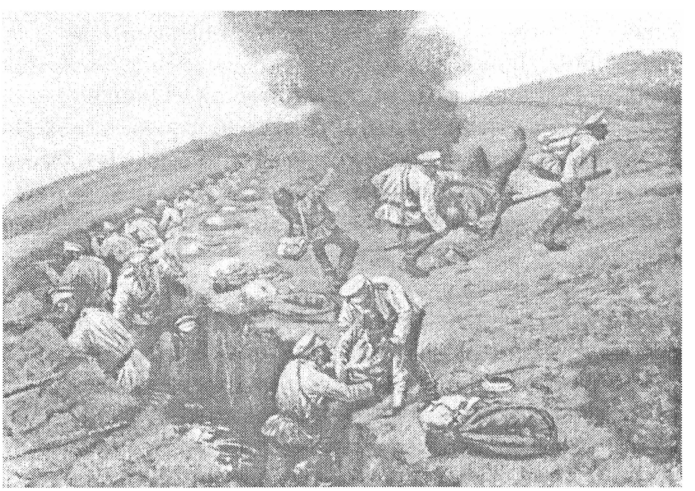
12 июня штаб генерал-адъютанта Алексеева телеграфировал генералу Куропаткину, что, по имевшимся у него сведениям, южная японская армия (Оку) заметно приблизилась к району нашего расположения, тогда как армия Куроки остается на месте, и потому спрашивалось: где и с какими силами предполагается дать отпор противнику, если обе его группы перейдут в наступление. Генерал Куропаткин ответил на это, что намерен дать бой у Дашичао.

В действительности же происходило следующее. По прибытии на театр военных действий главнокомандующего японскими армиями маршала Ойямы армия Куроки первою начала 11 июня общее наступление их на Ляоян и 12 июня заняла Чипалинский перевал; 13 она оттеснила отряд генерала Ренненкамфа от города Саймацзы и заняла Модулинский и Феншуйлинский перевалы, так что в руках Восточного отряда остался только Янзелинский перевал. В тот же день, 13 июня, начала наступление к Ляояну армия Нодзу; 14 числа она атаковала отряд генерала Левестама, занимавший Далинский перевал, и после 3-часового боя заставила его очистить и отойти к Симучену. Очищение нами Далинского перевала вынудило и генерала Мищенко прекратить упорную и победную оборону Саньхотанскаго перевала, веденную им с 10 по 15 июня[3]. Чтобы не быть обойденным со стороны Далинского перевала, он отвел свой отряд к Танчи, впереди Дашичао, где уже сосредоточивались главные силы нашей армии, отходившей с перевалов. Наконец, 26 июня двинулась вперед и армия Оку, и в тот же день заняла Гайчжоу; наша конница и передовые части 1-го Сибирского армейского корпуса отошли к Дашичао.

Таким образом, перевалы главного горного хребта Феншуйлинского были быстро потеряны нами. Японцы действовали в этом случае везде одинаково. Демонстрируя на фронте слабость русских отрядов, занимавших перевалы, они направляли значительные силы в обход их обоих флан-

Контратака 12 сиб. Барнаульского полка под Дашичао 11 июля 1904 г.
худ. Н. С. Самокиш

На сопке под шимозным огнем
худ. В. Мазуровский

гов, и так как мы не догадались возвести на перевалах сомкнутых укреплений, позволяющих держаться до прибытия резервов, то позиции очищались нами при одном обнаружении обхода[4]. Между тем японцы, заняв перевалы, тотчас же приступили к их укреплению, причем укрепляли не только главные, но и второстепенные и даже горные тропинки, по которым могли бы пробраться в район их расположения наши одиночные разведчики.

Вследствие этого Феншуйлинский хребет скоро стал для нас непроницаемой стеной, скрывавшей расположение японских армий и их передвижения.

Попытки нашей конницы проникнуть за хребет не имели успеха. Наши разъезды всюду натыкались на японскую пехоту, засевшую в горах, в окопах. Тогда стали посылать охотничьи команды стрелковых полков, но и они не имели успеха. Немало погибло в это время наших отважных разведчиков, смело шедших в лабиринт маньчжурских сопок без знания китайского языка, с плохими картами, а иногда и без них, и с малым количеством денег, чтобы купить на них молчание местного населения и его содействие[5].

19 июня один из наших разъездов обнаружил движение небольшого японского отряда по дороге от Тицао к Ляндясаню. Так как дорога эта выводила японцев к левому флангу позиции Восточного отряда, то обстоятельство это сильно встревожило начальника отряда графа Келлера. Он решил немедленно же усиленной рекогносцировкой раскрыть силы противника и его намерения. Задумана была она весьма оригинально. До сих пор ночным боем пользовались как хорошим, хотя и рискованным средством для достижения с наименьшими потерями наибольших, решительных результатов. На этот раз ночной бой должен был дать не победу, не захват неприятельской позиции, а только сведения о нем. Такое применение решительного средства к достижению частной цели должно было, конечно, обойтись нам недешево.

Сформированы были две колонны разной силы и разного назначения: левая, под командой полковника Лечиц-

кого (вторые батальоны 10 и 24 восточносибирского стрелкового полка), должна была, собственно, разведать силы противника; правая — один батальон 22 восточносибирского стрелкового полка, под командой подполковника Гарницкого, должна была отвлекать на себя противника для облегчения действий первой колонны.

В ночь на 21 июня обе они были двинуты на Сяокалинский и Ошхайлинский перевалы, штыками сбили передовые части японцев, но продвинуться вперед не могли и утром уже отошли обратно к Тхавуану, потеряв 15 офицеров и 430 нижних чинов[6].

Бой этот не достиг поставленной графом Келлером цели: японцы не обнаружили своей артиллерии, упорная же оборона ими перевалов создала представление об их значительных силах. Между тем неуспех этого боя должен быть объясняем прежде всего плохой организацией нападения, плохим знанием местности, поздним выступлением колонн, отсутствием общего плана атаки и резерва и, наконец, назначением в состав левой колонны батальонов разных полков, но с одноименными ротами, что привело к путанице в суматохе ночного боя, когда части и люди перемешались.

Неудовлетворенный результатами этой усиленной рекогносцировки, граф Келлер решил повторить ее с большими силами и назначил для этого 18 батальонов и 12 орудий[7].

«В основу плана наступления положена была, — по словам участника его А. Свечина, — неспособность наша к активным действиям днем вследствие отсутствия у нас горной артиллерии и неумения и боязни развернуть в горах полевые батареи. Поневоле пришлось принять (опять) план нападения на японцев ночью».

Войска были разделены на три колонны. Руководство ими было возложено на генерала Кашталинского, который, по рассказу А. Свечина, не скрывал своего враждебного отношения к предпринимаемому наступлению. При обсуждении плана атаки он молчал, а в журнале военных действий своей дивизии накануне боя он собственноручно написал:

«В успех наступления 3 июля, в коем на меня возложено управление главной атакой, я не верю. Кроме бесполезного пролития крови, из этого дела ничего не выйдет»[8].

Действительно, так и случилось. Выступив из Тхавуана вечером 3 июля, колонны наши быстро отбросили японские сторожевые заставы и заняли указанные им перевалы. Но с рассветом японцы сосредоточили значительные силы против нашей средней колонны и открыли по ней сильный огонь из горных орудий. Наша полевая артиллерия, по условиям местности, не могла соперничать с ними и была отослана генералом Кашталинским в тыл еще в 6 часов утра. Не подготовленная артиллерийским огнем и не поддержанная им, атака нашей пехоты не удалась, и средняя колонна по приказанию графа Келлера была отведена обратно на Янзелинскую позицию. Вслед за нею отошли и боковые колонны, хотя левая (12-й восточносибирский стрелковый полк) и отбила все атаки японцев, пытавшихся сбить ее с Малого Сыбейлинского перевала.

И эта рекогносцировка дала нам очень мало, а стоила еще дороже. Мы потеряли 3–4 июля 1240 человек, а японцы — около 500 человек.

По поводу этого последнего боя английский военный агент при армии Куроки, генерал-лейтенант сэр Ян Гамильтон высказывает свое «очень твердое убеждение», что если бы русские войска были смело управляемы, то в любой момент, до 7 часов утра они могли прорвать японскую позицию в том или другом пункте. «Но как раз в ту минуту, — говорит он, — когда надлежало броситься в отчаянную, решительную атаку, русскими, казалось, овладевала какая-то странная летаргия, как бы паралич воли»[9]. Сэру Гамильтону кажется странным, как могут русские солдаты, «столь упорные и грозные при отступлении, быть такими нерешительными для атаки». Если бы, однако, Гамильтон знал отношение генерала Кашталинского к порученной ему атаке и демонстративное поведение его перед войсками, он удивился бы выдержке, дисциплине и чувству долга русского

солдата, в котором сами начальники убивали энергию и веру в успех.

Очевидно, опасаясь новых покушений со стороны русских отрядов на Феншуйлинский хребет, понимая, как близка была 3–4 июля опасность прорыва этой стены, маскирующей силы и передвижения войск и обеспечивающей безопасность складов, Ойяма делает чрезвычайно ловкий стратегический ход, сразу меняющий создавшуюся игру. Он решает отодвинуть русские отряды от хребта и создать для них такую угрозу, которая парализовала бы окончательно их и без того слабые наступательные тенденции. С этой целью он приказывает части армии Куроки 5 июля, т. е. на другой же день после победной защиты ею перевалов, атаковать бригаду генерала Гершельмана у Сихеяна. После двухдневного упорного боя Сихеян был занят 6 июля японцами, и для них открывался теперь путь на Мукден, в обход (через Бенсиху) левого фланга Ляоянских позиций.

Понятна паника, распространившаяся в первое время после очищения Сихеяна, в командных сферах нашей армии. Мукден — сердце Маньчжурии — был в то же время нашим крупным военно-административным центром, важною промежуточною базою нашей армии, резиденцией Наместника-главнокомандующего. Инженерная оборона его была еще только в зачатке; гарнизон был ничтожен по численности. Захват его смелым, внезапным ударом грозил неисчислимыми последствиями; преувеличенное же представление о противнике, в котором (особенно в лице Куроки) предполагали идеальное сочетание тонкого стратегического расчета со смелостью замыслов и дерзостью действий, заставляло в то время многих очень трезвых людей верить в возможность этого факта.

Опасное положение, в котором очутился Мукден, обострило и без того уже натянутые со дня Вафангоуской операции отношения между двумя вождями одной армии, генерал-адъютантом Алексеевым и генерал-адъютантом Куропаткиным. Первый находил, что создавшееся невыгодное для нас стратегическое положение есть результат пассив-

ной стратегии Куропаткина, что последний, владея перевалами, упустил в свое время возможность разбить войска противника по частям и что теперь единственным выходом из этого печального и опасного положения было вернуть себе инициативу действий немедленным переходом в наступление. Для этой цели имевшихся у нас в то время сил (131 батальон) генерал-адъютанту Алексееву казалось вполне достаточным. И потому еще 28 июня он предложил генералу Куропаткину для обеспечения его сообщений и особенно Ляояна, а также в видах приобретения большей свободы действий, сохраняя оборонительное положение на южном фронте и не ожидая нападения с востока, самому перейти в наступление против армии Куроки.

Но никогда еще дух армии не был у нас в таком пренебрежении, никогда еще так мало не учитывали и не ценили его и никогда число, простое арифметическое соотношение сил наших и противника, не подчиняло себе так полно полководца.

Генерал Куропаткин и в этот раз ответил главнокомандующему, что силы Маньчжурской армии малы, что необходимо включить в нее 1-й армейский и 5-й сибирский корпуса и, кроме того, прислать еще два корпуса из Европейской России.

Заявив ранее, что у Дашичао он намерен дать решительный бой, генерал Куропаткин отказывается теперь от этого намерения «ввиду предполагаемой им группировки неприятельских сил и местных условий» и признает «соответственным, для улучшения стратегического положения Маньчжурской армии, отвести войска от Дашичао, дабы у Хайчена сосредоточить сильную группу». Он предвидит, что оставление Дашичао повлечет оставление важного в стратегическом и экономическом отношении порта Инкоу, через который японцы будут получать продовольствие для своих армий в Маньчжурии, — он сознает, что все это произведет неблагоприятное для нас впечатление на китайцев, повлечет потерю стоящей в Инкоу канонерской лодки «Сивуч» и лишит нас последней возможности поддерживать

морем сношение с Артуром, — но ни одно из этих последствий не останавливает уже Куропаткина в его намерении очистить Дашичао без боя.

Характерно, что обо всем этом главнокомандующий узнал лишь окольным путем, через Петербург из Высочайшей телеграммы от 30 июня. Ему лично генерал Куропаткин сообщал в телеграмме от 30 же июня, что при предполагаемом им численном превосходстве японцев под Дашичаю принимать решительный бой на неудобной и растянутой позиции он признает нецелесообразным, но «отход наших войск последует только при переходе японцев в наступление... Таковое ожидаю ежедневно»,— прибавлял генерал Куропаткин.

В ответ на Высочайшую телеграмму генерал-адъютант Алексеев всеподданнейше донес, что потеря Инкоу будет иметь для нас самые неблагоприятные последствия, особенно в отношении выручки Порт-Артура, в которой последний все более и более нуждается. Вместе с тем генерал-адъютант Алексеев вызвал к себе в Мукден генерала Куропаткина для обсуждения обстановки, создавшейся после очищения нами Сихеяна, и для убеждения его в необходимости перейти к активному образу действий. На этот раз ему как будто удалось склонить к наступлению генерала Куропаткина. На совещании, состоявшемся 7 июля, было решено: удерживая наши позиции против армии Оку и Нодзу (т.е. Дашичао и Инкоу), начать наступление против Куроки войсками Восточного отряда, 10 и 17 армейских корпусов.

Куропаткин казался настолько убежденным доводами главнокомандующего, что даже принял лично на себя руководство этой последней операцией и уже более не возвращался в Дашичао, куда он перенес из Ляояна после Вафангоуского боя свою главную квартиру. В действительности это было не так: возвращаться в Дашичао было незачем, ибо участь его была уже решена Куропаткиным: он должен был быть оставлен нами. Совещание 7 июля внесло в этот вопрос лишь то изменение, что до него генерал Куропат-

кин склонен был очистить этот пункт без боя, а теперь это должно было быть сделано только после демонстративной обороны позиции. И так как такой способ действий всегда истолковывается как поражение, то, конечно, не ему, генералу Куропаткину, надлежало связывать с этим сражением свое имя, все еще служившее залогом успеха.

Поэтому, хотя с того самого дня (26 июня), как армия Оку заняла город Гайчжоу, атмосфера у Дашичао все более насыщалась ожиданием решительного боя, генерал Куропаткин, не выжидая развязки событий на этом важном стратегическом пункте и по-прежнему предоставляя ход их усмотрению и воле противника, 8 июля уехал из Ляояна совсем в другую сторону от Дашичао — в Аньпин и далее в Гудзяцзы. Здесь должен был сосредоточиться весь 10-й корпус, с которым генерал Куропаткин предполагал начать наступление против Куроки атакой Сихеяна.

Общее руководство войсками Южного отряда (1-й и 4-й Сибирские армейские корпуса) он возложил на командира 4 Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенанта Зарубаева. Ставя задачею для Южного отряда охрану пространства от побережья Ляодунского залива к востоку на 50 верст и охрану Инкоу, генерал Куропаткин вместе с тем указывал генералу Зарубаеву, что положение его отряда представляется не вполне обеспеченным, так как, по имеющимся сведениям, противник собрал у Симучена значительные силы, которые могут быть двинуты им на путь отступления Южного отряда к Хайчену. Поэтому, признавая позицию у Дашичао неудобной для обороны, генерал Куропаткин полагал наиболее целесообразным отвести отряд к Хайчену, где могут быть сосредоточены 1-й, 2-й и 4-й Сибирские армейские корпуса и часть 10 корпуса. Отступление, по мнению командующего армией, должно было, однако, начаться не иначе, как под сильным давлением передовых частей противника на наши арьергарды.

По сведениям, имевшимся в конце июня в штабе армии, против Южного отряда сосредоточилось у Дашичао 5 или 6 японских дивизий, не считая резервных бригад. Но на-

кануне боя мнение генерала Куропаткина о численности противника изменилось. Сообщая 9 июля генералу Зарубаеву, что он принимает на себя руководство наступлением против Куроки, и вторично указывая, что задача Южного отряда не должна носить характера упорной обороны, генерал Куропаткин высказал предположение, что против Южного отряда действуют, «вероятно, менее 4-х дивизий, не считая резервных войск». Это резкое понижение численности противника, вероятно, и должно было обеспечить исполнение данного генералу Зарубаеву в той же директиве приказания: оттянуть в свой общий резерв часть сил 1 Сибирского корпуса, а это последнее обстоятельство, в свою очередь, обеспечивало Куропаткину исполнение его требования о неупорной обороне Дашичаоской позиции.

Южный отряд насчитывал в это время в составе обоих своих корпусов 48 батальонов, 51 сотню и 114 орудий. Резервом для этих войск служила бригада 35 пехотной дивизии с 30 орудиями, стоявшая в Ляояне, а в крайнем случае, при отсутствии опасности со стороны Симучена, на поддержку их могла быть двинута из Хайчена еще одна бригада (31-й пехотной дивизии). Стало быть, на подкрепление Южному отряду могло быть послано 16 батальонов, 4 сотни и 30 орудий.

Этих сил, казалось, уже можно было считать достаточным для того чтобы, действуя по внутренним операционным линиям, сильным энергичным ударом спутать расчеты и планы противника и заставить его считаться с нашей волей. Для этого нужна была решимость, ясно поставленная и всеми видимая цель, нужен был свой определенный план действий, твердость в его осуществлении и согласие между вождями.

Но ничего этого не было. Как и в дни вафангоуской операции, главнокомандующий проявил стремление вперед, а командующий армией обнаруживал стремление назад, так как всякая позиция, находившаяся у него в тылу, казалась ему лучше той, которую он в данный момент занимал; главнокомандующий ставил целью выручку Порт-Артура, а ко-

мандующий армией ее не признавал и не задавался ею, так как судьба осажденной крепости в это время его еще мало тревожила. Хотя война тянулась уже с полгода, но целью действий генерала Куропаткина все еще было сосредоточение армии. Едва прибывали на театр военных действий одни части, как он уже писал о необходимости выслать из России новые и, ожидая их, «сосредоточивался». Наконец, план действий главнокомандующего заключался в решительном противодействии противнику и требовал наступления для победы; образ действий командующего армией был всегда пассивный: всюду лишь демонстративная оборона и забота о заблаговременном отступлении.

На согласование этих противоречий, на взаимное убеждение друг друга в правоте своих взглядов, на преодоление колебаний одного и настойчивости другого уходило дорогое время.

И никогда, быть может, генерал Куропаткин не проявлял столько колебаний и нерешительности, как под Дашичао.

Он не мог не понимать чрезвычайной важности обладания нами этим пунктом. Он понимал это, как видно из всеподданнейшей его депеши Государю, сообщенной 30 июня адмиралу Алексееву, и чем вернее оценивал его сам, тем более убеждал его в нем главнокомандующий, тем сильнее, видимо, росло в душе генерала Куропаткина чувство ответственности за неудачу, страх пред нею, неуверенность в успехе и тем сильнее прельщала его позиция. Быть может, в тактическом отношении она и была выгоднее дашичаоской, но стратегического значения она не имела никакого; это было ясно всем, и этого не мог в тайниках души не сознавать сам генерал Куропаткин. И, сознавая это, он долго не решается отказаться от возможности дать решительный бой у Дашичао и тем открыть себе путь к Порт-Артуру.

Мы знаем уже, что в начале июня он решительно заявил главнокомандующему, что бой у Дашичао будет дан. Но 25 или 26 июня в вагоне командующего армией в Дашичао собирается военный совет, на котором обсуждает-

ся, казалось бы, уже решенный вопрос: сражаться ли на дашичаоской позиции или очищать ее без боя. Генерал-квартирмейстер штаба армии генерал-майор Харкевич высказался за первое решение вопроса, а начальник штаба армии генерал-лейтенант Сахаров — за второе; генерал Куропаткин согласился с последним. Отдана была диспозиция для отступления войск от Дашичао. Часть обоза уже ушла. Но на утро вопрос был перерешен в смысле принятия боя у Дашичао.

28 июня предписанием за № 6258 генерал Куропаткин сообщил генералу Зарубаеву, что в целях наилучшего обеспечения себе успеха решительного столкновения с противником и для того, чтобы дать наиболее прочную опору переходу армии в наступление, он, командующий армией, признает наиболее целесообразным сосредоточиться к Хайчену, но предлагает начать отход с позиции не иначе, как под сильным давлением передовых частей противника на наши арьергарды.

Решение удерживать боем позиции у Дашичао явилось у генерала Куропаткина вновь 5 июля, когда к Дашичао стали подходить направленные туда ранее подкрепления: бригада 35-й пехотной дивизии и головные части 3-й пехотной дивизии, вследствие чего генералу Зарубаеву приказано «деятельно продолжать укрепление избранных позиций». Но уже 6 числа подвоз подкреплений к Дашичао прекращен: в Дашичао приказано высадить только один полк 3-й дивизии, а прочие оставить в Ляояне, и Южному отряду иметь в виду отход к Хайчену. 7 июля на совещании с главнокомандующим, как мы уже знаем, решено удерживать позиции у Дашичао, а 9 генералом Куропаткиным дана генералу Зарубаеву директива, в которой указывалось, что возложенные на Южный отряд задачи «не должны носить характера упорной обороны, и если противник развернет для боя значительные силы, с боем отходить на Хайчен». Таким образом, опять, как в дни, предшествовавшие Вафангоу, на все эти пререкания, совещания и колебания бесполезно был потерян почти месяц. Японцы, конечно, им

воспользовались и, овладев Феншуйлинским хребтом, грозили теперь уже самому Мукдену.

Отъезд генерала Куропаткина из Дашичао в Ляоян, свидание его с главнокомандующим в Мукдене и затем отъезд командующего армией в Гудзяцзы не могли укрыться от японских шпионов, легко скрывавшихся в китайском населении, — были сообщены ими, куда следует, и правильно истолкованы штабом Ойямы: «центр тяжести военных действий переносится русскими с юга на восток, против Куроки, угрожающего Мукдену. Дашичао, очевидно, потерял свое значение в глазах русского командующего армией, он покинул его, несмотря на угрожавшую этому пункту опасность, почти накануне ее осуществления». И вот, чтобы сохранить за собой инициативу действий, чтобы отвлечь внимание Куропаткина от армии Куроки снова на юг и помешать атаке Сихеяна, Ойяма решает вновь предупредить русских в наступлении и приказывает армиям Оку и Нодзу атаковать наш Южный отряд у Дашичао.

10 июля, как всегда рано утром, японцы начали наступление на правый наш авангард, стоявший у деревни Потайцзы, а в 9 часов утра атаковали и левый авангард — у деревни Нандалин[10]. Наши отряды упорно оборонялись, и, чтобы сбить их, японцы ввели в дело почти 2 дивизии и 30 орудий. Но и эти силы не сломили упорства обороны, и японцы были остановлены огнем наших батарей, которые, наученные горьким опытом под Вафангоу, чрезвычайно метко стреляли теперь с закрытых позиций. В 4 часа дня японцы прекратили бой.

На основании тюренченского, цзиньчжоуского и вафангоуского опытов, быть может, следует предположить, что со стороны противника это было лишь усиленной рекогносцировкой расположения наших войск с целью обнаружить нашу артиллерию. Как бы то ни было, но 11 июля японцы возобновили наступление и стремительно атаковали центр нашей позиции, занятый 12-м Барнаульским сибирским пехотным полком. Отброшенные штыками барнаульцев, они сосредоточили против одного полка целую дивизию, но с

атакой медлили. Они, видимо, ждали результатов своих действий на наши фланги: 60-орудийной батареей они громили наш правый фланг, занятый войсками 1 сибирского армейского корпуса, и демонстрировали против левого, занятого бригадой генерала Шилейко. Однако и в этот день наша артиллерия боролась так же искусно, как накануне. Барнаульцы, предводимые своим молодцом-командиром полковником Добротиным, то и дело сами переходили в наступление. Генерал Шилейко искусно переменил фронт своего боевого порядка под огнем противника и заставил его развернуть значительные силы. Конный отряд генерала Мищенко грозил в то же время японцам обходом их правого фланга; 1-й сибирский корпус стойко держался под сильным артиллерийским огнем. И общее одушевление наших войск успехом обороны росло. Только в половине 8 часа вечера японцы, наконец, отважились, под покровом быстро сгущавшихся сумерек, произвести штыковую атаку на центр нашей позиции, но барнаульцы лихо ее отбили штыками. И еще три раза бросались японцы на нашу позицию, но каждый раз барнаульцы встречали их штыковой контратакой, а томцы — метким ружейным огнем. Видя безуспешность всех своих усилий, японцы прекратили бой в 9 часов вечера. Мы потеряли за эти два дня 37 офицеров и 782 нижних чина, а у японцев выбыло 50 офицеров и около 1000 нижних чинов.

Воодушевленные первым серьезным успехом за полгода войны, войска Южного отряда ждали на утро или новой атаки противника, или перехода их самих в наступление. Но ожидания эти не сбылись: в ту же ночь после победоносного боя войска Южного отряда оставили позиции, которые они так доблестно защищали два дня, и отошли к Хайчену.

Ответственность за это отступление, сводившее к нулю наш первый моральный и материальный успех, приходится возлагать не на генерала Зарубаева. Еще перед боем ему было определенно указано командующим армией: 1) на превосходство сил японцев, сравнительно с чис-

ленностью войск Южного отряда; 2) на опасное положение отряда ввиду возможности прорыва противника в тыл, к Хайчену, через Симучен; 3) на непригодность дашичаоской позиции для решительного боя на ней и, наконец; 4) на то, что оборона позиции отнюдь не должна быть упорной.

Но и во время боя, находясь в Аньпине, за сотню верст от Дашичао, командующий армией не оставлял генерала Зарубаева своими указаниями в том же духе. Так, в самый разгар боя он счел нужным телеграммами сообщить генералу Зарубаеву, что «действия японцев против 1 корпуса могут иметь демонстративное значение», что японцы обладают способностью «сосредоточивать значительные силы в горной местности по тропам и даже двигаясь без дорог», и потому нужно опасаться обхода ими нашего левого фланга, что против Южного отряда возможно ожидать усиления неприятельских войск и т. д. Понятно, что такого рода сообщения, получаясь во время успешного хода боя, должны были производить на генерала Зарубаева впечатления «ушатов холодной воды» и, конечно, не способствовали выработке в нем инициативы развить успех вопреки этим заботам и опасениям командующего армией и полученных им ранее указаний.

Отступление от Дашичао после блистательно отбитых атак противника принято было войсками с чувством глубокой обиды и возмущения. Уезжавшему из Дашичао, как всегда в коляске, нелюбимому войсками генералу барону Штакельбергу громко бросались вслед бранные слова. Станция и вокзал подверглись разгрому. Последствием очищения нами Дашичао было занятие японцами Инкоу. Но мы до сих пор закрывали доступ японцам в Монголию и тем обеспечивали ее спокойствие; вместе с Инкоу и Ляохе мы потеряли также крайне важный и ценный путь сообщения, по которому из глубины Маньчжурии и Монголии нам доставлялись в изобилии скот, фураж и продовольственные запасы[11]; наконец, потеряв Инкоу, мы потеряли и стоявшую на его рейде канонерскую лодку «Сивуч»: она была

спешно отведена вверх по Ляохе и там, по малому количеству имевшегося на ней в то время динамита, довольно плохо взорвана и затоплена после взрыва.

Получив донесение о бое у Дашичао, генерал-адъютант Алексеев не мог не прийти к заключению, что отступление наших войск после двухдневной успешной обороны ими своих позиций не вызывалось никакой необходимостью, так как серьезного обхода нашего левого фланга не было, а в резерве у Симучена оставался еще весь 2-й Сибирский корпус. Поэтому он запросил командующего армией об истинных причинах отвода войск к Хайчену. Прямого ответа на этот вопрос генерал Куропаткин не дал, а лишь сообщил директивы, данные им разновременно генералу Зарубаеву.

И, действительно, что он мог ответить? Его действия в эти дни были полны непонятного противоречия. Согласившись на совещании 7 июля с главнокомандующим начать наступление против Куроки с войсками Восточного отряда, 10 и 17 корпусов, — сам вызвавшись принять на себя руководство этой операцией и для этого покинув Южный отряд накануне боя, генерал Куропаткин при первых же известиях о наступлении японцев на Дашичао оставил Гудзяпцы и возвратился к войскам южной группы, которые нашел уже под Хайченом. А как же наступление? А угроза Куроки Мукдену? Почему всем этим он вдруг пренебрег?

Не подозревая совершившейся во взглядах генерала Куропаткина перемены, главнокомандующий 11 июля телеграфировал ему, что принятое ими сообща 7 июля решение начать немедленное наступление против армии Куроки удостоилось Высочайшего одобрения и что для этой цели должны быть назначены достаточные силы. Но, узнав 12 июля, что генерал Куропаткин возвращается в Ляоян, главнокомандующий осторожно запросил его: предполагается ли им исполнить решение 7 июля, когда он рассчитывает начать наступление, с какими силами и какие меры приняты им для противодействия обходу левого фланга нашего расположения?

На первую из этих телеграмм генерал Куропаткин от-

ветил главнокомандующему 14 июля, что для наступления против Куроки в 10-м и 17-м корпусах и в Восточном отряде имеется всего лишь 64 батальона, а необходимо 80 батальонов; для этого он просил или возвратить в состав 10 и 17 корпусов вторые бригады 31-й и 35-й пехотных дивизий, находившиеся в Хайчене, или, «для ускорения начала энергичных наступательных действий», назначить в состав армии головную дивизию 5 сибирского армейского корпуса, предназначенного для обороны Приморской области.

Генерал-адъютант Алексеев, считая, что 64 батальонов, находящихся на южном фронте, достаточно для того, чтобы «с уверенностью (в успехе) встретить неприятеля», изъявил свое согласие на назначение 54-й резервной пехотной дивизии в состав Маньчжурской армии, но при условиях: 1) чтобы, не дожидаясь прибытия этой дивизии, вторые бригады 31-й и 35-й пехотных дивизий были включены в свои корпуса и 2) чтобы наступление на армию Куроки было начато безотлагательно.

Но генерал Куропаткин, хотя и указывал главнокомандующему на мероприятия, способные «ускорить начало энергичных наступательных действий», на самом деле, очевидно, не был склонен к ним. В тот же день, 14 июля, он сообщил главнокомандующему в ответ на его вторую телеграмму, что 10-й и 17-й корпуса совершенно не готовы к действиям в горах; что часть их колесного обоза спешно обращается во вьючный, что дороги разрабатываются, карта местности пополняется, о силе и расположении противника собираются дополнительные сведения и что вследствие всего этого определить время перехода в наступление пока не представляется возможным; для противодействия же намерению противника обойти наш левый фланг им выдвинут к Бенсиху небольшой отряд.

Итак, генерал Куропаткин снова отказывался от принятого им решения перейти в наступление. Но, может быть, зато он будет упорно оборонять Хайченскую позицию, к которой так стремился, сосредоточение на которой было куплено ценою потерянной победы? Да, объезжая 17 июля

Хайченскую позицию, он сказал начальнику 1-й восточносибирской стрелковой дивизии генерал-лейтенанту Гернгроссу, показывая на Хайчен-хэ: «Дальше этой реки ни шагу!»... А 19 июля уже принято было решение очистить и Хайчен.

Что же случилось? То, что все время случалось с нами в эту злосчастную кампанию, что всегда случается с пассивными борцами. Генерал Куропаткин, стремясь к Хайчену, «рассчитал без хозяина». Хозяином же был Ойяма, который 18 июля и перешел в наступление всеми своими тремя армиями.

Куроки атаковал: одною колонною — 10-й армейский корпус (генерал-лейтенант Случевский), стоявший у Лаголина и занимавшей Юшулинский и Пьенлинский перевалы, а другою — Восточный отряд (генерал-лейтенант граф Келлер) на Янзелинском перевале (у деревни Тхавуань).

Нодзу атаковал 2-й сибирский армейский корпус (генерал-лейтенант Засулич) у Симучена, а Оку — передовые части 1 сибирского армейского корпуса (генерал-лейтенант барон Штакельберг) и 4 сибирского армейского корпуса (генерал-лейтенант Зарубаев), стоявшие южнее Хайчена.

В то время как действия Оку против Южного отряда носили демонстративный характер и имели целью удержать его на месте, Нодзу повел свою атаку очень энергично и двумя дивизиями обрушился на правый фланг 2 сибирского корпуса, занятый бригадой 31-й пехотной дивизии. Полки бригады, поддержанные отрядами полковников Лордкипанидзе и Поповича-Липоваца, мужественно оборонялись, сами переходя в частые штыковые атаки, и хотя потеряли при этом 75% своих офицеров, но все-таки сдержали наступление японцев. Однако угроза противника обойти наш правый фланг и отрезать отряд от южной группы была так велика, что командующий армией приказал генералу Засуличу отвести свой корпус к Хайчену. Отход после упорного боя в страшный знойный день был крайне труден. Корпус потерял 27 офицеров, 730 нижних чинов, причем 5

офицеров и 120 нижних чинов были жертвами солнечного удара.

Для атаки Восточного отряда Куроки направил $1^1/_2$ дивизии. Бой начался на рассвете столкновением противника с нашими охотничьими командами. Последние держались очень упорно и обнаружили обход нашего правого фланга японской пехотной бригадой (6 батальонов). Для противодействия обходу здесь были спешно собраны 10 рот, которые и остановили его.

Затем начался артиллерийский поединок, во время которого около 3 часов дня был убит начальник отряда генерал-лейтенант граф Келлер, обходивший позицию и воодушевлявший войска примером личного мужества.

Нельзя сказать, чтобы граф Келлер пользовался большим авторитетом как полководец, — дела под Хояном 21 июня и 4 июля не способствовали этому, — но все же это был один из лучших наших генералов в эту войну: как вождю ему были присущи энергия, настойчивость в достижении боевых целей и личное мужество. Недоставало «уменья», что он и сам признавал неоднократно, прося генерала Куропаткина освободить его от командования отрядом, так как чувствовал себя не подготовленным к столь ответственной задаче. В отряде графа все любили как человека и начальника. Он был прост с солдатами, с офицерами держал себя как джентльмен и старший товарищ и был для всех доступен. В его отношениях к войскам чувствовалась искренняя сердечность и заботливость, и они всегда видели его на биваке рядом с собою, среди коновязей и палаток; на походе — среди колонн, на коне; в бою — под огнем. Такой именно начальник и нужен был войскам Восточного отряда, среди которых авторитет высших начальников был сильно поколеблен и ослаблен событиями Тюренченского боя. Под мягкой, но твердой рукой графа Келлера отряд оправился, повеселел и дрался молодецки. Личное мужество начальника отряда увлекало всех.

Его смерть произвела, конечно, на войска потрясающее впечатление, но не ослабила их стойкости.

По свидетельству участника этого боя А. Свечина, «день 18 июля был блестящим днем для нашей артиллерии». Атаковавшие Тхавуанскую позицию японские войска располагали 12-ю полевыми и 1 горною батареями. Против наших 28 полевых орудий и 4 слабых коннорных пушек пограничной стражи у японцев было 78 орудий. Тем не менее наша артиллерия, деятельно работая до вечера, парализовала большую часть японских батарей и удачно помогала стрелкам отражать наступление японской пехоты[12].

Зато в управлении боем тотчас после смерти графа Келлера начались недоразумения, повлекшие, между прочим, несвоевременный отход с позиции на левом фланге 23 восточносибирского стрелкового полка и в результате боевого дня отряд был отведен генерал-майором Кашталинским на Ляндясанскую позицию в 30 верстах от Ляояна[13].

Атака японцев на 10-й корпус началась внезапным нападением их под покровом предрассветного тумана на сторожевое охранение, выставленное на Юшулинском перевале от 122 пехотного Тамбовского полка. Нападение это удалось, и полку грозила опасность быть смытым со своего бивака лавиной японского огня и штыков. Его спасла находчивость подполковника Липпомана, который бросился со своим батальоном на японцев и задержал их наступление. Полк успел занять позицию на сопках позади бивака; здесь на помощь ему подоспели части резерва, и дальнейшие попытки противника продвинуться вперед не имели уже успеха до вечера.

Одновременно с атакой Юшулинского перевала японцы атаковали и Пьенлинский перевал, занятый бригадой 9-й пехотной дивизии (генерал-майор Мартсон). Под давлением значительных сил, сразу введенных противником в дело, угрожаемый обходом обоих флангов авангард бригады уже в 8 часу утра начал очищать позицию. На помощь ему генерал Случевский двинул весь свой резерв, и бой затянулся до вечера. Однако, когда обнаружился обход японцами левого фланга позиции долиной реки Тайцзыхе, не было уже

средств отпарировать его, и корпусу пришлось отступить к Аньпилину.

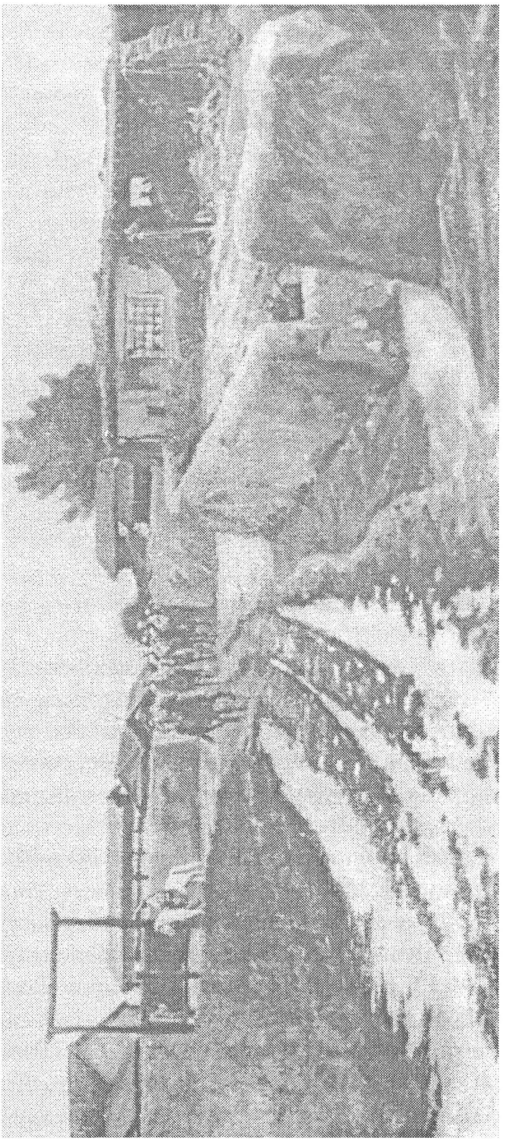

Японский разъезд
худ. В. Мазуровский

Теперь армия Куроки была от Ляояна в расстоянии всего лишь 35 верст, тогда как войска Южного отряда (1-й, 2-й и 4-й сибирские армейские корпуса) находились от него в 60 верстах. Опасаясь за их судьбу, генерал Куропаткин 19 июля отдал приказ очистить Хайчен, что 20 и было исполнено.

21 июля войска Южного отряда сосредоточились на Айсандзянской позиции.

Серьезность положения, создавшегося для нашей армии вследствие потери ею в течение одной недели позиций у Дашичао и Хайчена, побудила главнокомандующего 20 же июля прибыть из Харбина в Ляоян для нового совещания с командующим армией. И на этом совещании, и затем в письме от 23 июля генерал-адъютант Алексеев ввиду угрожающего положения армии Куроки, предлагал генерал-адъютанту Куропаткину приложить все усилия к

Японская засада на казачий разъезд

Атака 8 сибирского полка под Вафангоу

тому, чтобы ее отбросить. Считая рискованным бой с соединенными японскими армиями на Ляоянской позиции, хотя и укрепленной, но не представлявшей особых выгод на фронте, а в тылу имевшей реку, главнокомандующий находил наиболее выгодным теперь же атаковать армию Куроки, демонстрируя на южном фронте. Для противодействия возможному обходу японцами Ляндясанской позиции с востока и операциям их против Мукдена главнокомандующий перечислил весь 5-й сибирский армейский корпус из Южно-Уссурийской группы войск в состав Маньчжурской армии и приказал ему сосредоточиться у Мукдена.

На новое предложение перейти в наступление генерал-адъютант Куропаткин ответил генерал-адъютанту Алексееву 24 июля в том смысле, что меры, принятые им против наступления японцев по правому берегу Тайцзыхе, значительно ослабили способность Восточного отряда к переходу в наступление до подхода подкреплений и обороноспособность южной группы войск.

Опять, стало быть, оставалось ждать событий и подчинять свои действия воле противника.

Сознавая, что этих объяснений недостаточно, генерал Куропаткин в оправдание своего образа действий и в объяснение неудач, постигавших Маньчжурскую армию в течение первого полугода войны, представил теперь в Петербург и главнокомандующему генерал-адъютанту Алексееву доклад, в котором подробно изложил, почему Маньчжурская армия и по сосредоточении своем все-таки не переходит в наступление, а отступает с одной позиции на другую. По словам доклада, к этому побуждает его, командующего армией, прежде всего превосходство сил противника, дающее последнему возможность сосредоточивать значительное их количество в точке удара. Затем на стороне японцев генерал Куропаткин признает следующие преимущества: лучшую подготовку и приспособленность к обстановке войны, многочисленную и отличную горную артиллерию, вьючный обоз, более легкую солдатскую ношу, высокий подъем духа и энергичное, умелое командование ими.

Русским войскам, по мнению нашего командующего армией, приходилось вести войну в непривычных условиях. Обозы и солдатская ноша тяжелы, горной артиллерии почти нет; гаолян дает наступающим японцам большие преимущества; многочисленная конница наша стеснена при действии в горах; и наконец, в нашей армии не видно особого боевого воодушевления «вследствие неясности целей и причин войны».

На основании всех этих данных генерал-адъютант Куропаткин полагал, что для полного обеспечения успеха наступления нам нужно иметь значительное превосходство сил, а для этого необходимо отправить в Маньчжурию еще два корпуса войск; при мобилизации не брать запасных старших возрастов; все корпуса снабдить горной артиллерией, полковой обоз иметь двуколочный и частью вьючный, пополнить некомплект офицеров и безостановочно усиливать провозоспособность Китайско-Восточной ж. д.

Было бы долго входить здесь в разбор этих объяснений генерала Куропаткина, где в актив японцев был поставлен даже «гаолян, благоприятствовавший им при наступлении (как будто он не мог благоприятствовать при наступлении и нам!), и энергичное, умелое командование ими, а в нашем пассиве умолчано о том, в какой степени наши неудачи зависели от стратегии наших полководцев, в какой степени на них влиял подбор начальников и свойства их командования. Зато не было забыто «слабое боевое воодушевление» армии.

Мы же можем сказать, что боевое воодушевление было недостаточно только там, где были начальники, равнодушные к славе и пользе отечества, — «панические генералы», презиравшие свои войска и презираемые ими, грубые, надменные, невежественные, заботливые о себе и не заботливые о войсках. Но были генералы, войска которых и в этой «бесполезной войне» горели боевым воодушевлением в сознании, что на ратном поле не время спорить о причинах войны, что спор идет о чести, достоинстве и славе государства, народа и армии, — войска которых верили в своих

вождей и сильные этой верой готовы были на всякие жертвы. То были Кондратенко, Мищенко, Гернгросс, Самсонов, Ренненкампф, граф Келлер, Зарубаев, Данилов и др. Однако нельзя умолчать и о том, что постоянные отступления страшно деморализовали войска. Все чаще и чаще стало проявляться в них сознание, что «как ни дерись, а все равно велят отступать», и, стало быть, жертвы напрасны. И все чаще и чаще приходилось слышать жалобы войсковых начальников, что становится все труднее удерживать солдат в бою на месте.

* * *

В 20 числах июля наступил «период дождей» и более на две недели прервал военные действия. Ливень размыл дороги и нанес на них со скатов гор песок, ил и камни. Ручьи обратились в бурно шумящие, грозные потоки, затоплявшие лощины и деревни, сносившие мосты, вырывавшие вековые деревья и смывавшие биваки. Черноземные, прекрасно обработанные поля стали пучинами черной, жидкой и зловонной грязи, в которых тонули низенькие солдатские палатки. Над Маньчжурией повисло низко серое, хмурое небо, давившее душу своею безотрадною бесконечностью.

Примечания

[1] Так сказал германскому военному агенту при Маньчжурской армии барону Теттау адъютант генерала Куропаткина, полковник Бобринский (см. книгу Теттау. Ч. I). — *Прим. авт.*

[2] Вот что, например, рассказывает барон Теттау: «26 июня 12-й стрелковый полк получил приказ от генерала Келлера немедленно двинуться на Тхавуан, ввиду того, что поступило донесение о наступлении японцев к перевалам; когда полк уже был в походе, получилось новое приказание вернуться назад. К 1 часу ночи полк опять был на прежнем месте своей стоянки у Чинэртуня и нашел там приказ генерала Куропаткина усиленными переходами двинуться в Хайчен. В 4 часа утра полк выступил; следующую ночь он провел в глубокой грязи под проливным дождем на каком-то перевале и 28 июня прибыл в Хайчен, но уже 29 июня рано утром его перевезли по железной дороге в Ляоян, откуда ему предстояло снова вернуться к графу Келлеру. Из Ланшангуаня 9-й полк, занимавший перевалы, был также послан в

Хайчен, но по дороге получил приказание идти на Айсандэян, откуда был перевезен в Ляоян. Барон Теттау прибавляет, что «офицеры сетовали на это постоянное перебрасывание частей, цель которого была неясна для войск» (Восемнадцать месяцев в Маньчжурии с русскими войсками. Ч. I. С. 155). — *Прим. авт.*

[3] Об этом эпизоде см. подробнее в моей кн.: *Мищенко.* Из воспоминаний о русско-японской войне. СПб. Изд. В. Березовского. 1908. — *Прим. авт.*

[4] Вот что по поводу занятия нами Феншуйлинского хребта говорит в своих воспоминаниях о войне генерального штаба капитан А. Свечин: «Расположение наших войск на Феншуйлинском хребте объяснялось только умышленным самообманом, умышленным предвзятым взглядом на хребет высотою в 2000 футов как на непроходимое препятствие. Вследствие общей фальшивой идеи расположения войск в принятом каждою частью положении для боя должны были заключаться недоразумения. На ложном основании зиждилось и укрепление горных проходов. Все внимание обращалось на то, чтобы обстрелять перекрестным огнем колесную дорогу, шедшую на перевал, — будто противник угрожал нам атакой на автомобилях или будто он собирался повторить атаку наполеоновской конницей под Само-Сиерра. Фланги расположения наших отдельных отрядов заранее предлагались на съедение противнику. Тяжелые вопросы, которые ставила обстановка, не разрешались, а откладывались в дальний угол. В общем, наше расположение в горных проходах никуда не годилось» (В Восточном отряде. От Ляояна к Тюренчену и обратно. Марши, встречи, бои, наблюдения. С. 122–123). — *Прим. авт.*

[5] Вот какими чертами характеризует ведение разведки у нас тот же генерального штаба капитан А. Свечин: «В общем разведка велась крайне неумело. Особенно неумелы и неопытны были не младшие начальники-исполнители, а высшие, руководившие разведкой. Крайне робкое в серьезных действиях, наше управление в организации разведки отличалось и большой смелостью и непрактичностью. Разведочные команды получали странные задачи. Обследованием фронта противника не довольствовались; стремились войсковыми частями обследовать тыл противника, расположение его главных сил, открыть "Планы и намерения врага". Как сквозь сито, гнали через неприятельские аванпосты наши охотничьи команды. Из полков выбирались лучшие низшие чины, лучшие офицеры; им давались самые туманные инструкции; собранные команды угонялись за 100 верст на гибель, тем более верную, чем отважнее были офицеры. Сотни пропавших без вести не оплачивали совершенно нестоящее сведение, принесенное одним удачником. В июне месяце 1904 г. это преступное уничтожение лучших сил Восточного отряда достигло самого большого напряжения. В безрезультатных охотничьих предприятиях было погублено не менее 15% офицеров отряда и 10% солдат» (В восточном отряде. С. 127–128). — *Прим. авт.*

[6] По словам А. Свечина, японцы потеряли 45 человек (См. его кн.: В Восточном отряде. С. 182). — *Прим. авт.*

[7] В случае успеха граф Келлер хотел ввести в дело весь Восточный отряд и отбросить японцев за Феншуйлинский хребет. — *Прим. авт.*

[8] См. вышеназванную его книгу. С. 194. — *Прим. авт.*

[9] В частности, сэр Ян Гамильтон отмечает недостаточное использование в этом бою обеими сторонами своей артиллерии, «безыскусственный способ» атаки русскими войсками, — в сомкнутых строях, чисто фронтальной, без применения к местности и без малейших попыток к обходам, и античный способ стрельбы залпами, принятый русскими, тогда как японцы открывали огонь залпами только в отдельных случаях, с больших дистанций, по сомкнутым русским строям. — *Прим. авт.*

[10] Наши намерения, планы и действия до такой степени проникнуты были в это время мыслью об отступлении, что, даже занимая для боя позицию фронтом на юг, отряды впереди ее назывались арьергардами. Мы называем их теперь авангардами, каковыми они и были по существу. — *Прим. авт.*

[11] И действительно, уже в начале августа начались опасения за Монголию, а положение малочисленного Ляохейского отряда признано было серьезным, и он был увеличен. До сих пор мы вели войну на два фронта — южный и восточный — теперь создался третий — западный. В то же время интендантство армии начало испытывать и затруднение в мясе, доставка которого из Монголии сильно уменьшилась. — *Прим. авт.*

[12] См. его: В Восточном отряде... С. 235. — *Прим. авт.*

[13] Генерал Куропаткин называет эти решения отвести отряд к Ляндясаню «слишком поспешными». — *Прим. авт.*

Глава пятая

ПОРТ-АРТУР

Почти одновременно с тем, как Маньчжурская армия отошла на свои последние позиции пред Ляояном, и Квантунская группа войск утратила свои передовые позиции и отошла под защиту фортов Порт-Артура.

После Цзиньчжоуского боя войска генерала Фока отступили, как известно, к Волчьим горам, в 7–8 верстах от крепости.

Однако оставаться на этой позиции, столь близкой к крепости, все еще не готовой противостоять штурму, было признано опасным и потому решено было попытаться задержать врага на так называемой передовой горной позиции — в 15–19 верстах от Порт-Артура. Это — прерывчатая линия высоких сопок, тянущаяся поперек полуострова, с несколькими характерными вершинами: Куинсант, Юпелаза, высоты 139 и 178. Линия гор пересекается Лунвантанской долиной, правый (восточный) берег которой носит особое название — Зеленых гор. До войны об этой позиции не говорили вовсе; между тем она обладала большими достоинствами: ее нельзя обойти, ее трудно атаковать, у нее хороший обстрел и возможность перекрестной огневой обороны.

Первоначально, после Цзиньчжоуского боя и отхода войск на Волчьи горы, позиция эта была занята охотничьи-

ми командами, наблюдавшими за противником. Теперь, в конце мая, команды эти были усилены частями пехоты и артиллерии, позиция была разделена на три участка и приступлено было к ее укреплению. В общем, позиции заняли $8^3/_4$ батальона, 16 охотничьих команд, 38 орудий и 8 пулеметов; частный резерв составляли 3 батальона, общий — остававшийся на Волчьих горах — 6 батальонов и 32 орудия. Наибольшее количество войск, занимавших передовую горную позицию, было сосредоточено на левом участке ее — от высоты 139 до Инчензы; правый и средний участки были заняты слабее, и на них не было ни одного скорострельного орудия.

В течение целого месяца после взятия Цзиньчжоуской позиции противник нас не беспокоил: он тралил мины в бухте Дальнего, высаживал там новые войска, укреплял Цзиньчжоу и деятельно окапывался перед нашей горной позицией — и только 13 июня атаковал ее.

Почти целая японская дивизия обрушилась на 3 наших батальона и 5 охотничьих команд, занимавших правый участок, выбила их с гор Уайцелаза и атаковала Куинсан. Рота, занимавшая этот пункт, не выдержала огня японской батареи и отошла, а вслед за Куинсаном очищены были и Зеленые горы.

Так как последнее обстоятельство грозило тем, что японцы, пройдя Лунвантанской долиной, разрежут отряд наш на две части, решено было во что бы то ни стало взять обратно Зеленые горы; с этой целью 20 июня, на рассвете, части правого фланга из состава 7-й восточносибирской дивизии (генерал-майор Кондратенко) стремительно атаковали Зеленые горы и высоту 93 и быстро сбили с них японцев.

Успех воодушевил наши войска, и решено было на следующую же ночь отобрать назад и Куинсан, и высоту 131.

Последнюю действительно удалось нам взять обратно, но все атаки Куинсана были безуспешны. На вершине его японцы успели уже выстроить редут и вооружить его 4

пулеметами; об него и разбились геройские усилия наших войск.

Наши роты, предводимые лично генералом Кондратенко, подходили к редуту на 400 и даже на 60 шагов, отдельные смельчаки залегли под самой каменной стенкой редута и хватали даже японцев за высунутые чрез бойницы ружья, но каждый раз их сметал огонь японских пулеметов. Не помогла и наша скорострельная артиллерия (4 орудия). Куинсан остался за японцами.

13 июля японцы возобновили атаку нашей передовой горной позиции. После продолжительной артиллерийской подготовки по всей линии они вновь двинулись на Зеленые горы и Юпелазу и к вечеру добились некоторого успеха, заняв на левом фланге высоту 93, а в центре — высоту 113. Против правого фланга японцы ограничились канонадой.

14 июля японцы снова начали громить всю нашу позицию своей артиллерией и, подготовив атаку, снова повели наступление на правый и средний участки, стремясь овладеть Юпелазой и Скалистым хребтом. Но все их атаки в течение дня были отбиты, и к 8 часам вечера бой затих.

Тогда в деревне Лиэр состоялся военный совет, на который прибыли начальник укрепленного района генерал-лейтенант Стессель, комендант крепости генерал-лейтенант Смирнов, начальники дивизий: 4-й — генерал-лейтенант Фок и 7-й — генерал-майор Кондратенко. Обсуждался вопрос: очищать ли передовую позицию. За очищение высказался лишь генерал Фок, все остальные генералы настаивали на продолжении обороны. Но ночью японцы вновь атаковали Зеленые горы, взяли их и поставили там пулеметы. Контратака не удалась. Тогда генерал Фок, из опасения прорыва нашего расположения между правым и средним участками, приказал очистить позиции и отходить на Волчьи горы. Противник не преследовал.

В боях 13, 14 и 15 июля мы потеряли убитыми 7 офицеров и 248 нижних чинов, ранеными и без вести пропавшими — 47 офицеров и 2066 нижних чинов.

Волчьи горы — ряд невысоких сопок, дугою огибающих Артур — представляли последнюю преграду пред Артуром, и потому на них было решено упорно защищаться. Однако для осуществления этого намерения ничего не было сделано на позиции — ни до войны, ни с началом ее. Между тем недостатков у этой позиции было немало: 1) ее длина (12 верст) не соответствовала количеству войск, назначенному для ее защиты; 2) ее можно было обойти с левого фланга, и 3) на равнине перед Волчьими горами рос гаолян, который не позаботились своевременно снять и который теперь ограничивал обстрел и позволял противнику скрытно подойти к позиции.

К вечеру 15 июля наши войска заняли Волчьи горы и с утра 16 числа приступили к укреплению позиции. Однако многого сделать они уже не успели.

В 4 часу 17 июля японцы открыли по нашей позиции сильный артиллерийский огонь и, прикрываясь гаоляном, незаметно подошли к ней на 400–500 шагов.

Атака была неожиданна и коротка, и в $7^1/_2$ часов утра, несмотря на отчаянное сопротивление наших войск, центр нашего расположения (на Поворотной горе) был прорван, а левый фланг сбит.

Не желая ввязываться в упорный бой под самой крепостью, дабы не ослабить им силы гарнизона и не внести в нее противника на своих плечах, генерал Стессель приказал очистить и эту позицию.

Для прикрытия отступающих частей батареи сухопутного фронта крепости в этот день впервые открыли огонь по противнику. Последний нас не преследовал. Мы потеряли на Волчьих горах убитыми 2 офицеров и 150 нижних чинов, ранеными и без вести пропавшими — 13 офицеров и 691 нижних чинов.

Боем 17 июля закончился для Квантунской группы войск период полевой войны и начался период войны крепостной. Началась осада Порт-Артура. Что же делал в это время порт-артурский флот? Со времени высадки противника у Бицзыво эскадра деятельно готовилась к прорыву

во Владивосток. Предполагалось, что, соединившись, обе наши эскадры могли, если не вовсе уничтожить господство японцев на море, то, во всяком случае, сильно его поколебать; японскому флоту пришлось бы тогда сосредоточиться, главным образом, на обороне берегов родного архипелага, вследствие чего доставка на материк подкреплений, боевых запасов и материалов для осады Порт-Артура сильно затруднилась бы; японской эскадре пришлось бы тогда сразу обслуживать несколько целей, а это давало нам надежду на возможность разбить ее по частям. Чтобы избежать всего этого, японскому флоту надлежало бы блокировать и Владивосток, но это представляло гораздо большие трудности, чем блокада Порт-Артура, а осада Владивостока с суши требовала новой сильной армии, выставить которую Япония едва ли могла без отказа от серьезных операций в Маньчжурии.

К тому же и обстоятельства давали нам надежду на успех прорыва. В то время как эскадра наша усиливалась возвратом в ее строй поврежденных судов, флот противника нес одну потерю за другою. 1 мая в Талиенванской бухте при очищении ее от мин погиб один японский крейсер; 2 мая погибли, наскочив на мины, поставленные нашим минным транспортом «Амур», броненосцы «Хатцусе»[1] и «Яшима»[2]; 3 мая во время тумана столкнулись крейсеры «Кассуга» и «Иосино», причем последний пошел ко дну, а первый получил серьезную аварию. Наконец, уже немало миноносцев было потеряно японцами в предшествующих период войны. Так что, в общем, к концу мая, когда эскадра наша закончила работы исправления, силы противников на море были почти одинаковы.

Чтобы облегчить порт-артурской эскадре прорыв, владивостокским крейсерам предписано было произвести поиск в Японском море. 2 июня три наших крейсера «Громобой», «Россия» и «Рюрик» под командой вице-адмирала Безобразова близ Симоносекского пролива затопили последовательно три японских транспорта с войсками, военными грузами и осадной артиллерией для армии Ноги, а отряд

наших миноносцев уничтожил в то же время близ острова Хоккайдо несколько японских шхун. К сожалению, эскадра поспешила вернуться во Владивосток (6 июня), вследствие чего действия ее не достигли главной цели — отвлечь часть сил неприятельского флота от Порт-Артура в Японское море. Поэтому, когда 16 июня наша порт-артурская эскадра (6 броненосцев, 5 крейсеров и 10 миноносцев) вышла в море для прорыва во Владивосток, она наткнулась в 20 милях от берега на всю эскадру Того (5 броненосцев, 12 крейсеров, 30 миноносцев) и вернулась обратно[3].

Когда начались затем бои за передовые позиции, флот наш принял в обороне их деятельное участие.

20, 21 и 22 июня крейсер «Новик», канонерки и миноносцы выходили обстреливать берег между бухтами Лунвантан и Сикау. На случай, если бы им вздумали помешать японские суда, держался наготове весь крейсерский отряд. «Но японский флот даже и не пробовал отогнать наш слабый отряд, хотя он причинял серьезные затруднения действиям японцев на суше и много способствовал их, хотя и кратковременному, отступлению»[4]. Японцы забеспокоились только 26 июня, когда к Лунвантаню снова вышли все наши крейсера I ранга, крейсер 2 ранга «Новик», броненосец «Полтава» и миноносцы и снова стали обстреливать фланговым огнем японские позиции. Тогда их суда приблизились к нашим, завязали, было, с ними перестрелку, но скоро ретировались.

13 июля 4 наших крейсера и 3 канонерские лодки снова выходили для содействия нашим войскам к Лунвантаню и снова обстреливали японскую позицию во фланг. На этот раз эскадра адмирала Катаока (4 крейсера и 30 миноносцев) пыталась этому решительно противодействовать и атаковала наши суда, но вынуждена была отойти с уроном[5].

На другой день с той же целью выходили из гавани 1 броненосец, 4 крейсера, 3 канонерские лодки и 12 миноносок, но японская эскадра не показывалась. Она, видимо, берегла свои силы для более серьезного столкновения[6].

25 июля японцы впервые открыли огонь со своих осадных батарей по городу и укреплениям.

Гром выстрелов, жужжанье летящих огромных снарядов, снаряженных мелинитом, и страшный треск их разрывов по странной случайности совпал с пением молитв и звуками гимна «Коль славен». Был воскресный день — и в осажденной крепости на Базарной площади служился молебен об избавлении ее «от труса, потопа, огня, меча и иноплеменной брани». Впечатление было потрясающее.

Одновременно с бомбардировкой города и укреплений японцы открыли сильный огонь по передовым опорным пунктам обороны — Дагушаню и Сяогушаню. Эти горные массивы, с крутыми, обрывистыми скатами, с каменными глыбами на вершинах, представляли собою природные форты. К сожалению, они не были своевременно укреплены, и теперь на них спешно строили редут и рыли в каменистом грунте траншеи.

Хотя огонь японцев и быстро разрушил на Дагушане блиндажи и окопы, но гарнизон его (8 рот и 6 орудий) мужественно отбил в этот день все атаки японцев, скатывая на их головы камни, когда нельзя было достать штыком, пулей или снарядом.

26 июля бомбардировка города, порта и Дагушаня возобновилась. К ночи на последнем осталась одна только рота. Люди ее были так утомлены двухдневным непрерывным боем, что заснули. Японцы атаковали их внезапно, но были отбиты. Через час они повторили атаку — и снова были отбиты. Однако, несмотря на все усилия, на весь героизм штыковой обороны наших стрелков, Дагушань был ими очищен, а следом за ним очистили и Сяогушань.

Бомбардировки этих дней обнаружили, что для судов нашей эскадры нет спасения от неприятельских снарядов и на внутреннем рейде. «Небось теперь поймут, что артурские бассейны — это могила эскадры», — говорили одни моряки, жаждущие более активной деятельности флота.

«Могила — еще ничего, — подавали реплику наиболее озлобленные. — А вот если преждевременная смерть и затем воскресение под японским флагом? Вот это уже хуже!..»[7].

И вот в 8 часов 50 мин. утра 28 июля на «Цесаревиче» был поднят сигнал: «Флот извещается, что Государь Император приказал идти во Владивосток».

Этот приказ был встречен, по словам участника-очевидца, с нескрываемым одобрением. «Давно бы так!.. Молодчина Витгефт!.. Нет отступлениям!..». «Необходимость этого выхода, — по его словам, — была до такой степени очевидна, массы были так пропитаны этим сознанием, что упорство "начальства" порождало среди наиболее горячих голов самые ужасные подозрения»[8].

Таково было настроение эскадры ко дню «прорыва». Оно давало надежду на успех. Но, увы, вечером этого же дня, 28 июля, эскадры нашей более не существовало.

Она вышла из Артура в боевом порядке: впереди крейсер «Новик» с первым отрядом миноносцев (8), затем 6 броненосцев[9], имея во главе «Цесаревича» под флагом командующего эскадрой вице-адмирала Витгефта, 3 крейсера[10] и, наконец, госпитальное судно «Монголия».

«Только что отпустили тралящий караван, — рассказывает В. Семенов, — так, по-видимому, что-то приключилось с машиной "Цесаревича", так как оттуда был подан сигнал: "иметь 8 узлов хода". Это при прорыве блокады!.. В виду неприятеля!

В 11 ч. 30 м. утра несколько правее нашего курса, очень далеко обрисовались силуэты 1 броненосного и трех легких крейсеров, а левее — какие-то большие корабли, предшествуемые отрядами миноносцев.

В 11 ч. 35 м. правые уходят на SW, а те, что были влево, идут на соединение с ними. В 11 ч. 50 м. на "Цесаревиче" подняли флаг К., что означает: "не могу управляться"; — явно, опять какое-то повреждение. Все застопорили машины. Ждали, когда исправят. Тем временем японские отряды спешили выполнить свой маневр соединения».

«В 12 ч. дня (наконец-то!) сигнал: "иметь 13 узлов". Пошли, но ненадолго: в 12 ч. 12 м. "Победа", подняв флаг

К., вышла из строя. Опять задержка! А неприятель уже соединился, построился, и в 12 ч. 22 м. раздались первые выстрелы с наших главных броненосцев, двигавшихся черепашьим шагом»[11].

Первая схватка закончилась для нас успехом, и наши суда взяли направление на Шантунг. Японская эскадра (4 броненосца, 6 крейсеров и миноносцы) повернула к югу и пошла за нашею, держась правее и сзади нее и поддерживая слабый огонь с дальней дистанции. В начале 4 часа стрельба прекратилась, и главные силы японского флота отошли на такую дистанцию, что едва были видны их трубы и мостики. По-видимому, противник в это время исправлял полученные повреждения. Быстро исправив их, он стал догонять нашу эскадру. В 4 ч. 45 м. дня бой снова завязался, и на этот раз в нем быстро сказалось преимущество японской эскадры: в то время как последняя обладала значительной артиллерией среднего и мелкого калибра, у нас, по свидетельству Вл. Семенова, вся мелкая артиллерия и добрая треть 6"и 75 мм орудий остались на сухопутном фронте Порт-Артура. Значение же тех орудий, которые находились на судах, обесценивалось еще тем, что среди имевшихся для них снарядов было много некалиброванных, и это вызывало досадную и роковую задержку в ведении огня.

«Еще чего нельзя отрицать, — замечает тот же участник боя, — это, что счастье, удача были на их стороне».

В 5 ч. 30 м. вечера 12-дюймовый снаряд «Ретвизана» попал в башню флагманского броненосца «Микаса», где находился Того. Последний чудесно уцелел. А через четверть часа японский 12-дюймовый снаряд ударил в командный мостик «Цесаревича» и убил командующего нашим флотом контр-адмирала Витгефта. Вслед за тем на «Цесаревиче» были повреждены машина и руль, и корабль остановился. Поднятый на нем сигнал: «адмирал передает начальство» не всеми судами был усмотрен и разобран, и на многих из них до конца боя не знали, кто же именно вступил в командование эскадрой, за кем следить, и чью команду ис-

полнять. Не был замечен судами нашей эскадры и другой сигнал: «следовать в кильватере», поднятый преемником Витгефта контр-адмиралом князем Ухтомским на поручнях мостика «Пересвета», так как мачты этого корабля были перебиты. Тогда наступило замешательство. Броненосцы начали разновременно и беспорядочно маневрировать, беря то новый курс, то меняя его на старый, обгоняли друг друга и беспорядочно отстреливались.

Начальник отряда крейсеров контр-адмирал Рейценштейн, памятуя уговор не возвращаться в Порт-Артур, дал сперва сигнал: «быть в строе кильватера», а затем, не ожидая, пока к нему примкнут другие крейсеры, дал полный ход и обогнал эскадру. Став впереди «Ретвизана», он подал новый сигнал: «следовать за мной», и, развив скорость в 22 узла, прорвался сквозь линию японских крейсеров и миноносцев и ушел в Шанхай. «Диана» бросилась было за ним вдогонку, но отстала и ушла в Сайгон. «Пересвет» повернул в Порт-Артур. За ним пошли броненосцы «Ретвизан», «Севастополь», «Полтава» и «Победа». «Цесаревич» с поврежденными машинами и рулем не мог развить скорости более 4 узлов, а потому отстал от них и, выдержав атаки миноносцев, пошел в немецкий порт Киао-Чао, где и разоружился. Туда же прорвался и крейсер «Новик», но там не остался... Пополнив запасы угля, он ночью, без огней, вышел из порта, обошел Японию с востока и 7 августа прибыл к острову Сахалину, в пост Корсаковский. Здесь его нагнал японский крейсер. Отважный «Новик» вступил с ним в бой и, хотя сам пострадал в нем очень сильно, но и противнику нанес такие повреждения, что тот отступил с сильным креном. Ночью близ поста появилось уже несколько неприятельских судов. «Новик», имея три подводные пробоины и поврежденные котлы и руль, не мог ни принять нового боя, ни уйти из поста — и был затоплен.

«Паллада» прорвалась обратно в Артур. Туда же вернулась и часть миноносцев, другая часть их погибла или разоружилась в нейтральных портах.

Уведомить владивостокскую эскадру о выходе порт-артурской в море для прорыва послан был с депешами в Чифу миноносец «Решительный». Прибыв в этот нейтральный китайский порт, командир миноносца лейтенант Рощаковский хотел уже разоружить здесь свое судно вследствие порчи машин, но вслед за ним туда явились два японских миноносца и потребовали или сдачи судна, или выхода его из гавани. Рощаковский отказал и в том, и в другом и приготовил миноносец к взрыву. Тогда японцы ворвались на судно и пытались поднять на нем свой флаг. Произошла жестокая схватка, в результате которой японцы, потеряв 1 убитым и 14 ранеными, были сброшены с судна, а миноносец взорван. Но депеши уже были посланы на телеграф и сделали свое дело: владивостокская крейсерская эскадра («Россия», «Громобой» и «Рюрик») вышла навстречу порт-артурской эскадре.

Предвидя это обстоятельство, Того еще 28 июля приказал адмиралу Камимура запереть своей эскадрой (6 крейсеров и несколько миноносцев) Корейский пролив и преградить владивостокской эскадре путь в Желтое море.

На рассвете 1 августа эскадры встретились, и между ними завязался неравный, но жестокий бой, в котором «Рюрик» скоро получил пробоину в кормовую часть и повреждение руля. Пять часов «Громобой» и «Россия» прикрывали собою раненого «Рюрика», давая ему возможность исправить повреждения, и, потеряв, наконец, половину своих офицеров и четверть нижних чинов, прошли обратно во Впадивосток, увлекши за собою с места боя 4 наиболее сильных неприятельских крейсера. «Рюрик» же, не будучи в состоянии поспеть за «Громобоем» и «Россией», остался на месте боя и геройски защищался против 2 неприятельских крейсеров и нескольких миноносцев. Стреляя из 2 лишь уцелевших орудий, со сбитыми мачтами, с поврежденными машинами и рулем, он несколько раз сам переходил в наступление, чтобы расчистить себе путь. Но уйти не мог. И, чтобы судно не досталось неприятелю, командир его приказал открыть кингстоны и затопить крейсер.

Японцы подобрали на воде 634 человека экипажа, из них 174 были ранены, 107 человек было убито.

В общем, владивостокская эскадра потеряла в этом бою 1/3 своего личного состава.

Итак, прорыв порт-артурской эскадры и соединение ее с владивостокской не только не удались, но, можно сказать, что с этого времени обе эти эскадры перестали существовать. По крайней мере, на совещании 6 августа в Порт-Артуре флагманов и капитанов бывшей порт-артурской эскадры было постановлено: ввиду невозможности дальнейших активных действий флота предоставить все его силы и средства в распоряжение начальства сухопутной обороны Порт-Артура.

Неудача прорыва должна быть объяснена прежде всего отмеченными уже мною ранее общими недостатками судов нашей эскадры. Исправив ко времени выхода свои повреждения, корабли наши не имели времени и возможности произвести надлежащие испытания — и при прорыве то и дело останавливались, сбавляли ход и выходили из строя. Далее, слабость артиллерийского вооружения эскадры, отсутствие во главе ее смелых, талантливых и энергичных начальников и, наконец, неверность идеи, положенной в основу плана операции прорыва.

Во главе эскадры стоял контр-адмирал Витгефт, лично храбрый человек, по общим отзывам, человек долга и чести, хороший начальник штаба и, как всегда в таких случаях бывает, плохой самостоятельный начальник. Он и сам, говорят, признавался, что он «не флотоводец», и, не веря в себя, не верил, конечно, и в успех выпавшего на его долю дела. В этом случае он лишь покорно выполнял чужую волю. 20 июля миноносец «Лейтенант Бураков» доставил ему предписание генерал-адъютанта Алексеева, в котором говорилось: «Иметь в виду, что эскадре можно оставаться в Порт-Артуре лишь до того времени, пока она в нем в безопасности. В противном случае, заблаговременно выйти в море и, не вступая в бой, если окажется это возможным, проложить себе путь во Владивосток».

Об абсолютной безопасности эскадры в крепости, осажденной с суши и заблокированной с моря, говорить, конечно, не приходится. Но и те несколько случайных снарядов, что упали во внутреннем рейде при бомбардировке Порт-Артура 25–27 июля, не свидетельствовали еще, конечно, о наступлении момента серьезной, смертельной опасности для эскадры. Она наступила для неё лишь в ноябре, когда, с взятием горы Высокой, японцы получили возможность корректировать стрельбу по нашим судам. И тогда последние действительно были быстро расстреляны и погибли. Но контр-адмирал Витгефт счел эскадру «в опасности» при первом же снаряде, упавшем во внутреннем рейде, и вывел ее в море на другой же день после этой бомбардировки.

Имея в предписании указание на желательность избегать боя, контр-адмирал Витгефт попытался выполнить и это желание, совершенно невыполнимое в то время, которое он выбрал для прорыва. Он основал план своих действий на стремлении выйти из Порт-Артура неожиданно, незаметно для японцев.

Однако этому не благоприятствовали ни свойства портартурской гавани вообще, ни близость японской эскадры, только что бомбардировавшей крепость, в частности. Приходилось ждать момента и быстро им пользоваться, а это уже исключало возможность дать своевременно знать о себе владивостокской эскадре. Так на самом деле и случилось: владивостокская эскадра вышла в море, когда портартурская была уже рассеяна.

Словом, контр-адмирал Витгефт поторопился с выходом. И в этой торопливости его поддерживал не кто иной, как сам руководитель обороны Порт-Артура генерал Стессель. Недальновидный, лишенный широты взгляда и способности понимать обстановку и оценивать факты, он торопил эскадру с выходом из гавани, полагая, что это она — главная приманка неприятеля. Он совершенно упускал из вида, что с уходом флота он лишает себя огромного, прекрасного резерва, людей, орудий, боевых и продовольствен-

ных запасов, — словом, всего того, что только и позволило крепости впоследствии продержаться до 20 декабря.

Между тем его настояния о выходе эскадры из Артура были так неуместны и резки, что генерал-адъютант Алексеев, получив о них сведения, счел нужным напомнить генералу Стесселю депешей от 2 июня, что «крепости надлежит упорно обороняться и служить до последней крайности укрытием флоту», что «флот находится в непосредственном распоряжении и на ответственности начальника эскадры, почему его выход в море может последовать только по усмотрению контр-адмирала Витгефта», и, наконец, что «обязанность коменданта как высшего военного начальника должна заключаться в напряжении всех сил для самой упорной обороны, и никоим образом нельзя считать, что для спасения крепости должно жертвовать флотом».

Однако ни после этой депеши главнокомандующего, ни даже после неудачи прорыва эскадры 28 июля настояния генерала Стесселя о выходе флота из Порт-Артура не прекратились. Он писал по этому поводу адмиралам бумаги резкого и обидного содержания и даже водил их на Высокую гору, чтобы показать им с вершины её, как легко и быстро будут уничтожены отсюда их суда.

Все это свидетельствовало о глубокой розни, существовавшей в понимании задач обороны Артура между высшим военно-сухопутным и морским начальствами, об отсутствии между ними единодушия, добрых товарищеских отношений и согласованности действия. Это было, конечно, прежде всего, проявлением вообще междуведомственной розни, существующей у нас, а с другой стороны — это было следствием двоевластия, царившего в Порт-Артуре так же сильно, как и в Маньчжурской армии. Над гарнизоном и флотом не было общего начальника; у осажденной крепости и блокированного порта не было одного хозяина обороны. И выходило так, как будто два основных элемента её, «две руки одного потентата», как выражался Великий Петр про армию и флот, мешали взаимно друг другу.

Уезжая в феврале 1904 г. из Порт-Артура в свою новую

штаб-квартиру — Мукден, генерал-адмирал Алексеев хотел объединить власть над войсками и флотом в Порт-Артуре в руках адмирала Макарова. Но против этого возражал генерал-адмирал Куропаткин и рекомендовал на роль такого объединителя генерала Стесселя. Но если генерал Куропаткин мог доверить последнему войска, то генерал-адъютант Алексеев, ближе знавший этого генерала, никак не мог согласиться доверить ему судьбу флота. В результате разногласия двоевластие не только осталось, но скоро превратилось в троевластие.

Назначенный по Высочайшему повелению 22 марта 1904 г. временно начальником укрепленного Квантунского района с подчинением ему и коменданта крепости Порт-Артур, генерал Стессель удержал в своих руках власть над крепостью и тогда, когда «укрепленный район» перестал существовать, будучи занят японцами, а дивизия генерала Фока вошла в район крепости.

Попытка разграничить права и обязанности полновластного по закону хозяина крепости — коменданта — от власти временного начальника района была сделана Наместником в апреле 1904 г., но не привела ни к какому результату. Генерал Стессель продолжал вмешиваться в чужие права: «упразднял», по собственному его выражению, коменданта, делал замечания неподчиненному ему командиру порта, писал резкие бумаги начальнику эскадры, грозил гражданскому комиссару области и председателю порт-артурского городского совета выслать его вон из крепости вместе со всею его «штатскою сволочью» — и во всем этом обнаруживал крайнее невежество, неуважение к закону и возмутительную грубость. Создалось то положение вещей, которое генерал Стессель впоследствии сам очертил на суде признанием, что ему приходилось сражаться не только с японцами, но с комендантом крепости, командиром порта, начальником эскадры и гражданским комиссаром. В свою очередь, те, кто вырывался из Артура в Маньчжурскую армию, свидетельствовали, что у крепости главный враг не японцы, а Стессель, не умевший объединить

в дружной совместной работе гарнизон, флот и население Артура, не проявляющий ни надлежащих знаний, ни энергии.

После Цзиньчжоуского боя генерал Смирнов счел, наконец, своим долгом довести об этом до сведения главнокомандующего и командующего армией через двух офицеров генерального штаба, прорвавшихся из осажденной крепости в Маньчжурскую армию. Впрочем, по некоторым донесениям генерала Стесселя, генерал Куропаткин и сам уже чувствовал, что последний и духом упал, и вообще не соответствует выпавшей на его долю задаче. Выслушав же доклады капитанов Одинцова и Ромейко-Гурко о положении крепости и о деятельности в ней генерала Стесселя, он решился, наконец, отозвать его из Артура. Получив на это согласие генерал-адъютанта Алексеева, генерал Куропаткин послал генералу Стесселю 5 и 17 июня телеграммы, а 20 июня и письмо, в которых предписывал сдать командование в крепости коменданту ее, а самому прибыть в армию, где он получит другое назначение. Копии этих телеграмм были посланы генералом Куропаткиным через генерала Стесселя и генералу Смирнову, но до последнего не дошли, будучи скрыты в штабе укрепленного района. Впрочем, и сам генерал Стессель не получил телеграмм, хотя впоследствии (на суде) и было установлено, что одна из них, а именно от 5 июня, была получена начальником штаба укрепленного района полковником Рейсом. На письмо же командующего армией от 20 июня генерал Стессель ответил генерал-адъютанту Куропаткину, что дурные слухи о нем — клевета, что донесения его о положении Артура неверно поняты, и он по-прежнему готов оборонять его до последней капли крови, что оборона только им и держится, что все его любят и знают, что моряки верят ему более чем адмиралам, что отъезд его подорвет дух гарнизона, эскадры и населения, и, наконец, что ему даже некому в сущности сдать командование, так как никто не в состоянии его заменить: комендант — «профессор»[12], генерал Кондратенко молод, а у генерала Фока дурной характер.

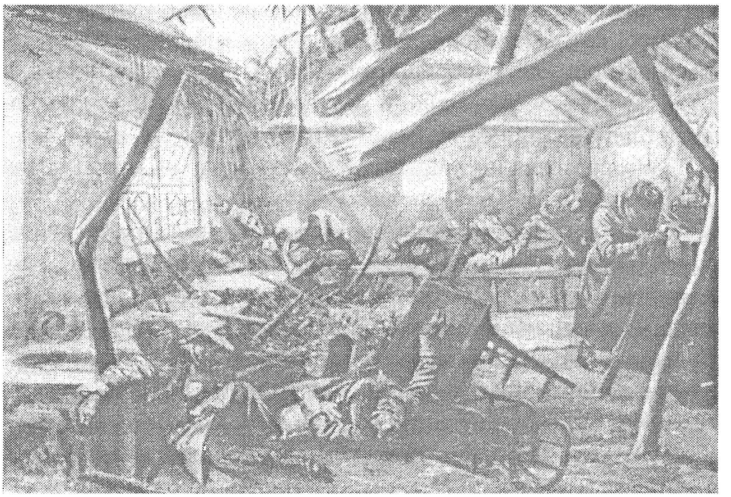
Как это ни странно, но генерал Куропаткин, по его признанию, «отнесся с доверием» к этому самовосхвалению генерала Стесселя, одобренному льстивыми словами по адресу командующего армией, и уже не тревожил более последнего предписаниями об отъезде из Артура.

Так попытка установить единовластие в осажденной крепости еще раз потерпела неудачу.

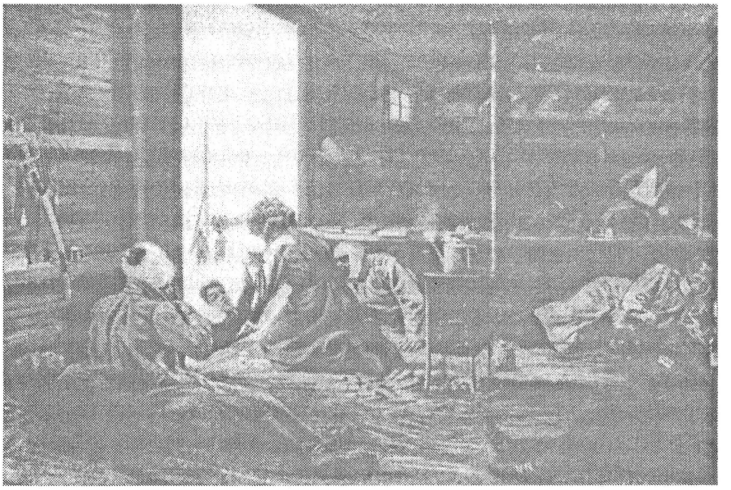
Лицом, которое неофициально объединило в себе участников обороны — от генерала Стесселя до последнего рядового матроса и горожанина, направив их волю, энергию и силы к достижению одной, общей цели — отстоять Артур, был генерал Р. И. Кондратенко, сперва начальник 7-й восточносибирской артиллерийской дивизии, а затем начальник обороны всего сухопутного фронта крепости.

Прибыв в Порт-Артур месяца за полтора до начала войны и убедившись в «печальном состоянии» крепости, он тотчас же принялся заботиться об её укреплении. Он «уговорил» Стесселя объехать ее верхи, он осматривал с адмиралом Макаровым Цзйньчжоускую позицию и соображал совместную оборону ее флотом и войсками. Он побывал и на Дагушане, на Угловых горах, Ляотешане и Высокой.

«С удивлением спрашивали друг у друга в крепости, — рассказывал нам один из почтенных участников обороны, — что это всё ездит маленький беспокойный генерал: от генерала Стесселя к генералу Смирнову, вновь возвращается к Стесселю, скачет к адмиралам Витгефту и Григоровичу, — неужели это он хлопочет все по делам своей дивизии?» Нет, это он хлопотал об Артуре, примирял враждебные отношения разных ведомств и чинов, рассеивал возникавшие между ними недоразумения и объединял всех на общее дело своим идеальным служением ему. И скоро все признали его «душою обороны крепости». К нему стали обращаться все, кто хотел так или иначе быть полезным делу обороны, и так как идеям и предложениям других генерал Кондратенко всегда отдавал предпочтение пред своими, то он и скакал от одного генерала к другому, проводя в жизнь то, что казалось ему нужным и полезным.

Пробитая фанза
худ. В. Мазуровский

В теплушке

Сила, подчинившая всех Кондратенко и всех к нему привлекавшая, крылась не столько в его уме, сколько в его сердце. Бескорыстный и правдивый, он был предан только делу обороны и жил только его интересами, нуждами и заботами. Скромный в отношении себя, он был прост с другими, всем доступен и в каждом уважал человека. Сам прекрасно образованный, питомец двух военных академий (Инженерной и Генерального штаба), он не считал, однако, себя авторитетом во всем и не только охотно выслушивал, но часто сам спрашивал советов и мнений у тех, кому «на месте виднее»: у простого стрелка, матроса, портового рабочего, заурядного армейского офицера. И часто делалось именно так, как они говорили. В результате, «то, что не было сделано в Артуре за семь лет, Кондратенко, насколько это было возможно, создал в несколько месяцев»[13]. Его мыслью, его трудами, его настойчивостью создалась вокруг Порт-Артура цепь укреплений, которые почти 5 месяцев сдерживали натиск превосходных сил противника в ряде бешеных атак и штурмов.

Штурмы эти начались вслед за неудачным для нас исходом прорыва эскадры. Очевидно, японцы желали использовать то тяжелое моральное впечатление, которое легло на гарнизон, на население Артура, когда в его гавань стали постепенно возвращаться остатки эскадры.

В ночь с 31 июля на 1 августа японцы повели наступление на предгорья Высокой горы, с судьбой которой, как показали события, связана была и судьба кораблей. Предгорья эти — Угловая гора и сопки «Передовая», «Трехголовая» и «Боковая» — были слабо укреплены, вооружены и заняты: несколько траншей, батарея на 4 орудия и 2 роты моряков и 3 охотничьи команды стрелков, — вот и вся их сила.

Несмотря на это, 6 ночных атак на Трехголовую и Боковую сопки было отбито. 1 августа противник их усиленно бомбардировал, а 2 вновь атаковал — и после горячего боя овладел ими.

Считая, что этот новый успех японского оружия еще

более усугубил тяжелое впечатление от разгрома эскадры, японцы попытались овладеть крепостью без кровопролития. 3 августа генерал Стессель и контр-адмирал Вирен получили письма за совместными подписями Ноги и Того с извещением, что японская армия «окончила приготовления к общему штурму, и недалеко то время, когда она начнет решительные действия. Тогда судьба Порт-Артура будет решена. Поэтому, «во имя человечности», во избежание «излишних жертв людьми и имуществом», крепости и флоту предлагалось теперь же сдаться на капитуляцию.

Предложение это, конечно, было отвергнуто. Тогда Ноги не замедлил привести в исполнение свою угрозу штурма.

4 августа японцы открыли огонь из осадных орудий по Угловой горе; 5 числа они обстреливали уже весь сухопутный фронт крепости, а 6 числа они атаковали одновременно Угловую гору, Водопроводный и Кумирнинский редуты[14] и весь восточный фронт обороны.

Угловую гору оборонял 5-й восточносибирский стрелковый полк, доблестно дравшийся против 3-х дивизий на Цзиньчжоу. Полк этот и здесь «стоял, как скала», по донесению генерала Кондратенко, непосредственно руководившего обороной этого важного передового пункта. Когда страшный огонь японской осадной батареи, стрелявшей мелинитовыми снарядами, уничтожил сразу 1-ю полуроту 10-й роты, занимавшей траншею впереди Угловой, 2-я полурота не ушла из этой траншеи даже и тогда, когда японцы заняли места выбитой полуроты. К утру 7 августа на Угловой горе из 16 блиндажей, укрывавших войска от снарядов, уцелело только 7; в резерве у полковника Третьякова оставалась одна рота. В полдень наши не выдержали страшного огня и отошли.

Зато Кумирнинский и Водопроводный редуты отстояли. Японцы впервые понесли тут поражение. «Их бежало, — с торжеством доносил командир 26 восточносибирского стрелкового полка полковник Семенов, — с Водопроводного редута 2 роты. За компанию бежали и другие».

Но упорнее и дольше всего вели японцы атаку Восточ-

Генерал **Р. И. КОНДРАТЕНКО**

ного фронта обороны крепости. Этим именем называлась 8-верстная линия укреплений от бухты Тахе до долины реки Лунхе: форт № I, батареи А и Б, форты № II и III и укрепление № 3, в промежутках между которыми находились полевые укрепления — редуты, батареи и окопы. Фронт этот занимали 25-й восточносибирский стрелковый полк, несколько рот 16 полка, 2–3 роты 15 полка и столько же рот Квантунского флотского экипажа; вооружение его состояло из 134 орудий и нескольких пулеметов. Начальником отряда обороны фронта был генерал-майор Горбатовский.

Одновременно с бомбардировкой Угловой горы, Водопроводного и Кумирнинского редутов с раннего утра 6 августа неприятель начал бомбардировку и Восточного фрон-

та, сосредоточив свой огонь преимущественно на редутах №1 и 2 — в промежутке между фортами №II и III. Наши батареи стали отвечать, но шансы этого артиллерийского поединка были неровны ни по количеству орудий и калибру их, ни по количеству снарядов, которые крепости надо было беречь. Так, на участке от форта №II до форта №III находилось 55 орудий, но из них только 17 могли состязаться с осадной артиллерией противника. В результате поединка за этот день мы потеряли подбитыми 7 орудий, в том числе два драгоценных для обороны 6"орудия Канэ.

7 августа бомбардировка продолжалась и утихла только в 8 часов вечера. Мы потеряли в этот день подбитыми 9 орудий, а 1 пороховой погреб был взорван. Но еще ранее конца бомбардировки обнаружилось сосредоточение японской пехоты в складках местности против редутов. В 3 часа утра 8 августа японцы начали теснить наше сторожевое охранение, а в 5 часов бросились в атаку на редуты. Словно волны бушующего моря катились одна за другой на редуты колонны и цепи японцев и, разбившись под нашим огнем о проволочные сети впереди редутов, отбегали назад. В 11 часов атаки прекратились. Обессиленный ими противник стал подтягивать свежие войска. В 12 часов дня против редута №I сосредоточились уже новые колонны японцев. Артиллерия наша молчала, обессиленная трехдневным поединком. Только несколько орудий могли еще стрелять. Видя, какие грозовые тучи надвигаются на редут №1, генерал Горбатовский попросил выслать из резерва на усиление его гарнизона одну роту. Она подоспела вовремя: японцы уже были на правом фасе редута. Их встречал штыками комендант редута штабс-капитан Гусаковский всего лишь с 12 стрелками. Подошедшая рота спасла и эту горсть храбрецов, и редут. Японцы были отброшены с большим уроном. Они пытались еще раз атаковать редуты, но снова потерпели неудачу и в 5 часов вечера отошли назад.

В результате трехдневного боя редуты остались за нами, но в ужасном виде: все было на них исковеркано и разбито — орудия, брустверa, блиндажи. Повсюду были лужи

крови, горы трупов и взрытой земли. После утомительного боя стрелкам пришлось приняться за работу восстановления редутов. Работали, однако, недолго. В 11 часов вечера, под покровом темноты, японцы снова двинулись на штурм. В этот раз редуты, может быть, и не устояли бы. Но на поле сражения находился комендант крепости генерал-лейтенант Смирнов, руководивший обороной атакованного фронта, — и своевременно выслал на поддержку его два батальона моряков с судов эскадры (1000 человек). Они и отбили атаку.

С рассветом 9 числа редуты снова подверглись сперва бомбардировке, а потом и штурму. Их защищали отчаянно. Редут №1 пять раз переходил из рук в руки. Видя невозможность взять его силою, японцы обрушили на жалкие остатки его насыпей и гарнизона такой сильный шрапнельный и фугасный огонь, что оставаться на нем не стало никакой возможности, — и горсть храбрецов, его защитников, отошла к Китайской стенке. Та же участь постигла в конце концов и редут №2, атакованный одновременно с первым, но с меньшим напряжением. Его судьбу также решил артиллерийский огонь. Отобрать редуты назад у генерала Горбатовскаго не было уже сил: в резерве оставалось всего лишь 300 человек. Только к вечеру генерал Кондратенко мог прислать на Восточный фронт $1^1/_2$ батальона стрелков, а затем прибыл и сам, чтобы на месте ознакомиться с положением дел. Между тем японцы, заняв редуты, стали их укреплять. В то же время, пользуясь своим успехом, они атаковали Куропаткинский люнет, но были от него отбиты с большим уроном.

Сознавая важность потери редутов, генерал Смирнов решился взять их обратно ночной атакой. Три роты 13 восточносибирского стрелкового полка должны были зайти во фланг и тыл редутов, а батальон 14 полка атаковать их с фронта. Атака удалась лишь отчасти: обходная колонна сбилась с пути, запоздала и участия в бою не приняла, вследствие чего удалось занять лишь редут №1, но удержаться на нем мы долго не могли. В течение дня 10 августа

противник забросал его снарядами, и к вечеру этого дня мы вынуждены были окончательно отказаться от мысли вернуть себе редуты. И потому вечером 10 же августа войска Восточного фронта отошли на Китайскую стенку, находившуюся позади редутов. Это был вал в сажень вышиною, тянувшийся от долины Лунхе вдоль II и III фортов до батареи А. Едва устроившись на новой позиции, войска наши ночью же выдержали на ней два яростных штурма. Оба они были отбиты. Как дорого стоили японцам эти пять боевых дней, видно из того, что в одну только эту последнюю ночь они потеряли около 3 тыс. человек. Убедившись на столь дорогом кровавом опыте, что взять Артур одним ударом нельзя, японцы повели правильную инженерную атаку крепости, дорого им стоившую и удержавшую надолго под стенами ее целую японскую армию.

Это было для нас, конечно, очень крупным успехом, и им Артур был обязан проницательности и распорядительности генерала Смирнова, энергии генерала Кондратенко, мужеству генерала Горбатовского и стойкости войск. Пятидневный штурм крепости послужил для гарнизона ее прекрасной школой, в которой талантливые, деятельные начальники показали войскам, что враг не так страшен, как рассказывали, что японцев можно бить. После Цзиньчжоуского боя и боев на передовых позициях это было очень важно и сильно подняло дух гарнизона.

Примечания

[1] Правильно — Хацусэ. — *Прим. сост.*

[2] Правильно — Ясима. — *Прим. сост.*

[3] При возвращении броненосец «Севастополь» наткнулся на мину и получил несерьезное повреждение. — *Прим. авт.*

[4] *Семенов Вл.* Расплата. С. 157–159. — *Прим. авт.*

[5] «Баян» вывел из строя один японский крейсер, а другой наскочил на мину заграждения и получил серьезные повреждения. — *Прим. авт.*

[6] При возвращении на внутренний рейд «Баян» наткнулся на мину и был выведен из строя. — *Прим. авт.*

[7] *Семенов Вл.* Расплата. С. 184. — *Прим. авт.*

[8] Там же. — *Прим. авт.*

[9] Кроме «Цесаревича», это были «Ретвизан», «Победа», «Пересвет» (флаг контр-адмирала князя Ухтомского), «Севастополь» и «Полтава». — *Прим. авт.*

[10] «Аскольд» (флаг контр-адмирала Рейценштейна), «Паллада» и «Диана»; недоставало «Баяна». — *Прим. авт.*

[11] *Семенов Вл.* Расплата. С. 185–186. — *Прим. авт.*

[12] Генерал Смирнов окончил две военные академии — Михайловскую артиллерийскую и Николаевскую Генерального штаба. — *Прим. авт.*

[13] *Шишко Я. У.* Одиннадцатимесячное сидение в Порт-Артуре. Рассказ участника. М.: Издание И. Д. Сытина. 1905. С. 108. — *Прим. авт.*

[14] Между укреплением №3 и фортом №IV. Особую важность имел редут Водопроводный, так как он прикрывал голову водопровода, снабжавшего Артур пресною водою. — *Прим. авт.*

Глава шестая

ЛЯОЯН

Донесение Стесселя о том, что Порт-Артур устоял против первого жестокого многодневного штурма, дошло до Маньчжурской армии в дни не менее жестоких испытаний для нее самой на передовых Ляоянских позициях. Генерал Куропаткин тотчас же объявил эту радостную весть армии, «чтобы поднять ее дух». Но армия в этом не нуждалась.

Без опасения быть обвиненным в преувеличении, в риторичности, можно сказать, что с самого начала войны все в армии ждали решительного генерального сражения под Ляояном как праздника, как награды за «терпение», за ряд безплодных жертв и напрасных героических усилий. Если что и поддерживало еще этот угасаемый ряд отступлений, так это именно сближение с Ляояном, ожидание боя под ним и вера в победу, после которой мы пойдем вперед. Если чего и страшились войска, так это чтобы и Ляоян, выросший в сознании армии в ее военную столицу, «не отдали без боя», из боязни обхода нас слева, проявленной под Дашичао и Хайченом.

На этот раз, казалось, этого не случится. В Ляояне сосредоточивали огромные боевые и продовольственные запасы, спешно доканчивали укрепления, впереди позиций снимали выросший за лето гаолян. И, наконец, вокруг Ляояна закипел желанный бой.

Как известно, после боя 18 июля войска Маньчжурской армии заняли: 1, 2 и 4-й сибирские корпуса (южная груп-

па) — Айсандзянскую позицию; 3-й сибирский корпус, командование которым вместо убитого графа Келлера вверено было генерал-лейтенанту Иванову, — Ляндясанскую и 10-й армейский корпус — Анпилинскую. Заняв Хайчен, японские армии успели продвинуться вперед на один лишь переход. Военные действия были приостановлены двухнедельными тропическими дождями. Когда они стали утихать, генерал-адъютант Алексеев вновь возбудил вопрос о необходимости помочь Артуру. 1 августа он сообщил генерал-адъютанту Куропаткину, что Стессель просит содействия Маньчжурской армии, так как положение крепости после занятия японцами Волчьих гор и Дагушаня значительно ухудшилось, а непрерывные бои ослабили силы гарнизона. И потому нельзя ли, в виду ослабления противника на нашем южном фронте, перейти хотя бы в демонстративное наступление к Хайчену.

Генерал Куропаткин ответил на это главнокомандующему, что просьбы Стесселя о помощи он приписывает только нервному его состоянию; «повторять Вафангоу нам нежелательно, а оно легко повторится, если мы двинем отряд на юг даже до Хайчена», движение это никакой действительной пользы Порт-Артуру не принесет. К тому же, по словам Куропаткина, замечалось усиленное передвижение японских войск к правому их флангу; армия Куроки была значительно сильнее того, что мы о ней знали. Видимо, готовился удар на Ляоян или даже на Мукден. При таких условиях движение на юг, по мнению генерала Куропаткина, представляло большую опасность.

На этот раз генерал Куропаткин был прав: демонстративное движение на юг отряда не могло ни помочь осажденной крепости, ни улучшить положение Маньчжурской армии. Другое дело, если бы не в демонстративное, но решительное наступление перешла вся армия. Но для этого генералу Куропаткину она все еще казалась недостаточно сильной. Поэтому «для перехода с надеждой на успех в наступление», он просит 2 августа генерал-адъютанта Алексеева назначить в состав Маньчжурской армии, кроме 5

сибирского корпуса, еще и 1-й армейский корпус, двигавшийся на театр вслед за 17-м армейским корпусом, и ходатайствовать о присылке из Европейской России еще 2 корпусов. Главнокомандующий уважил эту просьбу: 1-й армейский корпус был включен в состав Маньчжурской армии; в то время большая часть 6 сибирского корпуса, по желанию генерала Куропаткина, была расположена у Мукдена для обеспечения этого пункта со стороны средней Ляохе и верхней Тайцзыхе.

Вследствие этого силы Маньчжурской армии к 11 августа исчислялись в 199 батальонов, 143 сотни и эскадрона, 628 полевых и 28 осадных орудий — всего около 200 000 человек. Они распределялись следующим образом: 1-й, 2-й и 4-й сибирские армейские корпуса и конный отряд генерала Самсонова (всего 70 тыс. человек и 152 орудия) составляли, под общим начальством генерала Зарубаева, Южную группу и занимали Айсандзянскую позицию; 3-й сибирский, 10-й и 17-й армейские корпуса (всего 85 тыс. человек и 295 орудий) составляли, под общим начальством командира 17 корпуса генерала барона Бильдерлинга, Восточную группу и занимали позиции от Ляндясана до Сакана на Тайцзыхе; 5-й сибирский корпус (генерал-лейтенанта Дембовского) — 30 тыс. человек и 48 орудий — стоял у Мукдена, составляя общий резерв армии. Фланги этого расположения охранялись отрядами: правый — генерал-майора Коссаговского ($8^1/_2$ батальонов, 9 сотен и 18 орудий) — у Давана, Сяобейхе и Каолитун, левый — генерал-майора Любавина (12 сотен и 4 орудия) — у Уйнина на реке Тайцзыхе; полковника Грулева (5 батальонов, 6 сотен и 6 орудий) — у Бенсиху и полковника Мадритова (2 батальона, 12 сотен и 2 орудия) — у Ляочена. Конный отряд генерал-майора Мищенко стоял на отдыхе в окрестностях Ляояна.

Японцы также использовали перерыв в военных действиях для укомплектования армии и к тому же 11 августа имели 128 батальонов, 576 орудий и 49 эскадронов, всего также около 200 тыс. человек.

Они были расположены: 1-я армия (Куроки) — около

85 тыс. человек у Тхавуана и Гудзяцзы — в двух группах, против 3 сибирского и 10 армейского корпусов, 2-я армия (Оку) — около 70 тыс. человек — У Хайчена и Ныочжуана — против Айсандзянской позиции и 4-я армия (Нодзу) — около 50 тыс. человек между ними — у Симучена.

Сравнение этих сил приводит к следующим выводам: общая численность противников одинакова; в частности, у нас на 100 эскадронов и сотен больше конницы; на 30 орудий более артиллерии; но у японцев 180 горных орудий, у нас только 7.

Первоначальный план генерала Куропаткина заключался в том, чтобы аръергардными боями на Айсандзянской, Ляндясанской и Анпилинской позициях выиграть время для окончания укрепления Ляояна и подхода подкреплений (1 армейского корпуса), а затем отойти на передовые Ляоянскиея позиции и, опираясь на укрепления Ляояна, принять решительный бой.

В этом смысле генералом Куропаткиным даны были еще в конце июля соответствующие указания начальникам южной и восточной групп, и в соответствии с этим именно планом эти начальники располагали войска, укрепляли позиции и отдавали все распоряжения.

И вдруг 11 августа генерал Куропаткин меняет этот план и принимает решение дать на этих позициях упорный решительный бой всеми силами армии и в случае его успеха перейти в наступление. Предполагают, что это изменение плана действий вызвано было успешным сосредоточением в районе Мукден — Шахе 5 сибирского корпуса и прибытием первых эшелонов 1-го армейского корпуса.

Однако это увеличение численности армии не искупало недостатков позиций, занятых для арьергардных боев, а не для генерального сражения.

Айсандзянская позиция, тянувшаяся по гребню горного отрога на 14 верст, была велика для южной группы; сократить же ее не позволяли условия местности; и без того левый фланг ее легко был обходим долиною реки Садахыа.

Ляндясанская позиция по своему протяжению (12 верст) также не соответствовала силам 3 сибирского армейского корпуса, ее занимавшего; гористая местность внутри ее чрезвычайно затрудняла войскам взаимную поддержку, а впереди позиции сложная система сопок и лощин давала противнику легкую возможность скрыто подойти к ней.

Наконец, 20-верстная Анпилинская позиция еще более не соответствовала силам 10 корпуса, совершенно не имела обстрела, в тылу имела реку Танхе и, вообще, для обороны представляла одни лишь отрицательные стороны. К тому же в отличие от Айсандзянской и Ляндясанской позиций, укрепленных заблаговременно, она была укреплена поспешно.

Если к этой характеристике позиции добавить, что, несмотря на растянутое положение войск южной и восточной групп, между ними все-таки оставался промежуток в 22 версты (от Кусанцзы до Кофынцзы), никем не занятый, станет ясно, что новый план действий генерала Куропаткина не сулил нам никаких успехов. Он мог и должен был лучше всего воспользоваться этими позициями как исходными положениями армии для наступления, но он по-прежнему оставлял инициативу действий в руках противника. Ойяма же не заставил себя долго ждать. Как только определилось, что период дождей миновал, он начинает наступление в тот самый день, в который армия Ноги прекращает свои попытки взять Артур открытой силой и переходит к постепенной атаке его.

11 и 12 августа правая колонна армии Нодзу и левая колонна армии Куроки теснят наши передовые отряды у Ляндясана, Тунсинпу и Лаодинтана и входят между собою в связь. А в ночь на 13 августа все японские армии переходят в наступление по всему фронту. План Ойямы заключается в том, чтобы, прорвав наш фронт именно на незанятом нами участке от Кусанцзы до Кофынцзы между южной и восточной группами, отбросить первую на запад от ж. д., а вторую — на восток от нее и, таким образом, открыть себе дорогу на Ляоян.

Для этого армия Оку, силою около 70 тыс. человек при 252 орудиях, наступает двумя колоннами против южной группы генерал-лейтенанта Зарубаева (70 тыс. человек при 152 орудиях): левая должна атаковать ее с фронта, правая зайти ей в тыл долиной реки Шахе; армия Нодзу одной колонной должна атаковать правый фланг 3 сибирского корпуса, а другой — зайти в тыл восточной группе; ей содействует в атаке 3 сибирского корпуса, со стороны Тхавуана, левая колонна армии Куроки, в то время как правая колонна этой армии (55 тыс. человек и 120 орудий) атакует наш 10-й корпус (30 тыс. при 119 орудиях).

Происходит ряд боев. 3-й сибирский корпус сохраняет свои позиции, но 10-й сбит на своем левом фланге у Пегоу; противник угрожает его пути отступления, а вздувшаяся от дождей река Танхе в тылу корпуса грозит разобщить его с остальными частями армии. Одновременно обнаруживается обход значительными силами армии Оку левого фланга Айсандзянской позиции. Авангарды 2 сибирского корпуса сбиты противником со своих позиций и отходят к Кусанцзы.

И ночью 13 августа генерал Куропаткин отдает приказание всей армии отходить на передовые Ляоянские позиции. Войска отходят с боем 14 и 15 августа по отвратительным дорогам, размытым дождями, теряют орудия на переправах через вздувшиеся горные реки и в пучинах грязи и 16 августа утром занимают позиции, на которых спешно, утомленные, и устраиваются. Противник идет по пятам.

Передовая ляоянская позиция, на которой должна была теперь — и могла! — решиться участь кампании, отстоит от Ляояна к югу верст на 7, на 10 и, начинаясь у полотна железной дороги огромной высотой, прозванной «Кулак», тянется вокруг Ляояна верст на 20 по гряде возвышенностей. Тактические достоинства позиции и степень ее укрепленности неодинаковы. Правый участок длиною 5 верст был сравнительно хорошо укреплен: на гребне возвышенностей устроены были окопы, перед фронтом, имеющим хороший обстрел, были выкопаны волчьи ямы, за-

ложены фугасы и устроены проволочные заграждения. К левому флангу участка подходили запутанные горные отроги и промежутком в $3^1/_2$ версты отделяли его от левого участка позиции. Последний был менее силен для обороны: гористая местность перед фронтом его давала противнику возможность скрытно подойти к нашей позиции на близкое расстояние, — и более слабо укреплен. Даже гаолян перед фронтом участка смогли вытоптать всего лишь на 300–600 шагов, хотя времени было достаточно.

Армия наша заняла эту позицию следующим образом: 1-й сибирский корпус занял правый участок; 3-й сибирский корпус стал влево от него, на левом участке; левее его 10-й корпус; эти три корпуса составляли боевую часть армии; общим резервом для нее служили 2-й и 4-й сибирские корпуса, ставшие первый за центром, второй — за правым флангом.

17-й корпус, расположенный на высотах правого берега Тайцзыхе от Санванцзы до Сыквантуня фронтом на восток и юго-восток, преграждал пути к Ляояну с востока и в то же время охранял левый фланг армии, сторожа реку до Бенсиху. 54-я дивизия (из 5 сибирского корпуса) стояла еще далее к югу-востоку у Шахе и прикрывала пути на Мукден. Резервом этой группы войск служила бригада 71-й пехотной дивизии.

Правый фланг армии охранялся тремя конными отрядами: генерала Мищенко у Улунтая, генерала Грекова, наблюдавшего у Хечунпу переправы через Ляохе, и генерала Самсонова, стоявшего уступом за флангом армии у деревни Яньцзахинцзы. Во всех этих отрядах было 54 сотни, 3 батальона, 34 орудия.

На этот раз противник изменил своему обыкновению и, готовясь к решительной атаке наших позиций, не произвел артиллерийской рекогносцировки расположения наших батарей.

В течение дня 16 августа он слабым огнем обстреливал участок, занятый 3-м сибирским корпусом.

К вечеру канонада стихла. Настала ночь, — последняя

для многих, — тихая, теплая. Ущербленная луна была бледна и неясна, словно на нее был наброшен траурный флер по жертвам грядущего дня. На окрестных горах зажглись бивачные огни. Но самые биваки наши были тихи. Хотя командующий армией накануне великого дня не обратился к армии ни с одним горячим словом, не объехал ни одной части, не видал ни одного солдатского лица, не слышал биения ни одного солдатского сердца, войска спокойно, в ясном сознании важности наступающей минуты ждали рассвета.

И едва мутные лучи серого, пасмурного утра 17 августа прорезали тьму ночи, как два японских эскадрона и полк пехоты из армии Нодзу атаковали передовые части 3 сибирского корпуса (команду охотников и батальон 23 восточносибирского стрелкового полка), занимавшие сопки у деревни Кудяза. Японская артиллерия поддержала эту атаку сильнейшим огнем, а густые цепи японской пехоты, прикрываясь гаоляном, двинулись на поддержку своих передовых атакующих частей.

Сражение началось. В то время как Нодзу напрягал все усилия сломить правый фланг расположения 3 сибирского корпуса, чтобы прорваться в 3-верстный промежуток между Дофантуньским и Маетунским участками, артиллерия Оку три часа громила позиции 1 сибирского корпуса. Но мы и тут, и там устояли.

Тогда, около 9 часов утра, пехота Оку, в свою очередь, повела энергичное наступление на левый фланг 1 корпуса все с тою же целью прорвать наш фронт на этом промежутке. Но для прикрытия его частью сил, взятых из резерва армии, уже была занята позиция у Падяканцзы. И все попытки японцев прорваться в этот промежуток были отбиты. Мы устояли.

Тогда волна японских атак, направлявшаяся в этот промежуток, как в русло, встретив здесь преграду, стала разливаться все более по фронту обоих корпусов и к полудню докатилась до того корпуса, правый фланг которого у Мындяфанскаго ущелья также был атакован бригадою из армии Куроки.

Но мы и тут устояли. Потерпев неудачу прорвать тут или там наш стратегический фронт, Ойяма ставит себе целью дальнейших действий окружить нашу армию.

Две дивизии из армии Оку пытаются обойти наш правый фланг. Мы противопоставляем им части 4 сибирского корпуса, которые огнем и штыками отбивают все атаки японцев.

С наступлением темноты, когда Оку и Нодзу прекратили атаки, на наших позициях ясно всеми чувствовалось, что энергия противника надломлена, уверенность его была поколеблена, а его силы и средства борьбы сильно уже истощены.

Это еще более подняло дух нашей армии, и без того бодрый и героистический.

Сообщая вечером 17 августа штабу соседнего 10 корпуса о результатах боя за день — о том, что передовая высота, взятая утром японцами, ими очищена, что корпусом отбиты все атаки, — командир 3 сибирского корпуса генерал-лейтенант Иванов прибавлял: «Потери огромные, но и бодрость духа еще огромна. Все убеждены, что никогда не отступим».

В этом была убеждена вся армия. Известна повышенная нервность раненых. Им кажется, что вместе с ними гибнет все, и по дороге на перевязочный пункт они уверяют всех и каждого, что все офицеры убиты, солдаты «почитай, все пропали», что дела наши плохи, неприятеля «видимо-невидимо» и «против него не устоять». Так было под Вафангоу, Хайченом, потом на Шахе. Под Ляояном — ничего подобного. Раненые поражали своим спокойствием, своим самоотвержением. С большим одушевлением они рассказывали об обстоятельствах боя, радуясь, что все идет отлично, что мы удержимся, что на этот раз мы погоним японцев.

— Разве можно отдать Ляоян! — говорили одни.

— Это ничего, что меня ранило, — говорили другие, — наших еще довольно осталось.

— Наворотим! Теперь уж наша взяла! — грозились тре-

тьи. Легко раненые не хотели уходить. Другие тащились сами, не позволяли товарищам себя провожать.

Огромные потери, которые мы несли от беспрерывных жестоких атак неприятеля, ливня свинца, чугуна и стали, никого не смущали. Передавали, что когда одну из наиболее потерпевших батарей 1 сибирского корпуса, потерявшую уже более половины орудийной прислуги, хотели заменить другою, уцелевшие воспротивились. «Не надо, мы все умрем!» — кричали они.

Вообще выдержка, с которой вели себя в этот день наши войска, была изумительная, и атмосфера боевого поля была насыщена не только запахом обильно пролившейся крови, но и ароматом высоких, благородных качеств человеческой души, жертвующей собою «за други своя», — за Отечество.

Почти одновременно с тем, как на южном и восточном фронтах Ляояна начал затихать жестокий бой, Ойяма двинул через Тайцзыхе, в обход нашего левого фланга армию Куроки. Это был смелый, рискованный, но талантливый ход. «Сходство Тайцзыхе Куроки с Рубиконом Цезаря, — говорит по поводу этого решения генерал Гамильтон, — заключалось в том, что ни та, ни другая река не представляли собою препятствия для перехода войск, но раз переход совершен, этим самым их начальники ставили на карту все»[1].

Первою поздно вечером 17 августа начала переправляться через Тайцзыхе вброд у Лентоувана 12-я японская дивизия, та самая, которая первою переправилась и через Ялу под Тюренченом.

Вслед за ней в течение ночи переправилась бригада 2-й дивизии и начали переправляться артиллерия и кавалерия.

Смелый удар на Ампин значительного отряда русских, с неопрокинутого фронта которых японцы начали уходить с наступлением темноты, — замечает генерал Гамильтон, состоявший как раз в то время при 1-й японской армии, — разрезал бы армию Куроки на две части и, даже если бы, в конце концов, и был отбит, то все-таки настолько бы расстроил и разметал его обозы, что 1-я армия была бы осуждена на бездействие в течение нескольких недель»[2].

Это ясно сознавалось и у нас. Идея наступления, атаки обессиленного противника была в уме и сердце каждого пережившего первый день Ляоянского сражения и после благополучно проведенной ночи бодро и радостно смотревшего в лицо второго дня. Она носилась в этом чистом, свежем воздухе раннего утра 18 августа. Поэтому, когда выяснилось, что за ночь перед фронтом 10 корпуса японцы отступили (вернее — ушли за Тайцзыхе), начальник левофлангового участка позиции генерал Васильев стал просить разрешить ему перейти в наступление. Командир корпуса генерал-лейтенант Случевский не решился самостоятельно дать ему это разрешение и запросил командующего армией. Генерал Куропаткин отказал.

Но еще до получения этого отказа генерал Васильев продвинулся вперед, занял две деревни, прогнал японцев артиллерийским огнем из третьей и намеревался гнать их дальше, донося, что это «отнюдь не рискованно». Фактом своего успеха он, видимо, хотел сломить колебание корпусного командира. Но было уже поздно. Васильеву ответили, что задуманное им движение вперед нежелательно: это ослабляет силы корпуса и удлиняет его позицию, а чтобы лишить энергичного генерала возможности действовать самостоятельно, ему от имени командующего армией предложили отделить в резерв по возможности более войск. «Это нужно, — утешали генерала Васильева, — для предстоящих активных действий».

Их все и ждали.

Теперь армия Куроки переправлялась уже при свете белого дня, на глазах всего нашего 17 корпуса, стоявшего на высотах севернее деревни Сыквантун, а переправившись, двигалась на север и укреплялась на высотах у Канквантуня.

В то же время войска Оку и Нодзу, всю ночь тревожившие наши 1-й и 3-й сибирские корпуса нечаянными нападениями, дабы убедиться, что они не ушли с позиции, возобновили свои яростные атаки, на этот раз не столько для того, чтобы сбить их, сколько для того, чтобы удержать

их на месте до окончания обходного движения Куроки.

Опять полился на головы доблестных сибирских стрелков, стоявших в полевых окопах, дождь свинца и стали, и воздух загудел от несмолкающего грохота выстрелов, жужжания летящих снарядов, треска их разрывов, трескотни пулеметов, скорострельных винтовок, криков атакующих и стонов раненых. Веденные энергично, демонстративные атаки японцев встречали с нашей стороны столь же энергичный отпор.

— Мы устояли. Мы устоим, — говорили на позициях все: генералы, офицеры, солдаты. И уверенность в победе росла и крепла в них тем сильнее, чем тише становилось на фронте 3 и 10 корпусов. Введенный в дело прямо из вагонов 85-й пехотный выборгский полк еще более укреплял надежду, что в решительную минуту перехода в наступление мы окажемся численно сильнее противника и при том с запасом свежих сил в лице 1 армейского корпуса; о том, что делалось в 17-м армейском и 5-м сибирском корпусах на южном и восточном фронтах не знали, но твердо верили, что и они отразят обходящую наш левый фланг армию Куроки. Уже летал из уст в уста слух, что целая дивизия его загнана в реку и затоплена.

В действительности этого не случилось, хотя слух легко мог стать тогда фактом.

Против переправившихся за ночь полутора дивизий армии Куроки, не имевших при себе артиллерии, на высотах Сыквантуна и у деревни Санванцзы стоял весь 17-й корпус. Но он узнал о переправе японцев только утром 18 августа и не попытался сбросить их в реку энергичным переходом в наступление.

По признанию одного из начальников дивизии этого корпуса, штабом последнего ему были «категорически воспрещены наступательные действия, чтобы преждевременными боями не нарушить планов командующего армией»[3].

Для последнего же обходное движение Куроки, по-видимому, не представляло неожиданности. Что возможность его предусматривалась еще до боя, видно из сосредото-

чения на правом берегу Тайцзыхе к этому пункту войск 17 армейского и 5 сибирского корпусов. Затем, когда в первый день боя под Ляояном, 17 августа, армия Куроки так вяло действовала против 10 корпуса, предположения эти еще более окрепли. И все-таки о переправе Куроки в штабе нашей армии узнали вполне определенно только к полудню 18 числа, а, узнав, не сделали никаких распоряжений о противодействии обходу. Очевидно, как и перед Тюренченским боем, предпочитали, чтобы «японцы все вылезли на берег, дабы всех их сразу сбросить в реку».

И японцы «вылезли». Беспрепятственно, под слабым огнем нашей артиллерии, навели они в течение дня 18 августа понтонный мост, перевели по нему артиллерию, заняли позицию на Канквантунских высотах, спешно на них окопались — и к вечеру 18 августа положение Куроки, столь рискованное еще утром, стало совершенно прочным. И тогда пред генералом Куропаткиным возникла дилемма: или, оставив против армии Куроки заслон, перейти в наступление в южном направлении против армии Нодзу и Оку, или отойти на главную Ляоянскую позицию и, оставив для ее обороны минимум войск, ударить возможно большими силами на Куроки и попытаться разбить его, прижав к Тайцзыхе, проходимой в то время в брод лишь в нескольких пунктах.

Какой же из этих двух планов выберет генерал Куропаткин?

На передовых Ляоянских позициях южного и восточного фронтов, столь слабых своими окопами, но столь сильных доблестью их защитников, мы удержались и к концу второго дня ляоянской битвы. По-прежнему здесь все атаки противника были отбиты, и они становились все более редкими, и все более росла в наших рядах уверенность в победе. И сильные этой уверенностью, своею надеждой на переход в наступление, войска наши стояли живою, но несокрушимою стеною под ливнем японских снарядов и пуль, запас которых, видимо, приходил к концу. Были уже случаи, когда за неимением патронов японцы бросали в на-

ши окопы камни, все, что попадалось им под руку. Из наших окопов уже видели, как японские офицеры тщетно пытались увлечь за собою в атаку солдат. Силы и средства борьбы, видимо, уже были растрачены японцами. Дух их подорван. «Если бы в это время русские одним или двумя полками перешли где-нибудь в наступление, — признавался впоследствии германский военный агент при японской армии, — они одержали бы под Ляояном блестящую победу».

К сожалению, у генерала Куропаткина не хватило на это решимости.

Управляя боем из вагона и по телефону, имея дела только с бумагой донесений, несвободный и в этот торжественный и высокий час от своей обычной мелочной заботливости в распоряжениях, он не коснулся и теперь души своих войск, так чудесно раскрывавшейся на каждом шагу, не знал ее и, пожалуй, даже еще плохо верил в нее.

Он рассуждал так: «Даже при успехе против армии Оку и Нодзу, которые в худшем для них случае могли отступить, увлекая нас от Ляояна, успех армии Куроки и выход ее на наши сообщения, грозил катастрофою[4]. Между тем, чтобы иметь сколько-нибудь достаточные силы для перехода в наступление против двух японских армий, можно было оставить заслоном против армии Куроки только находившиеся на правом берегу Тайцзыхе 17-й корпус и два полка 54-й пехотной дивизии, всего 40 батальонов, под общим начальством генерала Бильдерлинга. Однако этим войскам, не имевшим еще достаточного боевого испытания, нельзя было доверить выполнение особо трудной задачи, каковою являлось удержание превосходной в силах армии Куроки, при неизбежной к тому же растянутости расположения нашего заслона. Это недоверие, — заключает свои объяснения генерал Куропаткин, — оправдалось последующими событиями».

Но, быть может, оно потому и оправдалось, что из двух решений вопроса: что делать? — генерал Куропаткин выбрал наименее соответствовавшее обстановке и к тому же наиболее сложное и трудно выполнимое. Во всяком случае,

факт тот, что события не оправдали предположений генерала Куропаткина. Стало быть, он плохо рассчитал. Избрав из указанных выше двух способов действий второй, т. е. отход на главные Ляоянские позиции и главный удар по армии Куроки, генерал Куропаткин принял следующий план: оставив для обороны Ляоянской позиции 2-й и 4-й сибирские корпуса (86 батальонов, 15 сотен и 228 орудий), он решил переправить остальные корпуса (1-й и 3-й сибирские и 10-й армейский — всего 93 батальона, 73 эскадрона и сотни и 352 орудия) на правый берег Тайцзыхе и развернуть их между позицией 17-го армейского корпуса у Сыквантуня и высотами у Янтайских копей, которые должен был занять отряд генерал-майора Орлова из 13 батальонов; приняв за сим позицию у Сыквантуня за ось, надлежало произвести захождение армии левым плечом вперед, дабы взять во фланг позицию японцев, тянувшуюся от Тайцзыхе у села Квантун по направлению к Янтайским копям.

Сложность этого маневра очевидна. Между тем на выполнение его — отступление с передовых позиций, переправу 3 корпусов с 352 орудиями через Тайцзыхе, сосредоточение их на новом участке обширного поля сражения, развертывание и захождение целой армии левым плечом — оставалась одна только ночь, ибо нельзя было считать, что противник останется бездеятельным зрителем его и не попытается спутать наши расчеты своими действиями. К тому же трудный маневр захождения плечом целой армии основывался на устойчивости оси захождения, а между тем этой осью служили те самые войска (17-й корпус и два полка 54-й пехотной дивизии), относительно которых сам генерал Куропаткин высказался, что им, как не имевшим еще достаточного боевого испытания, нельзя было доверить выполнение особо трудной боевой задачи. А разве та задача, которую он возлагал теперь на них, выбрав второй способ действий, не была трудною? Если принять во внимание, увы, запоздалое теперь признание генерала Куропаткина, что генерал Бильдерлинг для выполнения поставленной ему задачи занял не заблаговременно укрепленную

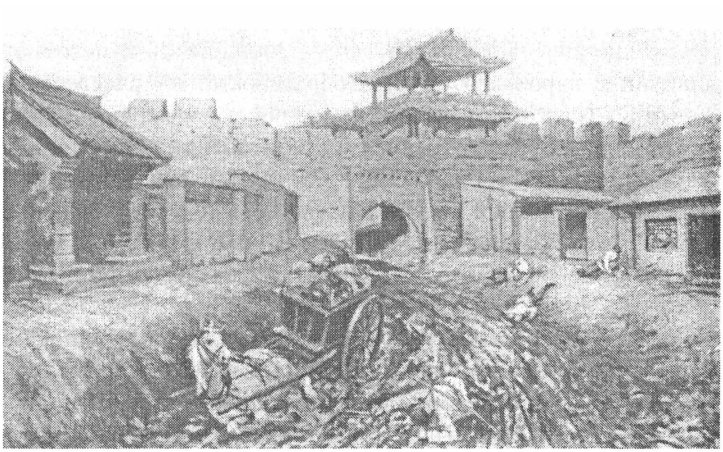
позицию по линии Чжантун—Тазыпу, а высоту севернее Сыквантуна, укрепление которой ограничилось возведением нескольких окопов, и даже гаолян не был очищен для образования перед позицей обстрела, то эту задачу приходится считать исключительною по своей трудности.

При таких условиях не рациональнее ли был первый способ действий? Успех двухдневного боя на передовых Ляоянских позициях и вызванный им огромный подъем духа защищавших их войск обеспечивал энергическое наступление против обессиленных безуспешными атаками и морально подавленных неудачами их армий Оку и Нодзу. Отбрасывая их к Айсандзяну, мы разрывали связь их с армией Куроки, отрезанной от своих не только расстоянием, которое все более бы увеличивалось, но и рекою в тылу. Все это вместе взятое, при нравственном впечатлении, которое должен был произвести на японцев наш переход к активным действиям, едва ли побудило бы Куроки угрожать нашим путям сообщения, и в частности — железной дороге, прикрытой двумя корпусами — 17-м армейским и 5-м сибирским. Ему пришлось бы заботиться о своем собственном пути отступления и о связи с остальными армиями. Что это такое, свидетельствует генерал Гамильтон, которому 22 августа в штабе генерала Куроки было сказано: «Большое счастье для нас, что Куропаткин вчера или третьего дня нас не атаковал. Нашей удаче как-то даже трудно верится».

Впрочем, какой бы план действий ни был выбран в конце концов нашим полководцем, несомненно, его надлежало осуществлять безотлагательно и энергично. Между тем наступление против Куроки могло начаться только 20 августа. Ночью на 19 августа наши войска очистили передовые Ляоянские позиции и, переправившись за Тайцзыхе,[5] в течение целого дня пополняли свои боевые и продовольственные запасы и устраивались. Неожиданное отступление сильно подорвало их дух — и утомление взяло верх. Только этой реакцией, неизбежно наступающей после огромного напряжения физических сил и высокого подъ-

Волчья яма

Оставленные под Ляояном

ема духа, и можно объяснить отсутствие энергии в последующих действиях войск 1 сибирского корпуса. Надо было видеть этих отступавших с передовых позиций людей, с серо-зелеными лицами, мутными глазами, бескровными губами, с озлобленными речами по поводу отступления с мест, купленных ценою стольких усилий и жертв, чтобы понять, что эти люди, голодные, вымокшие накануне под ливнем, истомленные беспрерывными в течение недели боями, уже не в силах будут вновь подняться на ту степень воодушевления и напряжения всех своих сил, которой требовала продолжающаяся битва с энергичным, смелым противником.

Куроки, конечно, не стал ждать, пока мы развернем против него всю армию, сделаем захождение ее левым плечом и возьмем во фланг его позицию. На рассвете 19 августа он сам перешел в наступление, оттеснил передовые части 17 корпуса и, выждав, когда переправится через Тайцзыхе гвардейская резервная бригада, двинутая им на Янтайские копи, вечером атаковал Нежинскую сопку и деревню Сыквантун. После упорного боя эта важная высота, составлявшая левый фланг позиции 17 корпуса, осталась в

руках японцев, вследствие чего начальник 35-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Добржинский на рассвете 20 августа, отвел с этого участка все войска к деревне Сахутун. Таким образом, Сыквантунская позиция, предназначенная служить осью захождения армии, была потеряна. Весь план действий был нарушен. Вместо развертывания армии и захождения ее плечом 20 августа предстояло взять эту позицию–ось обратно от японцев. Для достижения этой цели в распоряжение генерала Бильдерлинга предоставлено было 44 батальона, а в резерв к ним предназначался весь 3-й сибирский корпус. Способствовать успеху действий генерала Бильдерлинга должны были отряд генерал-майора Орлова (54-я пехотная дивизия) и 1-й сибирский корпус.

Однако, несмотря на то, что к 1 часу дня 20 августа мы имели у Сыквантуна тройной перевес в силах против Куроки, а общее положение последнего было критическое, мы отложили атаку занятых японцами Нежинской сопки и деревни Сыквантун до 5 часов вечера, в целях подготовки ее артиллерией, а за это время обстановка резко изменилась, и не в нашу пользу.

Отряд генерала Орлова, наступавший к югу от Янтайских копей для содействия 17-му корпусу к атаке Сыквантунской позиции, наткнулся около деревни Фаншин на превосходные силы противника (12-я дивизия с резервной бригадой), который сам перешел в наступление с фронта и левого фланга. Не будучи в силах сдержать его, генерал Орлов приказал отряду отступать к станции Янтай. Идти приходилось по необозримому гаоляновому полю, в котором отдельные роты скоро потеряли взаимную связь. Выстрелы невидимого противника гремели отовсюду. Отступление стало беспорядочным. Когда стало известно, что к полю сражения подходит 1-й сибирский корпус, генерал Орлов решил затянуть бой. Вместе с командиром бригады своей дивизии генералом Фоминым он повернул назад один батальон, сохранивший более других порядок, и, став во главе его, повел его вперед, на японцев. Последние, скрытые га-

оляном, оказались совсем близко, и враги заметили друг друга в расстоянии всего лишь 20 шагов. Команда «ура» — с нашей стороны, и залп — с другой. Генерал Фомин был убит, генерал Орлов тяжко ранен, и батальон повернул обратно. Отступление стало общим и паническим. Тогда на пути движения японцев в тыл нашей армии и к Мукдену стали конные отряды генерал-майора Самсонова и генерал-майора Мищенко. Спешенные казаки и две конные батареи своим огнем до 6 часов вечера сдерживали напор противника, надеясь, что развязку боя на этом участке примет на себя 1-й сибирский корпус. Но генерал Штакельберг медлил движением, сосредоточиваясь и развертываясь у Сяоталиенгоу, а затем, донеся командующему армией о численной слабости корпуса и об утомлении людей, вовсе отошел назад, к деревне Лилиенгоу. Тогда последовательно отступили и конные отряды Мищенко и Самсонова, угрожаемые обходом с левого фланга.

Почти одновременно с тем, как у Янтайских копей завершались все эти события, у Сыквантуна начинались еще только атаки этой деревни и Нежинской сопки, занятых японцами. В 6 часов вечера мы завладели деревней, а потом и высотой. Но японцы осыпали наши войска, занимавшие их, таким жестоким огнем, что, когда почти все офицеры были перебиты, и большинством рот командовали фельдфебеля, стрелки не выдержали и в 2 часа ночи на 21-е августа очистили Нежинскую сопку. Тогда генерал Добржинский, как и накануне, снова очистил весь участок и отвел войска еще на 3 версты назад, к Эрдагоу.

Таким образом, 20 августа мы потеряли обе позиции (Сыквантунскую и Янтайскую), которые, по плану генерала Куропаткина, должны были служить опорными точками для задуманного им маневра против Куроки, и теперь не мы уже грозили прижать его к реке, а он грозил нашему пути отступления на Мукден, вися на левом фланге. Вероятность этой угрозы еще более усилилась, когда отряд генерала Любавина, охранявший наш крайний левый фланг, отошел назад, к городу Фындяпу под давлением против-

ника, двигавшегося от Бенсиху в направлении на Мукден. Силы последнего выяснить здесь не удалось, и они были приняты за главные силы армии Куроки.

При таких обстоятельствах естественно возникал вопрос: продолжать ли осуществление задуманного плана и вести бой за удержание линии Тайцзыхе, продолжая оборону Ляояна, или, очистив последний, отвести армию к Мукдену, на укрепленную позицию по левому берегу Хунхе.

Ляоян оборонялся стойко. Его укрепления составляли 8 сильных фортов, 8 редутов и 21 батарея на 208 орудий — в первой линии; 2 форта, 4 редута, 5 люнетов и 3 батареи на 19 орудий — во второй; 2 форта, 2 люнета и 5 батарей на 36 орудий — в третьей. Промежутки между фортами, люнетами, редутами и батареями были заняты окопами.

Армии Оку и Нодзу атаковали их 19 августа. Утром они заняли оставленные нами передовые позиции и стали переделывать их укрепления фронтом к Ляояну; около полудня они начали жестокую бомбардировку города из осадных орудий лидитными снарядами, произведшими в нем сильные пожары, а из полевых стали обстреливать форты и редуты; ночью обрекогносцировали подступы к ним, и на рассвете 20 августа повели атаку вдоль полотна ж. д. на участок от редута Д до редута Г. Она была отбита залпами. В 10 часов вечера японцы повторили ее по всему фронту левого участка, от ж. д. до Тайцзыхе. В 2 часа ночи на 21-е августа и эта жестокая атака была всюду отбита нами огнем и взрывом фугасов, заложенных на пути наступления противника к нашим укреплениям.

Волчьи ямы, выкопанные перед нами, оказались утром до верху набитыми японскими трупами.

Печальным эпизодом этого славного дня была вылазка, произведенная утром по приказанию командующего армией четырьмя сибирскими пехотными полками (Барнаульским, Енисейским, Семипалатинским и Тобольским) и стоившая нам свыше тысячи человек убитыми и ранеными. Вызвана она была слухами, будто часть армии Оку пере-

правилась ниже Ляояна на правый берег Тайцзыхе и двигается в тыл нашим укреплениям. Целью вылазки поставлено было выяснить группировку противника на участке армии Оку. Предположение о переправе японцев оказалось вздорным.

Но участь Ляояна все равно уже была решена генералом Куропаткиным, который решил очистить его и отвести армию к Мукдену.

Приказание об этом получено было главным начальником обороны Ляояна генералом Зарубаевым в 7 часов утра 21 августа и тотчас же сообщено войскам. Но в 9 часов утра пришло другое: начать очищение фортов только в сумерки. Легко понять, с каким чувством в сознании бесполезности своих жертв, бесплодности своих героических усилий должны были отстаивать войска укрепления, обреченные на оставление их противнику. Это было жестокое испытание их чувства долга — и они выдержали его блестяще. Все атаки японцев и в этот день, как и в предыдущие, были отбиты. А их на форты 3-й и 4-й произведено было в течение дня пять! Японцы подходили к ним на 400 шагов, а часть их (человек 60) прорвалась даже за линию наших укреплений, но была переколота штыками. В отбитии штурмов принимали участие даже раненые, помогавшие тем, что подносили патроны и воду и набивали ленты пулеметов. Огонь наших стрелков был так силен и беспрерывен, что деревянные части винтовок у ствола (накладки) тлели и загорались, а сами стволы накалялись до такой степени, что их приходилось поливать водой, чтобы иметь возможность держать ружье в руках. Кроме фортов 3 и 4, жестокой бомбардировке и затем атаке подвергался в этот день и редут Д, но и к нему японцев подпустили только на 600 шагов.

В начале 8 часа вечера огонь японцев стал стихать, и атаки их прекратились. Тогда в $7^1/_2$ часов войска наши, по приказанию генерала Зарубаева, стали очищать укрепления и отходить на 2-ю линию, а с последней — в 11 часов вечера и за Тайцзыхе. Противник, видимо, не ожидал столь неожиданного прекращения упорной трехднев-

ной обороны и только лишь в полночь завязал перестрелку с прикрывавшими отход главных сил охотничьими командами. Все раненые, орудия и обозы были увезены, противнику не оставлено никаких трофеев, деревянные мосты чрез Тайцзыхе сожжены, а железнодорожный мост подорван.

Этот день красноречиво засвидетельствовал самоотверженную преданность войск долгу. Драться так геройски не для победы, а для отступления способна не всякая армия.

«Сравнивая действия наших войск под Ляояном и на восточном фронте против армии Куроки, невольно изумляешься, — говорит полковник Черемисов в своем очерке войны, — разнице в их поведении: здесь необычайная стойкость и порядок в частях, находчивость и распорядительность начальников, там — растерянность и хаос. Между тем это были не только войска одной и той же армии, но одних и тех же корпусов, дивизий и частью даже полков, так как состав той и другой группы был смешанный. Разницу эту можно объяснить себе только твердостью высшего управления войсками в Ляояне и ясной постановкой задач подчиненным начальникам, в чем как бы ощущался недостаток в восточной группе, где наши намерения были несколько неустойчивы. Действительно, войска в Ляояне с самого начала получили категорическое приказание командующего армией обороняться до последнего человека, и это указание осталось руководящим и неизменным на все время трехдневных боев. В то же время против армии Куроки мы задались энергичным наступательным планом, но стали приводить его в исполнение с колебаниями и излишней осторожностью, опасаясь смелых маневров со стороны противника, наступательный порыв очень скоро сменился стремлением к обороне, а затем и к отступлению»[6].

Этот отзыв русского историка мы дополним замечанием состоявшего при армии Куроки английского генерала сэра Гамильтона.

«Всякие планы, — говорит он, — должны быть основаны на принципе поражения противника. Мудрое правительство может простить неудачу генералу, потерпевшему поражение вследствие широты своих планов. Но генерал, ожидающий событий, старающийся обезопасить себя на всяком пункте, предпочитает лучше упустить благоприятный случай, чем взять на себя ответственность, которой можно избежать, такой генерал хорош только с точки зрения врага»[7].

Это замечание невольно приходит на память, читая академические объяснения генерала Куропаткина, почему он решил отвести свою армию к Мукдену.

> «При крайнем напряжении наших сил и при умелом руководстве ими со стороны главных начальников, — говорит он, — мы могли рассчитывать удержаться в Ляояне и отбросить армию Куроки к Тайцзыхе, но для этого необходимо было отвести часть переправившихся на правый берег войск (т. е. восточной группы) назад и развернуть их на новой линии значительно севернее, дабы можно было позицию у японцев у Янтайских копей атаковывать не только с запада, но и с севера. Такое движение, оставляя открытым наш правый фланг, делало изолированным положение 17 корпуса на позициях правого берега Тайдзыхе; противник мог сбить этот корпус с позиций и выйти в тыл гарнизону Ляояна. Отход же к Мукдену давал нам возможность выйти из положения, в котором мы были угрожаемы, как с фронта, так и с левого фланга».

Пусть это удаляло нас от Порт-Артура, понижало дух нашей армии и поднимало дух противника, отступление к Мукдену было решено. Оно началось 22 августа и было выполнено войсками «с неимоверными трудностями по продвиганию артиллерии и обозов», как доносил генерал Куропаткин. Наблюдавший его германский военный агент при нашей армии подполковник фон Лауэнштейн признал, что «оно было исполнено образцово». «Мы, германцы, — говорил он, — не смогли бы так сделать». «Лауэнштейн был поражен спокойствием и терпением нашей пехоты, которая по два часа стояла у мостов, пропуская обозы и артиллерию». «Наши германские солдаты, — признавался он, — спокойно простояли бы минут двадцать, потом стали бы ворчать, потом — ругаться, а потом — самовольно пошли бы, спутав порядок движения».

Противник не преследовал. Он был так утомлен и расстроен упорным боем с нами, в котором победа его столько раз казалось ему невероятной, что теперь ему было не до преследования израненного отступающего льва.

В сражениях под Ляояном мы потеряли 516 офицеров и 15 374 нижних чинов, японцы — 600 офицеров и 16 939 нижних чинов[8].

Разбирать подробно, почему Ляоянское сражение превратилось для нас из победы в поражение, мы не будем. Генерал Куропаткин указывает, что главной причиной отвода им армии от Ляояна к Мукдену было очищение войсками 17 корпуса не только Сыквантунской сопки, но и позади лежащих высот. Мы не можем, однако, придавать этому частному эпизоду, как он ни значителен сам по себе, столь важной, решающей роли. Зародыш нашего поражения лежал в пассивности образа наших действий, и он все рос от той осторожности, медлительности и недоверия к своим войскам, которые являлись характерными чертами полководнической личности Куропаткина. Они были столь рельефны, что их подметил даже иностранец, тот же подполковник фон Лауэнштейн: факт отступления от Ляояна он объясняет именно, с одной стороны, недоверием Куропаткина к запасу нравственных сил своей армии, а с другой — страхом перед призраком больших сил Куроки.

При таких условиях, при отсутствии какой бы то ни было смелости в замыслах русского полководца, при вялости и нерешительности его действий, победу японцев нельзя назвать блестящей. Специалисты считают, что они обязаны ею гораздо меньше своему искусству, чем нашей пассивности.

Подводя итоги исполнения военного плана японцев, сделует отметить, что выполнить его им в существенных его пунктах не удалось. Ни операции против Хайчена для захвата ж. д., ни операции против Ляояна для поражения русской армии, целей своих не достигли. Русская армия была побеждена под Ляояном, но не разбита, и отошла к Мукдену, готовая для нового боя, по-прежнему владея железнодорожным путем.

Примечания

[1] Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны. Изд. В. Березовского. Т. II. С. 75. — *Прим. авт.*

[2] Там же. С. 77. — *Прим. авт.*

[3] См.: Письмо в редакцию журнала «Разведчик» (1908 г. № 989)

бывшего начальника 35-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Добржинского, который, между прочим, сообщает, что до прибытия его к Сыквантуну никакой разведки кавалерией произведено не было, так как начальник ее прибыл позднее его, генерал-лейтенанта Добржинского. — *Прим. авт.*

[4] Позиции, занятые 18 августа переправившимися частями армии Куроки, находились от железной дороги в 16 верстах. — *Прим. авт.*

[5] Собственно, за Тайцзыхе отошли 1-й сибирский и 10-й армейский корпуса, 3-й же сибирский сосредоточился у города. — *Прим. авт.*

[6] *Чермисов В.* Русско-японская война 1904—1905 гг. Изд. 2-е. 1909. С. 138–139. — *Прим. авт.*

[7] Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны / Пер. с англ. Изд. В. Березовского. Т. II. — *Прим. авт.*

[8] В частности, трехдневная оборона собственно Ляояна нам стоила 150 офицеров и 341 нижнего чина убитыми и 57 офицеров и 1785 нижних чинов ранеными, причем большая половина этих потерь пришлась на долю вылазки. — *Прим. авт.*

Глава седьмая

ШАХЕ

Донося 29 августа в Петербург об исходе сражения у Ляояна, генерал-адъютант Куропаткин заканчивал свою депешу успокоительным заверением, что «в настоящее время армия расположена под Мукденом, провела спокойно несколько ночей, обеспечена довольствием и готова к новому бою».

Это заявление о готовности армии к новому бою вырвалось у командующего армией, вероятно, для того, чтобы «позолотить пилюлю», т. е. смягчить дурное впечатление от известия о новой неудаче и представить последнюю как ловкий стратегический шаг, а не поражение. На самом деле эта готовность была весьма относительной. На вопрос главнокомандующего генерал-адъютанта Алексеева о главных нуждах армии генерал-адъютант Куропаткин 25 августа телеграфировал ему, что считает необходимым направить в армию офицеров действительной службы на пополнение некомплекта и образование резерва офицеров; обеспечить укомплектование нижними чинами, так как некомплект их очень велик; обеспечить снабжение артиллерии патронами; увеличить количество горной артиллерии; образовать в Харбине сильный стратегический резерв, для чего выслать еще два корпуса, кроме предназначенного уже к отправке на Дальний Восток 8 армейского корпуса, и «во главе

вновь посылаемых на театр военных действий частей иметь выдающихся в нашей армии лиц, а не заведомо неспособных, как это делалось в иных случаях до сих пор». Затем командующий армией просил предоставить на удовлетворение нужд армии и, в частности, на подвоз укомплектований, половинное количество всех воинских поездов, при увеличении вообще провозоспособности ж. д. Европейской России и Сибири. При этом условии и при сохранности Восточно-Китайской ж. д. генерал Куропаткин признавал победу нашу несомненной.

Об удовлетворении всех этих ходатайств командующего Маньчжурской армией генерал-адъютант Алексеев сделал надлежащие сношения с военным министром. Однако укомплектования прибывали в самом ограниченном размере, и к 16 сентября в восьми корпусах, составлявших Маньчжурскую армию (1, 2, 3, 4 и 5-й сибирские и 1, 10 и 17-й армейские), было всего 151 000 человек, а некомплект офицеров достигал 670 человек. При таких условиях, ввиду возможного в близком будущем столкновения с противником, главнокомандующий подчинил временно генерал-адъютанту Куропаткину 6-й сибирский армейский корпус с 4-й Донской казачьей дивизией, только что прибывшие на театр военных действий и предназначенные в состав 2-й Маньчжурской армии[1]. При этом условии Маньчжурская армия имела в своем составе 261 батальон, 143 эскадрона, 832 полевых и 126 осадных орудий, и ее боевая численность доходила до 200—210 тыс. человек[2].

Хотя генерал-адъютант Куропаткин и считал эти силы «недостаточными», но заявление его о готовности армии к бою обязывало его идти вперед. К тому же это представлялось более выгодным, чем ждать атаки японцев, так как отстоять занятые армией позиции у Мукдена было мало надежды. Они имели весьма серьезные недостатки: 1) левый фланг их (Фулин–Фушун), вследствие изгиба реки Хунхе восточнее Мукдена, был подан значительно назад, и успех японцев на этом фланге быстро выводил их на путь нашего отступления; 2) непосред-

ственно позади позиции находилась река (Хунхе), допускавшая в то время переправу только по мостам, а за рекой — большой город, и, наконец, 3) крайне нужные для питания железной дороги Фушунские каменноугольные копи находились впереди позиции и могли быть захвачены японцами.

Доблестная стойкость войск, проявленная на передовых позициях Ляояна и при его защите, способность армии к высокому подъему воодушевления идеей наступления давали командующему армией надежду на успех такового, особенно теперь, когда это воодушевление было осложнено и подогрето большим раздражением, царившим в войсках, от вынужденного оставления ими Ляояна. При таких обстоятельствах генерал-адъютант Куропаткин решился перейти в наступление. На этот раз решение это было принято им вполне самостоятельно. По авторитетному заявлению бывшего начальника полевого штаба наместника-главнокомандующего генерал-лейтенанта Жилинского, как идея этого наступления, так и вся исполнительная часть ее зародились и прошли вне какого бы то ни было влияния генерал-адъютанта Алексеева, так как последний уже 3 августа знал, что ходатайства его об отозвании с поста главнокомандующего, наконец, уважены[3], и Высочайшего указа об этом ждали со дня на день.

Противник наш за это время также получил значительные подкрепления, и его армия насчитывала в своем составе 165 батальонов, 49 эскадронов и 412 орудий, общей численностью до 180 тыс. человек.

По имевшимся в штабе нашей армии сведениям, силы эти, переправившись вслед за нами на правый берег Тайцзыхе между Бенсиху и Ляояном, сгруппировались следующим образом: 6 дивизий с соответственным числом резервных бригад составили центр по линии станция Янтай — Янтайские копи; 2 дивизии, также с соответственным числом резервных бригад, составили правый фланг, расположившись на линии Беньяпуза—Бенсиху, и такое же количество войск занимали левый фланг по линии Сандепу—

Шантайцзы. Позиции на высотах у Янтайских копей и у Беньяпузы были японцами укреплены.

На основании этих данных выработан был следующий план наступления. Западный отряд, в составе 10 и 17 корпусов (64 батальона, 40 эскадронов и сотен, 196 орудия и 2 саперных батальона), под начальством генерала от кавалерии барона Бильдерлинга, ведет демонстративную атаку против центра и левого фланга японцев, в то время, как Восточный отряд, в составе 1, 2 и 3 сибирских корпусов (73 батальона, 29 эскадронов и сотен, 142 орудия, 6 мортир, 32 пулемета и 3 саперных батальона), под начальством генерал-лейтенанта барона Штакельберга, атакует правый фланг противника, стремясь охватить его и отбросить от гор[4]. В общем резерве оставались 1-й армейский и 4-й сибирский корпуса с коннным отрядом генерал-майора Мищенко (56 батальонов, 20 сотен, 208 орудий, 30 мортир, 2 саперных батальона). Для охраны флангов выделялось $30^1/_2$ батальонов, 39 сотен 208 орудий и 1 саперный батальон; но из этого числа $19^1/_2$ батальонов, 25 сотен, 64 орудия и 1 саперный батальон должны были принять непосредственное участие в атаке неприятельских позиций: отряд генерал-лейтенанта Дембовского — совместно с Западным отрядом и отряд генерал-майора Ренненкампфа — с Восточным[5].

План этот нашел себе различную оценку у исследователей событий русско-японской войны. Генерального штаба капитан Суханов считает его «безусловно хорошим замыслом». По его мнению, при успешности действий план этот мог привести к оттеснению неприятеля в болотистую долину реки Ляохе и одним ударом окончить кампанию. Так как река Ляохе прилегала к нейтральной территории (Китай—Монголия), то противник, будучи прижат к ней, или должен был гибнуть в непроходимых болотах ее долины, или же, согласно законам международного права, положить оружие, перейдя на нейтральную территорию[6].

Напротив, генерального штаба полковник Черемисов находит, что основная идея плана не соответствовала дан-

ным обстановки и разработана была неудовлетворительно. По его мнению, «главный удар надо было направить по равнине на левый фланг Ойямы, а не на правый — по горам». В подтверждение этой своей мысли он приводит следующие соображения: 1) левый фланг японцев в стратегическом отношении был важнее правого, так как за ним находились коммуникационные линии противника: река Ляохе и ж. д.; 2) наша единственная коммуникационная линия пролегала также в западной равнинной части театра, поэтому генерал Штакельберг, направляясь для главного удара в горы к Бенсиху, удалялся от своих сообщений и во время операции висел в воздухе; 3) при данном численном соотношении сторон нам легче было одержать победу в западной части театра, чем в восточной, так как первая представляла равнину, удобную для маневрирования больших отрядов и кавалерии; и, наконец, 4) организация нашей армии была более приноровлена к действиям на равнине, а для действия в горах у нас не было ни соответствующей артиллерии, ни соответствующего обоза, ни соответственной подготовки войск[7].

Каков бы, однако, ни был этот план по своим достоинствам, для успешного своего осуществления он нуждался прежде всего в скрытности его от противника, а затем в энергичном, решительном, настойчивом и смелом исполнении. Ни того, ни другого не было. Мы открыто скупали в течение первой половины сентября у китайцев тысячи лошадей и повозок, тысячами нанимали их самих в возчики войсковых тяжестей, спешно вербовали среди них переводчиков и проводников, знакомых с путями предстоявшего наступления, скупали скот, зерно и сено, заказывали китайским шорникам в Мукдене тысячи вьючных седел, указывая тем на предстоявший поход в горы, — словом, мы делали все, чтобы рекламировать предстоящее наступление, словно хотели устрашить врага размерами своих сборов «в поход». И китайцы, научившиеся за семь месяцев войны понимать, для чего так много в одно место собирается войск, свозится припасов и приходит поездов то с красным кре-

стом на вагонах, то с пылающей гранатой[8], — конечно, далеко разносили весть обо всех этих приготовлениях русских.

Наконец, о наступлении много говорили в войсках, ибо его стали ждать, как реванша, тотчас по отступлении от Ляояна. Разговоры эти усилились, когда корпуса стал объезжать главный полевой священник армии и служить как бы напутственные молебны. И, наконец, толки и слухи получили вполне определенную почву и форму, когда в войсках получился приказ командующего армией, помеченный 19 сентября (№ 687), возвещавший им о том, что «уже настало желанное и давно ожидаемое всей армией время идти самим вперед, навстречу врагу», что «пришло для нас время заставить японцев повиноваться нашей воле, ибо силы Маньчжурской армии ныне стали достаточны для перехода в наступление».

Итак, от внимания японских шпионов, которых было немало среди китайского населения Мукдена — поставщиков, проводников, переводчиков, — не могло ускользнуть намерение наше перейти в наступление. Разгадать план его помогла им случайность. В схватке около Далинского перевала, происшедшей накануне перехода нашего в наступление, убит был, по словам сэра Гамильтона, «русский штабной офицер», на теле которого японцы нашли «подробные приказы Куропаткина, предписывавшие Штакельбергу обойти правое японское крыло и двигаться прямо на Ляоян». Куроки, в руки которого попали эти бумаги, сейчас же сообщил их содержание маршалу Ойяме. Последний первоначально отнесся было к ним скептически, однако, когда ему было дополнительно сообщено, со слов «надежного шпиона», что значительные русские отряды перешли реку Хунхе 4 и 5 октября н. ст. (21 и 22 сентября ст. ст.) и что большая колонна движется от Фушуна прямо на юг, он понял опасность и 8 октября н. ст. (27 сентября ст. ст.) отдал, как рассказывает сэр Гамильтон, строжайший боевой приказ, какой когда-либо отдавался такой большой армии: армии должны, по возможности, ста-

раться сосредоточить свои силы на своих позициях и быть готовыми к контратаке, как только представится удобный случай»[9].

В ожидании этого случая японские армии заняли следующее положение: Куроки двумя резервными бригадами занял перевалы на пути от Фушуна к Бенсиху; 2-я дивизия заняла Тумынлинский перевал; гвардейская и 12-я стали на позициях восточнее Янтайских копей, а три резервные бригады — южнее их; южнее тех же копей сосредоточилась армия Нодзу (3 дивизии и 1 резервн. бригада), а южнее деревни Янтай — армия Оку (3 дивизии и 3 резервных бригады). Кавалерийский отряд генерала Акиямы, прозванного «японским Мищенко» (7 полков, 3 батареи и 1 полк пехоты), прикрывал левый фланг. Таким образом, против нашей армии, напоминавшей в своем наступлении руку с растопыренными пальцами, Ойяма собрал свои войска в кулак. Собрал — и ждал, когда в развитии своего наступления русские колонны и отряды разойдутся радиусами по фронту шириною до 50 верст и тем сведут к нулю свой численный дотоле перевес.

Наше наступление началось 21 сентября. Первым выступил Восточный отряд, которому предстоял более дальний и кружной путь — в обход правого фланга японцев. Он двинулся тремя колоннами: правая (1-й сибирский корпус и часть 2 сибирского корпуса) шла на Баньяпузу; средняя (3-й сибирский корпус) — на Каотайцзы и левая (кавалерия генерала Ренненкампфа и пехотная дивизия генерала Экка) — на Бенсиху.

На следующий день, 22 сентября, двумя колоннами двинулся на юг и Западный отряд; *правая* колонна (17-й армейский корпус) шла западнее линии ж. д., *левая* (10-й корпус) — восточнее ее.

Наступление развивалось медленно и велось неэнергично. Уже 23 сентября вечером войска Западного отряда были остановлены командующим армией на реке Шахе и вместо демонстративных атак неприятеля, долженствовавших отвлечь его внимание и силы от нашего Восточного отряда,

они два дня занимались укреплением своих позиций. Это после горделивого-то заявления, что «настало время подчинить японцев нашей воле»! Между тем противник, еще не уяснивший себе плана наших действий и до некоторой степени застигнутый нашим наступлением врасплох, отступал по всему фронту перед нашими войсками, не оказывая нигде упорного сопротивления. Однако это обстоятельство не только не вдохновило генерала Куропаткина на более энергичное и смелое ведение операции, но, напротив, как раз в это время у него возникло опасение, как бы японцы не прорвали нашего стратегического фронта между Западной и Восточной группами войск.

Считая наличность конного отряда генерала Мищенко с приданной ему бригадой пехоты (из состава 10 корпуса) недостаточно надежной связью между ними, командующий армией, чтобы парализовать возможность этого прорыва, выдвинул из общего резерва 4-й сибирский корпус и образовал из него вместе с отрядом генерала Мищенко и бригадой генерала Мау среднюю группу. Таким образом, в самом начале операции, в первоначальные ее расчеты внесено было существенное изменение, сразу же сократившее вдвое силы общего резерва армии, долженствовавшего парализировать случайности и в решительный момент, на решительном пункте поля сражения усилить боевую часть.

Между тем средняя колонна Восточного отряда, достигнув деревни Каотайцзы, неожиданно уперлась здесь в стену, о которую затем разбились все ее усилия продвинуться далее. Это была вершина Ляотхелаза, прозванная потом солдатами «проклятой сопкой» и не обозначенная на картах, розданных войскам для наступления[10].

Занятая 9-й ротой и охотничьей командой 24 восточно-сибирского стрелкового полка она не была оценена по достоинству штабом 3 сибирского корпуса, и потому обладание ей не было своевременно закреплено за нами. Японцы двумя батальонами сбили 26 сентября с Ляотхелазы нашу роту и охотничью команду, прочно ее заняли целой бри-

гадою с горными пушками и пулеметами, усилили ее природные оборонительные свойства окопами и в следующие дни отразили с нее и ее отрогов все атаки 3 сибирского корпуса.

Этот именно момент, когда здесь остановлено было обходное движение нашего Восточного отряда, Ойяма и признал «удобным случаем для производства контратаки».

Вечером того же дня, 27 сентября, когда отдан был Ойямой вышеприведенный лаконический приказ, японцы перешли в наступление. В то время как Куроки сдерживал натиск Восточного отряда и парировал его обходное движение, армии Оку и Нодзу обрушились на нашу Западную группу войск, в свою очередь пытаясь охватить наш правый фланг. К концу дня 28 сентября им удалось зайти левым флангом уже почти на 45°. В последующие дни, 29 и 30 сентября, японцы продолжают этот охват. И мы от наступления переходим к обороне. Ойяма снова овладевает инициативой действий. Восточный отряд отказывается от дальнейших попыток обойти правый фланг и 30 сентября отходит назад, утрачивая даже соприкосновение с противником. После ряда упорных боев, потеряв 46 орудий, и Западный отряд 29 сентября отходит на намеченную для него уже ранее позицию на реке Шахе. Впереди остался только центр наш, усиленный частями 1 армейского корпуса, взятыми из резерва.

Японцы продолжают энергичные атаки и утром 1 октября прорывают фронт 10 армейского корпуса. Дело принимает для нас совершенно критический оборот. Для спасения его командующий армией берет из центра 22-ю пехотную дивизию (из состава 1 армейского корпуса) и лично вводит ее в дело. Энергичной атакой дивизия выбивает японцев из занятых ими позиций, восстанавливает фронт 10 корпуса и затем отходит на линию Шахе, куда уже отошли войска центра. Верстах в 5–6 впереди всей армии, на Яншутэнских высотах, остается лишь 37-я пехотная дивизия (того же 1 армейского корпуса), до которой приказание об отходе назад случайно не дошло. Японцы замеча-

ют это, быстро сосредоточивают к фронту нашей одинокой дивизии три своих дивизии из армии Нодзу, выставляют против правого ее фланга 24 орудия, а против левого — 48 и стремительно ее атакуют, громя с фронта остальной своей артиллерией. Дивизия держится стойко. Около 1 часа дня доходит, наконец, и до нее приказ об отступлении. Но выполнить его теперь уже нет возможности: отходить под натиском трех японских дивизий, охватывающих фланги, равносильно гибели всей дивизии. Решено ждать сумерек и отступать под их покровом. Но нет уже сил их дождаться. Около 3 часов дня угроза охвата превращается для злополучной дивизии в опасность быть окончательно окруженной. К тому же отряд генерала Мищенко, единственно поддерживавший дотоле дивизии и охранявший ее левый фланг, будучи не в силах более держаться, также отходит. Тогда только 37-я дивизия решается очистить Яншутэнские высоты и начать отступление. Занимая последовательно три арьергардные позиции, пробиваясь под конец штыками, дивизия к ночи 1 октября отошла к Эрдагоу, потеряв в этот день из 7800 нижних чинов 4000 человек и из 200 офицеров 120 человек. День 2 октября прошел в артиллерийской перестрелке. В то время как на Восточном фронте соприкосновение сторон было очень слабое, на Западном они стояли одна против другой на расстоянии орудийного выстрела, а в некоторых пунктах — вплотную, «до штыков».

Эта близость была, конечно, соблазнительна для деятельных японских начальников и ночью на 3 октября японцам удалось сбить два полка 22-й пехотной дивизии с занятой ими на левом берегу Шахе позиции между деревней Сандепу и деревней Сахетун, так называемой «сопки с деревом». Потеря этой высоты, командовавшей нашей позицией на правом берегу, очень ухудшала наше положение. Решено было во что бы ни стало взять ее обратно. Для этого командующий армией к вечеру 3 октября собрал отряд силой в 25 батальонов (22-я пехотная дивизия, 19-й, 20-й и 36-й восточносибирские стрелковые полки) под началь-

ством генерал-майора Путилова, который к утру 4 октября и овладел этой сопкой после отчаянного рукопашного боя. При этом впервые в эту кампанию нами были взяты японские орудия, числом 11, 1 пулемет и много зарядных ящиков.

Этим эпизодом, собственно, и закончилось многодневное сражение на Шахе. Генерал Куропаткин собирался было 5 октября возобновить, наконец, наступление, откладывавшееся им со дня на день. Но донесения о сильном утомлении войск и о недостатках в боевых припасах заставили его еще раз отказаться от этого намерения. Ойяма также считал сражение законченным; его войска также сильно нуждались в отдыхе и укомплектовании[11]. И потому обе стороны энергично занялись укреплением занятых ими позиций.

К причинам «нерешительного исхода» боев на Шахе генерал-адъютант Куропаткин относит:

1. Недостаточно искусное распоряжение начальником Восточного отряда (генералом бароном Штакельбергом) большими предоставленными ему силами, которые давали ему над противником, как впоследствии выяснилось, почти тройное превосходство в силах.

2. Отсутствие твердого руководства боем со стороны начальствующих лиц Западного отряда.

3. Неудачные действия и малую энергию командира 19 армейского корпуса.

4. Неудачные действия начальника 31-й пехотной дивизии, несколько раз без нужды отводившего назад находившуюся под его непосредственным начальством бригаду 31-й пехотной дивизии.

5. Недостаточную стойкость некоторых частей войск.

6. Разрозненные действия 5 сибирского корпуса, протянутого на правый фланг Западного отряда.

Обвиняя, таким образом, в неудачном исходе наступления войска и, главным образом, подчиненных ему генералов, генерал Куропаткин оговаривается, что «старшие начальствующие лица — генерал Штакельберг и генерал

Бильдерлинг, получая лишь задачи, распоряжались совершенно самостоятельно».

Иначе объясняет нерешительный исход этого сражения прусский генеральный штаб, усердно и объективно изучающий русско-японскую войну.

По его мнению, с русской стороны, управление боем может служить лишь отрицательным примером. Нерешительность русского главнокомандующего всего ярче обнаруживается в его распоряжении резервами. Всюду его преследует неудача, так как он решается ввести их в бой сразу. Едва он успевает отдать приказание, как немедленно его возвращает назад или отменяет. Кульминационный пункт в этом отношении представляет директива, данная в ночь с 26 на 27 сентября 6-му сибирскому корпусу, поддержать Западный отряд, и заканчивающаяся следующими роковыми словами: «Помните только, что вы мой стратегический резерв». Все приказания были чересчур подробны и мелочны.

В противоположность русским, японские начальники проявляют такую самостоятельность и так не боятся ответственности, что их главнокомандующий может ограничиваться короткими, точными, прямо лаконическими приказаниями. Ойяма все время сохраняет инициативу в своих руках и не поддается воле противника. А между тем распоряжения его не всегда можно признать правильными.

И в этом сражении мы встречаемся с прорывом неприятельского фронта — новым доказательством неверности теории, утверждающей, что это при современном вооружении невозможно. Если прорыв не имел роковых последствий для русских, то это объясняется изолированностью отдельных боевых участков, слабостью резервов у малочисленных японцев и замечавшимся по временам и у них ослаблением энергии.

Сражение, в конце концов, прекратилось вследствие обессиления обеих сторон, что особенно заслуживает внимания при той высокой степени энергии и упорства на стороне японцев и упорства и храбрости русских. Но у японцев эти качества были соединены с методикой, напоминающей способ ведения войны Веллингтона. Они не привыкли быстро использовать свой успех. Каждый успех, каждую захваченную полосу земли они закрепили за собой восстановлением порядка и лопатой. Этим они гарантировали себя от контрударов, но зато упускали случай использования достигнутых результатов. Здесь же, конечно, сказывалось и то, что они атаковали со значительно меньшими, чем у русских, силами[12].

Тем более, стало быть, приходится пожалеть, что «управлению русскими войсками недоставало энергии», и, если и можно здесь говорить о «методе», то «в самом худшем смысле слова».

В своем «неизменном оптимизме», как характеризует прусский генеральный штаб настроение генерала Куропаткина, последний находит, что «переход наш в наступление, произведенный хотя и недостаточными сравнительно с японскими, силами, выдвинувший общий фронт наших позиций на 20 верст от Мукдена, значительно улучшил наше стратегическое положение и дал нам выиграть время в $4^1/_2$ месяца».

Иначе оценивал результаты нашего наступления генерал-адъютант Алексеев. Он находил, что, потеряв около 45 тыс. человек и продвинувшись вперед на несколько верст, мы заняли позицию менее выгодную, чем занимали раньше; японцы же, вызванные нами к переходу в наступление, создали еще новый ряд укреплений на пути к Ляояну, чем затруднили наши будущие действия. А главное, Маньчжурская армия не приблизилась ни на йоту к достижению своей цели — к выручке Порт-Артура.

10 октября 1904 г. эта рознь во взглядах на положение армии двух ее вождей окончилась: генерал-адъютант Алексеев, неоднократно и настойчиво просивший об увольнении его с поста главнокомандующего, освобожден был от обязанностей такового. Они были возложены на генерал-адъютанта Куропаткина, который, получив теперь «полную мощь власти, мог, наконец, показать, на что он способен, без помехи и сторонних влияний. Но он не торопился этого сделать.

На театре войны наступило томительное, тяготившее всех затишье, нарушавшееся только в сущности бесцельной, артиллерийской и ружейной перестрелкой да действиями отдельных батальонов и охотничьих команд. Войска рыли в полумерзлой земле окопы и батареи да строили себе землянки, в которых жили, как троглодиты, похожие на них и своим безобразным внешним видом; в бесформенных

грязных полушубках, китайских халатах и куртках, в свалявшихся и пропитавшихся пылью папахах, рассадниках насекомых, кто — в валенках, кто – в порыжелых, ссохшихся сапогах, кто — в раздобытой случайно китайской обуви.

Снабжение войск теплой одеждой было, по-видимому, одной из главных забот в это время генерала Куропаткина. Но дело налаживалось плохо. Вагоны с полушубками месяцами шли из Киева, Москвы, Казани, и в ожидании их скупались пестрые китайские куртки, не защищавшие ни ног, ни горла.

Сильнее всего ощущался армией недостаток в теплой обуви. Было почти нормальным явлением, что на роту в 140–150 человек имелось только 25–35 пар валенок, которые и переходили с ног на ноги людей, посылавшихся или на сторожевую службу, или в охотничий поиск против японцев.

И чем дальше шло время в этом бездействии, тем сильнее росли деморализация армии, упадок ее духа и дисциплины. Одурев от двухмесячного сиденья в полутемных, дымных землянках-норах, истомившись однообразием жизни и тяжелыми земляными работами, солдаты уходили с позиций в тыл, бродили по унылой равнине между Шахе и Хунхе, забирались в уцелевшие кое-где китайские деревни и пробирались даже за Мукден. Для ловли этих дезертиров и мародеров на этапах были сформированы из казаков особые команды, прозванные «гаолянными», которые должны были осматривать окрестности, задерживать и возвращать их в полки.

А между тем еще совсем недавно те же люди бежали из Харбина на передовые позиции. Бежали в буквальном смысле слова, томясь бездействием в тылу и горя желанием подраться с японцами.

Теперь таких «беглых» уже не было больше. Бездействие подтачивало силы всех. Развилась карточная игра. Участились случаи растрат казенных денег. «Дружеские беседы» за стаканом вина все чаще стали кончаться ссорами. Книг не было. Газеты приносили запоздалые на ме-

сяц, полтора, новости — и новости невеселые. Письма, единственная связь армии с далекой родиной и близкими людьми, терялись и засылались Бог весть куда. Телеграф был завален работой, и ответа на телеграммы надо было ждать неделями. Жизнь слагалась в какой-то сплошной серый тяжелый кошмар.

И в этом кошмаре самым мучительным призраком была судьба осажденного Порт-Артура. Борющийся беспрерывно, он стоял в душе каждого мучительной укоризной.

В самом штабе главнокомандующего значительная часть офицеров генерального штаба сознавала необходимость и даже возможность после прибытия части подкреплений атаковать японцев в ноябре или в первых числах декабря. Одним из них был даже представлен генералу Куропаткину особый доклад, в котором всесторонне разбиралось существующее мнение, будто падение Артура не может оказать особо важного влияния на исход войны и что мы будем считаться в данном случае только с моральными последствиями этой новой неудачи. Соглашаясь с этим, полковник Линд доказывал, что эти моральные последствия будут очень значительны, так как с потерей Артура наша армия уже не будет видеть ясной цели для быстрых операций. Вместе с тем он доказывал, что остановка военных действий выгодна только для японцев, так как главная цель их — задержать нашу армию до падения Артура, когда они непременно притянут к маршалу Ояме армию Ноги и, таким образом, усилятся еще тысяч на 50–60. Он говорил, наконец, что, не имея ни политических, ни стратегических причин для наступательной зимней кампании, японцы останутся в выжидательно-оборонительном положении до падения Артура или до весны. Пока силы японцев разделены, заключал он, пока дух их подавлен нескончаемой осадой Артура, они могут рассчитывать на решительный успех на севере — и в этом наша *временная* выгода.

Но все эти доводы не могли сломить колебаний генерала Куропаткина, особенно ярко проявившихся в вопросе о

набеге нашей конницы в тыл японской армии, — и наступление все откладывалось.

Признавая положение крепости серьезным вследствие малого запаса патронов к скорострельным орудиям и вероятности овладения японцами почти разрушенными фортами № II и № III, генерал Куропаткин в одном из своих донесений в Петербург в половине ноября 1904 г. все-таки пытался утешить беспокоившихся за участь Артура тем соображением, что и после овладения японцами этими двумя фортами оборона может продолжаться с большим упорством на промежуточных позициях между главной (центральной) оградой и линией фортов. Он уверял, что «ружейных патронов достаточно, продовольственных запасов хватит еще на пять месяцев».

Совершенно забывая, что Артур пережил все те сроки своего существования, которые ему назначались ранее, ждали конца его сперва в июле, потом в августе, потом в октябре, что всему бывает предел, и что судьба Артура возложена всецело на его ответственность, генерал Куропаткин продолжал утверждать, что участь Порт-Артура и впредь будет во многом зависеть от степени упорства войск. Эту мысль он иллюстрировал соображением, что «утомленных стрелков скоро будут сменять моряки, подобно тому, как это было в Севастополе».

Понимая, однако, что этим все-таки своих обязанностей относительно Артура не устранишь, генерал Куропаткин признавался все-таки, что главная надежда отстоять Порт-Артур заключается в выручке его гарнизона войсками Маньчжурской армии с суши и действиями 2-й Тихоокеанской эскадры с моря.

Оставляя пока в стороне этот последний фактор выручки Артура, посмотрим, как генерал Куропаткин смотрел на первый.

Признавая выручку Артура столь необходимой, что «важен каждый день», он сознавал, конечно, что для того чтобы помочь осажденной крепости, надо прежде всего разбить три японские армии.

До сих пор соотношение наших и японских сил, по мнению генерала Куропаткина, не было, однако, таково, чтобы мы могли разбить их. По мере подхода подкреплений к нам усиливались и японцы, — как новыми формированиями, так, в особенности, весьма быстрой присылкой значительных укомплектований, дававших возможность поддерживать в армии полный боевой состав. По имевшимся в половине ноября сведениям, предполагалось, что против нас действуют десять японских дивизий, в составе которых многие резервные бригады постепенно развернулись из 6-батальонного в 12-батальонный состав.

«Таким образом, — писал генерал Куропаткин, — японская дивизия по своему боевому составу сильнее большинства наших корпусов, ослабленных боями под Ляояном и на Шахе. Мы до сих пор далеко не окончили пополнение своих потерь под Ляояном, потери же наши на Шахе можно надеяться пополнить только в январе. В настоящее время мы все еще не имеем достаточного превосходства в силах для обеспечения успеха при переходе в наступление. С подходом всех частей 8 армейского корпуса *в двадцатых числах декабря* получим не только превосходство над японцами в числе батальонов, но и некоторое превосходство в числе штыков».

Задавшись первоначально целью довести все роты армии до состава не менее 150 штыков, генерал Куропаткин считал возможным уже в первых числах декабря достигнуть этой цели. К тому же времени он надеялся снабдить всю армию теплой одеждой.

«Несомненно, — замечал он, — что для нанесения японцам более верного поражения, нашей армии было бы выгоднее пополниться почти до полного боевого состава и получить еще три стрелковых бригады и весь 16-й корпус, но силы могут сосредоточиться к Мукдену только в половине января. Поэтому, *в целях более быстрой выручки Порт-Артура, я предполагаю уже в первых числах декабря, не дожидаясь даже стрелков, перейти в наступление. Риск большой, но оправдываемый положением Порт-Артура*».

Откладывая движение на выручку Порт-Артура еще на месяц и называя это «более быстрой выручкой», генерал Куропаткин едва ли сознавал действительное положение Артура. На это указывает и неверная оценка им как без-

действия противника, так и своего собственного положения. Вот что он писал в том же донесении по этому поводу.

«Если в этот месячный срок японцы сами перейдут в наступление, то, отразив его, мы перейдем в наступление немедленно. Заняв позиции на Шахе, мы получили значительные выгоды, ибо даже в случае неудачи за нами находится сильно укрепленная Мукденская позиция, на которой мы можем остановить японцев до подхода к нам всех подкреплений. Мы расширили район для довольствия наших армий, охранили Мукден с его могилами от разрушения (!) и — что тоже весьма важно — прикрыли Фушунские каменноугольные копи, где собрано до пяти миллионов пудов угля. Ныне, в течение октября и ноября, до самых копей проложена ветка в 42 версты, и уголь уже поступает на железную дорогу. Кроме того, мы приступили к прокладке полевой железной дороги от фушунской ветки по направлению к Далиаскому перевалу для облегчения довольствия войск восточной группы как ныне, так и особенно при наступлении вперед».

«Мы деятельно готовимся к переходу в наступление, — заключает Куропаткин свое донесение, — подвигая вперед все необходимые нам запасы, организуя перевязочные средства, подготовляя средства для принятия до 50 тысяч раненых. Позиции наши укрепляются, проводятся большие колонные пути».

Предполагая, что японцы ранее овладения ими Порт-Артуром перейдут в наступление, генерал Куропаткин, очевидно, совершенно не придавал значения неоднократным сообщениям наших различных агентов, что японцы прежде всего и во что бы то ни стало хотят взять Порт-Артур, что овладение им (а не Мукденом с его могилами) есть дело национального самолюбия, национальной чести Японии. Иначе он понял бы, что центр тяжести войны лежит на Квантуне, что армия Ойямы есть только огромная ширма, прикрывающая осаду Артура, и что действия против Маньчжурской армии до падения Артура — только грандиозная демонстрация. В результате этих заблуждений мы потеряли Артур как раз ко времени предположенного для его выручки наступления.

Примечания

[1] Решение сформировать 2-ю Маньчжурскую армию было принято в Петербурге тотчас по получении известия об исходе сражения

под Ляояном. В состав ее должны были войти 6-й сибирский и 8-й армейский корпуса, 5 стрелковых бригад, 6 пластунских батальонов, 4-я Донская и 2-я Кавказская казачьи дивизии и 3 драгунских полка 10-й кавалерийской дивизии. — *Прим. авт.*

[2] На 6-й сибирский корпус возложена была охрана тыла в Телине, который занят был бригадой этого корпуса. — *Прим. авт.*

[3] См.: Русско-японская война в сообщениях в Николаевской Академии Генерального штаба. Ч. 1. С. 246. — *Прим. авт.*

[4] В случае, если бы противник, разгадав наш план, сосредоточил свои главные силы к своему правому флангу, предполагалось прорвать его центр в направлении на Янтайские копи, для чего Западный отряд должен был быть усилен 6-м сибирским корпусом. — *Прим. авт.*

[5] Вместе с отрядом генерала Ренненкампфа силы Восточного отряда достигали 85 батальонов, 43 сотен, 174 орудий и 3 саперных батальонов. — *Прим. авт.*

[6] *Суханов.* Краткий очерк операции на Шахе и под Мукденом и причины неудач Японской войны. Ревель, 1906. С. 12—13. — *Прим. авт.*

[7] К тому же 1-й и 2-й сибирские корпуса, действовавшие до сих пор преимущественно в равнинной части театра, назначены были генералом Куропаткиным действовать теперь в горах, а действовавший до сих пор в горах 10-й корпус — в составе Западного отряда на равнину. Г-н Черемисов делает и еще одно характерное для генерала Куропаткина замечание: «Командир 4 сибирского корпуса (генерал Зарубаев), обнаруживший во время предшествующих операций исключительные дарования в отношении высшего руководства войсками, предназначен был в резерв». См.: *Черемисов В.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Изд. 2-е. 1909. С. 150–151. — *Прим. авт.*

[8] Знак, что поезд везет огнестрельные припасы, т. е., стало быть, требует особых мер предосторожностей. — *Прим. авт.*

[9] *Гамильтон Ян.* Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны / Пер. с англ. Изд. В. Березовского. Т. II. С. 152–155. — *Прим. авт.*

[10] Автор, находившийся в период описываемого наступления при войсках 3 сибирского корпуса, лично испытал достоинства этой карты, которая никак не могла служить верным и достаточным путеводителем. — *Прим. авт.*

[11] В боях на Шахе и мы и японцы потеряли почти поровну — почти по 59 тыс. человек. — *Прим. авт.*

[12] Цитирую по передаче содержания труда прусского генерального штаба, сделанной в «Русском Инвалиде» (1909. №261 и 262). — *Прим. авт.*

Глава восьмая

ПОРТ-АРТУР

16 сентября в Порт-Артуре была получена депеша генерала Куропаткина, извещавшая об исходе Ляоянского сражения. Хотя она и заканчивалась уверением, что, «несколько пополнив убыль в войсках и в артиллерийских запасах и усилившись первым корпусом», он, генерал Куропаткин, в начале сентября перейдет «в энергичное наступление», но этому новому обещанию «скорой», «сильной» и «энергической» выручки уже более не верили. По крайней мере, «душа» осажденной крепости — и на этот раз прибавим — ее совесть генерал Кондратенко уже через два дня после получения вышеупомянутой депеши, 18 сентября, написал генералу Стесселю следующее замечательное письмо:

> «В настоящее время, пока Порт-Артур держится, наши неудачи на других театрах войны нельзя еще считать особенно унизительными, но если к этим неудачам присоединится потеря Порт-Артура и находящегося здесь флота, то, в сущности, кампания безвозвратно проиграна и наш военный неуспех принимает унизительные для нашего государственного достоинства размеры. Рассчитывать на своевременную выручку Порт-Артура нашей армией или флотом едва ли возможно. Единственным почетным выходом является заключение теперь, до падения Порт-Артура, мирных условий, которые несомненно можно до падения Порт-Артура установить не унизительными для народного самолюбия. Очень вероятно, что Государю доносят о событиях, освещая их несколько в разрез с действительностью. Истинное, правдивое верноподданническое донесение, может быть, устранит большую беду от нашей родины. Посему, как высший представитель здесь государственной власти и лицо, облеченное царским доверием, не признаете ли

вы возможным шифрованной телеграммой на Высочайшее Имя донести об истинном положении дела здесь, на Дальнем Востоке. Настоящее письмо мое и написано только в виду постоянного сердечного отношения вашего ко мне и моей глубокой уверенности в необходимость такого шага для блага России».

Этим письмом генерал Кондратенко обнаружил не только большое гражданское мужество и большой государственный ум, широко и смело охватывавший события, но и почти пророческую прозорливость.

Накануне боев на Шахе он писал в Порт-Артуре, что «наш военный неуспех принимает унизительные размеры». И, действительно, неудачный исход нашей попытки перейти в наступление был, несомненно, унизительнее нашего победоносного отступления от Ляояна. А затем размер и унизительный характер наших неудач все прогрессирует: капитуляция Порт-Артура, мукденсий погром и «Цусима» со сдачей в плен эскадры Небогатова. В неясных, смутных образах, быть может, все это уже носилось пред духовным взором Кондратенко, но они недоступны были прозрению Стесселя, человека совсем иного склада, иного духа. Последний сказал Кондратенко по поводу его письма, что писать Государю не может. Тогда для Кондратенко осталось лишь дороже продать свою жизнь и заставить японцев дороже купить обладание крепостью.

25 сентября он обратился к войскам сухопутной обороны крепости со следующим приказом:

«Прошу начальников участков обратить внимание ротных командиров и разъяснить нижним чинам, что упорная оборона крепости, не щадя свой жизни, вызывается не только долгом присяги, но весьма важным государственным значением Порт-Артура, как местопребывания Наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке.

Упорная оборона, до последней капли крови, без всякой даже мысли о возможности сдачи в плен, вызывается сверх того тем, что японцы, предпочитая сами смерть сдаче в плен, вне всякого сомнения, произведут в случае успеха общее истребление, не обращая ни малейшего внимания ни на Красный Крест, ни на раны, ни на пол и возраст, как это было ими сделано в 1895 при взятии Артура.

Подтверждением изложенного может служить постоянная стрельба их по нашим санитарам и добивание наших раненых, случай которого имел место даже 22 сего сентября при временном занятии Сигнальной горы.

Вследствие весьма важного значения Порт-Артура не только Государь и вся наша Родина с напряженным вниманием следят за ходом обороны, но и весь мир заинтересован ей, а потому положим все наши силы и нашу жизнь, чтобы оправдать доверие нашего обожаемого Государя и достойно поддержать славу Русского оружия на Дальнем Востоке».

Внушить гарнизону мысль об упорной обороне крепости — «до последней капли крови» — было уже психологической необходимостью, ясно сознанной генералом Кондратенко. Гарнизон жил и дрался с мыслью о выручке. Ею бредили во сне и галлюцинировали на яву. Одни ясно видели в море множество кораблей и уверяли товарищей, что «это — эскадра Рожественского»; другие слышали гром пушек позади японских позиций и уверяли, что «это — Куропаткин пробивает себе дорогу к Артуру». Известие, что Маньчжурская армия отступила от Ляояна к Мукдену, не могло, конечно, не стать достоянием молвы — об этом могли позаботиться и сами японцы путем подметных писем, — и упадок духа, который оно могло произвести, надо было предупредить и парализовать.

События показывали, что хотя неудача августовского штурма и побудила японцев перейти к постепенной правильной инженерной атаке Артура, но искушение ускорить ход событий штурмом было велико, да этого требовало и общественное мнение Японии. Поэтому гарнизону надлежало проявить большую выдержку в инженерной борьбе с осаждающим врагом и мужественную стойкость против его атак и бомбардировок.

Вторая половина августа прошла для него в организационной работе: спешно укреплялась вторая оборонительная линия; Китайская стена, на которую постепенно перемещался центр обороны, усиливалась траверсами, утолщалась, обстраивалась блиндажами; артиллерия исправляла материальную часть и пополняла боевые запасы и личный

состав; кое-где ставились новые батареи; перепутавшиеся в горячке отбития штурма части приводились в порядок и перемещались с одного участка на другой; в виду близости противника, находившегося в 300 шагах, это можно было делать только по ночам; формировался новый «Комендантский» резерв, так как 4-я восточносибирская стрелковая дивизия, составлявшая крепостной резерв во время штурма, вся влилась в боевую линию; наконец, организовывалось более стройное управление обороной Восточного фронта, во главе которой, за болезнью генерала Горбатовского, временно стал генерал Наденин. Наша тактика в это время свелась к следующему: борьба крепостной артиллерии с осадными батареями противника; ночью вылазки по всему фронту небольшими командами охотников; хотя редкая, но постоянная бомбардировка занятых японцами редутов 1 и 2, не позволявшая им на них утвердиться. Затем против редутов поведена была и минная война. Хотя минными ходами мы и не дошли до противника, но все же минные работы принесли пользу в том смысле, что показали противнику готовность гарнизона к активной обороне.

На Северном и Западном фронтах крепости также шла в это время созидательная работа.

Что же делали в это время японцы?

После неудачного штурма японская артиллерия яростно бомбардировала порт и город. Растерянность и усталость японцев в первые дни после штурма сказались в том, что они оставили незанятым участок Китайской стены между редутами, и он в течение нескольких дней был нейтральным.

Шесть дней не предпринимали японцы активных действий.

Наконец, около 20 августа из крепости заметили в некоторых местах желтенькие полоски, которые оказались частицами 1 японской параллели. Затем японские траншеи появились в двух пунктах: против Водопроводного редута и против форта № II.

Затем противник сапой продвинулся к востоку от фор-

та II, против Куропаткинского люнета и батареи Б, и здесь почему-то закончил свои сапные работы.

Вообще, в этот период осады японцы не проявляют еще ни большой правильности в ведении инженерной атаки, ни большой энергии её. Они, видимо, не потеряли еще надежды покончить с крепостью одним ударом — и ровно через месяц после первого штурма, 6 сентября, атакуют открытой силой на Северном фронте Кумирнинский и Водопроводный редуты, а на Западном — Высокую и Длинную горы.

Под прикрытием страшного огня своей осадной артиллерии японцы подкатили к Водопроводному редуту горное орудие и с дистанции в 100 шагов начали его громить, разбивая блиндажи, коверкая пулеметы, срывая брустверы[1]. Около 8 часов вечера они заняли передний фас редута и поставили на нем пулемет. Шесть раз гарнизон его бросался в атаку, но безуспешно: чтобы дойти до противника, им приходилось под огнем этого пулемета проходить сначала через ворота, а потом по открытому месту внутренней площадки. В полночь мы занимали уже лишь кусочек заднего фаса редута, причем все контратаки по-прежнему были бесплодны, и в 3 часа 47 мин. ночи генерал Кондратенко приказал очистить Водопроводный редут. Узнав об этом утром 7 сентября, гарнизон Кумирнинского редута, видя надвигающиеся на него штурмовые колонны японцев, отступил.

Одновременно с открытием огня против Водопроводного и Кумирнинского редутов японцы в 5 часов вечера 6 сентября начали обстреливать Высокую гору, лежащую к северо-востоку от нее Длинную гору и расположенные далее к востоку форты № IV и V и укрепление 5. На Высокой к этому времени было 4–5 рот 5 восточносибирского стрелкового полка, две–три 6"пушки в 120 пудов, полевая и мелкая скорострельная артиллерия. Главным руководителем ее обороны был командир 5 полка полковник Третьяков.

Под прикрытием своего огня противник 6 же сентября атаковал Длинную гору, но взять ее удалось ему лишь к полудню 7 числа. Тогда положение на Высокой горе ста-

ло весьма затруднительным, так как Длинная командует над Высокой и с неё можно обстреливать тыл последней. В течение дня 7 сентября обе стороны сходились на Высокой почти на дистанцию штыка. Их разделяла только стена трупов, через которую они перебрасывались бомбочками. В полночь японцы атаковали левый фланг Высокой, но были снова отбиты — и с большим уроном. Атаки продолжались всю ночь, весь следующий день 8 сентября и опять всю ночь на 9 число. Японцы, видимо, не жалели жертв для овладения Высокой, направив на нее целую дивизию и несколько резервных бригад[2]. Но Высокая оборонялась отчаянно и доблестно — и стойкостью наших войск была спасена.

Утром 9 сентября взводу скорострельной артиллерии удалось скрытно занять позицию так, что явилась возможность обстреливать с тыла батальоны японской пехоты, собранные у подошвы Высокой горы для новой атаки ее. Эффект огня этого взвода был поразительный: целая бригада бросилась бежать, бросая в панике ружья и устилая трупами свой путь. Паника распространилась по всей линии атаки. Под влиянием ее японцы очистили уже занятые ими окопы и блиндажи, оставив в них 2 пулемета и 1 орудие. Вечером они попытались было атаковать Высокую, но силы их были надорваны, и мы легко отбили их атаку[3]. Ею и закончился сентябрьский штурм, стоивший нам убитыми 11 офицеров и 457 нижних чинов и ранеными 36 офицеров и 2132 нижних чинов; по сведениям, полученным от китайцев, японцы потеряли с 6 по 10 сентября от 15 до 20 тыс. человек.

Потерпев новую неудачу, японцы опять с остервенением принялись за бомбардировку. Центр тяжести осады они перенесли теперь на Восточный фронт против фортов № II и III и укрепления 3. На Западном фронте, против Высокой японцы притихли, ведя работы только со стороны Длинной горы, да и те приостановили в 600 шагах. На Северном фронте мы по-прежнему углублялись в землю, а неприятель понемногу подвигался к нам траншеями.

В ночь на 15 сентября японцы заложили перед фортом

№ III окоп, который в течение 11 суток переходил из рук в руки и только 26 числа окончательно остался за японцами.

17 сентября они начали обстреливать крепость из 11-дюймовых гаубиц. Эффект от разрыва снарядов этого калибра (20 пудов) был ужасный, подобный взрыву порохового погреба. Никакие сооружения не могли противостоять этим снарядам.

В ночь на 22 сентября, японцы атаковали Сигнальную горку впереди нашего правого фланга и заняли ее, но утром при помощи крепостной артиллерии были сбиты, и Сигнальная горка осталась за нами до конца осады[4].

В ночь на 24 сентября, т. е. через $2^1/_2$ мес. от начала осады? японцы вошли в мертвое пространство форта № II? и с «этого момента надо считать, что гласис форта находился уже не в наших руках».

В ночь на 29 сентября японцы захватили неустроенные нами тыловые окопы укрепления 3. Подоспевший вовремя начальник участка подполковник Сайчук с ротой моряков, бывшей у него в резерве, выбил японцев, но только после троекратной штыковой работы. Однако, пользуясь темнотой, они засели в овраге, левее нашего расположения, и укрепились.

3 октября днем противник сильно обстрелял из 11-дюймовых гаубиц капонир № 3, гарнизон его не выдержал и отошел, но получил приказание вернуться. После нескольких контратак половина капонира была вновь занята нами, в другой же остались японцы. Такое положение сохранилось до 13 октября.

6 октября нами на гласисе форта II впервые были услышаны плотничные работы противника; с нашей стороны устраивался крытый ход к форту и ставились во рву проволочные заграждения. В ночь на 8 октября с форта № II произведена была вылазка, выяснившая, что японцы идут под форт двумя минными галереями.

Так прошел месяц со дня окончания второго штурма крепости, и вот японцы снова делают попытку взять ее открытой силой. На этот раз они предпосылают штурму тща-

тельную, 4-дневную артиллерийскую и инженерную подготовку его.

С утра 13 октября японская артиллерия громит форт № II — 11"бомбами, а батарею Б — 6"бомбами. Затем огонь распространяется на форт № III, укрепление 3 и Заредутную батарею.

Этим огнем противник нанес нам значительный материальный вред, а главное надломил моральные силы защитников, вследствие чего при первом же стремительном натиске японцев они почти везде оставили свои окопы.

Ночью, несмотря на наши контратаки, японцы утвердились в капонире 3, на гласисе форта № III и в окопах впереди укрепления 3. Вход во рвы оказался в их руках? и они могли приступить к штурму укреплений, но этого им казалось еще мало. Неудачи двух штурмов, стоившие очень дорого, научили их считаться с доблестью гарнизона и быть осторожнее. Продолжая непрерывно бомбардировку укреплений, японцы утром 15 октября взрывами сделали отверстие в стене капонира форта № II и проникли в него. Будучи выбиты оттуда, они в ту же ночь двумя взрывами обвалили потолок и стену капонира форта № II, образовав обвал, по которому можно было спускаться рядами по 2–3 человека. Наши попытки в ночь на 16-е октября овладеть окопами впереди форта III и укрепления 3 не увенчались успехом. Зато японцам удалось подвезти за ночь на ближнюю дистанцию к укреплениям от батареи В до Курганной батареи 16 горных орудий и на рассвете 17 октября подорвать правый капонир форта № III.

Этим подготовка к штурму и была закончена. В $11^1/_2$ часов утра японцы открыли шрапнельный огонь; в 11 часов 50 мин. они повели наступление на Куропаткинский люнет и батарею Б и в 12 часов 45 мин. дня спустили лестницы во рвы фортов II и III. Через 5 минут на бруствере батареи Б мелькнул было японский флаг, но сейчас же был сбит, а в 1 час дня защитники батареи и вовсе грудью опрокинули ворвавшегося на нее врага. В то же время японцы пошли на штурм форта III, а несколько позднее и на укреп-

ление 3. Встреченные страшным перекрестным огнем, они, как шальные, бросились назад. Но, оправившись, вторично атаковали укрепление 3. Момент оказался благоприятным: от разрыва снаряда на укреплении произошел пожар, загорелись наши заряды, стали рваться сложенные тут же бомбочки и снаряды — и японцам удалось занять неполный фас бруствера. Форт II, капонир 2-й и Куропаткинский люнет также были заняты японцами, но через полчаса их оттуда выбили; а затем было взято нами обратно и укрепление 3. Однако японцы все-таки успели утвердиться на его гласисе.

В этот день штурм не повторился, но ночь на 18 октября прошла в усиленной артиллерийской и ружейной перестрелке; японцы, очевидно, хотели помешать огнем нашим работам по уборке раненых и починке разрушенных укреплений. Неудача, испытанная японцами 17 октября, видимо, подорвала их энергию, и они, не желая зарываться, ограничили 18 числа свои действия штурмом форта II. Но и он окончился неудачей. Японцам удалось занять лишь совершенно разрушенный капонир 2. С потерей его форты II и III остались связанными лишь Китайской стенкой; редуты № I и 2, капониры № 2 и 3 были уже в руках противника.

Крепость уцелела в третий раз, хотя спасение и было куплено довольно дорогой ценой: мы потеряли убитыми, ранеными и без вести пропавшими 85 офицеров и 4430 нижних чинов.

Таяла численность гарнизона, слабели его физические силы, изнуряемые беспрерывной работой и поддерживаемые уже кониной, а духу его одно за другим посылались тяжелые испытания.

Пришло известие, что наступление Маньчжурской армии окончилось неудачей и что Балтийская эскадра еще далеко. Главнокомандующий (генерал-адъютант Куропаткин) по-прежнему лишь надеялся «с прибытием подходящих подкреплений, атаковать противника и двинуться вперед, будучи уверен, что геройские войска Артура еще держатся»[5].

И они еще раз оправдали эту уверенность. После неудачных отдельных попыток укрепиться на форту II 6 ноября, захватив форт III-й 7 ноября, Куропаткинский люнет и батарею Б 10 ноября, японцы 13 ноября отважились на новый штурм.

Неприятельская артиллерия с утра стала громить Восточный фронт от Курганной батареи до батареи А, причем Курганная, укрепление 3, форт III, батарея Б и Куропаткинский люнет подверглись особенно сильному обстрелу. В $11^1/_2$ часов японцы примкнули штыки и ровно в полдень одновременно по всей линии бросились на штурм. Всюду они были встречены огнем нашей пехоты и артиллерии. «Произошло что-то, не поддающееся описанию, — рассказывает участник событий этого дня. — Артиллерия ревела; неприятельская стреляла по резервам, горжам укреплений и по 2-й линии обороны; наша — отражала штурм на близком расстоянии. Все заволокло туманом дыма и поднятой снарядами земли».

Пять раз пытались японцы ворваться на форт II, но безуспешно. Каждый раз их встречали сильным орудийным и ружейным огнем, а потом пришлось пустить в дело мелинитовые шашки, бомбы и шаровые мины, произведшие между японцами панику.

Также несколько раз противник бросался на Куропаткинский люнет и батарею Б. До люнета ему даже дойти не удавалось, а окоп впереди батареи Б, хотя и был им первоначально захвачен, но к вечеру очищен. Бой за него был особенно горяч: было пущено в ход все. Когда не стало патронов, ручных гранат и пироксилиновых шашек, обе стороны стали бросаться камнями, кирками, лопатами, обломками ружей. В конце концов мы выбили японцев и из этого окопа. Но под покровом темноты им удалось подкрасться к Курганной батареи, ворваться на нее и овладеть орудиями. На помощь малочисленному гарнизону подоспели работавшие вблизи роты. Они штыками выбили японцев с батареи, но те залегли за бруствером ее и стали бросать мелинитовые шашки. Прогнать их оттуда было делом трудным.

Дали знать начальнику обороны фронта генералу Горбатовскому, который немедленно вызвал очередную полуроту резерва и приказал ей: «бегом, на Курганную». Полурота (всего 45 человек) исполнила приказ в точности: бегом добежала до Курганной и с криком «ура» бросилась перед ней в овраг, как потом оказалось — в тыл японцам. Темнота, внезапность атаки, громовое «ура» сыграли свою роль; японцы, полагая, что их атакует не 45 человек, а в десять раз больше, в панике бросились бежать. Четвертый штурм Артура был отбит повсюду.

Стойкая оборона укреплений Восточного фронта побудила японцев попытать счастья снова на Западном фронте. Чтобы замаскировать этот перенос действий, противник в течение всего 14 ноября усиленно обстреливал Восточный фронт и делал вид, что хочет повторить атаку форта III и укрепления 3. В то же время он усиленно бомбардировал Высокую и Плоскую горы. В течение целой недели жестокие бомбардировки сменялись отчаянными штурмами. Особенно яростно лезли японцы на Высокую гору, важность обладания которой обе стороны отлично понимали. Гора переходила из рук в руки беспрерывно. Роты стрелков, матросов, дружинников, даже госпитальных служителей шли одна за другой на вершину Высокой — и не возвращались назад. Священники и иеромонахи служили в окопах молебны, обходили войска, призывая на них помощь Всевышнего и воодушевляя их на продолжение упорной обороны[6].

Вот как характеризует бои за Высокую объективный наблюдатель их, английский военный корреспондент при японской армии Эллис Ашмед Бартлетт[7].

«... В течение трех дней — 19, 20 и 21 ноября (ст. ст.) артиллерия не прекращала бомбардировки, осыпая снарядами гребень Высокой горы и все на ней разбивая в щепы. Как русские могли держаться — необъяснимо: храбрость их, как обороняющейся пехоты, никогда не подвергалась более суровому испытанию, и никогда они не отвечали на вызов врага более доблестно и самоотверженно».

«... Борьба за Высокую гору была битвой гигантов: ни од-

на страна в самую славную эпоху своей истории никогда не выставляла в поле солдат, которые дрались бы с таким упорством, храбростью и безусловным презрением к жизни, как русская и японская пехота в течение этих дней...»

На 22 число Ноги назначил решительную атаку Высокой. В распоряжение генерала Сайто дано было для этого 8 батальонов.

«Поставленная на карту ставка была так велика, — говорит тот же Эллис Бартлетт, — и отбитая еще раз атака была бы таким несчастьем, что были приняты все предосторожности, чтобы обеспечить успех. Решено было поднять энтузиазм людей до высшей степени. Полковые знамена были собраны в лощине, по которой должны были проходить войска в боевую линию; каждый батальон, идя мимо, должен был остановиться и салютовать своим знаменам; при этом люди клялись, что они либо возьмут высоты, либо не вернутся назад».

В 1 час 50 мин. дня они бросились на штурм Высокой — и встретили на этот раз слабое сопротивление. Наши войска очищали Высокую гору.

«Нельзя выражать удивления, — говорит Бартлетт, — по поводу отступления русских, ибо на вершине Высокой горы, вследствие непрерывной бомбардировки, было совершенно невозможно держаться: даже мышь не могла бы найти себе здесь безопасного укрытия».

Для удивления нет и повода: доблестные защитники Высокой покидали ее теперь не потому, что не могли далее держаться, а по приказу генерала Кондратенко. Последний же отдал его потому, что дальнейшее упорство в обороне этого пункта, при неравенстве борьбы, становилось уже безрассудным. Ноябрьские штурмы стоили гарнизону убитыми, ранеными и без вести пропавшими 153 офицеров и 6586 нижних чинов. Японцы, хотя и потеряли на одной Высокой горе от 9 до 10 тыс. человек убитыми и ранеными[8], все же могли возместить убыль людей присылкой подкреплений из Японии. Гарнизон же Порт-Артура лишен был этой возможности — и для того, чтобы затянуть оборону всей крепости, приходилось дорожить каждым солдатом.

Занятие Высокой горы было первым серьезным успе-

хом японцев за 4 месяца тесной осады крепости. Бартлетт сравнивает чувства японских офицеров и нижних чинов, вступивших на гребень вершины Высокой горы, с чувствами французов, когда они впервые, в 1812 г., увидели перед собой Москву.

> «Тут только японцы могли оценить грандиозность и огромное значение своего успеха: впервые они увидели передъ собою, на самом близком расстоянии, ту цель, из-за которой они боролись так долго и так храбро. Перед ними открылась гавань и русские военные суда, стоявшие на якоре. Они сознавали, что большая половина работы сделана: крепость может еще держаться, но суда обречены на гибель. Гавань не давала защиты судам; чтобы не быть потопленными на месте якорной стоянки, русские суда должны были сейчас же выйти в море и встретиться с эскадрой адмирала Того, когда Балтийская эскадра находилась еще на расстоянии нескольких тысяч миль... »

И внутренний рейд стал могилой нашей эскадры. По возможности очистив Высокую от нескольких тысяч трупов, заражавших тлением воздух, японцы устроили на ее вершине наблюдательный пост, соединили его телефоном со своими осадными батареями и к вечеру 23 ноября открыли огонь 11-дюймовыми бомбами по кораблям нашей эскадры.

И они, один за другим, исковерканные, обгоревшие, погружались на дно. Только «Севастополь» под командой капитана фон Эссена решил погибнуть в бою: он вышел на рейд, выдержал отчаянную борьбу с японскими миноносцами и, получив серьезные повреждения, был затоплен своим командиром на 20-саженной глубине. С затопленных судов боевые запасы были свезены на берег, команды и офицеры пополнили ряды защитников крепости, минеры занялись выделкой бомбочек, а машинисты — отливкой снарядов.

«Конечно, горестно так потерять свой флот, — писал контр-адмирал Вирен генералу Стесселю, который 24 ноября потребовал от него полного уничтожения затопленных судов и выхода в море уцелевших, — но если Бог даст нам отстоять крепость до выручки с суши, то я уверен, что

беспристрастные люди в Порт-Артуре скажут, что без той помощи, которую дал флот, Порт-Артур был бы уже давно в руках неприятеля».

С падением Высокой началась агония осажденной крепости, наступило «начало конца», как выразился, говорят, сам Кондратенко, отдавая приказ об очищении этой горы. И, действительно, Артур стал нести одну за другой тяжкие утраты: 2 декабря на форту № II погиб сам генерал Кондратенко вместе с наиболее деятельными своими сотрудниками полковником Науменко, военными инженерами Ришевским и Зедгенидзе; 5 декабря мы потеряли и самый форт № II. Японцы произвели три взрыва фугасов под его бруствером и беспрерывно в течение дня бомбардировкой разрушили его почти до основания. После геройской защиты его, стоившей нам за один этот день 200 человек, форт этот, по приказанию генерала Фока, без ведома коменданта, но с разрешения генерала Стесселя, был нами взорван и очищен вечером того же дня[9].

В ночь на 6-е декабря по приказанию генерала Фока был очищен нами и форт № III, после того как противник подорвал его бруствер, захватил его ретраншемент, и все попытки гарнизона выбить его с форта окончились неудачей.

Новый начальник сухопутной обороны генерал Фок, вообще, не проявлял уже такого упорства в удержании атакованных укреплений, как генерал Кондратенко. Да и сам по себе это был человек другого склада характера и других взглядов на военное дело. Цзиньчжоуский бой поколебал его авторитет в войсках. Находясь со времени его не у дел, он занялся своеобразной литературой — «заметками», в которых обнаружил саркастический ум и очень спутанное представление о военном деле. Эти «заметки», в которых писалось обо всем, что делалось в Артуре и на его позициях, в которых пехотным генералом давались советы артиллеристам, морякам, инженерам, минерам и в которых, не стесняясь в словах, критиковались действия всех начальников обороны, внушили только Стесселю преуве-

личенное представление о познаниях и способностях Фока, остальных же они или незаслуженно обижали, или ссорили между собой и вообще вносили в семью защитников раздор и раздражение. Честолюбивый, самоуверенный и резкий в обращении с подчиненными, генерал Фок являлся полною противоположностью генерала Кондратенко, и если тот заслужил наименование «души обороны», то Фока звали ее «злым гением».

Очищение форта II было первым моральным потрясением гарнизона, как отрицание до тех пор твердо внедрявшегося генералом Кондратенко правила: «гарнизон укрепления погибает вместе с ним», т.е. защищает его до последнего человека, а последовавшее затем очищение форта III делало положение наше на Восточном фронте особенно тяжелым. В общей системе обороны этого фронта форт № III был тактическим ключом позиции, так как находился в исходящем углу фронта. С потерей его линия обороны разрывалась на две части — и противник клином врезывался в наше расположение.

Ни для кого из защитников в крепости не представляло сомнения, что для спасения форта III генералом Кондратенко приняты были бы самые решительные меры и отстаивание его, как и форта II, было бы делом всего гарнизона, а не только тех рот, которые занимали эти укрепления.

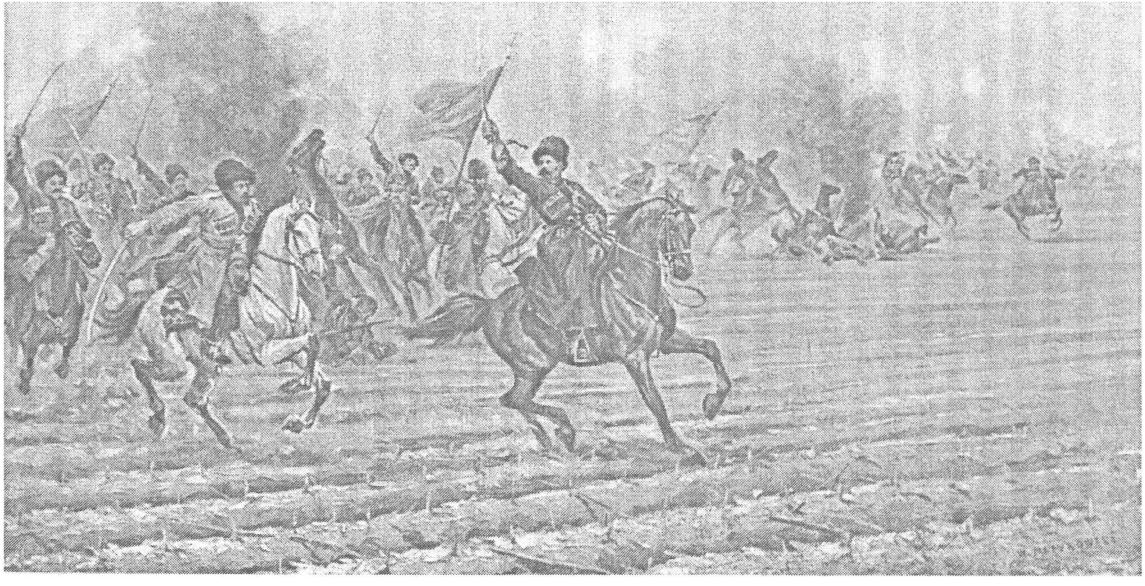
Ввиду создавшейся вновь обстановки генерал Стессель 16 же декабря собрал военный совет из старших начальников в крепости, адмиралов, командиров полков и начальников штабов дивизий. Большинство высказалось за необходимость держаться, т. е. продолжать упорную оборону крепости. Начальник артиллерии крепости генерал Белый заявил, что снарядов хватит еще на два штурма. По мнению генерала Смирнова, оборона крепости должна продолжаться до тех пор, пока не будет съеден последний сухарь, а муки хватит еще на $1^1/_2$ месяца. Генерал Фок высказался неопределенно. Начальник штаба генерала Стесселя полковник Рейс в обширной речи развивал мысль, что Артур выполнил уже свое назначение и в отношении флота, и в

отношении Маньчжурской армии. Дальнейшее сопротивление невозможно, бесцельно и безрассудно, ибо может повлечь за собою со стороны японцев, при последнем штурме, резню больных, раненых и мирного населения. Сам генерал Стессель находил, что оборона крепости фактически возможна только на основной линии, на второй же линии, по его мнению, вряд ли возможно долго продержаться[10].

Заключив военный совет выражением своей благодарности участникам его за мужественные мнения и за готовность продолжать оборону, генерал Стессель в тот же день донес телеграммой Государю, что «крепость продержится лишь несколько дней, — у нас снарядов нет». Таким образом, судьба крепости, видимо, была уже предрешена. Через день же произведен был и опыт частичной капитуляции. Когда утром 18 декабря японцы взорвали брустверукрепления 3, а от детонации в потерне укрепления взорвался вслед затем запас бомбочек и ракет и разрушил казематы, около сотни защитников было погребено под их развалинами.

Заживо погребенные, они по телефону, чудесно уцелевшему при взрыве, запросили штаб обороны Восточного фронта, что им делать. Генерал Горбатовский разрешил им с наступлением темноты покинуть укрепление. Стессель же, узнав от Горбатовскаго о положении дел на укреплении 3, разрешил остаткам его гарнизона сдаться. И в 1 час 15 мин. дня на укреплении 3, действительно, был выкинут белый флаг[11]. Это был первый случай сдачи укрепления и гарнизона его, стоявший в полном противоречии с принципом генерала Кондратенко: «гарнизон гибнет вместе с укреплением». До сих пор форты, батареи, укрепления и окопы очищались нами, когда защищать их не было уже возможности; они взрывались, остатки гарнизона их, как ни были они малы, отходили, унося с собой все, что можно. 18 декабря на укреплениях Артура впервые был поднят белый флаг.

А вечером того же дня по докладу генерала Фока и вопреки мнению коменданта генерал Стессель приказал очи-

Атака 2 Дагестанского полка у села Ландунгоу 14 января 1905 г.
худ. В. Мазуровский

стить Китайскую стенку, составлявшую теперь последнюю основу оборонительной линии и отвести войска на 2-ю оборонительную линию (Лаперовская, Владимерская и Митрофаньевская горы). Основанием этой импровизированной линии обороны служили на левом фланге Курганная батарея, а на правом — Б. Орлиное Гнездо. Последняя гора, хотя и считалась тактическим ключом новой позиции, столь важным, что с взятием ее японцами продолжение обороны крепости считалось невозможным, укреплена, однако, не была, а гарнизон ее в ночь на 19 декабря состоял всего из 22-х стрелков. К утру его усилили охотничьей командой человек в сорок.

По зареву пожара, вспыхнувшего на передовой линии, с которой отступали наши войска (горели блиндажи, кем-то подожженные), японцы обнаружили очищение нами Китайской стены и с рассветом повели наступление на Б. Орлиное Гнездо. Сперва они засыпали гору градом снарядов всевозможных калибров, а затем и сами «полезли» на нее. Ружейным огнем, бомбочками и штыками доблестные защитники горы отбили пять штурмов. В 3 часа 20 мин. дня японский снаряд попал в кучу бомбочек и произвел страшный взрыв, выведший из строя почти всех защитников горы, в том числе и доблестного ее коменданта подполковника Галицинского. Помощник его подпоручик Гринцевич остался с тремя нижними чинами. Дальнейшее сопротивление было немыслимо — и он очистил гору.

Но еще ранее, чем в штабе генерала Горбатовского убедились в потере нами тактического ключа позиции, генерал Стессель отправил генералу Ноги парламентера с письмом следующего содержания:

> «Принимая во внимание положение дел на театре военных действий, я нахожу дальнейшее сопротивление Порт-Артура бесполезным и во избежание бесполезных потерь я желал бы вступить в переговоры о сдаче. Если Ваше Превосходительство согласны, то прошу назначить уполномоченного для этой цели, который мог бы обсудить условия и порядок сдачи и избрать место, где мой уполномоченный мог бы с ним встретиться».

Если добавить, что генерал Стессель, решаясь вступить в переговоры о сдаче крепости, не только не собрал для обсуждения этого своего намерения военного совета хотя бы из некоторых находившихся поблизости начальников, но даже не уведомил об отправке этого письма ни коменданта крепости генерал-лейтенанта Смирнова, ни начальника эскадры контр-адмирала Вирена, которые узнали об этом официально лишь поздно вечером, то понятно будет выражение Бартлетта, что падение укрепления 3 дало Стесселю повод для капитуляции, за который он ухватился с «неприличной торопливостью».

Столь же «неприличную торопливость» проявил и генерал Фок, испросив разрешения генерала Стесселя вслед за отправкой парламентера очистить Куропаткинский люнет, батарею Б. и Малое Орлиное Гнездо. Начальник обороны Восточного фронта генерал Горбатовский, понимая важность удержания в наших руках этих пунктов, пытался было протестовать против этого распоряжения, но угрозой Фока «принять побудительные меры» вынужден был это сделать.

Очищение этих укреплений еще более ухудшало положение крепости и делало оборону ее еще более трудной в том случае, если бы переговоры о капитуляции не привели ни к чему. Японцы это поняли — и оказались несговорчивыми. Впрочем, уполномоченный генерала Стесселя, начальник его штаба полковник Рейс, ведя эти переговоры, исходил из того положения, что «все равно ничего не поделаешь, — они победители», и не проявил надлежащей энергии в отклонении японских требований. 30 декабря в деревне Шуйшуинь капитуляция крепости была им подписана вместе с представителем флота капитаном I ранга Щенсновичем, и в силу ее «русская армия и флот, добровольцы и чиновники в крепости и на верках Порт-Артура» объявлялись военнопленными; все форты и батареи, военные корабли, пароходы и шлюпки, оружие, склады, лошади и все прочие военные материалы, равно как деньги и другие предметы, принадлежащие русскому правительству, под-

лежали отдаче в настоящем их виде японской армии.

По этой капитуляции 23, 24 и 25 декабря передано было японцам 23 131 человек *нижних чинов* и 747 *офицеров*, явившихся на передаточный пункт[12]; *орудий*: годных 357, негодных 352; *снарядов*: годных 145 705, негодных 46 948; *ружей* разных, снарядов: годных 36 800; негодных 21 500; *патронов*: годных 4 640 800, негодных 4 344 800[13]; *лошадей* 1920, *угля каменного* 80 000 тонн и *продовольствия* (муки, крупы, рису, чаю, сахару, сушеных овощей, соли, консервов мясных, сухарей, уксусу, бобов, чумизы) — на полтора–два месяца[14].

Что сдача крепости была решена Стесселем бесповоротно, на каких бы то ни было условиях, следует заключить из того, что ранее, чем переговоры о ней состоялись, и акт капитуляции был подписан, он 19 же декабря отправил Государю телеграмму о том, что «крепость должна капитулировать». «Почти 11 месяцев непрерывной борьбы, — писал он, — истощили все силы сопротивления. Люди стали тенями».

Что моральные и физические силы гарнизона были надломлены, это не подлежит сомнению: на его глазах погиб флот, погиб генерал Кондратенко, одна за другой переходили в руки противника позиции, обильно политые кровью их доблестных защитников, все теснее сжималось кольцо неприятельских траншей, окопов, батарей, все явственнее обозначался ход его минных работ, все напряженнее становилось ожидание взрыва «на воздух». А «выручка» с севера все не шла, тогда как к противнику двигались все новые подкрепления. Довольствие было скудное, так как не было мяса и только два раза в неделю давали по $^1/_4$ фунта конины на человека. Цинга мешала заживлению ран. Близость противника, находившегося в нескольких шагах, делала условия жизни в укреплениях, засыпаемых пулями и снарядами, забрасываемых бомбочками и окуриваемых ядовитыми газами, невозможными: люди жили в тесных темных потернах, казематах и блиндажах, целыми неделями не раздеваясь, не умываясь, не меняя белья, не смея

сделать шагу без опасения быть замеченным зорким противником и подстреленным им.

Но тем ярче на этом мрачном, безотрадном фоне жизни выступает сила духа, проявленная в последние дни обороны защитниками фортов II и III, укрепления 3, Китайской стены, Б. Орлиного Гнезда и позиций Западного фронта, атакованных целой японской дивизией 19 декабря, одновременно с атакой Б. Орлиного Гнезда, и удержанных нами до момента сдачи. До самой последней минуты они дрались по долгу присяги — «до последней капли крови», истинными героями. «Сопротивление русских на вершине Б. Орлиного Гнезда 19 декабря», — говорит английский военный корреспондент при японской армии, Бартлетт, — не было похоже на сопротивление людей, готовых сдаться...»[15].

Последний защитник этой горы подпоручик Гринцевич рассказывал на суде, что солдаты, все время к нему приходившие по 5–6 человек, с бомбочками, говорили: «Пришли умирать на Орлиное...» И умирали героями.

Понятно, что при таком подъеме духа гарнизона и характере его сопротивления решение Стесселя сдаться явилось полной неожиданностью даже для самих японцев. Вот что рассказывают иностранные военные корреспонденты, состоявшие при осадной армии Ноги, о впечатлении, произведенном ею: по словам Джемса, «глубоко было изумление всех, от генерала до рядового, когда в долине развернулся белый флаг и осада кончилась. Новость, что Стессель желает капитулировать, распространилась, как пожар»[16].

Норригаард рассказывает, что в тот самый день, когда последовала сдача Порт-Артура, офицеры штаба Ноги говорили ему, что падение крепости ожидается ими не ранее $1^1/_2$–2 месяцев. Они полагали, что Стессель, очистив Восточный фронт, сосредоточит войска на Западном и Южном секторах, где укрепления были еще достаточно сильны, чтобы удержать осаждающих еще некоторое время. Поэтому «предложение русских о сдаче явилось неожиданным, хотя и очень приятным сюрпризом для японцев» ко дню Нового года (по н. ст.)[17].

Наконец, вот что пишет Бартлетт: «Под утро 18 (31) декабря, я думаю, ни один человек в армии Ноги не предполагал, что падение Порт-Артура так близко». Даже после взятия укрепления № 3, японцы думали, «что пройдет еще по крайней мере месяц, пока наступит конец»[18].

И все эти авторы согласны в оценке заключительного акта славной обороны.

«Осада Порт-Артура — страшная драма, — говорит Норригард, — но наиболее драматические моменты ее — отсутствие конца. Крепость сдали, быть может, предусмотрительно, но не совсем красиво — и оборона, рассказы о которой передавались бы из поколения в поколение как об одном из величайших подвигов в истории всего мира, была обесславлена»[19].

«Не будут осуждать Стесселя только гуманисты, — замечает Бартлетт, — которые восхваляют каждый поступок, избавляющий от пролития крови. Но те, кто видит дальше окружающего, те, кто старается уяснить себе влияние настоящего на будущее, а главным образом, те, кто на войне исключает все соображения, кроме достижения конечного успеха, скажут, что в поведении Стесселя проявлено слишком мало дальновидности и широко понимаемого патриотизма»[20].

Значение капитуляции крепости было огромно. Она освобождала 100-тысячную японскую армию для действия на Маньчжурском театре войны, где Ноги не замедлил появиться и сыграть решающую роль в битве под Мукденом. Она лишала в то же время нашу Маньчжурскую армию ясной, всеми видимой конкретной цели действий — освободить Порт-Артур.

«С падением Порт-Артура, — говорит наш известный военный писатель В. Новицкий, — все почувствовали, что утрачен какой-то внутренний смысл нашей борьбы с Японией, и с этого дня, несмотря на то, что в материальных условиях войны, решавшейся на главном театре, не произошло никаких существенных перемен, — вся страна стала отворачиваться от этой войны как от какого-то скучного, всем надоевшего и безнадежного предприятия. Казалось, что из великого дела вынута была оживлявшая его сердцевина и осталась лишь одна шелуха, ее обволакивавшая, но теперь уже разрушенная, ненужная»[21].

Таково было моральное значение Порт-Артура, и вот почему защищать эту крепость надо было до последней крайности, дорожа каждым лишним днем обороны, ибо она давала глубокое удовлетворение стране, оскорбленной в своей национальной гордости неудачами войны, и причиняла в то же время нашему счастливому в Маньчжурии сопернику много забот, разочарований и потерь[22].

Генерал Стессель не пожелал разделить тяжесть японского плена вместе с гарнизоном и, даже не простившись с ним, уехал в Россию. 16 февраля 1905 г. он прибыл в С.-Петербург, а через месяц, 13 марта, последовало Высочайшее повеление «образовать для рассмотрения дела о сдаче крепости Порт-Артур японским войскам следственную комиссию». По данным, собранным ею, генералы Стессель, Смирнов, Фок и Рейс по Высочайшему повелению, последовавшему 28 апреля 1905 г., были преданы Верховному военно-уголовному суду, который и признал генерала Стесселя виновным в том, что он «сдал крепость японцам, не употребив всех средств к дальнейшей ее обороне»[23]. Определив ему за это деяние смертную казнь без лишения прав, суд вместе с тем постановил ходатайствовать перед Высочайшей властью о замене этого наказания Стесселю заточением в крепость на десять лет. Одновременно с Высочайшей конфирмацией этого приговора (причем ходатайство суда было уважено) опубликован был 5 марта 1908 г. Высочайший приказ армии и флоту, в котором и оборона крепости, и сдача ее нашли себе высокоавторитетную оценку. «Геройская оборона Порт-Артура», удивлявшая весь мир стойкостью и мужеством гарнизона, признавалась «внезапно» прерванной «позорной сдачей крепости» и «Верховный Суд, карая виновника сдачи, вместе с тем в полном величии правды восстановил незабвенные подвиги храброго гарнизона».

Примечания

[1] Начальник штаба отряда обороны Восточного фронта генерального штаба капитан Степанов, наблюдая атаку Водопроводного реду-

та, высчитал, что над ним в течение одной минуты разрывалось от 10 до 14 снарядов, из коих 3–4 давали при разрыве черный дым, т. е. были снаряжены мелинитом. Вечером ему пришлось видеть защитников редута, отравленных ядовитыми газами, в состоянии почти столбняка (см.: Русско-японская война на суше и на море. Вып. VII: Порт-Артур. Сост. Ф. В. Степанов и В. А. Апушкин. Изд. В. Березовского). — *Прим. авт.*

[2] Нами введено было для поддержки гарнизона Высокой всего 28 рот. — *Прим. авт.*

[3] О настроении японцев можно судить по следующим строкам письма, найденного на убитом под Высокой японце: «Служба под Артуром тяжела, гоняют с одного места на другое, работы по горло, а успехов не видно; третий день берем какую-то горку и не можем взять, — из полка более половины выбыло, офицеров совсем нет». — *Прим. авт.*

[4] При обратном занятии окопов обнаружилось, что японцы добивают наших раненых, о чем и упомянул генерал Кондратенко в приказе по войскам сухопутной обороны от 25 сентября, за № 86. — *Прим. авт.*

[5] Депеша генерала Сахарова от 19 октября 1904 г. — *Прим. авт.*

[6] То были священники 5 восточносибирского стрелкового полка отец Василий Слювин и 27 полка отец Анатолий Мшанецкий; иеромонахи броненосца «Победа» отец Никодим и крейсера «Баян» отец Анатолий. — *Прим. авт.*

[7] См. его кн.: Осада и сдача Порт-Артура / Пер. с англ., под ред. полковника Хвостова. Изд. В. Березовского. С. 296–324. — *Прим. авт.*

[8] По сведениям Э. Бартлетта. — *Прим. авт.*

[9] Гарнизон его вышел в составе 18 человек. — *Прим. авт.*

[10] Под «основной линией» следует понимать линию фортов, укреплений и батарей, построенных еще до осады. «Вторая линия» начата была лишь в августе и к декабрю была почти закончена, т. е. разрозненные траншеи были соединены ходами сообщения в одну линию. — *Прим. авт.*

[11] Два офицера и несколько нижних чинов, находившиеся в горжевой казарме, просидели в ней до вечера и, раскопав себе выход, ночью бежали на Курганную батарею. — *Прим. авт.*

[12] В это число не вошли раненые, находившиеся в госпиталях; из этого же числа по ведомостям штаба находилось на фронте всего лишь 12 180 человек. Где были остальные? На суде генералы Стессель и Рейс утверждали, что цифра сданных возросла до 23 тыс. вследствие того, что многие раненые и больные вышли ко дню сдачи из госпиталей, чтобы быть в плену «со своими». Трудно допустить, чтобы таких явилось на сдаточный пункт 11 тыс. человек. Приходится просто заподозрить точность учета людей штабом генерала Стесселя. — *Прим. авт.*

[13] По справке, добытой нашим военным агентом в Японии

от японского военного министерства (См.: Дело о сдаче крепости Порт-Артур японским войскам в 1904 г. Отчет. под редакцией В. А. Апушкина. Изд. В. Березовским). — *Прим. авт.*

[14] По данным предварительного следствия по делу о сдаче Порт-Артура (См.: Обвинительный акт, приложение к «Военному Сборнику» за 1908 г., № 1). — *Прим. авт.*

[15] *Бартлетт Э. А.* С. 372. — *Прим. авт.*

[16] *Джемс Д.* Осада Порт-Артура / Пер. с англ. СПб., 1907. С. 122. — *Прим. авт.*

[17] *Норригаард Б. В.* Великая осада / Пер. с англ. Б. Серебренникова. Изд. В. Березовского. С. 245. — *Прим. авт.*

[18] *Бартлетт Э. А.* С. 370. — *Прим. авт.*

[19] *Норригаард.* С. 257–258. — *Прим. авт.*

[20] *Бартлетт.* С. 456. — *Прим. авт.*

[21] Послесловие к Порт-Артурскому процессу // Значение Порт-Артура в общем ходе войны. Сборник статей. СПб., 1908. — *Прим. авт.*

[22] По словам Бартлетта, японцы потеряли под Порт-Артуром 94 000 человек (стр. 463). — *Прим. авт.*

[23] Генералы Смирнов, Фок и Рейс оправданы судом, первый — по обвинению в том, что не принял мер противодействия сдачи крепости, а последние — по обвинению в том, что содействовали Стесселю в сдаче. — *Прим. авт.*

Глава девятая

НАБЕГ НА ИНКОУ—САНДЕПУ—МУКДЕН

Как издавна всем ходом войны ни подготовлялось русское общество к факту падения Порт-Артура, все же весть о капитуляции его явилась неожиданностью и потрясла всю Россию. Но особенною болью отозвалась она в рядах Маньчжурской армии, сознававшей всегда, что на ней лежит святой, нравственный долг выручки своих боевых товарищей. И если в глубине России падение Порт-Артура вызвало толки о дальнейшей бесцельности войны и поставило на очередь вопрос, не своевременно ли заключить мир, то в армии чувствовали иначе: «Порт-Артур должен быть отмщен, позор его капитуляции должен быть смыт победой».

Удар, нанесенный достоинству России и славе армии, действительно, был слишком силен и обиден, чтобы не требовать ответа. Конечно, наилучшим и наиболее достойным ответом был бы немедленный переход всех трех Маньчжурских армий в наступление.

Этого требовали не только политические соображения — поднять престиж России — и психологические побуждения — отмстить, но и стратегические: надо было спешить разбить противника, пока к нему не подошло подкрепление в виде армии Ноги и численный перевес был за нами. И к этому, казалось, можно было приготовиться за три месяца бездействия!

Но и на этот раз события застигли нас врасплох: мы оказались неготовыми реагировать на них достойным образом, а гибель Портъ-Артура сама по себе не настолько потрясла Куропаткина, чтобы вызвать в душе его бурю сложных чувств, рождаемых таким несчастьем, таким унижением родных знамен и торжеством соперника. Оно не создало в нем ни подъема энергии, ни решимости отчаяния. Впечатления от порт-артурской катастрофы хватило лишь на то, чтобы решиться, наконец, послать в тыл японцам отряд генерала Мищенко.

Задуман был этот набег генералом Куропаткиным еще в октябре месяце. Для своего успеха он нуждался, конечно, во внезапности появления нашей конницы в тылу японских армий, т. е. в тайне его подготовки, энергии и быстроте выполнения. Но так как главнокомандующий два месяца колебался с осуществлением этой идеи, то о набеге стали говорить не только в армии, но даже в Петербурге. И вот теперь генерал Куропаткин, наконец, решился его осуществить, «чтобы отвлечь общие мысли от участи Артура, чтобы смягчить хоть чем-нибудь произведенное этой капитуляцией впечатление на армию, Россию да и на весь политический мир»[1].

С этою целью под начальством генерал-адъютанта Мищенко сформирован был конный отряд $72^1/_2$ сотни и эскадронов, 4 конно-охотничьих команд, при 22 орудиях, силою до 7 тыс., и ему поставлены были задачи: произвести капитальную порчу железной дороги в районе Хайчен–Дашичао–Гайчжоу, чтобы задержать перевозку армии Ноги из Порт-Артура, захватить Инкоу, уничтожить собранные там японцами запасы и поселить панику в тылу японской армии.

Утром 27 декабря отряд, разделенный на три колонны, выступил из Сыфонтая и двинулся на юг по левому берегу Ляохе. Тотчас же на всем протяжении от Давана до Ляояна зажглись огромные костры, и столбы густого черного дыма поднялись к небу. Это китайцы-шпионы давали японцам знать, что русские идут. После небольших, но го-

Ген.-адъют. **П. И. МИЩЕНКО**

рячих боевых столкновений у деревень Калихе, Сандакана и у г. Ньючжуана отряд наш 29 декабря подошел к Инкоу и 30 декабря, с наступлением вечера, атаковал ж. д. станцию.

Штурм не удался. Движение нашей штурмовой колонны (полковник Харанов) было обнаружено японцами, и они с 900 шагов открыли по ней сильнейший пачечный огонь. Вследствие выяснившейся невозможности без новых огромных потерь овладеть станцией, полковник Харанов прекратил штурм ее и отвел свою колонну к главным силам[2]. К утру 31 декабря для отряда сложилась следующая обстановка: со стороны Дашичао к Инкоу спешно двигались 5 японских батальонов; у Ньючжуана сосредоточивался значительный японский отряд из всех родов оружия, чтобы преградить дорогу нашему отряду; теплая погода могла окончательно испортить и без того ненадежный лед на Ляохе, правый берег которой намечался при неудаче наиболее безопасным путем отступления.

Поэтому, считая вторичную атаку Инкоу и движение на Дашичао не сулящими успеха, а дальнейшее пребывание отряда на левом берегу Ляохе, между рекою и железною дорогою, рискованным, генерал Мищенко в тот же день, 31 декабря, начал отступление и в ночь под новый 1905 год благополучно перевел все три колонны на правый берег Ляохе.

Японцы последовали на этот берег только за восточною колонною (генерал-майора Телешева), которая и выдержала 1 января у Санчахе упорный бой, заставив неприятеля прекратить преследование. 3 января отряд благополучно возвратился в Сыфонтай и 6 числа был расформирован.

Отплаты за Порт-Артур не вышло. Результаты набега были незначительны и несущественны: захвачено около 600 повозок японского обоза с продовольствием, взято в плен 19 человек и уничтожено в боях и на заставах 500—600 японцев, сожжены у Инкоу склады дров и фуража, испорчен железнодорожный путь у Хайчена и между Дашичао и Инкоу, причем произведены крушения — у Хайчена поез-

да, у Инкоу паровоза. Обстоятельство это хотя и вызвало задержку в отправке армии Ноги с Квантуна в Маньчжурию, но ненадолго; 2 января 1905 г. в составе 4 дивизий и 2 резервных бригад, всего около 100 тыс. человек, она двинулась на север и в начале февраля присоединилась к войскам маршала Ойямы.

Малоуспешность набега объясняется несвоевременностью его, не удовлетворительною, спешною его организацией, походившею скорее на импровизацию, и неправильно поставленной задачей его.

В октябре, когда впервые родилась мысль о набеге, не только в деревнях, но и на полях еще можно было найти значительные запасы для довольствия людей и лошадей. За истекшие с того времени два месяца они значительно убавились, а в иных местах и вовсе исчезли; это вынудило придать отряду большой обоз, сильно замедлявший быстроту его движения. Единство отряда нарушено было включением в состав его частей, дотоле мало знавших друг друга; многие части лишь накануне выступления в набег поступили в подчинение генерала Мищенко, который должен был уже в походе знакомиться с ними и их начальниками; отряд обременен был многочисленной артиллерией и огромным обозом (1500 вьюков с продовольствием)[3].

Вместо пролета через тыл противника ураганом, разрушающим пути, сжигающим запасы, уничтожающим отдельные команды, заставы и посты и нигде не останавливающимся, не задерживающимся, отряду был навязан бой за овладение важным стратегическим пунктом — Инкоу.

Успех набега был бы, вероятно, больше, если бы генерал Куропаткин в то же время отвлек внимание японцев от своего тыла какой-либо демонстрацией на фронте или просто хотя бы усилением артиллерийского огня. Ничего этого сделано не было. Армия бездействовала.

Подготовка ее к наступлению началась вслед за окончанием шахейских боев. Главное внимание было обращено на увеличение ее численности.

К 12 октября в 252 батальонах состояло 140 000 чело-

век; в октябре прибыло около 8000 нижних чинов; в первой половине ноября — до 5000 нижних чинов; в конце этого месяца прибыло еще 12 000 человек, а в декабре — уже 60 000 человек, так что к началу января общая численность армии достигала уже 300 000 штыков. В организационном отношении эти силы были разделены теперь на три армии. *Первою* командовал генерал Линевич (127 батальонов, 43 сотни и эскадрона, 412 полевых орудий, 12 мортир, 8 пулеметов и 5 саперных батальонов); *второю* — генерал-адъютант Гриппенберг (120 батальонов, 92 эскадрона и сотни, 412 полевых орудий, 24 мортиры, 4 осадных орудия, 20 пулеметов, 3 саперных батальона) и *третьей* — генерал от кавалерии барон Каульбарс (72 батальона, 18 эскадронов и сотен, 294 полевых орудия, 54 мортиры, 56 осадных орудий, 12 пулеметов и 3 саперных батальона); общий резерв составляли 42 батальона при 120 орудиях и 4 пулеметах.

Силы противника определялись приблизительно следующим образом: армия Куроки — 68 батальонов, 21 эскадрон, 204 орудия; армия Нодзу — 50 батальонов, 11 эскадронов, 168 орудий; армия Оку — 60 батальонов, 29 эскадронов, 234 орудия; армия Ноги — 72 батальона, 5 эскадронов, 156 орудий и отряд Кавамуры, сосредоточивавшийся против нашего крайнего левого фланга из войск, находившихся в Корее, — в 15–20 тыс. Общая численность их была почти равна нашей численности. Таким образом, за три месяца бездействия на Шахе мы не сумели создать себе численного перевеса — и виновата в этом не столько малая провозоспособность железной дороги, сколько пассивность нашей стратегии, не сумевшей использовать время, пока Порт-Артур удерживал под своими стенами стотысячную армию Ноги и превосходство в силах было на нашей стороне. Беда была в том, что оно всегда казалось нашему полководцу «слишком недостаточным для обеспечения успеха нашего наступления при тех особенно трудных условиях, которые создавались сильно укрепленными позициями японцев и холодной бесснежной зимой».

Разработка соображений для перехода в наступление

началась в конце ноября. Однако «во всех своих распоряжениях до 11 декабря, — говорит В. Новицкий, — главнокомандующий не давал никакой определенной идеи для предстоящего наступления, он, по-видимому, уклонялся от составления какого-либо стратегического плана. А в его упорных, частых требованиях от командующих армиями "соображений" ясно сквозило желание, чтобы ему подсказали решение»[4]. Его и подсказал главнокомандующему генерал Гриппенберг. В «соображениях» своих генералу Куропаткину 11 декабря командующий 2-й армией предлагал нанести неприятелю главный удар на его левом фланге, где местность более благоприятствовала наступательным действиям и где мы, охватывая несколько неприятельское расположение, имели уже выгодное исходное положение для обхода этого фланга.

Остальные армии должны были содействовать этому удару и затем уже перейти в решительное наступление, когда действия на главном пункте разовьются.

С идеей генерала Гриппенберга согласились все остальные командующие армиями, и она легла впоследствии в основу всех распоряжений главнокомандующего.

Труднее оказалось определить время перехода в наступление. И по этому вопросу генерал Куропаткин в своих колебаниях, видимо, искал опоры в мнениях командующих армиями. Спрошенные по этому поводу в начале декабря, они дружно ответили главнокомандующему, что необходимо дождаться прибытия всех частей 16 армейского корпуса. Спрошенные вторично, по получении известия о сдаче Порт-Артура, они остались, в общем, при прежнем мнении, хотя уже допускали возможность начать наступательные действия в период сосредоточения этого корпуса, не ожидая конца его. Наконец, 4 января 1905 г. состоялось у главнокомандующего последнее общее совещание с командующими армиями, на котором еще раз обсуждался план и время перехода в наступление, — и 6 января вопросы эти были окончательно решены предписанием главнокомандующего.

Первоначальной целью наступления ставилось оттеснение японских армий за реку Тайцзыхе с нанесением им возможного поражения. Первоначальным предметом для действия избиралась армия Оку. Способом действия указывался охват левого фланга этой армии. В зависимости от успеха действий 2-й и 3-й армий по овладению левым флангом расположения японцев на Шахе должны были начинаться и развиваться действия 3-й и 1-й армий против позиций, занятых армиями Нодзу и Куроки. Первым днем наступления было назначено 12 января, а первою задачей было поставлено овладение Сандепуским районом с четырьмя укрепленными пунктами: Сандепу—Лидиатун—Татай—Тиньяцзы. С этой целью 1-й сибирский корпус (взятый из 1-й армии во 2-ю) должен был, обойдя левый фланг неприятеля, овладеть всеми деревнями до Сумапу включительно и затем, выделив бригаду для атаки Сандепу с юга, поддержать, таким образом, атаку этой деревни с запада, возложенную на 14-ю дивизию (8 корпуса), 15-я же дивизия (того же 8 корпуса) и весь 10-й корпус должны были удерживать японцев от поддержки их левого фланга артиллерийским огнем на фронте. Сводно-стрелковый корпус (генерал Кутневич) составлял резерв атакующих войск.

Чтобы выиграть время и застигнуть японцев врасплох, 1-й сибирский корпус перешел в наступление ночью с 11 на 12 января и до рассвета еще овладел двумя укрепленными деревнями, действительно застав японцев совершенно врасплох. Затем после целого дня упорного боя он овладел еще двумя деревнями и в том числе очень важным для противника стратегическим пунктом — деревней Хегоутай.

Однако атаки Сандепу 12 января произвести не удалось. Предназначенная для этой цели 14-я пехотная дивизия перед самым переходом в наступление была распоряжением генерала Куропаткина двинута на поддержку конного отряда генерала Мищенко, которому поручено было уничтожить небольшой неприятельский отряд силою до 2 1/2 тыс. человек, появившийся в первых числах января между реками Хунхе и Ляохе. Из этой экспедиции 14-я дивизия, по на-

стоянию генерала Гриппенберга, вернулась к своей армии лишь утром 12 января, сильно утомленною. Атаку Сандепу пришлось отложить на 13 число. С утра этого дня до полудня артиллерия 14-й дивизии обстреливала деревню, подготовляя атаку. В 1 час дня дивизия повела наступление, но скоро вынуждена была приостановить его вследствие сильного сопротивления, оказанного японцами из сел Сандепу, Баотайцзы и Лидзявопа. Бригада 1-го сибирского корпуса, назначенная для содействия атаке с юга, была на пути сама сильно атакована японцами и на поддержку ей из армейского резерва двинута была 2-я стрелковая бригада. Вследствие простановки наступления бригады на Сандепу с юга, между ею и 14-ю дивизией, двигавшейся к Сандепу с запада, образовался разрыв, в который японцы и устремились, чтобы зайти нам в тыл. Для противодействия им и заполнения интервала сюда двинута была последняя часть резерва — 5-я стрелковая бригада, а в 3 часа дня начальник атакующего отряда командир 8 корпуса генерал Мылов приказал 14-й дивизии и вовсе приостановить наступление. Но войска, ввязавшиеся в бой, сделать уже этого не могли и медленно подвигались вперед. В 3-м часу вечера главные силы дивизии ворвались в селение и после упорного сопротивления противника, уже в совершенной темноте, окончательно в нем утвердились. Послано было донесение, что Сандепу нами взят. Но скоро наступило сперва сомнение в этом, а потом и разочарование. В 500–600 шагах от занятой нами деревни оказалась другая, сильно укрепленная и занятая противником, который сильным огнем стал поражать наши войска, залегшие среди пылающих фанз. Впоследствии оказалось, что ими занято было не Сандепу, а небольшой ее выселок — Баотайцзы. Но стрелки 14-й дивизии, уже утомленные походом, тяжким боем, поредевшие от потерь и перепутавшиеся в темноте в узких улицах выселка, не были способны для атаки нового, сильно укрепленного пункта. К тому же, по словам В. Новицкого, «некому было принять общее руководство боем, потому что никого из высших начальствующих лиц

здесь не было, и ночью невозможно было разыскать их»[5]. На военном совете из командиров частей решено было очистить ночью деревню, чтобы с утра не подвергнуться в ней расстрелу. Решение это было приведено в исполнение, и дивизия по частям незаметно для противника покинула деревню и, отойдя на запад, заняла то положение, в котором находилась утром 13 января. 1-й сибирский корпус в течение всего этого дня упорно отстаивал занятый им Хегоутай от беспрерывных и яростных атак японцев — и удержался в нем.

Главнокомандующий не только не облегчил и в этот день тяжелое положение 2-й армии при помощи 1-й и 3-й армии, которые спокойно оставались на своих позициях, но даже сдерживал, без ведома генерала Гриппенберга, и без того вялые действия 10 корпуса и 15-й дивизии (8 корпуса), имевшие целью после тщательной подготовки огнем атаковать деревню Лициатунь.

Вследствие этого уже с утра следующего дня вся наступательная операция пошла на убыль. Боевые действия в течение 14 и 15 января в общем уже не имеют наступательного характера и заключаются лишь в медленной и крпотливой подготовке атаки Сандепу, откладываемой со дня на день. Только 1-й сибирский корпус в течение 2 дней и 1 ночи ведет упорный бой за удержание Хегоутая. Генерал Штакельберг обнаруживает при этом чрезвычайно активный образ действий. Для удержания за собою Хегоутая он пытается взять прикрывающую это селение с юга группу деревень, называемых Сумапу, но все атаки наших войск, называемых Оку в своем рапорте «бешеными», не достигают цели: Сумапу остается в конце концов в руках японпев. Однако движение их вперед все же было остановлено. Да и генерал Церпинский, долго сдерживаемый главнокомандующим, переходит, наконец, 15 января со своим 10-м корпусом по собственной инициативе в наступление и овладевает деревнями Лабатай и Сяотайцзы, а 15-я дивизия берет Бейтайцзы. Занятие этих деревень создало для нас чрезвычайно выгодное положение по отношению к Сан-

депу, которое оказывалось разобщенным теперь с соседнею укрепленною позицией японцев у Лициатуня и охваченным нами с востока.

«В этот день, 15 января, — говорит полковник Черемисов, — японцы находились в таком же отчаянном положении, как и под Ляояном. Левое крыло их с переходом в наступление 10 корпуса было окружено и подавлено численно. Маршал Ойяма вполне сознавал свое критическое положение и возможность катастрофы на следующий день, в особенности, если войска генерала Гриппенберга будут поддержаны одним, двумя корпусами»[6].

Но в противоположность нашему вождю, легко отказывавшемуся от своих планов и активных действий не только при каждом решительном шаге противника, но и при одном слухе о нем, Ойяма не теряет мужества. Как и под Ляояном, опасность положения придает ему лишь смелость и дерзость отчаяния — и он приказывает армии Оку произвести общую контратаку.

Но уже неоднократно убедившись в стойкости русских войск, он ожидал, что и на этот раз атакующие колонны постигнет печальная участь. «Все они были готовы к тому, что будут уничтожены», — писал в своем донесении Ойяма, — и тем не менее он двинул их вперед, на гибель. Японские войска в течение ночи с 15 на 16 января произвели четыре сильнейших штурма Хегоутая, но все они с огромным для противника уроном были отбиты 1-м сибирским корпусом и 2-й стрелковой бригадой.

В то самое время, когда Ойяма отдавал приказ о последней, решительной контратаке наших позиций, генерал Гриппенберг делал последние распоряжения по овладению Сандепу, уже находившемуся в кольце расположения наших войск.

И вдруг, неожиданно для всех, получается приказание главнокомандующего: «войскам 2-й армии отойти на свои позиции в виду обнаруженного наступления значительных сил противника против нашей 3-й армии».

«Не знаю, — говорит генерального штаба капитан Суханов в своей книге[7], — откуда были получены эти сведения и как была

проверена их правдоподобность, но войскам центра, в котором пришлось быть и мне, об этом сосредоточении ничего не было известно; напротив, мы были уверены, что японцы оттянули из центра поддержки к своему левому флангу, на что указывала шаткость их на позициях центра: после нашего орудийного огня они в панике бежали с передовых позиций, наши войска готовились перейти в наступление, но оно не было разрешено».

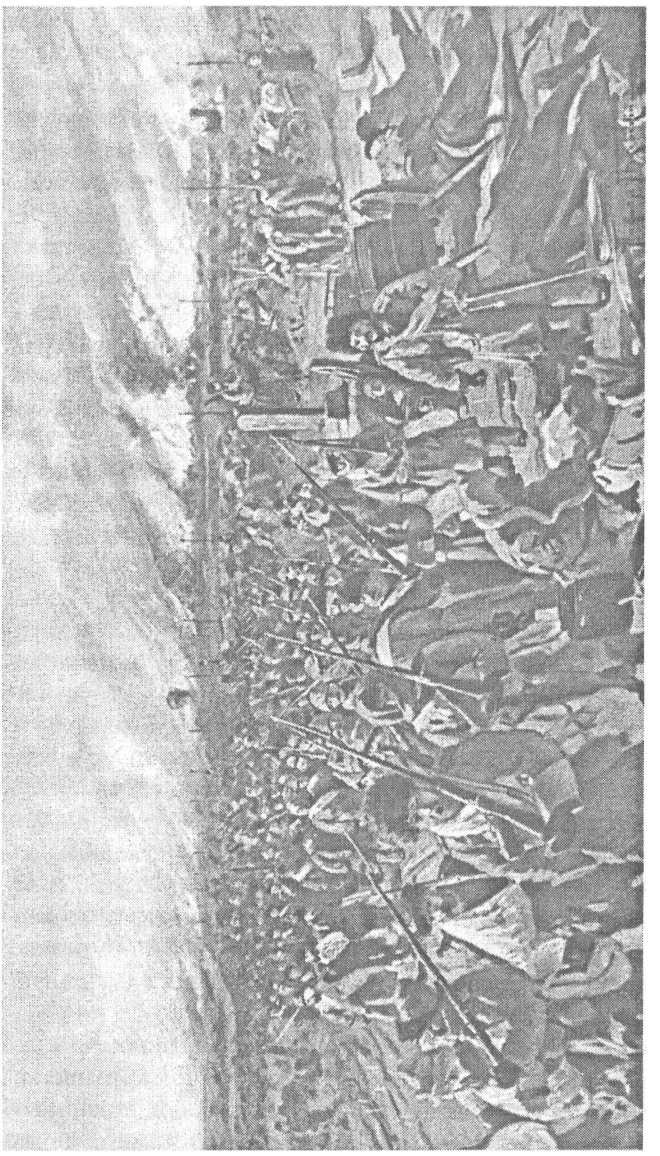
«Возможность наступления японцев, — по словам В. Новицкого, — настолько угнетала все мысли главнокомандующего, что в отдаваемых им в эти дни распоряжениях гораздо больше говорится о возможных действиях врага, о которых можно было только фантазировать, чем о наших действиях, представлявших собою уже вполне реальный фактор кровавой борьбы» (Сандепу. С. 53).

Так как и во 2-й армии никто не верил слухам о наступлении японцев, относя их всецело на счет всем ведомой впечатлительности главнокомандующего ко всему, что касалось действий неприятеля[8], генерал Гриппенберг пытался протествовать против его распоряжения об отступлении и отдал таковое по армии только после 4 телеграмм главнокомандующего об опасном положении 3-й армии и по 3-му его приказанию — отступить, с прибавлением слов: «немедленно отправить назад все учреждения, а войскам отступить в эту же ночь».

«Поздней ночью, со всевозможными предосторожностями, чтобы не подвергнуться преследованию неприятеля, — рассказывает Новицкий, участник этих событий, — части 1 сибирского, сводно-стрелкового и 8 корпусов, а также наша конница и Ляохейский отряд перешли на новые назначенные им места. Отступление затруднялось уборкой и перевозкой раненых, число которых в этот день было весьма значительно[9]. Стояла морозная темная ночь, и у всех, от корпусного командира до рядового, на душе было холодно и мрачно. Армия с болью в сердце покидала запорошенную снегом обширную равнину, так обильно смоченную ее кровью, так манившую своей ширью туда, на восток, где, казалось, лежала цель всех ее страстных стремлений к победе»[10].

Операция наступления была прервана. Начатая при весьма благоприятной обстановке — численном перевесе нашем над противником и неожиданности для него нашего перехода в наступление, — веденная не вполне искусно, но близкая уже к победе доблестными действиями войск, она

ЯПОНСКОЕ МОРЕ
ЖЕЛТОЕ МОРЕ

Отступление от Мукдена
худ. А. В. Маковский

ничего не дала в конечном своем результате, кроме нового глубокого разочарования армии в способностях вождей, если не дать ей победу, то, по крайней мере, не вырывать ее у ней. Генерал Куропаткин главной причиной нашей неудачи считает «пренебрежение к серьезной подготовке штурма Сандепу, свидетельствующее как бы о недостатке должного и вполне заслуженного нашим противником уважения к нему». Но все остальные писатели, отмечая недостатки управления боем со стороны генерала Гриппенберга, единодушно винят в неудаче январского наступления самого генерала Куропаткина, страдавшего излишком «уважения» к врагу и потому слишком чуткого и впечатлительного к слухам о нем. Умом понимая необходимость перехода в наступление, он духом своим тяготел к обороне, к пассивному образу действия. Потому-то все его распоряжения и в эти дни были так двойственны и так неискренни, что дали повод заподозрить его в том, что он «искал благовидного предлога» для приостановки наступления[11]. И так как слух о наступлении японцев против нашего центра, явившийся обоснованием приказа главнокомандующего отступать, ничем не подтвердился и вздорность его выяснилась на другой же день, 16 января, то нам понятно возмущение генерала Гриппенберга таким нелепым и насильственным концом 4-дневных кровавых усилий его армии. Возмущение это приобрело особую остроту и приняло личный характер, когда в 5 часов утра 16 января, тотчас же по отходе войск от Хегоутая и Сандепу, получилось письмо главнокомандующего, быть может, даже заготовленное накануне, в котором за неудачу операции обвинялись войска — в медленности действий, а шесть старших начальников — в разных упущениях и в неисполнении разных его, главнокомандующего, указаний.

В этих несправедливых и жестоких обвинениях так ярко сказалось отсутствие у генерала Куропаткина критического отношения к собственным своим действиям, такая вера в свою непогрешимость и такая склонность во всех неудачах винить всех других, что генерал Гриппенберг признал

дальнейшую деятельность свою совместно с генералом Куропаткиным совершенно невозможною. В то же утро он обратился в Петербург по телеграфу с просьбой об отчислении его от должности командующего 2-й Маньчжурской армией и, получив приказание немедленно прибыть в Петербург, покинул армию[12].

Вслед за генералом Гриппенбергом вынужден был покинуть армию и генерал барон Штакельберг, отчисленный от командования 1-м сибирским корпусом, по выражению главнокомандующего, «за вредные для дела действия», которые ныне всеми иностранными и русскими военными писателями о минувшей войне признаются блестящими и обнаруживающими на этот раз в печальном герое Вафангоу верное понимание военного дела и правильные приемы в решении боевых задач. Война послужила, очевидно, для этого генерала хорошей школой, но когда он в ней выучился и закалился, то оказался вредным для пассивной стратегии генерала Куропаткина[13].

Временно армия наша лишилась и третьего генерала, имя которого было самым обаятельным на войне, — Мищенко. Деятельно содействуя со своим конным отрядом наступлению 2-й армии, он врезывается глубоко в расположение противника, отбрасывает японцев к Ландулгоу и здесь 14 января, налетает на сильные резервы армии Оку и останавливает их движение к атакуемому Штакельбергом Сумапу. Завязывается горячий бой, в котором Мищенко, лично ободрявший цепь спешенных казаков, получает тяжелую рану в ногу. Конный отряд лишается своего славного начальника и в последующем Мукденском сражении уже не играет той активной роли, какая требовалась от него в эти страдные для нашей армии дни.

* * *

Отведя войска 2-й Маньчжурской армии от Хегоутая и Сандепу, генерл Куропаткин не отказался, однако, от мысли осуществить задуманное наступление.

Согласно с мнениями всех командующих армиями, и на этот раз наступление должно было совершиться по тому же плану, по которому мы действовали в сентябре на Шахе и в январе под Сандепу. Первоначальною целью наступления опять ставилось оттеснение японских армий за реку Тайцзыхэ с нанесением им возможного поражения. Первоначальным предметом для действий опять избрана была левофланговая армия Оку. Способом действий опять намечался охват левого фланга названной армии.

Начать наступление должна была опять 2-я армия и опять атакой Сандепу. Определение первого дня наступления Куропаткин предоставил Каульбарсу. Первоначально оно было назначено на 10 февраля, но затем, «вследствие утомления войск 2-й армии от усиленных работ по укреплению позиции», согласно ходатайству генерала Каульбарса, отложено было на два дня.

К этому времени наши армии были расположены: *на правом фланге* по линии Сыфонтай—Чжаньтань—Холянтай, протяжением в 23 версты, — 2-я армия (1-й сибирский, 8-й и 10-й армейские и сводно-стрелковый корпуса, бригада 3 сибирского корпуса и сводная бригада 5 сибирского корпуса), силою в 126 батальонов, т. е. 75–85 тыс. штыков; *в центре*, по линии Холянтай—Линшенпу—Сахепу—Шанланцза, протяжением в 16 верст, — 3-я армия (5-й сибирский корпус, без одной бригады; 17-й армейский корпус и одна дивизия 6 сибирского корпуса), силою в 72 батальона, т. е. 45–53 тыс. штыков, и *на левом фланге* по линии 46 верст — Шанланцза—Люцзянтунь—Эрдагоу—Лиученгутунь и далее по правому берегу Шахе до Гаутулинского перевала — 1-я армия (1-й армейский корпус, без одного полка; 4-й, 2-й и 3-й сибирские корпуса, последний без одной бригады; 71-я пехотная дивизия, отдельная сибирская резервная, бригада и 2 забайкальских пеших батальона), силою в 128 батальонов, т. е. 75–85 тыс. штыков. Отдельные отряды 1-й армии стояли у Ценхечена и Синцзинтина, охраняя фланг. В стратегическом резерве оставались 16-й армейский корпус (в окрестностях Угольного разъезда), 72-я пехотная дивизия (за правыми флангами 3-й и 1-й армий у сел Тасудяпу и Юсантунь) и 146-й пехотный Царицынский полк (за правым флангом 1-й армии, у села Хуавьшань), всего 44 батальона, т. е. 26–30 тыс. штыков.

Вследствие тревожных донесений командира Отдельного кор-

пуса Заамурского округа пограничной стражи генерала Чижова, в конце января 1905 г. о том, что в Монголии преимущественно против участка ж. д. Гунжулинъ—Куанчендзы появились значительные скопища хунхузов и отряды японской конницы с артиллерией, угрожающие нашему единственному железнодорожному пути, главнокомандующий для охраны его двинул в тыл бригаду 41-й пехотной дивизии и всю Донскую казачью дивизию и, кроме того, предоставил в распоряжение начальника тыла армии генерала Нядарова 15 тыс. запасных нижних чинов из числа следовавших на укомплектование армии 80 тыс. человек[14].

Вместе с тем для усиления войск Приморской области и гарнизона Владивостока, относительно которых после падения Порт-Артура опасения усилились, направлена была туда из 1-й армии сводная бригада (6 батальонов).

В итоге мы имели под Мукденом к началу февраля 370 батальонов пехоты, 142 эскадронов и сотен кавалерии, 1100 полевых и горных орудий, 200 осадных орудий и 88 пулеметов, всего 220–250 тыс. штыков. Японцы имели против нас 263 батальона, 66 эскадронов, 900 полевых и горных орудий, 170 осадных орудий и около 300 пулеметов, всего 300–350 тыс. штыков. Силы эти распределялись так: против нашего правого фланга стояли армии Оку и Ноги (106 тыс.); против центра — Нодзу (60 тыс.); против левого фланга — армии Куроки и Кавамуры (92 тыс.); в стратегическом резерве у Ойямы было 33 тыс. штыков.

Днем перехода нашей армии в наступление избрано было, как уже сказано выше, 12 февраля. Японцам это стало известно, и они, как всегда, поспешили захватить инициативу действий в свои руки. 8 февраля они первыми перешли в наступление, избрав первоначальным предметом своих действий 1-ю армию.

Вначале это наступление не отличалось особой энергичностью. Но уже 11 февраля японцы сосредоточивают против 3-го и 2-го сибирских корпусов и Цинхеченского отряда значительные силы, вынуждают последний к отступлению и угрожают обходом левого фланга Гаотулинской позиции. Их атаки становятся все яростнее и настойчивее. Для противодействия им «с целью не только остановить противника, но и развить активные действия» главнокомандующий

перебрасывает с правого фланга на левый на поддержку 1-й армии 1-й сибирский корпус и часть своего стратегического резерва, всего 64 батальона. С прибытием этих подкреплений наступление армии Куроки и Кавамуры было остановлено. Ценою потерь до 40 тыс. человек японцам удалось за это время, с 8 по 19-е февраля, оттеснить лишь наш Цинхеченский отряд[15] и завладеть Далинским перевалом. Перевал этот, лежащий на пути к Фушуну и Мукдену, имел для них важное стратегическое значение, но японцы были уже обессилены и продвинуться вперед не могли. Все их атаки не только на крайний левый фланг нашей 1-й армии, но и против ее центра были отбиты. Не помогла им и осадная артиллерия, бросавшая ежедневно по 3000 снарядов на наши позиции. Отбив шестнадцатую атаку, войска 1-го армейского корпуса сами перешли в наступление и гнали японцев до главных их позиций. К 20 февраля японцы прекратили всякие активные действия против нашего правого фланга, вследствие чего 1-й сибирский корпус был возвращен на левый фланг, в свою 2-ю армию. В 1-й армии царило такое бодрое, приподнятое успехами настроение, что, считаясь с ним, генерал Линевич просил у главнокомандующего разрешения перейти со всею армией в наступление. Переход этот не состоялся, по признанию генерала Куропаткина, «вследствие преувеличенных донесений о силах противника».

Неудача, постигшая японцев на нашем левом фланге, заставила Ояму перенести центр тяжести своих действий против нашего правого фланга.

Здесь в первые дни февраля, пока 1-я армия отражала наступление японцев, дело ограничивалось перестрелкой и частными переходами в наступление отдельных частей. По бессвязности и разрозненности действий они успеха не имели. Так, например, в ночь на 13 февраля войска 17 корпуса взяли с боя ж. д. мост на Шахе, но удержать его не смогли, так как не были поддержаны соседними частями; 14 февраля части 2-й армии атаковали предместье Сандепу, взяли его, но за собою не удержали по той же причине. От об-

щего же наступления 2-й армии, лежавшего в основе плана операции, отказались сразу же, как и в дни сентябрьского наступления. И инициативой действий снова завладел Ойяма, который, меняя свободно центры тяжести своих ударов, заставляет теперь наши корпуса метаться с одного атакованного фланга на другой.

Сведения о сборе против 2-й армии за Сандепу у Сяобейхэ значительных неприятельских сил (предполагалось — армии Ноги) обязывали генерала Каульбарса быть особо бдительным и сильным на правом фланге расположения своей армии — на сильно укрепленной Сыфонтайской позиции. Но 13 февраля он очищает эту позицию и уводит занимавшие ее полки частью в армейский резерв, частью на левый берег реки Хунхэ, а частью на правый. Вместо пехоты эта позиция занимается конницей, что ослабляет нашу разведку. Таким образом, в то время когда японцы начали движение с левого берега на правый к селу Калама, в обход нашего правого фланга, наша 2-я армия начала обратное движение с правого на левый берег.

Первое донесение о появлении значительных колонн Японской пехоты на левом берегу Ляохэ было получено 15 февраля; в то же время стали получаться сведения о движении японцев и по правому берегу Ляохэ, а также о появлении их отрядов в Синминтине.

Требовалось принять быстрые меры для встречи обходящих японских войск на пути их к Мукдену. Генерал Куропаткин 15 же февраля приказал генералу Каульбарсу принять немедленные меры к точному определению сил противника у Калама, намерений его и направления движения. 18 февраля он повторил это приказание и предложил барону Каульбарсу составить предположение о наилучшем способе действий. Наконец, утром 20 февраля главнокомандующий в третий раз просил Каульбарса выяснить, где находится левый фланг армии Ноги.

«Ни одно из этих приказаний, — заявляет ныне генерал Куропаткин, — выполнено не было, в результате чего главнокомандующему приходилось основывать свои решения

на недостаточных и неверных сведениях о силах и расположении японцев, действовавших на правом берегу реки Хунхэ».

Вместе с тем генерал Каульбарс «ни 14, ни 15, ни 16 февраля не представил своих соображений о том, какой план действий он предполагал бы принять для лучшего обеспечения правого фланга всех трех армий от обхода войсками армии Ноги».

Сбор достаточных сил для отражения этого обхода требовал нескольких дней, почему было важно выставить, не теряя времени, к западу от Мукдена сильные заслоны, приостановить наступательное движение передовых частей противника и уже под прикрытием этих заслонов произвести сбор сил, необходимых для перехода в наступление. Главнокомандующий предполагал возможным, опираясь на позиции 3-й армии, с отводом правого ее фланга на линию Линьшинпу-Шоуялинцза, оставить для обороны участка (между 3-й армией и рекой Хунхэ и участка на правом ее берегу) против частей армии Оку всего 48 батальонов; остальные же 48 батальонов 2-й армии перевести на правый берег и, подкрепив их 24 батальонами 16 корпуса и 32 батальонами, собранными из 3-й и 1-й армий, двинуть для действий против армии Ноги.

Командование войсками, собиравшимися на правом берегу Хунхэ, было поручено генералу Каульбарсу, причем ему несколько раз было указано на особую важность быстрых и энергичных действий против обходящих войск, угрожавших Мукдену и нашему единственному пути сообщения.

Вместо этого генерал Каульбарс 16 февраля производил в непосредственной близости противника сложный и странный маневр: сводному стрелковому корпусу он приказывает перейти с правого берега реки Хунхэ на левый, а 8-му корпусу — с левого на правый. Маневр этот был выполнен только в одной части: стрелковые полки ушли с правого берега на левый, очистив важный участок фронта 2-й армии — Чжантань—Чандионь, а 8-й корпус на правый берег

не попал. Японцы воспользовались этим и быстрым движением вперед, вдоль правого берега реки Хунхэ оттеснили наши относительно слабые части, оставшиеся на правом берегу.

Затем генерал Каульбарс приостановил уже начатое движение сводной дивизии генерал-майором Голембатовского, высланной к Салинпу как заслон, и этим лишил возможности уже 17 февраля, собрав у этого пункта 48 батальонов, остановить голову японских колонн. Наконец, 5-я стрелковая бригада генерал-майора Чурина, двинутая по приказанию главнокомандующего для действий против армии Ноги, распоряжением же генерала Каульбарса 18 февраля была приостановлена в долине Хунхэ, на правом берегу, и не попала в состав войск, действовавших против армии Оку.

Все эти распоряжения генерала Каульбарса ввиду начавшегося наступления японцев на правый фланг 2-й армии — оставление с. Сыфонтай, увод войск с правого берега Хунхэ, смена втянувшихся уже в бой корпусов и задержка уже следовавших к Мукдену войск, — по словам генерала Куропаткина, не только открыли японцам возможность свободно продвигаться вдоль правого берега реки Хунхэ, но и замедлили поход к угрожаемому фронту подкреплений из 2-й армии.

Утром 17 февраля генерал Каульбарс передает большую часть конницы, предназначенной действовать против обходной армии Ноги, под начальство генерала фон-дер-Лауница для действий против армии Оку. Вследствие этого распоряжения наша конница была разбита на две группы, и против обходящих колонн армии Ноги оставался только генерал-майор Греков с 20 сотнями и эскадронами; но и он в тот же день без видимой причины бросает наблюдение за головами колонн Ноги и, никем не теснимый, быстро уходит от Салинпу за дорогу из Синминтина в Мукден. Вследствие этого сбор наших сил у Салинпу конницей не прикрывался, и генерал Топорнин, ведший 19 же числа атаку этого пункта, действовал «в темную». Тем не менее он

действовал успешно и 18 утром удачно продолжал начатую накануне атаку на Салинпу.

Но 18 утром в отряд Топорнина прибыл генерал Каульбарс и, «ввиду обозначившегося обхода правого фланга наших войск, без какого-либо давления со стороны противника, приказал отступать к западным мукденским укреплениям, где войска и расположились, не заняв, вопреки полученным указаниям, ни насыпи старой железной дороги, ни укрепленной позиции западнее села Линминсанза».

Отдавая генералу Топорнину приказание об отступлении, генерал Каульбарс вместе с тем не принял мер, чтобы установить и поддерживать связь с бригадой 41-й дивизии генерала Биргера, выдвинутой к селу Каулитунь на Синминтинской дороге для противодействия глубокому обходу противника вдоль реки Ляохэ. Между тем отступление наших войск от Салинпу ставило эту бригаду в тяжелое положение. Противник быстро надвигался, охватывая западный наш фронт, и уже 18 февраля, перейдя частью сил большую Синминтинскую дорогу, стал угрожать Мукдену с севера. Возвращавшаяся от Каолитуня бригада эта после неупорного боя отошла к станции Хушитай.

«Отход прямо к Мукдену, — говорит генерал Куропаткин, — ставил наши войска в очень невыгодное положение, давая возможность японцам, продолжая обход, делать его все более глубоким и опасным». Но генерал Куропаткин признает вместе с тем, что все же к полудню 19 февраля мы располагали достаточными силами для перехода на правом берегу Хунхэ в решительное наступление.

Поэтому, прибыв в Мукден 18 февраля, он подтвердил генералу Каульбарсу необходимость не терять ни одного дня и 19 февраля атаковать противника. Но и этого приказания командующщий 2-й армией не исполнил, ссылаясь на неприбытие еще на правый берег частей 2-й армии. Между тем в его распоряжении было 119 батальонов, и если он бездействовал с ними, то, вероятно, только потому, что «не знал, где расположены вверенные его командованию войска».

Бездействие 2-й армии следует понимать, однако, только в смысле непроявления активности. В смысле же пассивности части 2-й армии продолжали действовать по-прежнему.

Так, в ночь на 19 февраля части 2-й армии очистили важное село Сухудяпу, а генерал Иванов в то же время без боя отвел войска своей 15-й дивизии с порученной ему для обороны позиции между Хунхэ и правым флангом 3-й армии, который, таким образом, был обнажен. Остававшиеся же на правом берегу части этой армии (бригада 5-го сибирского корпуса и 9 сотен конницы) близ села Тунчензы перешли на левый берег.

В течение потерянного нами для наступательных действий дня 19 февраля армия Ноги продолжала свой становившийся глубоким и для нас опасным обход. Поэтому главнокомандующий вновь приказал генералу Каульбарсу 20 числа атаковать левый фланг противника, сосредоточив для сего достаточные силы. Для этой цели был образован особый отряд силой в 49 батальонов под начальством командира 1-го сибирского корпуса генерала Гернгросса[16]. Но сосредоточение этого отряда совершалось крайне медленно, и только около 2 часов дня он двинулся с линии Сахедза—Хоуха. Японцы и на этот раз не дождались нашего перехода в наступление, и пока отряд генерала Гернгросса медленно собирался, они сами атаковали левый фланг 2-й армии и правый фланг 3-й, чтобы, разобщив их, прорваться к переправам на Хунхэ и к железной дороге.

«Обеспокоенный, — по выражению генерала Куропаткина, — преувеличенными донесениями генерала Церпицкого об упорных атаках японцев» и полагая, что главная опасность угрожает ему с запада от Оку, генерал Каульбарс не только приостановил наступление отряда генерала Гернгросса до выяснения результатов боя на левом фланге 2-й армии, но и ослабил этот отряд на 16 батальонов, высланных к левому флангу армии. Таким образом, имея 20 февраля в своем распоряжении на правом берегу Хунхэ 113 батальонов, генерал Каульбарс «опять бездействовал».

21 февраля у генерала Каульбарса было 116 батальонов, но и в этот день он «почти бездействовал». Правда, ввиду требования главнокомандующим энергичных действий, наступление нашим правым флангом продолжалось; но веденное еще с меньшими, чем накануне, силами (33 батальона), притом крайне неэнергично и разрозненно, оно было остановлено упорным сопротивлением японцев у села Люцзяхуань. Не введя в бой всех войск отряда генерала Гернгросса, командующий 2-й армией остановил наступление и приказал перейти к обороне.

В результате, несмотря на значительность сил 2-й армии и прибывшие к ней подкрепления в составе 50 батальонов, мы за три самых важных дня, 19, 20 и 21 февраля, продвинулись вперед нашим правым флангом только на несколько верст и остановились, перейдя и на западном фронте к обороне. В частности, уже 21 февраля в составе войск, действовавших против армии Ноги, не было ни одного батальона из 2-й армии, а между тем их должно было действовать 40 (16 батальонов дивизии Голембатовскаго, 16 батальонов отряда генерала Топорнина и 8 батальонов бригады Чурина). Все 96 батальонов 2-й армии 21 февраля были расположены для обороны против войск армии Оку.

«Такое распределение войск, — говорит генерал Куропаткин, — совершенно не соответствовавшее обстановке и поставленной генералу Каульбарсу задаче — остановить армию Ноги, составляет одну из главных причин неудачи действий наших войск под Мукденом».

Начиная с 20 февраля, японцы произвели ряд атак на наши позиции западного и северного фронта. На левом фланге западного фронта все атаки их всюду были отбиты войсками генералов Церпицкого и Гершельмана, силою в 49 батальонов, а в центре этого фронта неприятель имел частичный успех, заставив 22 февраля части 25-й дивизии на время отступить из деревни Юхуантунь. Но на северном фронте, наиболее опасном для нас, японцы достигли серьезных успехов, овладев 22 и 23 февраля целым рядом деревень (Цуанванче, Цаохатунь, Паодяотунь, Падя-

за и Тхентунь). Отсюда противник неоднократно атаковал наш северный отряд генерала Лауница (25 батальонов), занимавший села Тахентунь—Сантайцзы—Кунцзянтунь. В то же время японские колонны продвигались все глубже на север, и 22 февраля их передовые части показались уже в 10 верстах от станции Хушитай. Для противодействия этому движению главнокомандующий направил к селу Цуэртунь отряд полковника Борисова из 6 батальонов.

Чтобы обеспечить отход армии к Телину, на случай если бы не удалось отбросить армию Ноги, главнокомандующий вечером 22 февраля отдал приказание 1-й и 3-й армиям, занимавшим слишком выдвинутое положение, отойти ночью на наши укрепленные позиции южнее Мукдена — у Фулина и Фушуна.

> «С болью и злобою в сердце, — пишет участник этого отступления, — ваши войска очищали позиции, которые они своей кровью отстояли от яростного напора японцев, о чем свидетельствовали груды неприятельских трупов, валявшихся пред окопами. Вместо с нетерпением ожидаемого перехода в наступление — опять отступление! Японцы, кажется, не верили в свое счастье, так нерешительно следовали они за отступающими»[17].

Потерпев неудачу в своих попытках остановить обходившую наш правый фланг армию Ноги первоначально на линии Салинпу — старая насыпь железной дороги, а затем по линии большой Синминтинской дороги, главнокомандующий решил еще раз попытаться остановить этот обход на линии Кусатунь — Цуэртунь, а при благоприятных условиях и перейти в наступление с этой линии.

Для этой цели 24 февраля мы располагали отрядами полковника Борисова (6 батальонов), занявшего села Тунчанцза, Кусатунь и Сеситунь, генерал-майора Артамонова (9 батальонов) у села Цуэртунь и генерал-лейтенанта Гершельмана (14 батальонов), взятого из резерва 2-й армии и направленного к селу Цуэртунь всего 29 батальонами.

Общее командование этими силами было поручено командиру 8 корпуса генерал-лейтенанту Мылову, которому главнокомандующий указал 24 февраля совместно с вой-

сками генерала Лауница атаковать село Тхеинтунь. Атака эта велась, однако, разрозненно, без тщательной разведки и соглашения с генералом Лауницем и успеха не имела. К тому же сильная буря, поднявшая тучи песку, затрудняла действия войск. Японцы, утвердившись в селе Тхеинтунь и отчасти в селе Сантайцзы, продолжали наступление на северо-восток.

Таким образом, и 24 числа противник не был отброшен с наиболее угрожавшего нам направления. Между тем вечером того же дня получено было донесение о походе еще утром противника к реке Хунхэ, преимущественно против участка Фулинъ — Сяофаншинъ, занятого слабыми частями 1-й армии, 4-го и 2-го сибирских корпусов.

Считая положение опасным и полагая, что «при дальнейшем промедлении отходом к Телину несколько наших корпусов, наиболее выдвинутых к югу и юго-западу, будут отрезаны». Главнокомандующий вечером того же 24 числа приказал в ночь на 25 февраля начать отступление к Телину[18].

В этот же роковой день, 24 февраля, японцы прорвали около села Шуйан расположение нашей 1-й армии, отбросив от этого пункта части 4-го сибирского корпуса. Командир соседнего, 2-го сибирского корпуса, генерал Засулич отнесся к этому прорыву пассивно и, продолжая занимать позицию на реке Хунхе у села Сяофаншинъ, только загнул свой правый фланг. Противник же распространился по долине Сесышуа-Хушинпу, и сделанная ночью попытка выбить его из последнего селения успеха не имела.

За ночь с 24 на 25 февраля положение наше еще более ухудшилось: на правом фланге японцы отбросили отряд полковника Борисова к селу Сяогоуза, а против Сантсейцзы ворвались в рощу императорских могил; на востоке значительные отряды японцев появились в виду Мандаринской дороги, назначенной служить путем отступления 3-й армии. Один из прорвавшихся сюда японских отрядов с высот у села Синдягоу открыл даже артиллерийский огонь по этой дороге у села Тава.

Между тем отданное еще 20 февраля приказание об отводе обозов своевременно не было исполнено, и теперь часть обозов 2-й и 3-й армий, вытянувшись из-под Мукдена лишь в ночь на 25 февраля, задержала отход 5-го и 6-го сибирских и 17-го армейского корпусов. Прорвавшиеся у Щузана японцы с утра 25 числа начали сильно теснить левый фланг войск генерала Мейендорфа (1-й армейский корпус). Высылаемые на подкрепление войска действовали разрозненно и были оттеснены на северо-запад. К 10 часам утра войска генерала Мейендорфа находились в полном отступлении и не на северо-восток, а на северо-запад к Мандаринской дороге, которую и перешли между селами Тава и Пухе. Части 6-го сибирского корпуса начали отступать преждевременно и этим обнажили правый фланг 1-го армейского и левый фланг 17-го армейского корпусов. Вместо фронта на юг им пришлось занять позиции фронтом на юго-восток. После горячего боя эти части, силою до 30 батальонов, также были вынуждены преждевременно отступить и отошли не к селу Тава, а к западу от Мандаринской дороги, южнее его. Этим отходом японцам был открытъ доступ к Мандаринской и далее к железной дороге на участке между Мукденом и Унгентунем. Выдвинувшись на этот участок около 2 часов пополудни, когда не только арьергарды, но и хвосты главных сил 2-й армии еще не прошли село Вазые, японцы взяли во фланг наши войска, вследствие чего мы оставили и село Сантайцзы, быстро занятое японцами. Тогда между селами Вазые и Сантайцзы образовалось дефиле шириною менее чем в четыре версты, через которое и должны были пробиваться части 2-й и 3-й армий, поражаемые с двух сторон[19]. Некоторые части (отряды генералов Ганьенфельда и Соллогуба), пытавшиеся пробиться восточнее этого дефиле, погибли или были взяты в плен.

К 10 часам утра расстояние между японскими войсками, действовавшими к западу от железной дороги (Тунчанцза–Тхенитунь) и прорвавшимися к Мандаринской дороге с востока (Синдягоу), составляло всего 10 верст.

Необходимо было не допустить дальнейшего сжатия района отступления 2-й армии, остановив наступление противника к железной дороге с запада и особенно с северо-запада.

Для этого главнокомандующий выдвинул из своего резерва два отряда: 18 батальонов под начальством генерала Зарубаева и 10 батальонов 72-й пехотной дивизии. Первый отряд надежно прикрыл железную дорогу между станциями Хушитай и Сантайцзы, а второй остановил наступление противника и поддержал правый фланг отряда генерала Артамонова. Организация обороны Мандаринской дороги у села Тава возложена была главнокомандующим на генерала Дембовского. Продержавшись здесь с утра до 4 часов пополудни, генерал Дембовский очистил позицию и вынужден был уклониться к западу от нее. С наступлением темноты бой стих.

Ночью войска продолжали отступление под прикрытием арьергарда генерал-лейтенанта Мылова и отряда генерала Зарубаева и 26 февраля начали занимать позицию в 12 верстах южнее Телина на реке Фанхэ.

28 февраля передовые части противника подошли к этой позиции и 1 марта ее атаковали, но были отбиты с большим уроном.

Двухнедельные бои сильно расстроили многие части войск, особенно 2-й и 3-й армий. Надо было собрать массу отделившихся от своих частей нижних чинов, надо было разобраться в обозах и парках, часть которых ушла за Телин, надо было пополнить боевые запасы, а для этого необходимо было выиграть пространство между нами и японцами. Эти причины и обнаруженный нашей конницей обход противником по правому берегу Ляохэ (на Факумынъ) правого фланга наших армий заставили главнокомандующего отказаться от принятия боя у Телина, и 1 марта он отдал приказ об отступлеии всех армий на Сыпингайские позиции.

Во время всех этих боев, длившихся безпрерывно две недели, мы потеряли убитыми, ранеными и без ве-

сти пропавшими: генералов, офицеров и чиновников — 2 165 и нижних чинов — 89 300. Кроме того, мы потеряли 34 орудия, главным образом при отступлении, вследствие паники, скопления обозов на переправах и переездах.

Мы изложили здесь события грандиозной по своим размерам битвы по труду генерала Куропаткина, поскольку он стал уже достоянием гласности, чтобы иметь возможность привести его суждения о причинах этой новой нашей неудачи.

Таковыми он считает:

1) вероятное превосходство сил противника;

2) слишком позднее обнаружение нашей конницей обхода противником нашего правого фланга, когда «значительные колонны японской пехоты появились уже у села Калама, на одной высоте с правым флангом наших позиций»;

3) совершенно недостаточную энергию командующего 2-й армией в деле отражения обходившей нас армии Ноги, вследствие чего мы потеряли семь наиболее важных дней, с 16 по 25 февраля;

4) совершенно недостаточную осведомленность командующего 2-й армией о силах и расположении противника, обходившего правый фланг 2-й нашей армии, вследствие чего некоторые распоряжения главнокомандующего являлись излишними или ошибочными;

5) непринятие командующим 2-й армией при полной к тому возможности должных мер к восстановлению нарушенной большим перемешиванием войск корпусной, дивизионной и бригадной организации и необразование им резерва из 10 армейского корпуса, чем восстанавливалась бы организация других корпусов и к чему 23 февраля была полная возможность;

6) отставление им же 19 февраля от командования своими корпусами генералов Мылова (8-м), Топорнина (16-м) и Кутневича (сводным стрелковым), без замены их другими лицами, вследствие чего бездействовали и штабы этих корпусов;

7) отмена им атаки отрядом генерала Лауница 25 февраля деревни Тхенитунь, облегчавшей отступление армии, без доведения о том до сведения главнокомандующего;

8) совершенное непонимание им обстановки, что видно из того, что, теряя время, растягиваясь кордоном, действуя только оборонительно, он, видимо, не признавал опасным появление армии Ноги севернее Мукдена и обход ею наших позиций;

9) недостаточную 25 февраля энергию начальствующих лиц

3-й армии в преодолении препятствий на путях отступления ее частей и пассивное отношение их к выходу японцев к Мандаринской дороге, выразившееся в том, что вместо атаки противника колонны 3-й армии уклонились к западу на пути отступления 2-й армии;

10) неисполнение начальством 2-й и 3-й армий отданного главнокомандующим еще за несколько дней до начала отступления приказания об отводе в тыл к северу обозов, очутившихся впоследствии чуть не в боевой линии, что и вызвало потерю нами значительного числа орудий, зарядных ящиков и повозок;

11) недостаточную энергию начальника 2-й сибирской пехотной дивизии и командира 2-го сибирского армейского корпуса (генерала Засулича) в воспрепятствовании как прорыву противника у Юузана, так и к дальнейшему распространению его частей на север от Мандаринской дороги.

Впрочем, главным виновником Мукденской неудачи генерал Куропаткин называет в своем отчете самого себя по следующим основаниям:

1) он не проявил должной настойчивости в сборе перед началом операции возможно большего стратегического резерва;

2) он оказал излишнее доверие донесениям генерала Чичагова о сборе значительных отрядов японской конницы и хунхузов для нападения в тылу у нас на железную дорогу, для которой он ослабил себя ко времени решительного боя на бригаду пехоты и казачью дивизию;

3) он недостаточно энергично боролся против перемешивания частей войск и по ходу боя вынужден был подчас сам способствовать такому перемешиванию;

4) убедясь в пассивности и малой энергии командующего 2-й армией, он не принял на себя лично командование войсками на правом берегу Хунхэ и таким образом не обратился в командующего армией; в другом случае он не обратил себя в корпусного командира и, наконец,

5) он не взвесил должным образом относительного настроения наших и японских войск и качества начальствующих лиц, вследствие чего упорствовал в надежде победить японцев: несмотря на неудачные действия 17–31 февраля войск 2-й армии, он, главнокомандующий, отдал приказ об отступлении позже, чем то следовало сделать; вера в победу войск 2-й армии под Мукденом должна была исчезнуть у него днем раньше — и тогда отступление армии могло совершиться в полном порядке.

Несмотря на все кажущееся беспристрастие этих само-

обличений генерала Куропаткина, все же ясно стремление его главную ответственность за неудачу возложить на генерала Каульбарса.

> «Но не из злой же воли, — говорит генерального штаба полковник Шеманский в своем разборе мукденской операции, — генерал Каульбарс упустил и не исполнил части поручений: очистил село Сыфонтай, увел войска с южного берега Хунхэ, затеял «шассе круазе» (как выразился генерал Куропаткин) войск сменою их, замедлил высылку 48 батальонов в резерв, отменил 18 атаку Салинпу с отводом Топорнина ближе к Мукдену... Навьючивать на человека явно не шибких способностей и энергии без числа поручения — значит поступать неискусно», — говорит Шеманский, отмечая, что «всего вниманию генерала Каульбарса поручалось для весьма сложной, поспешной и кипучей деятельности дюжина отдельных частей, страшно разбросанных и плохо с ним связанных». — «Тут легко ждать промахов и странно им только удивляться. Взяться самому за организацию операции против японского обхода было бы проще»[20].

Мы полагаем, что основные причины неудачи и на этот раз были все те же: отказ от инициативы наступления, подчинение своих действий воле противника и забвение психологически верного суворовского правила: «Атакуй, с чем Бог послал...»

Примечания

[1] *Свечин Мих.*, генерального штаба капитан. Набег конного отряда генерал-адъютанта Мищенко на Инкоу. Изд. 1907 г. С. 70–71. — *Прим. авт.*

[2] Мы потеряли при этом штурме убитыми 4 офицера и 57 нижних чинов, ранеными, контуженными и без вести пропавшими 20 офицеров и 262 нижних чина. — *Прим. авт.*

[3] Генерал Куропаткин настаивал еще на том, чтобы, кроме вьючного обоза с двухдневным запасом, отрядом был взят с собою еще транспорт двуколок с двухдневным запасом для лошадей и четырехдневным для людей, и, сверх того, желал иметь на людях еще двухдневный запас людского и конского продовольствия. (См.: *Свечин Мих.* Набег на Инкоу... С. 17–19). — *Прим. авт.*

[4] *Новицкий В. Ф.* Сандепу. Стратегический очерк наступления 1-й Маньчжурской армии в январе 1905 г. Изд. В. К. Шнеура. С. 10. — *Прим. авт.*

[5] *Новицкий В. Ф.* Сандепу. С. 44–45. — *Прим. авт.*

[6] См.: *Новицкий В. Ф.* Русско-японская война 1904–1905 гг. 2-е изд. С. 25. — В своем донесении об этих боях Ойяма писал: «Утром 15 января русские обстреливали тыл японского центра. Сражение продолжалось целый день и всю ночь 15 января. Японцы повсюду были придавлены численностью русских...». — *Прим. авт.*

[7] *Суханов.* Краткий очерк операций на Шахе и под Мукденом. Ревель, 1906. С. 29–30. — *Прим. авт.*

[8] *Новицкий В. Ф.* Сандепу. С. 62. — *Прим. авт.*

[9] Общее количество потерь, понесенных 2-й армией во время боев 12–15 января, определяется в 12 000 человек убитыми, ранеными и без вести пропавшими. Много раненых замерзло, так как в эти дни стояли сильные морозы (18–20°) при резком ветре. — *Прим. авт.*

[10] *Новицкий В. Ф.* Сандепу. С. 63. — *Прим. авт.*

[11] *Новицкий В. Ф.* Сандепу. С. 65. — *Прим. авт.*

[12] В командование 2-й армией вступил генерал от кавалерии барон Каульбарс; командовавший 1-й армией временно принял генерал от кавалерии барон Бильдерлинг. Впоследствии, уже после Мукденского сражения, командующим ею был назначен генерал от инфантерии Батьянов. — *Прим. авт.*

[13] Командиром 5 сибирского корпуса назначен был генерал-лейтенант Гернгросс. — *Прим. авт.*

[14] 30 января японцы действительно напали на железную дорогу севернее станции Гунжулинъ и взорвали ж. д. мост. В тот же день близ монгольской границы отряд нашей пограничной стражи имел жаркое дело с значительными силами японцев и хунхузов. — *Прим. авт.*

[15] Первоначально им командовал генерал Алексеев. Последнего сменил генерал Ренненкампф. О деятельности его см. кн.: Ренненкампф, генерал-лейтенант — Мукденское сражение. 20-дневный бой моего отряда. СПб.: Изд. В. Березовского. 1908. — *Прим. авт.*

[16] 1-й сибирский корпус к этому дню только что прибыл с нашего левого фланга на правый, сделав 65-верстный переход. — *Прим. авт.*

[17] *Суханов.* Краткий очерк операций на Шахе и под Мукденом. С. 47. — *Прим. авт.*

[18] По свидетельству военного корреспондента итальянской газеты «Corriero della sera» при японской армии Луиджи Барцини, «японские армии были поражены неожиданным отступлением русских после продолжительной и геройской обороны. На некоторых пунктах боя было такое впечатление, что сражение безусловно потеряно» (японцами); «Ноги находился под Мукденом в том же положении, как Куроки под Ляояном». У японцев повсюду начинал чувствоваться упадок духа» («Японцы под Мукденом» / Пер. с итальян. Изд. В. Березовского). «По японским описаниям теперь выясняется, — го-

ворит Суханов, — что в этот день утомление японцев достигло высшей степени». — *Прим. авт.*

[19] 1-я армия, отделившаяся после прорыва японцев у Щузана от остальных армий, отступила в полном порядке. — *Прим. авт.*

[20] *Шеманский А. Д.* Мукденская операция русско-японской войны 1904–1905 гг. Военное сообщение, сделанное в собрании офицеров генерального штаба варшавского военного округа. — *Прим. авт.*

Глава десятая

ЦУСИМА — МИР

Потрясенное размерами «мукденского погрома», взволнованное слухами о панике, расстройстве и деморализации армии после этой новой неудачи, изверившееся в возможность добиться хоть одной победы в этой роковой для нас войне, русское общество снова очутилось на распутье своих судеб. Снова, как и после падения Порт-Артура, оно глухо волновалось, в душе своей решая роковой вопрос, что больше отвечает пользам и чести России? Продолжать ли бесславную войну, в которой наши катастрофы росли в своем размере и значении, как снежный ком, — или теперь же заключить бесславный мир, пока новое военное несчастие не даст нашему счастливому противнику право и возможность продиктовать его позорные условия. Но чаша горьких унижений, определенная судьбою, не была еще осушена до дна. Рок требовал от нас новой, страшной гекатомбы. Война продолжалась. Во главе маньчжурских армий был поставлен новый вождь: генерал от инфантерии Линевич, доблестное поведение армии которого в мукденских боях и порядливое отступление которой среди паники, хаоса и расстройства остальных двух армий одно служило нам хоть слабым утешением в несчастии[1]. Вторая тихоокеанская эскадра продолжала свой путь. И человеческое сердце, столь склонное к надежде, снова стало верить, что генерал Линевич есть именно тот вождь, который, «не мудрствуя

лукаво» сложными маневрами армий и верой в «стратегические линии», даст нам, наконец, победу одною лишь своею непреклонною волею, упорством в достижении ее и верой в силу духа армии. Казалось, что «история повторяется» — и снова методичного, но несчастного «Барклая» сменил «старик Кутузов». Передавали из уст в уста, как, объезжая армии, Линевич вызвал вперед георгиевских кавалеров и, сняв фуражку, поклонился им со словами: «Кланяется вам низко моя седая голова. Надеюсь, что, как и прежде, вы не покроете ее позором, что победим врага...» И вспоминали при этом слова Кутузова при объезде им нашей армии под Царевым-Займищем: «С такими молодцами отступать!.. Помилуй Бог!..»

Верили, что эскадра Рожественского, удивлявшая уже мир своим походом вокруг берегов Европы, Африки и Азии, удивит его и победой над непобедимым дотоле флотом адмирала Того и сокрушит его господство в Тихом океане. На ней, на этой эскадре, и сосредоточились после мукденского погрома, обессилившего нашу армию в Маньчжурии, все упования русского общества. Обольщенное газетной шумихой, поднятой некоторыми воинственными публицистами, непосвященное в порядки, царившие под шпилем нашего адмиралтейства, оно верило в эту «армаду», полагая, что эта «последняя ставка» в нашей столь затянувшейся и злополучной игре с Японией хорошо рассчитана и достаточно сильна.

Мысль об усилении нашего флота в Тихом океане возникла с началом войны. Хоть поздно, но естественно и властно ее поставили события — и в конце февраля 1904 г. приступили к ее осуществлению. В состав новой тихоокеанской эскадры были назначены 4 броненосца типа «Князь Суворов», броненосцы «Наварин», крейсеры «Адмирал Нахимов», «Олег», «Светлана», «Изумруд» и «Жемчуг» и несколько миноносцев. К ним должен был присоединиться возвращавшийся с Дальнего Востока «для капитального ремонта в Кронштадтском порте» отряд судов контр-адмирала Вирениуса: броненосец «Ослябя», крейсеры «Ав-

рора» и «Дмитрий Донской» с несколькими миноносцами. 12 апреля 1904 г. командовать этою эскадрою назначен был генерал-адъютант вице-адмирал З. П. Рожественский.

Герой русско-турецкой войны, он пользовался во флоте репутацией человека с тяжелым, но сильным характером, строгого, подчас даже грубого командира, но знающего свое дело, сурового, но справедливого исполнителя закона. Эти качества проложили ему путь к высокому посту начальника главного морского штаба. И теперь, когда возник вопрос об отправке 2-й тихоокеанской эскадры на Дальний Восток, всеобщее внимание остановилось на нем. Вспомнили его блестящий «показ» стрельбы учебного артиллерийского отряда судов Балтийского флота императору Вильгельму под Ревелем, накануне войны, и, как образцовому моряку-артиллеристу, вверили осуществление последней надежды России. Но и его недюжинной энергии, властной требовательности, близкого знания той административной машины, которая именуется главным морским штабом, и редкой честности оказалось недостаточно для того, чтобы преодолеть косность, рутину и «канцелярские порядки» в деле создания новой «армады».

Работы по достройке новых судов и подготовке к далекому и ответственному плаванию старых кораблей шли, однако, «далеко не в той мере, как это было бы возможно, — говорит Кладо, — если бы действительно с этим считали нужным торопиться».

«За семь месяцев, даже считая начало работ с 1 марта, можно было изготовить и броненосец "Слава" и переменить артиллерию на "Наварине", "Нахимове", "Александре II", "Николае I" и "Памяти Азова", привести в полную исправность "Адмирал Сенявин", "Адмирал Ушаков" и "Генерал-адмирал Апраксин" и приготовить значительное количество миноносцев, которые и так уже давно находились в постройке...»[2]

Слабость качественного и количественного состава снаряжаемой эскадры с самого начала возбуждала опасения многих за успех предприятия. Опасения эти усилились

после морских боев порт-артурской эскадры 28 июля и 1 августа, приведших ее к разрушению, и после сражения под Ляояном, отступление от которого, казалось, обрекало Порт-Артур на близкую гибель. Стали колебаться, отправлять ли уже вторую тихоокеанскую эскадру по ее назначению — и 30 августа 1904 г. в Петергофе состоялось по этому вопросу совещание. Если верить Кладо, то «огромное большинство» его участников высказалось против посылки эскадры, «но ее отстоял адмирал Рожественский, упорно восставший и в это время против всяких ее подкреплений»[3].

Мы, однако, склонны усомниться в утверждении этого последнего обстоятельства почтенным морякомпублицистом, явно не расположенным к адмиралу Рожественскому, в его характеристике и оценке его деятельности. Мы имеем основания думать, что адмиралу Рожественскому лучше других были известны недостатки снаряжавшейся им эскадры, органические недостатки всего нашего флота и всей постановки у нас военно-морского дела, вся трудность поставленной ему задачи и весь минимум возможностей успешного ее выполнения, и у нас нет никаких оснований полагать, что он не сознавал той ответственности, которую нес в качестве вождя этой эскадры. Мы не имеем, правда, документальных данных утверждать, что он не только не скрывал от тех, кому то ведать надлежало, всей рискованности предприятия, но молва настойчиво передавала, что он лишь подчинился приказу идти, «верный долгу никому не уступать чести быть первым в рядах людей, добровольно идущих к кровавому расчету»[4].

Во всяком случае же несомненно, что с пути он доносил с солдатской прямотою, что «надежды на успех он не имеет»[5].

Это было ясно для всех, даже иностранцев, и один из английских адмиралов за несколько дней до цусимского сражения выразился, что «Рожественский ведет свою эскадру с чувством человека, идущего на собственные похороны». И в этом чувстве безнадежности крылась уже одна из причин страшной цусимской катастрофы.

Вот какими штрихами обрисовывает Вл. Семенов в «Расплате» состояние 2-й тихоокеанской эскадры:

— Почему это взяли с собою «Сисоя»? — спрашивает автор старшего механика на броненосце «Князь Суворов»[6]. — Ваш отряд 18-узловой, а ведь он, дай Бог на 14!

— Скорость тут не играет роли: «Сисой» свои 14 даст, а на «Бородине» при ходе 12 узлов уже греются эксцентрики; что же касается «Орла», то он вовсе не успел сделать положенных испытаний, и на какую его скорость можно рассчитывать — совершенно неизвестно. «Суворов», «Александр» и «Ослябя» — ну, эти, пожалуй, 15—16-узловые.

— Ну, а «Наварин» и «Нахимов» с их пушками в 35 калибров на устарелых установках?.. «Донской», эта старая коробка?..

— Да кого же брать-то? Если бы можно было снарядить, прихватили бы с собой и «Мономаха», и «Корнилова», и всякую другую рухлядь. Ведь это все корабли, числящиеся боевыми судами флота. Нельзя же теперь, когда началась настоящая война, объявить все это хламом!..

— Но «Слава», «Олег», «Изумруд»?.. Где они?..

— Про «Славу» и говорить нечего: она и через год еще вряд ли будет готова. «Олег», «Изумруд» — не только не начинали испытаний, но даже постройкой не вполне закончены. Прислали их в Ревель, но в таком виде, что адмирал решительно отказался навязывать себе на шею эту обузу. Говорит, догонят нас в дороге[7].

Эскадра шла без транспортов со снарядами, без всякого материала и личного состава для оборудования временных баз, без подводных лодок, без воздушных шаров и змеев, с одним лишь транспортом-мастерской, да и то мало исправной. Хорошо и обильно снабжена она была лишь приборами беспроволочного телеграфа, да углем, сыгравшим, однако, в бою роковую роль[8]. Но единственно, чем сильна была эскадра, — и она это доказала в бою, — духом личного состава. Он был укомплектован лучшими офицерами нашего флота, большинство которых сами просились в поход, не закрывая глаз на его трудности и ма-

Адмирал **З. П. РОЖЕСТВЕНСКИЙ**

лые шансы успеха. «Чего вам пожелать? Победы? — спросил на прощанье сотрудник «Нового Времени» командира крейсера «Олег», капитана 2 ранга Добротворского. — Пожелайте со славою умереть», — ответил тот. И прав был певец этой роковой эскадры, погибший вместе с нею, лейтенант К. К. Случевский, закончивший ряд поэтических картин этого беспримерного похода в письмах «С моря» следующими строками:

Готовы мы к смертельной битве.
За други жертвовать свои...
Услыши нас в своей молитве,
Да воля сбудется Твоя[9].

1 октября 1904 г. эскадра вышла из Либавы. Через месяц ее отправился догонять отряд из 2 крейсеров и нескольких миноносцев, не успевших изготовиться к сроку. А в начале февраля 1905 г. двинулась за нею вслед и 3-я тихоокеанская эскадра под командой контр-адмирала Небогатова (4 броненосца: «Император Николай I», «Адмирал Ушаков», «Генерал-адмирал Апраксин» и «Адмирал Сенявин»). Формирование ее и подготовка начались лишь осенью 1904 г. И если качественно была слаба эскадра адмирала Рожественского, имея в своем составе старые разнотипные суда и небронированные крейсера, половина которых по своей тихоходности не годилась даже для разведок, то 3-я эскадра была еще хуже, и суда ее, еще более старые, еще более разнотипные, по справедливости названы были кем-то «калошами»[10].

Показания свидетелей, допрошенных по делу о сдаче эскадры Небогатова, дали такую картину ее подготовки и боевой готовности:

«При отправке из порта Императора Александра III (Либава) снаряды перед нагрузкой на броненосец вываливали кучей на снег для того, чтобы не платить каких-то там 3 руб. штрафа за простой вагона. Затем для перекладки снарядов приходилось спешно нанимать рабочих и платить им гораздо более 3 рублей. Снарядов мелких был боевой комплект, снарядов покрупнее — не так много, двенадцатидюймовых недоставало еще более[11]. Дальномеров было три — один хуже другого; усовершенствованные прицелы были получены в день отхода эскадры и отправились с ней даже не рас-

пакованными. Обращаться с ними никто не умел. Если прицелы были чересчур новы, зато пушки были слишком стары, с поршневыми затворами, на станках архаических систем, предельной дистанцией имели 51 кабельтов (тогда как японцы начали жарить с 70). Спасательных снарядов было десятка два на броненосце с командой в 600 человек, причем половина поясов обветшала так, что пробка с них сыпалась. ... Большинство матросов не умело пользоваться койкой для того, чтобы держаться на воде и койки их перевертывали...»

«... Относительно действия наших снарядов достаточно привести показание офицера, шедшего на крейсере «Идзумо» в японский плен. Двенадцатидюймовый снаряд наш попал в каюткомпанию крейсера, взорвался, выворотил какую-то рубку, переборку, лестницу, раздробил в щепы груду дерева... и ни одна щепочка не носила следов обжога...»

«... Офицеры, отправляясь в поход, отлично знали, с какими недостаточными средствами для борьбы они идут, и подавали рапорты, просили, требовали. В лучших случаях требуемое давали в недостаточном количестве (снаряды), в менее благоприятных отвечали, что требуемого нет (спасательные средства, усовершенствованные прицелы), в худших — совсем не отвечали...»[12]

Немудрено, что впоследствии на суде Небогатов так охарактеризовал несоответствие вверенной ему эскадры поставленной ей задаче: «Собака не может исполнить того, что требуется от лошади...» Естественно возникает вопрос: почему же он все-таки пошел с такою эскадрою? И на это он ответил столь же характерно: «Прослужив 40 лет, аккуратно получая 20 числа то, что полагалось, — что же тут было рассуждать. Я пошел... и задачу свою исполнил так, как только можно было ее исполнить: порученную эскадру привел в наилучшем виде, какой она могла иметь, к назначенному месту... Дальнейшее меня не касалось»[13].

Действительно, при всех своих недостатках обе наши эскадры совершили переход из Балтийского моря вокруг всей Африки и Азии в таком порядке, что повергли в изумление весь мир и вызвали восхищение моряков всех стран. Ни одного поврежденного корабля! И это — без возможности где-либо произвести исправление или войти в док, при

необходимости производить погрузки угля не только на открытых рейдах, но даже в открытом море!

«Это чудо, — восклицает Кладо, — которому никто бы не поверил, если бы оно не совершилось перед нашими глазами. В этом случае адмиралы Рожественский и Небогатов и весь личный состав эскадр выказали высокое искусство. В особенности надо отдать справедливость нашим механикам, которые сумели предохранить машины, и притом далеко не все лучшего качества, — от поломок».

Поход 2-й эскадры был омрачен одним лишь эпизодом, так называемым «Гулльским инцидентом». Официально он излагается до сих пор так: проходя Ла-Манш, эскадра наша ночью с 8 на 9 октября приняла в темноте суда английских рыбаков, бывшие на Доггер-банке, за японские миноносцы и открыла по ним огонь, продолжавшийся 20 минут: один пароход был потоплен, 2 рыбака убиты, 29 ранено. Событие это произвело чрезвычайную сенсацию во всей Европе. Особенно, конечно, волновались английские газеты; они иначе не называли эскадру адмирала Рожественского, как «эскадрой бешеной собаки», которую необходимо либо вернуть, либо уничтожить. Но более всего общественное мнение Англии было возмущено тем фактом, что «один из русских миноносцев до утра оставался на месте происшествия и не оказал никакой помощи рыбакам, спасавшим своих товарищей».

Впоследствии оказалось, что этот миноносец был японский. Автору «Расплаты» Вл. Семенову пришлось лежать в Сасебо с командиром его, который в дни Портсмутского мира не скрывал уже более, что одновременно с нашей 2-й эскадрой двинулся из Европы в Японию, «конечно, не под японским флагом», и отряд японских военных судов, купленных, вероятно, в английских верфях и там снаряженных. С этого-то отряда днем 8 октября 1904 г. адмирала Рожественского мистифицировали рядом сообщений по беспроволочному телеграфу от имени отставшего от эскадры транспорта «Камчатка», сперва, что он атакован миноносцами, потом, что он ведет с ними бой и, наконец, что, от-

стреливаясь, уходит различными курсами. Весь этот вздор завершился в 11 часов вечера 8 октября просьбою — все от имени «Камчатки» — «показать место флагманского корабля "Суворова" (т. е. широту и долготу) и обозначить место эскадры прожектором». Очевидно, Рожественскому готовилась участь Макарова. Когда на этот коварный вопрос был дан уклончивый ответ, телеграммы прекратились. А ночью, замешавшись во флотилию рыбачьих лодок, быть может, нарочно собранных, миноносцы этого отряда атаковали нашу эскадру.

Ведь не английские же рыбачьи лодки причинили нашему крейсеру «Аврора» четыре подводные пробоины от 45 и 75-миллиметровых снарядов, оторвавших руку священнику этого корабля и ранивших легко одного комендора.

Ведь не рыболовным же снарядом была самодвижущаяся мина Шварцкопфа, найденная рыбаками в ноябре того же 1904 г. на юго-восточном берегу Немецкого моря.

А когда адмирал Рожественский, узнав о шуме, поднятом против него и его эскадры английской прессой, опубликовал в лондонских газетах, что все его миноносцы были впереди эскадры на 200 и более миль — факт, легко поддававшийся проверке, — и что поэтому «миноносец», остававшийся на месте происшествия до утра, был, несомненно, из числа тех, которые атаковали эскадру, и, будучи подбит, исправлял свои повреждения или поджидал товарищей, шум сразу стих — и инцидент был быстро улажен дипломатическим путем[14].

В Танжере 2-я эскадра разделилась: 5 броненосцев и 2 броненосных крейсера пошли кругом Африки, а остальные суда направились через Суэцкий канал[15]. Вся эскадра вновь соединилась в Носсибее, на Мадагаскаре, 24 декабря 1904 г. Здесь ее уже ждало печальное известие о падении Порт-Артура и об уничтожении всей 1-й тихоокеанской эскадры. «Очевидно, — говорит Кладо, — дальнейшее упорство в продолжении пути эскадры было чистым безумием»[16]. Но рок увлекал Россию — и Рожественский получил приказание идти по назначению.

25 апреля у берегов Анама 3-я эскадра соединилась со 2-ю — и в тот же день адмирал Рожественский отдал по соединенной эскадре приказ, в котором писал: «Японцы беспредельно преданы престолу, не сносят бесчестья и умирают героями. Господь да укрепит и благословит нас исполнить завет Государев и кровью смыть горький стыд Родины».

Пополнив запасы угля, эскадра двинулась на север, направляясь к Корейскому проливу. Ей предстояло на выбор два пути: или идти между материком и Японией, или, обогнув южные японские острова, через Сангарский пролив прорываться во Владивосток. В первом случае надлежало пройти узким Цусимским проливом, что сделать незаметно было нельзя, и бой был неизбежен; во втором — эскадра могла дойти незамеченной до Сангарского пролива, а от него до Владивостока оставалось уже 350 миль; в первом случае бой должен был разыграться вблизи японских военных портов; во втором — единственный ближайший японский порт Майцзыру[17] был в 250 милях, атаки японских миноносцев были здесь менее вероятны, чем в узком Цусимском проливе, и, наконец, в то время как последний мог быть минирован, Сангарский пролив был безопасен, так как его минировать нельзя. Проход Корейским проливом имел лишь то удобство, что уже около Шанхая можно было отпустить все транспорты, связывавшие скорость хода эскадры и требовавшие в бою сильного конвоя. Вероятно, это соображение и склонило курс эскадры к Корейскому проливу. К сожалению, привычка к полумерам сказалась и тут и уничтожила и это единственное преимущество избранного пути. 12 мая отпущены были в Шанхай лишь некоторые транспорты; часть их («Анадырь», «Иртыш», «Камчатка», «Корея», буксирные пароходы «Русь», и «Свирь») остались при эскадре и для защиты их, на случай боя, адмирал Рожественский отделил все крейсера и тем ослабил боевые силы эскадры на 36 6"орудий и на 29 120-миллиметровых. «При таких условиях, — замечает один из участников Цусимского боя, — эскадра производи-

ла впечатление бойца, которого отправляют на кулачный бой, предварительно надев на него вериги»[18].

На следующий же после этого день, 13 мая, впервые было обнаружено присутствие вблизи неприятельских судов, производивших сигнализацию беспроволочным телеграфом. К сожалению, адмирал Рожественский почему-то воспретил «Уралу», на котором был сильнейший аппарат этого телеграфа, спутать своим током японские телеграммы[19], и потому Того мог потом написать в своем рапорте: «Хотя наша эскадра и была еще в расстоянии нескольких десятков миль от неприятеля, мы знали ее расположение и движение так, как будто она была перед нашими глазами».

Ночью ждали минных атак; но японцы берегли свои миноносцы, «чтобы добивать нас после боя»[20].

И вот день его настал. В 5 часов утра 14 мая наша эскадра вошла двумя колоннами в Цусимский пролив. Занималась заря цусимского дня печальной памяти. Небо было безоблачно. В воздухе стояла мгла, которую не смогли рассеять в течение всего этого дня лучи солнца и которая мешала видеть что-либо далее 70 кабельтов. Эскадра Того (5 броненосцев, 8 крейсеров 1 ранга, 15 крейсеров 2 ранга, 1 броненосец береговой обороны, 7 канонерок, 17 больших миноносцев и 85 малых — всего 140 судов с 18 000 человек экипажа) уже стояла в боевом порядке севернее острова Цусимы.

В 1 час 55 мин. дня он отдал ей приказ начать бой и поднял сигнал: «От результата боя зависит судьба империи. Пусть каждый напряжет все свои силы».

И в то время как наша эскадра начинала перестраиваться из походного строя в боевой — в одну колонну, японские суда только еще открыли свой огонь — меткий, энергичный, методичный, сосредоточивая его на наших головных судах, и спутали весь наш маневр. На наших кораблях, заваленных углем и имевших много дерева в своем составе, начались пожары. Первым вышел из строя головной корабль левой колонны — «Ослябя» (капитан I ранга Шеин) и в 1 час

10 мин. дня затонул носом вниз. Следом за ним в $2^1/_2$ часа потерял способность управляться и головной корабль правой колонны «Князь Суворов» (капитан I ранга Игнациус). На нем начались пожары, и он также вышел из строя. К $5^1/_2$ часам он уже весь был объят пламенем и имел значительный крен. Находившийся на нем начальник эскадры адмирал Рожественский был тяжело ранен в голову в самом начале боя и в полусознательном состоянии по инициативе чинов своего штаба переведен на миноносец «Буйный». Командование эскадрой перешло к контр-адмиралу Небогатову, но управлять боем уже было нельзя. Боевого порядка не существовало. Наши корабли метались под градом неприятельских снарядов, горели и тонули. Около 7 часов вечера, перевернувшись своими килями кверху и блестя ими в лучах заходящего солнца, погибли броненосцы «Император Александр III» (капитан I ранга Бухвостов) и «Бородино» (капитан I ранга Серебренников). Из команды первого никто не спасся, и никто не знает, что на нем происходило; из 900 человек команды «Бородино» спасся чудом марсовый матрос Ющенко. В 7 часов вечера после двух минных атак затонул и «Суворов», одиноко стоявший в стороне от боя, с сильным креном и окутанный дымом пожара.

> «Этот корабль, — рассказывают японцы, — весь обгоревший и еще горящий, перенесший столько нападений, расстреливавшийся всей эскадрой, имевший одну только случайно уцелевшую пушку в кормовой части, все же открыл из нее огонь, выказывая решимость защищаться до последнего момента своего существования, пока плавает на поверхности воды»[21].

Минными атаками были затоплены также броненосцы «Сисой Великий» и «Наварин», крейсеры «Адмирал Нахимов» и «Владимир Мономах», вспомогательные суда, пароход «Русь» и транспорты «Иртыш» и «Камчатка».

Суда честно дрались до последней возможности и гибли геройски. Спасшиеся с транспорта «Камчатка» рассказывают, что перед самой гибелью его один из механиков мастерской предложил раненому лейтенанту Никонову (ко-

мандир, капитан 2-го ранга Степанов был уже убит) поднять белый флаг для того, чтобы японцы, стрелявшие в этом бою даже по отдельным людям, бывшим уже в воде, прекратили огонь. Но Никонов, уже умирая, несколько раз повторил в забытьи: «Все, что хотите, только не флаг»[22].

К утру 15 мая под начальством адмирала Небогатова остались всего лишь 1 крейсер — «Изумруд» и 4 броненосца: избитый в бою накануне «Орел», «представлявший из себя лишь груду исковерканного железа», «Император Николай I», «Генерал-адмирал Апраксин» и «Адмирал Сенявин». Остальные уцелевшие суда порознь прорывались или во Владивосток, или в нейтральные порты. Так, крейсера «Олег», «Аврора» и «Жемчуг» под командой контр-адмирала Энквист ушли в Манилу и там разоружились. Броненосец «Адмирал Ушаков» и крейсеры «Дмитрий Донской» и «Светлана», прорывавшиеся во Владивосток, были настигнуты неприятелем и после боя затоплены неприятельским огнем или самими командирами. Настигнут был и миноносец «Бедовый», на который вследствие порчи машин «Буйного» был передан адмирал Рожественский. Он сдался без боя и был отведен в Сасебо[23].

На рассвете 15 мая с судов отряда Небогатова заметили дымки на горизонте. Предположили сперва, что это наши отставшие суда. Гул, напоминавший выстрелы, подкреплял это предположение соображением, что они выдерживают бой с преследующим их противником, — и потому Небогатов приказал отряду повернуть на выручку своих. Была уже пробита «боевая тревога», суда приготовились к бою. Невзирая на ужасы пережитого накануне дня и ночь, проведенную в ожидании минных атак, и утомление, дух команд был бодрый. «Мы покажем себя не так, как артурцы», — говорили на «Николае I». Около 8 часов утра обнаружилось ясно, что «дымки» — неприятельские суда. Их было 28. Часть их, обогнув наш отряд, пересекла ему курс и к 10 часам окружила его. Команды наши были поражены

«щегольским видом» японских судов, словно они и не были накануне в горячем бою. Это подействовало удручающе, но все еще готовились к бою. Японцы первые открыли огонь с дистанции около 60 кабельтов. В течение каких-нибудь 10 минут «Николай I» получил 6 пробоин. Наши суда не отвечали: их орудия были бессильны на эту дистанцию. Японцы же ближе не подходили. Тогда, после короткого совещания адмирала с чинами своего штаба и офицерами своего флагманского корабля, на «Николае I», а вслед за ним и на других судах были подняты белые флаги. И остатки нашей «армады» сдались.

> «Я не имел никакой возможности нанести какой-либо вред неприятелю, — объяснял впоследствии Небогатов: — оставалось потопить корабли и спасать команду. Но я был уверен, что при этом погибнет не менее 750 человек и не решился собственным сигналом потопить полторы тысячи своих подчиненных! Духу не хватило! В этом виноват. Не за себя же я беспокоился. Для меня, для адмирала, нашлись бы спасательные средства! Нарочно захотел бы топиться, и то спасли бы. Да и японцы первого бы подобрали, как трофей. Не за себя — за них! Сердце не выдержало! За это пусть и судят»[24].

Как и Стессель, Небогатов оказался на войне «гуманистом». Тот боялся резни раненых и граждан Порт-Артура, этот пожалел здоровых людей — и оба забыли, что они на войне, что война требует жертв, и если путем их нельзя добиться победы материальной, то нужно стремиться, по крайней мере, к победе моральной, к выявлению таких духовных свойств нации, которые воспитывают в грядущих поколениях способность к героизму, к самопожертвованию за идею и уважение к чести национального имени. Оправдание же Стесселя и Небогатова есть вместе с тем осуждение ими целого ряда таких исторических фактов, к которым человечество до сих пор относилось не только с уважением, но и с благоговением, видя в них примеры высокого служения долгу, преданности родине и преобладающее значение духа над материей. Безумными казаться им должны и Леонид, противопоставивший 300 своих спартанцев персидским полчищам, и Святослав, ответивший болгарам —

«мертвые срама не имут», и Петр Великий, сказавший под Полтавою, что жизнь ему не дорога, «жила бы только Россия во славе и благоденствии», и лейтенант Сакен, предпочтивший гибель бесславной сдаче, и генерал Камброн, ответивший на Ватерлооском поле англичанам: «Гвардия умирает, но не сдается», и рядовой Архип Осипов, взорвавший укрепление Михайловское, чтобы врагу достались лишь его развалины, и майор Штоквич, державшийся 23 дня в Баязете без воды и продовольствия против значительных турецких сил, и два безвестных матроса «Стерегущего», предпочтивших затопить свой миноносец и затонуть вместе с ним, чем доставить неприятелю какой-либо трофей. Все это были не бесполезные жертвы на алтаре войны. Они ковали мощь народного духа, создавали тот престиж силы, который внушал страх и уважение к народу, дорого продающему свои блага, и который сдерживал аппетиты хищников, всегда разгорающиеся при сознании бессилия и слабости намеченной жертвы. Если японцы в эту войну вели свои операции так методически и осторожно, что затянули войну на 18 месяцев, то только потому, что их гипнотизировала былая наша слава. И вот теперь позорною сдачею Порт-Артура и судов небогатовской эскадры это обаяние было разрушено. И не характерно ли, что только японцы одобрили поступки Стесселя и Небогатова, те самые японцы, которые в минувшую войну дали нам ряд доказательств, что сами они предпочитают смерть сдаче и плену. «Ничто не могло бы заставить японского адмирала сдаться со своими кораблями при подобных обстоятельствах», — замечает корреспондент газеты «Таймс». И это подтвердил случай с японским транспортом «Катихимару». Джен в своем труде «Heresies of Seapower» также говорит, что «будь японцы на месте Небогатова, они не сдались бы. Как ни бесполезна гибель тех, кто потонул на "Ушакове", но на деле смерть их при данных обстоятельствах полезнее гибели в победном бою. Так должен был поступить и Небогатов, а не увенчивать цусимскую победу сдачею нескольких кораблей».

Гуманистические рассуждения на войне — скользкий путь к победе, и сдача Порт-Артура несомненно деморализующе повлияла на всех слабых духом и дала пагубный пример Небогатову[25].

Итак, в результате цусимского сражения из 11 наших броненосцев 7 было затоплено, 4 сдались в плен; из 10 крейсеров 1 прошел во Владивосток, 3 спаслись в Манилу, 2 затоплены своими командирами, 4 — неприятелем; из 9 миноносцев 2 прорвались во Владивосток, 1 ушел в Шанхай и разоружился, 1 взят в плен, 5 затоплены японцами; из 8 вспомогательных судов 2 взяты в плен, 2 ушли в Шанхай и разоружились и 4 затоплены. В общем, из 38 судов эскадры потонуло 22, взято в плен 7, ушло в нейтральные порты и там разоружились 6 и только 3 достигли Владивостока. Из 14 тысяч команды 5000 убито и потонуло, 6142 взято в плен и 3000 спаслось во Владивосток и в нейтральные порты.

Японцы потеряли всего лишь 3 миноносца, 116 человек убитыми и 538 ранеными; остальные их суда получили более или менее серьезные повреждения, но ни одно из них не было приведено в негодность к службе.

Так реально сказалось в бою превосходство японской эскадры пред нашей в артиллерии и минных судах.

Как ни готовилось русское общество в тайниках своей души к новой гекатомбе, к новому несчастию, но размеры катастрофы поразили всех. Они обнаружили всю глубину разложения нашего старого строя — бесконтрольного, бюрократического, в котором все было «гладко на бумаге». Это характерно проявилось прежде всего по отношению к «печальному герою» Цусимы — Рожественскому со стороны народа и общества. Вл. Семенов рассказывает нам в своих воспоминаниях о ряде трогательных сцен оваций, устроенных возвращавшемуся из плена адмиралу народом на всем протяжении «великого сибирского пути» — и это в дни осенних беспорядков 1905 г., когда дорога была в руках деморализованных неудачною войною солдат маньчжурских армий. Вот, например, что было на станции Тулун 17 ноября 1905 г.

«В 2 часа дня опять собралась около поезда толпа солдат и рабочих. Прислали депутатов просить, чтобы адмирал хоть в окне им показался. Он (несмотря на мороз −18°) вышел на площадку. Спрашивали его: правда ли, что из России не хотели посылать ему подкреплений? правда ли, что небогатовский отряд в бою вовсе не участвовал, а держался далеко сзади? Адмирал отвечал коротко и определенно. "Измены не было?" — выкрикнул вдруг чей-то пронзительный голос, и чувствовалось, что для всей толпы этот вопрос — самый мучительный. — "Не было измены! Сила не взяла, да Бог счастья не дал!" — решительно отозвался адмирал и, поклонившись, пошел к себе. Вслед ему неслись сочувственные крики: "Дай Бог здоровья! Век прожить! Старик, а кровь проливал! Не то, что наши! У них иначе — сам в первую голову!". Поезд тронулся, сопровождаемый громовым "ура"»[26].

А когда пронеслась первая (ложная) весть о смерти Рожественского[27], русская печать поместила его некрологи, дышавшие искренними симпатиями, уважением и сочувствием. Никто не бросил в него камнем осуждения. «Рожественского победили не японцы, — писали в газете «Вечер». — У него было драгоценное в морском ведомстве имя: "честный человек"», — говорилось в «Биржевых Ведомостях». «Один в поле не воин: Рожественскому выпала горькая доля искать смерти в неравном бою и не найти её», — замечал «Свет». «Рожественский на головном корабле один из первых платил своею кровью за свои и чужие ошибки»... — говорила «Речь»...

Так, за обнаружением грехов «системы» прощены были ему недостатки крутого личного характера и тактическая и стратегическая ошибки.

После Цусимы стали ждать мира или возобновления военных действий на суше.

Мукденская битва так утомила и истощила силы обеих сторон, что ни победитель, ни побежденный не были в состоянии продолжать свои новые операции. Дабы обеспечить себе спокойствие, наша армия, как уже было сказано выше, сосредоточившись у Телина, не остановилась здесь и к 9 марта отошла на Сыпингайскую позицию между Телином и Сунгари. 2-я армия составила правый фланг, 3-я — центр и 1-я — левый фланг; отряд генерала Мищенко

прикрывал правый фланг от обхода японцев через Монголию; отряд генерал-лейтенанта Ренненкампфа — левый, от обхода на Гирин.

Японцы расположились севернее Телина: армия Ноги — на левом фланге, Нодзу — в центре и Кавамура — на правом. Армии Куроки и Оку составили вторую линию.

В таком положении обе стороны простояли $5^1/_2$ месяцев, все усиливаясь подкреплениями, занимаясь боевой подготовкой войск и не решаясь на возобновление военных операций.

Вот как в письмах из армии обрисовывается этот период кампании.

«Чувствуешь себя точно не на войне и не при грозной обстановке, где борьба за обладание клочком чужой земли стоит стольких тысяч человеческих жизней. Проезжая верст 50 вдоль расположения главных сил всех трех армий, выносишь такое впечатление, будто находишься среди огромного лагеря, где собрались войска нескольких округов для двустороннего маневра. Везде идет спокойная жизнь с ее мирными, обыденными интересами. Богатая растительностью северная Маньчжурия, покрытая холмами, особенно к востоку от железной дороги и вдоль самой линии, дает войскам возможность устраиваться на сухом, здоровом месте не только с возможными удобствами, но даже с претензией на щегольство; часто видишь лагерь около небольшой рощи, с красиво расположенными рядами палаток, окруженных небольшими насыпями, покрытыми дерном и переплетом из ивовых прутьев. Обозы стоят отдельно, везде прибрано, подметено, нижние чины ходят опрятно одетыми — любо глядеть. Иллюзия мирной обстановки увеличивается еще тем, что маневры в армиях производятся на самом деле. Конечно, мирные занятия производятся под щитом грозных укреплений, которые венчают этот огромный лагерь, и с этих позиций временами отдельные отряды совершают частичные наступления против передовых сил противника, которые почти всегда оканчиваются достижением постановленной отряду задачи. Дня три тому назад в центре наших позиций небольшой отряд, потеснив заставы противника, взял штурмом один из его передовых пунктов у селения Малугоу, несмотря на то, что силы оборонявшегося немногим уступали атакующему в численном составе; при этом надо иметь в виду, что оборонявшийся держался на холмах, приспособленных к трехъярусной обороне. Противник бежал, оставив своих раненых, несколько человек попало в плен...

Несмотря на эти мелкие стычки между отдельными партия-

ми передовых частей и с хунхузами, общее настроение на позиции довольно мирное. В одном месте передовые части на расстоянии 700—800 шагов купаются, моют белье и, как бы по молчаливому обоюдному соглашению, не стреляют друг в друга, что, впрочем, не мешает каждому внимательно следить за своим противником. Не мешает это также нашему храброму, но не особенно щепетильному в выборе средств врагу подбрасывать на наши передовые позиции возмутительные прокламации, имеющие целью подорвать чувства долга в нашем солдате. В одной такой прокламации, написанной отвратительным слогом, начинающейся воззванием: "Милостивые Братцы и Герои на Дальнем востоке!", после хвалы Восходящему Солнцу, объявляет "закат солнца Северо-Запада", "начавшего тяжелую войну", стоившую стольких жертв и таких огромных материальных издержек; в заключение же — рекомендуется бросить оружие и уехать в Россию...

Цусимская катастрофа произвела на всех самое тяжелое впечатление. Душою болели все, читая известия о гибели эскадры. Но из разговоров с офицерами можно убедиться, что мир кажется им положительно невозможным. Не только закаленные в бою старые служаки, но и молодежь, побывавшая уже в сражениях, смотрит на вас с удивлением, когда вы заговорите о мире. — Помилуйте, с каким лицом явимся мы в Россию? Ведь ни одной крупной победы над врагом! Японцы уверены в своей непобедимости. Неужели армия, у которой за плечами блестящее прошлое, не даст им настоящего урока? Прежде мы были слабее; теперь армия наша значительно увеличилась в своем численном составе, войска рвутся в бой. Ведь цусимская катастрофа — только потерянный гадательный шанс на нашей стороне, а в остальном, если после Мукдена положение и переменилось, то уже, во всяком случае, в нашу пользу: мы сильнее теперь и в Маньчжурии, и в Приморской области...»

Наиболее крупными событиями этого периода явились: с нашей стороны — новый набег нашей конницы под начальством генерала Мищенко в начале мая в тыл армии Ноги, а со стороны японцев — захват ими острова Сахалина в первой половине июля.

Результаты набега были невелики и выразились в уничтожении нескольких интендантских складов, нескольких продовольственных транспортов (всего 800 повозок), в разрушении на большом протяжении телеграфной и телефонной линии, в истреблении двух японских рот, изрубленных казаками, и в захвате двух пулеметов и 234 пленных[28].

Размах набега опять был скован соображением необходимости сохранить конский состав для будущих решительных операций армии. Но все же, как первый частичный успех после мукденского поражения, он поднял несколько дух армии, тем более что в течение его несколько раз обнаружился явно страх японской кавалерии столкнуться с нашей[29].

Занятие Сахалина, богатства которого так давно прельщали японцев, ждали со дня на день в течение всей кампании. В сущности, с момента их господства на море это был для них совсем бесплатный приз. Остров совершенно не был приготовлен к обороне. Гарнизон его составляли 5 местных батальонов, несколько отрядов, сформированных из ссыльнопоселенцев и каторжников, и 16 орудий. Командный состав его совершенно не отвечал боевым требованиям, имея более административный и хозяйственный опыт. Во главе его не сочли даже нужным поставить строевого генерала, а оставили командование в руках губернатора острова генерал-лейтенанта Ляпунова, старого военного юриста по специальному образованию. Укрепленных пунктов не было. Шанцевого инструмента было мало. Обоз имелся не при всех частях. Пушки были старые, и для запряжки их не хватило лошадей. Огнестрельные и продовольственные припасы доставлены были на остров перед самой высадкой японцев и значительную часть их пришлось уничтожить за невозможностью увезти в глубь острова[30].

Для захвата Сахалина японцами была сформирована 15-я дивизия генерала Харагучи[31] (12 батальонов, 1 эскадрон, 18 орудий и 1 пулеметное отделение — всего 14 тыс. человек), посажена на суда в Хакодате и 22 июня под прикрытием эскадры Катаока (2 броненосца, 7 крейсеров, 2 канонерки и 30 миноносцев) двинута к посту Корсаковскому. 24 июня японцы здесь высадились.

Наши незначительные силы, разделенные на 9 небольших отрядов, не имея одного определенного плана, действовали разрозненно и не могли, конечно, противостоять

движению японцев вглубь острова. Для ведения партизанской войны, какую предлагал штаб Приамурского военного округа, никакой подготовки сделано не было — и наши маленькие отряды сдавались один за другим. Все это завершилось капитуляцией главных сил 19 июля у села Онор[32].

Теперь японцы могли уже при переговорах о мире требовать уступки этого острова как территории, завоеванной ими. И, действительно, с этих пор переговоры о мире пошли более уверенным ходом.

Начались же они тотчас после Цусимы. Роль посредника принял на себя президент Северо-Американских Соединенных Штатов Рузвельт. 26 мая он обратился к правительствам России и Японии с нотою, в которой говорилось:

> «Президент чувствует, что настало время, когда в интересах всего человечества следует попытаться положить конец страшному и прискорбному столкновению между двумя державами. Президент чувствует, что всемирный прогресс задерживается войною между двумя великими народами, и хотел бы побудить русское и японское правительства не только в их собственных интересах, но и в интересах всего цивилизованного мира начать непосредственные переговоры друг с другом. Президент изъявляет свою готовность сделать все, что окажется в его силах... хотя бы в смысле устройства свидания между представителями России и Японии».

Предложение это было благосклонно принято обеими сторонами, но прошло почти полтора месяца, прежде чем уполномоченные России и Японии выехали для встречи в Америку. В течение этого времени на все лады комментировался один вопрос: о размерах требований победительницы. Печать всего мира рекомендовала Японии умеренность. О том же взывала к своему народу и японская официозная газета «Кокумин». Но она была одинока. Другие японские газеты продолжали быть воинственно настроенными. «Хи-хи-симпо» предостерегала от излишнего оптимизма; «Дзёминри» советовала не доверять дипломатии; «Хо-си» убеждала японский народ воспрепятствовать мирным переговорам; «Нити-нити» требовала энергичного продолжения войны, — и вся японская печать диктовала следующие условия мира: три миллиарда контрибуции, присоедине-

ние Сахалина, Камчатки, Уссурийского края, Приморской области, аренда Ляодуна и Порт-Артура, срытие Владивостокских укреплений, права собственности на Восточно-Китайскую ж. д. и т. д.

Известия о подобных требованиях Японии волновали, конечно, русское общество, и это волнение, эта тревога за будущее сказались в ряде всеподданнейших адресов. Так, богодуховское дворянство выражало уверенность, что не иссякла еще русская сила и доблесть, что есть еще порох в наших пороховницах, и заявляло, что не требует пощады, не хочет позорного мира. Воронежские ремесленники также просили Государя «довести войну до конца и не заключать позорного для России мира». Хабаровская городская дума «от лица жителей Приамурья» не допускала мысли, что «русское царство признает себя побежденным и согласится на территориальные уступки и на уплату контрибуции». Духовенство 5 округа оренбургской епархии устами 30 000 населения, «готового положить живот свой за родного Царя и многострадальную Русь», умоляло не заключать «позорного для России мира». С выражением своих патриотических чувств общество обращалось и к вождям нашей армии на Дальнем Востоке. Так, московское мещанство и московские ремесленники послали генералу Линевичу телеграммы с выражением уверенности, что русская армия постоит еще за честь России и позорного мира не будет.

В свою очередь и армия, в лице своих вождей, когда вопрос о мире стал на реальную почву, обращалась к русскому обществу с выражением своего протеста против мира. Генерал Куропаткин в телеграмме на имя предводителя московского дворянства выразил сожаление по поводу происходящей будто бы агитации земства и городов в пользу мира и высказал свою уверенность в нашей конечной победе. Командир одного корпуса, покрывшего себя славою в эту войну, просил представителя печати довести до всеобщего сведения, что «никакие неудачи не в силах сломить решимости чинов корпуса в будущих боях довести борьбу с упорным врагом до конца и во что бы то ни стало

победить его». Главнокомандующий генерал Линевич был в полном соответствии с этим настроением своих армий. «Я солдат, — сказал он корреспонденту французской газеты «Le Journal», — и должен исполнить приказание Его Величества, но всем нам будет тяжело покинуть занимаемые нами позиции. Весьма вероятно, что начатые переговоры окончатся ничем, и тогда придется убедиться в нашей бесконечной способности к сопротивлению». А Государю он всеподданнейше донес «в опровержение газетных слухов, будто армия наша совершенно окружена», что «никогда она не была в опасном положении, и фланги наши никогда еще не были обойдены японцами», что «несколько раз порывались они придвинуться ближе, но никогда им этого не удавалось», что «дух войск внушает своему вождю полное доверие и что «армии вполне готовы к выполнению тех задач, которые могут им представиться».

На все эти патриотические обращения Государь Император изволил ответить: «*Русские люди могут положиться на Меня. Я никогда не заключу позорного или недостойного великой России мира*».

Главным уполномоченным России на предстоявших переговорах был назначен Председатель Комитета министров статс-секретарь Витте[33]. «Близко знакомый с общим положением дел, — говорилось в правительственном сообщении по этому поводу, — статс-секретарь Витте несомненно будет стоять на высоте возложенного на него Всемилостивейшим доверием чрезвычайной важности поручения, всеми силами ограждая интересы России».

6 июля Витте выехал из Петербурга. Его проводы носили совершенно интимный характер, лишенный всякой официальности и торжественности. Народ отсутствовал. Народ безмолвствовал в сознании, что это «суд удаляется постановить приговор».

Иначе, торжественно и пышно, провожали из Токио в Вашингтон первого уполномоченного Японии барона Комура и его сотрудников. Микадо обратился к ним с особым посланием, в котором предлагал им «всецело посвя-

тить себя осуществлению возложенной на них задачи», он принял их затем в особой аудиенции и чествовал завтраком. Местный дипломатический корпус дал им прощальный обед. Кабинет министров и весь генералитет собрались проводить их на вокзал; многотысячная толпа кричала им «банзай»[34].

9 июля Витте прибыл в Париж, 14 на пароходе «Kaiser Wilhelm» отбыл из Шербурга в Америку и 20 числа того же месяца прибыл в Нью-Йорк. 23 июля уполномоченные России и Японии сошлись на нейтральной палубе американского броненосца «Mayflower'a», познакомились, выслушали молча тост хозяина-президента, замечательный только тем, что в нем Япония впервые названа была «великою державою», и направились в Портсмут, где в стенах морского арсенала должен был решиться вопрос о мире, — и 24 совещания начались.

Нашему главному уполномоченному пришлось, прежде всего, озаботиться ограждением международного достоинства России от ряда бестактных выходок японских дипломатов, проявивших на первых шагах большую заносчивость победителей. Так, барон Комура потребовал себе первенства на официальном приеме у президента — и получил его только как ранее прибывший в Америку, в дальнейшем же оно всюду предоставлено было России как старой, общепризнанной «великой державе», имеющей в Вашингтоне своим представителем посла, а не посланника, как Япония. Затем барон Комура, заподозривший достоинство и широту полномочий представителей России, «забыл» в отеле свои сертификаты, оказавшиеся написанными на одном лишь японском языке, без перевода их на французский и английский. С русско-американской простотой Витте успокоил японских дипломатов, намеревавшихся ехать за своими документами в отель, заявлением, что верит им на слово, а на другой день предъявил по этому поводу ноту и потребовал занести этот инцидент в протокол. Однако на «забывчивости» поведение японских дипломатов не остановилось, и в том же заседании барон Комура, в ответ на речь Вит-

те, сказанную по-французски, начал говорить по-японски. Тогда и наш уполномоченный перешел с международного дипломатического языка на свой родной — русский.

28 июля японцы предъявили свои условия мира: возмещение Японии военных расходов (контрибуция), уступка Сахалина, выдача русских военных судов, укрывшихся в нейтральных портах, ограничение морских сил России на Дальнем Востоке, уступка арендных прав на Ляодунский полуостров, включая Порт-Артур и Дальний, очищение Маньчжурии, обратная уступка Китаю всех привилегий, приобретенных Россией, признание Россией принципа «открытых дверей» в Маньчжурии, уступка линии ж. д. от Харбина до Артура и доставление японцам прав рыболовства в территориальных водах к северу от Владивостока.

Первые четыре пункта этих требований были решительно отвергнуты нашим первым уполномоченным. Тщетно Комура утверждал, что международный обычай лишает требование контрибуции оскорбительного характера. Витте, признавая обычай, обязывавший побежденного оплатить победу своего соперника, энергически заявил, что «Россия еще не побеждена, война еще не кончена, и ее конец может быть не похож на ее начало. Но, — добавил Витте, — признавая принципиально, что всякое действие, направленное к благу русских подданных, должно быть оплачено, Россия согласна щедро и беспрекословно возместить Японии все ее расходы по перевозке, содержанию и лечению пленных». Также тщетно добивался Комура выдачи русских военных судов, укрывшихся в нейтральные порты. Витте назвал это беспримерное в летописях международных отношений требование «намеренно оскорбительным» и выразил удивление, как оно, прямо противоречащее принципам международного права, могло возникнуть. Комура возразил, что он исходит из факта разоружения русских судов не по доброй воле, а вследствие преследования их японскими военными судами. «Основа такого определения и неприемлема, и неприлична, — резко сказал Витте. — Должно принимать в соображение единственно бесспорный

и имеющий значение в международном праве факт разоружения в нейтральных портах, предоставляющий военным судам права частной собственности».

Еще резче отверг Витте требование ограничить размер морских сил России в Тихом океане. «События уже ограничили их, — сказал он. — Этот факт Россия признает, но она не согласна подписать отказ от права, исходящего не от какой-либо земной власти». И, наконец, по вопросу об уступке Сахалина Витте сказал, что «уступка каждой пяди земли, не составлявшей к тому же повода к войне, являлась бы признанием России побежденной. Основным же положением переговоров о мире, прочном и почетном, является сознание, что Россия во всей совокупности ее государственных сил и средств не побеждена».

Две с лишком недели велся этот спор, в течение которых телеграф не раз волновал весь мир сообщением, что «Витте уложил свои чемоданы и готовится покинуть Портсмут». И вот, наконец, настало 16 августа, когда Витте в последний раз спросил японских делегатов, готова ли Япония отказаться безусловно от военного вознаграждения, Комура, взволнованный, оглянулся на своих сотрудников, как бы ища в их лицах себе поддержки, и сказал: «Япония безусловно отказывается от всякого военного вознаграждения, но часть Сахалина и прилегающих к нему островов оставляет за собою по праву завоевания. И тогда началась работа составления и редактирования мирного договора. Она происходила также не без трений и потребовала целой недели. 23 августа, в 3 часа 47 мин. дня договор о мире был подписан уполномоченными обеих сторон.

По этому договору Япония получила свободу действий в Корее, южную часть Ляодуна с Порт-Артуром и Дальним, южную часть Сахалина, права на рыбную ловлю севернее Владивостока и возмещение издержек по содержанию военнопленных. Маньчжурия подлежит одновременному очищению ее, и в ней устанавливается торговая равноправность всех наций; Восточно-Китайская ж. д. делится

между Россией и Японией и между ними возобновляется торговый договор.

1 октября 1905 г. этот договор одновременно был ратифицирован Государем Императором и Микадо, а 5 октября о восстановлении мира возвещено было России Высочайшим манифестом, в котором вместе с тем призывалось благословение Божье на предстоящие обширные труды совместно с избранными от населения людьми по утверждению и совершенствование внутреннего устройства России в добром соседстве извне, на Дальнем Востоке, с вновь дружественной нам отныне Японской империей.

Микадо также обратился к своему народу с рескриптом, в котором говорил, что, «найдя условия мира в общем соответствующими нашему желанию», он ратифицировал их и — «теперь Россия опять друг Японии». Выражая вместе с тем «искреннее желание восстановить добрососедские сердечные отношения между обеими сторонами», рескрипт констатирует также, что «после двадцати месяцев войны положение Японии упрочилось, и ее интересы подвинулись вперед».

Однако заключение портсмутского договора ознаменовалось в Японии враждебными миру демонстрациями. В Токио, Кобе[35], Йокогаме, Ногайе[36] и в ряде других городов состоялись шумные митинги, на которых сочинялись воинственные телеграммы маршалу Ояме с требованием возобновить военные действия и посылались петиции Микадо с просьбою не ратифицировать договор. 24, 25 и 26 августа в Токио толпа разнесла редакцию официозной газеты «Кокумин», сожгла дом министра внутренних дел и несколько полицейских сторожевых будок, сбросила с пьедестала статую маркиза Ито, забаррикадировала улицы, перегородила мосты проволочными заграждениями, разрушила несколько христианских храмов, в том числе и православный, убила 10 христианских миссионеров и выдержала несколько кровопролитных стычек с войсками и полицией.

Очевидно, условия мира, не вполне окупая затраты маленькой страны на большую войну, чрезвычайное напря-

жение ее экономических и финансовых сил и обильно пролитую на полях Маньчжурии кровь, не обеспечили все интересы Японии и поставили предел в достижении всех тех целей, которые преследовались войною. О последних дают представления отпечатанные в Японии карты Дальнего Востока, на которых наши владения там — Приморская область, Уссурийский край и Камчатка — окрашены уже в национальный японский желтый цвет[37]. Между тем Россия осталась «великою державою», побежденною, но загадочною в своей мощи, в своих силах и в возможностях своей исторической судьбы, вступавшей с созывом народных представителей на путь «обновленной» жизни. Ведь характерен же, в самом деле, тот факт, что после целого года победоносной кампании, завершившейся для нас «Мукденом», японская армия в течение $5^1/_2$ месяцев не решалась перейти в наступление. Очевидно, японские генералы, офицеры и солдаты убедились на кровавом опыте, что с русскими войсками можно воевать бесконечно, что их можно отбрасывать, расстраивать, но сломить русскую силу, победить русскую армию и навсегда покончить с русским владычеством на Дальнем Востоке нельзя.

Это и высказал маршал Ойяма сотруднику «Нити-нити симбун». «Разногласия относительно мирных условий, — сказал он, — неизбежны, но японский народ должен помнить, что готовность России продолжать войну не позволяла Японии надеяться на получение ею военного вознаграждения даже после дальнейших жертв и расходов. Прекращение военных действий будет способствовать развитию Японии, между тем как продолжение войны исчерпало бы ее энергию и военные рессурсы». Такого же мнения был и адмирал Ямомото, высказавший на совещании министра-президента Кацура с членами обеих палат японского законодательного собрания, что «благоразумие требует от страны удовлетвориться условиями заключенного мира, что взятие Владивостока стоило бы гораздо больше и человеческих и денежных жертв, чем взятие Порт-Аргура,

и что страна должна готовиться к этому, что Россия возродит на Тихом океане сильный флот».

Пожелаем же Японии, ввиду непрекращающихся слухов и газетных сведений о готовности и намерениях ее снова воевать с нами, не забывать этих слов, высказанных устами столь авторитетных государственных людей ее.

Что касается жгучего вопроса причин беспримерных в нашей военной истории неудач, то, конечно, они лежат не в отношении русского народа, русского общества и русской печати к войне и к своей армии, как это думает генерал Куропаткин в своем труде — отчете о войне. Не имея, однако, возможности входить здесь в полемику с ним по этому глубоко волнующему нас вопросу[38], мы выскажем здесь лишь наше искреннее убеждение, разделяемое и другими военными писателями-историками минувшей войны, подкрепляемое, думается нам, всем содержанием настоящей книги, что причиною наших военных неудач в войне с Японией были исключительно неискусные стратегические действия наших вождей. Наша неподготовленность к войне усугубляла лишь последствия их, но не обусловливала их, она могла удорожить цену наших возможных побед, но не лишить их нас вовсе. Ибо не изжита еще боевая сила русского народа, не потеряли еще власть над ним такие стимулы государственной жизни, как честь, достоинство и польза Родины, не иссякла еще исконная доблесть и стойкость русского офицера и солдата — и отступали они перед врагом только по приказу своих генералов, только для осуществления планов роковой пассивной стратегии своего полководца.

Примечания

[1] Назначение генерала Линевича состоялось 2 марта, т. е. через 4 дня после мукденского сражения. Генерал Куропаткин по собственному желанию остался при армии и был в скором времени назначен командующим 1-й маньчжурской армией. — *Прим. авт.*

[2] Русско-японская война на суше и на море. Вып. VIII. Изд. В. Березовского. С. 227. — *Прим. авт.*

[3] Там же. — *Прим. авт.*

[4] *Семенов Вл.* Расплата. С. 272. — *Прим. авт.*

[5] *Семенов Вл.* Цена крови // «Вестник Европы». 1909. Май. С. 80. — *Прим. авт.*

[6] Разговор происходил в день выхода эскадры в поход. — *Прим. авт.*

[7] *Семенов Вл.* Расплата. С. 231–232. — *Прим. авт.*

[8] Об угольных погрузках на эскадре адмирала Рожественского см. отдельную главу в кн. *Кравченко В.* Через три океана. СПб., 1910. — *Прим. авт.*

[9] *Лейтенант С. (К. К. Случевский).* Стихотворения. 1907. — *Прим. авт.*

[10] Три корабля с адмиральскими именами были «броненосцами береговой обороны», а не дальнего плавания. Относительно броненосца «Император Николай I» свидетель по делу Небогатова шкипер дальнего плавания Преображенский сказал на суде, что «на таком старом сапоге только и осталось, что сдаться» (*Дубровский Е. В.* Дело о сдаче японцам 1) миноносца «Бедовый» и 2) эскадры Небогатова. Отчет. СПб., 1907. С. 152). — *Прим. авт.*

[11] Речь идет собственно о флагманском судне эскадры броненосце «Император Николай I». — *Прим. авт.*

[12] *Дубровский Е. В.* Дело о сдаче японцам 1) миноносца «Бедовый», 2) эскадры Небогатова. Отчет. СПб., 1907. С. 146, 147, 149 и 150. — *Прим. авт.*

[13] Там же. С. 171–172. — *Прим. авт.*

[14] См. подробнее об этом инциденте в кн. *Семенов Вл.* Расплата. СПб., 1908. С. 251–258, 265–268. — *Прим. авт.*

[15] Следом за этим отрядом прошел через канал и указанный выше отряд японских судов (*Семенов Вл.* Расплата. С. 267). — *Прим. авт.*

[16] Война с Японией на суше и на море. Вып. VIII. Изд. В. Березовского. С. 228. — *Прим. авт.*

[17] Майдзуру. — *Прим. сост.*

[18] См.: Последние дни 2-й тихоокеанской эскадры: Воспоминания одного из участников Цусимского боя. СПб., 1906. С. 31. — *Прим. авт.*

[19] Там же. С. 41. — *Прим. авт.*

[20] Там же. С. 38. — *Прим. авт.*

[21] Последние часы броненосца «Князь Суворов» подробно описаны в кн.: *Семеновым Вл.* Бой при Цусиме. СПб., 1906. — *Прим. авт.*

[22] См. кн.: Последние дни 2-й тихоокеанской эскадры. С. 162. — *Прим. авт.*

[23] За это отставной адмирал Рожественский, флаг-капитан, капитан I ранга Капье-де-Колонг, флаг-штурман полковник Филиповский, заведывавший военно-морским отделом штаба, капитан II ранга Семенов, флаг-офицеры мичман Демчинский и лейтенант Кржижановский, флагманский минный офицер лейтенант Леонтьев, командир миноносца капитан II ранга Баранов и офицеры миноносца лейтенант

Вечеслов и мичманы Цвет-Колядинский и О'Бриен-де-Ласси были преданы суду особого присутствия военно-морского суда Кронштадтского порта, который, рассмотрев это дело в июне 1906 г., признал виновными Клапье-де-Колонга, Филиповского, Баранова и Леонтьева в сдаче миноносца неприятелю без боя и приговорил их к смертной казни через расстреляние. Но, принимая во внимание, что «нравственные и физические силы подсудимых были подорваны беспримерным по трудности походом, потрясены гибелью многих судов эскадры и что к сдаче их побудило желание спасти жизнь адмирала, суд ходатайствовал пред Государем Императором о замене определенного им по закону наказания Клапье-де-Колонгу и Баранову исключением из службы, а Филиповскому — отставлением от нее. Адмирал Рожественский, как не вполне сознававший по состоянию своего здоровья значение происходивших вокруг него событий, и остальные подсудимые были оправданы. — *Прим. авт.*

[24] *Семенов Вл.* Цена крови // «Вестник Европы». 1909. Июнь. С. 565). — *Прим. авт.*

[25] Судом особого присутствия военно-морского суда Кронштадтского порта бывший контр-адмирал дворянин Небогатов и бывшие командиры судов его отряда дворяне Лишин, Григорьев и Смирнов были приговорены к смертной казни, которая, однако, по ходатайству суда была заменена Государем Императором заточением их в крепость на десять лет. В 1909 г. все они, как и Стессель, по Высочайшему повелению были освобождены из заточения. — *Прим. авт.*

[26] См.: *Семенов Вл.* Цена крови // «Вестник Европы». Июль. 1909. С. 42–43. — *Прим. авт.*

[27] Это было в июле 1908 г. — телеграмма из Наугейма. З. П. Рожественский умер 1 января 1909 г. — *Прим. авт.*

[28] Отряд наш потерял в этом набеге 3 офицеров и 35 казаков убитыми и 11 офицеров и 138 казаков ранеными. — *Прим. авт.*

[29] Особенно характерно он проявился 3 июня под Ляонвоной, где 23 эскадрона японских драгун Акиямы появилась было пред 10 слабыми сотнями сводной Урало-Забайкальской дивизии. С радостью сотни пошли на них в атаку, но Акияма не принял удара и отошел за пехоту. — *Прим. авт.*

[30] См.: Оборона Сахалина в русско-японскую войну 1904—1905 гг. // «Военный Сборник». 1909. №11 и 12. — *Прим. авт.*

[31] Правильно — Харагути. — *Прим. сост.*

[32] Командующий войсками острова генерал-лейтенант Ляпунов так же, как и генерал Стессель и адмирал Небогатов, подлежал суду за это деяние, но смерть 19 февраля избавила его от ответственности. — *Прим. авт.*

[33] Первоначально предназначен был бывший министр юстиции, в то время посол наш в Риме, статс-секретарь Муравьев. Его болезнь помешала этому назначению. — *Прим. авт.*

[34] Ура. — *Прим. сост.*

[35] Правильно — Кобэ. — *Прим. сост.*

[36] Правильно — Нагоя. — *Прим. сост.*

[37] На выпускаемых в Японии в последнее десятилетие картах Курильские острова вновь окрашены в цвет Японии. — *Прим. сост.*

[38] Частный ответ на это дают отчет о деятельности Российского общества Красного Креста во время русско-японской войны и труд Т. И. Поднера — «Общеземская организация на Дальнем Востоке» (М. 1908). — *Прим. авт.*

Е. М. Османов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЯПОНСКОЙ РАЗВЕДКИ И РОССИЙСКОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг.

К началу русско-японской войны разведывательная служба в Японии имела многовековую историю. Уже в XVI в. была хорошо организована разведка и наблюдение за всеми слоями общества внутри страны. Необходимости же в заграничном шпионаже не было, так как вследствие политики «самоизоляции» внешние контакты вплоть до середины XIX в. были весьма ограниченными.

В книге бывшего русского дипломата в Японии А. Пеликана «Прогрессирующая Япония», изданной в Петербурге в 1895 г., автор, рассматривая вопрос о государственном устройстве Японии, делает вывод о том, что деспотическая форма государственного устройства, установленная в конце XVI в. сёгуном Токугава Иэясу и продержавшаяся вплоть до революции Мэйдзи 1867–1868 гг., своим существованием в значительной мере обязана хорошо организованной системе шпионажа внутри страны.

Организация широкой разведки во всех слоях общества была вызвана необходимостью оградить власти бакуфу и назначаемых им провинциальных чиновников от заговоров и интриг крупных феодалов — «даймё» и контролем над деятельностью самих чиновников.

Наличие опыта внутренней разведки позволило японскому Генеральному штабу уже в конце XIX и особенно в начале XX в. быстро и сравнительно легко организовать широкую разведовательную сеть в государствах, которые Япония рассматривала объектом своей внешней экспансии, и в первую очередь в Китае. Победа в японо-китайской войне 1894–1895 гг. заставила Японию обратить взор на Россию, которая стала рассматриваться основным препятствием японской экспансии на Дальнем Востоке.

Готовясь уже с конца XIX в. к военному захвату Маньчжурии и русских дальневосточных земель, японцы стали активно проводить разведывательную работу внутри России.

Еще за 10 лет до начала русско-японской войны японцы направили в Россию, и в особенности в Маньчжурию и на Дальний Восток, большое количество своих шпионов и диверсантов, на основании получаемых от них сведений тщательно изучали организацию и боевые возможности российской армии и флота, будущий театр военных действий, и составляли оперативные планы ведения войны.

По далеко не полным данным, составленным на основании материалов жандармских органов России, количество японских шпионов, действовавших на территории нашего государства, к началу русско-японской войны доходило до пятисот человек. Разумеется, сведениями от японской стороны, вследствие специфики проблемы, мы не располагаем и по сей день.

Изучение методов и приемов разведывательной работы Японии в период русско-японской войны показывает, что подготовка к войне проводилась японцами не только внутри государства, на которое намечено было напасть, не только в смежных государствах, но даже в государствах, на первый взгляд, не имевших никакого отношения к той стране, на которую готовилось нападение.

Готовясь к войне с Россией, японское военное министерство тщательно знакомилось с материалами последних войн, которые вела Россия, не только путем изучения пись-

менных документов, но и путем непосредственного обследования тех местностей, где происходили сражения между Россией и ее противниками. Так, например, японские офицеры изучали в Болгарии все поля битв во время войны 1877–1878 гг., все маршруты, по которым двигались русские войска, особенно интересуясь теми территориями, где русские войска терпели неудачи.

Из австрийских источников известно, что японское военное министерство в начале русско-японской войны раздало своим офицерам брошюру, в которой описывались способы ведения русскими войн в 1812, 1853–1854 и в 1877–1878 гг.

Что касается русской разведки в Японии в предшествующий войне период и в ходе ее, она была организована не на должном уровне. Одной из причин бесславно проигранной войны, помимо общеизвестных причин, был недостаток информации о противнике, его армии и флоте. Все это проистекало из-за недооценки роли разведки на территории страны вероятного противника. О слабости русской разведки в Японии свидетельствует и тот факт, что в Японию, традиционно рассматривавшуюся сугубо морской державой, отправлялись лишь «морские агенты» (в 1900–1904 гг. этот пост занимал А. И. Русин). «Военного агента» Россия не отправляла в Японию до конца войны. Хотя справедливости ради следует заметить, что в 90-е годы XIX в. Россия направила в свои дипломатические представительства в Японии несколько кадровых офицеров. Но незнание ими ситуации и правил работы (лекции о разведывательной деятельности для агентов были включены в программу обучения в Академии Генерального штаба лишь после войны), а главное — незнание японского языка делало их пребывание в Японии чисто формальным. Более-менее нормальная работа российской разведки в Японии началась только после окончания русско-японской войны[1].

В свою очередь, для противодействия угрозе шпионажа на территории России еще за год до начала военных действий генерал Куропаткин предлагал учредить особый

секретный розыскной орган, назвав его для конспирации «разведочным отделением». 21 января 1903 г. на докладной записке военного министра появилась личная резолюция Николая II — «Согласен». Так было положено начало российской контрразведывательной службе.

«Разведочное отделение» создавалось в глубокой тайне. Поскольку военные атташе иностранных государств (основные центры шпионажа на территории страны) находились в столице России, основным районом деятельности нового органа определялся Петербург и его окрестности. Главными его задачами должны были являться охрана военной тайны и обнаружение деятельности лиц, выдающих ее иностранцам.

Становление контрразведки в России связано с именем Владимира Николаевича Лаврова — ротмистра Отдельного корпуса жандармов, специалиста по тайному государственному розыску. В своем первом отчете за 1903 г. Лавров отмечал, что для ловли шпионов одного наружного наблюдения недостаточно. Нужна хорошая внутренняя агентура, работающая в разных правительственных учреждениях, в гостиницах, ресторанах и т. д.

За период с 26 июня по 10 декабря 1903 г. под наблюдением отделения Лаврова состоял японский военный агент подполковник Мотодзиро Акаси. Акаси не был новичком на военно-дипломатическом поприще. После окончания военного колледжа и Академии в Токио он служил на Тайване и в Китае, а перед назначением в Россию занимал пост военного представителя страны восходящего солнца во Франции. Это был сильный противник. Лавров в своих отчетах отмечал, что Акаси работал усердно, собирал все возможные сведения. Тем не менее он был разоблачен и вынужден перебраться в Стокгольм, откуда продолжал вести подрывную деятельность против России[2].

В целом, в годы, предшествующие русско-японской войне, контрразведку осуществляли управление 2-го генерал-квартирмейстера Главного штаба, Главный морской штаб, МИД и, конечно, Департамент полиции Ми-

нистерства внутренних дел. От всех этих ведомств осталось огромное количество архивных материалов, большая часть которых сосредоточена в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Российском государственном Военно-историческом архиве (РГВИА), Российском государственном архиве Военно-Морского Флота (РГА ВМФ, С.-Петербург) и Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). Значительная часть этих архивов долгое время была засекреченной, что не позволяло сделать материалы достоянием общественности. В 1992 г. был рассекречен комплексе документов Департамента полиции в ГА РФ. Эти документы включают переписку Департамента полиции с различными учреждениями по вопросам контрразведки, донесения чиновников и агентов департамента, выполнявших специальные контрразведывательные поручения и доклады.

Однако еще в 1944 г. Главное управление НКВД СССР выпустило под грифом «секретно» сборник материалов, посвященный японскому шпионажу в царской России[3]. Разумеется, в силу ограниченности тиража данный сборник сегодня является библиографической редкостью, и мы считаем уместным в полном объеме опубликовать содержащиеся в нем документы.

Действия российской контрразведки непосредственно в годы русско-японской войны характеризовались рядом успешных операций. Так, уже в конце января 1904 г. военный губернатор Забайкальской области генерал-лейтенант И. П. Надаров приказал за всеми японцами, проживавшими в области, установить «строгий надзор». Необходимость этой меры, одобренной императорским наместником на Дальнем Востоке Е. И. Алексеевым, мотивировалась «ограждением остающихся на жительстве в Забайкальской области японских подданных от всяких случайностей»[4]. Вскоре по настоянию директора Департамента полиции японским подданным было запрещено жить по линии Сибирской железной дороги, а из Иркутска они вообще были выселены.

В начале июля 1904 г. в рамках Особого отдела Департамента полиции было создано специальное «Отделение по розыску о международном шпионстве» во главе с И. Ф. Манасевичем-Мануйловым. Это отделение, не имевшее определенного штатного расписания и каких-либо письменных инструкций, было временным образованием, созданным лишь на время продолжения военных действий.

К лету 1904 г. российская контрразведка освоилась с новыми условиями работы, вызванными войной, и, пытаясь перехватить инициативу у японцев, начала действовать с упреждением, в основном за пределами России. В самой же России к этому времени деятельность контрразведки велась достаточно планомерно, и сообщения различных учреждений, занимавшихся слежкой за иностранными шпионами, наводнили Петербург.

Особое место в истории русской контрразведки в годы войны с Японией как самая продолжительная и дорогостоящая операция занимает охрана 2-й тихоокеанской эскадры под командованием Рожественского. Как известно, для борьбы с Японией на море после неудач русского флота с апреля 1904 г. началось формирование подкрепления, в состав которого вошли суда, которые в состоянии была собрать Россия. Об их технических характеристиках говорить не приходится. Даже по мнению командующего эскадрой, шансов на успех у нее не было. Действительно, эскадра полностью погибла в цусимском сражении, которое и решило исход войны в пользу Японии.

Но как бы то ни было, действия контрразведчиков, занятых охраной эскадры на ее пути на Дальний Восток, заслуживают высокой оценки. Уже с конца апреля 1904 г. из разных и независимых друг от друга источников в Петербург стала поступать информация о подготовке японцами диверсий на пути следования эскадры из Европы на Дальний Восток. Хотя маршрут движения эскадры был засекречен, очевидные точки ее прохода было определить легко. К полученным сведениям в Петербурге отнеслись более чем серьезно. 25 мая 1904 г. адмирал З. П. Рожественский писал

адмиралу А. А. Вирениусу: «По поводу сообщений Павлова и Десино следует, мне кажется, принять серьезные меры. 1. Прежде всего предупредить наши суда в Средиземном море, чтоб не зевали и держали себя везде ... на военном положении, не упуская сторожевой службы, заряжения орудий на ночь и должной бдительности как ночью, так и днем. 2. Сообщить Чухнину и Бирилеву, что настало время принимать соответствующие меры во всех портах Черного и Балтийского морей и повышать постепенно настороженность по мере приближения времени отхода эскадры». Далее адмирал предлагал «разбудить» российские консульства и посольства, а главное — обратиться в Департамент полиции, «чтобы на счет Морского министерства командировал тайных агентов... для исследования шведских и норвежских шхер и мелких портов, а также в местности по Бельтам и Зунду»[5]. Просьба Рожественского была принята, и в июне — июле 1904 г. департамент полиции принял меры к выяснению подлинных замыслов японцев путем организации усиленного агентурного наблюдения за японцами, прибывшими в Европу. К организации этой работы были привлечены крупные русские разведчики — коллежский советник А. М. Гартинг, подполковник Отдельного корпуса жандармов В. В. Тржецяк и агентура департамента полиции Франции. Кроме того, департамент полиции зафрахтовал несколько иностранных судов и катеров для несения охранной службы в Северном море.

Благодаря принятым мерам удалось выяснить, что японский военно-морской агент в Берлине, некий капитан Такикава, с помощью немецкой разведки установил на датском побережье секретное наблюдение за прохождением русских судов в указанных морях. Целью этого наблюдения было выяснить дату прохождения эскадры Рожественского через Немецкое море и организовать на нее нападение.

Хотя в охраняемых местах ничего не произошло (скорее из-за бездействия японцев, чем действий русской контрразведки), 7 октября произошел так называемый «Гулльский инцидент», который чуть не положил начало войне с Ве-

ликобританией и в подготовке которого, по мнению многих исследователей, участвовали совместно японцы и англичане. Но даже сегодня, спустя 100 лет после тех трагических событий, вся правда об этом инциденте не выяснена. Кто виноват в нем? Ответ на этот вопрос предстоит еще дать историкам.

Несмотря на успехи российской контрразведки в борьбе с японскими агентами на территории России, в целом работа была поставлена из рук вон плохо. Ее отличали невнимательность, заорганизованность, а иногда и полная неорганизованность, недостаток сведений о Японии и японском менталитете. Возглавляемое Лавровым отделение вскоре после войны было ликвидировано.

Вместе с тем нельзя не признать, что в годы русско-японской войны российской контрразведке удалось решить ряд важных задач. Были обнаружены и перекрыты каналы утечки секретной информации за рубеж, серией крупномасштабных операций удалось обеспечить безопасность прохода судов 2-й тихоокеанской эскадры на Дальний Восток и установить контроль за деятельностью японской агентуры в западноевропейских странах. Учитывая опыт русско-японской войны, в последующие годы был предпринят ряд мер по улучшению организации контрразведывательной службы. Эти меры, в частности, предусматривали более тесное взаимодействие Департамента полиции и его местных органов с военной контрразведкой. Таким образом, наметившееся еще в 1904–1905 гг. превращение Департамента полиции в центр координации всей контрразведывательной работы в России стало обретать реальные очертания.

В свою очередь комплектование японских агентов в России для японских разведывательных органов в первое время представляло значительные трудности. Они были связаны с тем, что вплоть до начала XX в. знание русского языка в Японии не получило широкого распространения. С другой стороны, появление японцев в России, вследствие их значительных внешних отличий от коренного населе-

ния, не могло не привлечь к себе внимания и не вызвать подозрения о подлинных целях этого появления. Не случайно при подготовке кадров для работы в России Японии приходилось проявлять значительную изобретательность и гибкость.

Подготовка квалифицированных разведчиков, способных руководить работой рядовых шпионов, в Японии осуществлялась специальными отделениями, находившимися в непосредственном ведении Генерального штаба. В эти отделения, находившиеся в Токио и в Шанхае, ежегодно набирались молодые японцы. Поскольку появление японца в России сразу же привлекало ненужный интерес, ставка японских военных властей была сделана на «превращение» занятых шпионажем японцев в китайцев, которых, вследствие хороших отношений России и Китая, находилось в стране огромное число.

Пройдя длительный путь обучения в усвоении внешних китайских навыков, эти будущие шпионы становились мало отличаемыми от китайцев. Такие разведчики направлялись для организации шпионской работы в Китай, Маньчжурию, Корею и Россию.

Готовясь к войне с Россией, Япония организовала широкую разведочную сеть в сопредельных России странах — Китае (Маньчжурии), Корее, Монголии. Переодетые нищими, путешественниками и торговцами, опытные японские топографы работали над сверкой ранее составленных карт будущего театра военных действий. Много японских шпионов было внедрено в гражданские учреждения, в инструкторский состав китайской и корейской армии. На подкуп китайских должностных лиц японцы тратили огромные средства, и результаты этого не замедлили сказаться. Во время японо-китайской войны 1894–1895 гг. многие китайские телеграфные служащие продавали японцам сведения о дислокации и перемещении войск, а подкупленные генералы и офицеры приказывали войскам отступать или сдаваться. Бесспорно, одной из причин победы Японии в войне против Китая была хорошо налаженная разведочная

деятельность японского Генерального штаба. Эти же причины во многом предопределили исход и русско-японской войны.

В 1898 г. было организовано японское общество «Тоадобункай» — «Восточное общество единой культуры», созданное для «улучшения испорченных войной японо-китайских отношений». Под эгидой общества в 1899 г. в городах Баодин, Нанкин, Сватоу и других был открыт ряд школ японского языка. В действительности, общество, представлявшее собой замаскированную организацию японской разведки, занималось широкомасштабной вербовкой китайского населения, для чего активно приглашало китайских студентов и служащих «погостить» в Японии. Были и другие пути подготовки нужных кадров резидентов в Китае на случай войны с Россией. Большое количество японцев отправлялось в Китай, где они под видом изучения китайского языка селились в китайских семьях и проводили «разъяснительную» работу. К 1903 г. большинство преподавателей западных наук в китайских школах были японцами. Постоянно увеличивалось число и военных шпионов. Так, в 1900 г. в Тяньдзин прибыла группа японских военных инструкторов во главе с майором Аоки, японским военным агентом в Пекине, и капитаном Сиба.

С начала 1902 г. японцы стали забирать в свои руки полицейский аппарат Китая. Японский полковник Аоки «по просьбе» китайского генерала Натуна, начальника городской охраны Пекина, занялся организацией сил китайской полиции в столице. Вскоре почти все губернаторы «пригласили» японцев для реорганизации китайской полиции. Одновременно с этим в правительственном аппарате Китая шла замена неугодных японцам китайских чиновников сторонниками сближения с Японией. Такая же ситуация сложилась и в Корее.

Японский шпионаж в Маньчжурии облегчался тем, что Маньчжурия находилась в тесных торговых отношениях с Японией. Большинство китайских фирм, имевших отделения во всех значительных городах Маньчжурии, бы-

ла тесно связана с Японией. Для усиления своего влияния японское правительство посылало «на практику» в Маньчжурию лиц, окончивших средние и высшие японские коммерческие училища. Это давало возможность осуществлять экономический шпионаж не только в Маньчжурии, но и приграничных районах Китая, России и Монголии.

В пограничной с Россией Монголии накануне войны японская разведка также развернула активную деятельность. Основные кадры японских разведчиков поставляли многочисленные священнослужители — ламы, составлявшие в то время значительную часть мужского населения страны и по своему положению освобожденные от всякой работы и военной службы. Разбросанные по всей Японии многочисленные монастыри, которые японский Генеральный штаб щедро поддерживал денежными вливаниями, представляли собой удобные центры местного шпионажа. Одновременно японский Генеральный штаб через своих агентов подчинил своему влиянию феодальных монгольских князей и старейшин, усиленно распространяя среди них идею спасения Японией азиатских народов от «северных варваров» — русских.

Опираясь на своих резидентов, командированных задолго до войны на территорию России, Маньчжурии и других стран, японская разведка разбила весь район фронта и тыла царской армии вдоль линии железной дороги на сектора. Это облегчало японским разведчикам наблюдение за передвижением русских войск и обеспечивало японской разведке своевременное получение сведений.

На японской территории таким сектором обычно руководил офицер японской разведки или один из агентов-шпионов, окончивших перед войной школы шпионажа в городах Чинчжоу (Корея), Инкоу и Цзинъ-Чжоу (Маньчжурия). Он контролировал всю разведывательно-шпионскую работу на участке, производил расчеты со шпионами, сортировал и проверял сообщаемые ими сведения и передавал эти сведения дальше.

Японские шпионские группы располагали значительными средствами для шпионско-диверсионной работы и для приобретения помещений, которые приближали их к массе населения. Как правило, приобретались небольшие мелочные лавчонки, преимущественно булочные, которые посещались всеми слоями населения. В эти лавочки в числе других покупателей приходили солдаты и офицеры русской армии, из разговоров которых, иногда неосторожных, можно было узнать очень многое, не говоря уже о том, что офицерские и солдатские погоны давали возможность определить, какие новые части русских появились в этом районе.

Обычно беседа с русскими офицерами и солдатами начиналась «случайным» вопросом, который задавал старший группы шпионов как хозяин заведения, а остальные шпионы работали «молча» приказчиками, грузчиками или просто толпились около лавчонки.

Немало шпионских сведений получили офицеры японского Генерального штаба и от посетителей опиекурилен.

Одной из наиболее распространенных среди японских шпионов и разведчиков профессий была профессия фотографа. Некоторые из фотографов-разведчиков оказывали большие услуги японскому Генеральному штабу.

Среди японских шпионов, подвизавшихся в тот период в качестве «фотографов», выделялся японец Нарита, который вел перед войной активную шпионскую работу во Владивостоке. Нарита специализировался на групповых снимках преимущественно военнослужащих. Он брал за снимки меньше, чем другие фотографы, и военных, желавших сниматься, у него всегда было хоть отбавляй. Недели за две до начала войны Нарита исчез из Владивостока, имея весьма точные сведения об офицерском составе пограничных царских частей, причем на некоторых увезенных им фотографических карточках красовались даже факсимиле незадачливых офицеров, очарованных деликатным обращением и мастерской работой Нарита. В результате у японского Генерального штаба были весьма точные, обогащенные фотографиями, сведения о командном

составе царских пограничных войск, стоявших во Влади востоке.

Отдельные японские офицеры работали также «прачками» или охотно ловили «рыбу» в водах близ русских берегов.

Более того, уже во время войны было обнаружено несколько японских шпионов, работавших санитарами в русских госпиталях.

Японские шпионы работали также поварами, кочегарами и официантами на русских и иностранных пароходах, курсировавших между русскими и иностранными портами. Японские шпионки охотно устраивались на работу в качестве нянек и горничных в семьи к военным или к знакомым военных.

Неплохо были осведомлены о России задолго до войны и многие другие офицеры и генералы, работавшие в штабах японской армии. Так, начальник штаба маршала Ояма генерал Кодама, которого считают автором плана войны с царской Россией, долгое время прожил в Амурской области.

Очень часто шпионские группы работали в качестве строительных рабочих над возведением укреплений, собирая точные сведения о размерах этих укреплений, тем более что русское командование во время русско-японской войны показывало исключительные образцы преступной небрежности и в отношении хранения военной тайны. Так, например, при постройке портов на Куанчендской позиции подрядчикам-китайцам были выданы планы фортов. Более того, даже охрана этих фортов была организована из сторожей-китайцев.

В тылу царской армии во время войны такие шпионские группы японцев, действовавшие на территории сектора, обычно возглавлялись японскими шпионами-китайцами. Они, как и руководители шпионских групп на японской территории, имели в своем распоряжении группу шпионов от трех до пяти человек.

Каждый из этих шпионов получал конкретное зада-

ние, например, произвести рекогносцировку определенного участка оборонительной линии и установить наблюдение за передвижением какого-нибудь определенного войскового соединения. Это не составляло большого труда, так как указатели дорог и вывески о расположении частей и штабов расквартированных русских войск очень облегчали такого рода разведку. Лазутчикам противника не составляло абсолютно никакого труда собрать сведения о войсках, расположенных в том или ином районе, для этого нужно было только обойти и записать все то, что они видели на этих вывесках.

Это, в свою очередь, давало возможность японскому командованию использовать для шпионажа даже малограмотных или неграмотных китайцев и корейцев, которым давалось задание только зарисовать погоны, воротники или шапки солдат частей, расположенных на их участке. Полученные таким путем сведения о расположении русских войск в соединении с другими данными, полученными от 400–500 шпионов, которыми располагали войсковые штабы японской армии, представляли разведывательный материал большой ценности.

Сбором сведений в пользу японцев во время войны занимались также мелкие торговцы — китайцы и корейцы. Они торговали русским табаком и японскими папиросами, местными лакомствами и безделушками и под этим предлогом успешно собирали нужные японцам сведения.

У многих из царских офицеров служили денщиками китайцы. В Ляояне эти «денщики» аккуратнейшим образом два раза в неделю собирались у японских агентов и давали им сведения о своих господах.

Для получения информации японским разведчикам в большинстве случаев не требовалось никакой хитрости или изобретательности. Нужно было только иметь «своих» людей в общественных местах и слушать то, что болтали многие офицеры, а иногда и солдаты.

Большую группу шпионов имели японцы и в Мукденском вагоне-ресторане, куда собирались не только военные

агенты и корреспонденты, но также ординарцы, состоявшие в большинстве из гвардейских молодых офицеров. Эти люди, не обращая никакого внимания на присутствие иностранцев, часто, рисуясь знанием иностранных языков, говорили все, что они знали. Разумеется, желающих послушать этих «вояк» было предостаточно.

Обширная своевременно организованная шпионская сеть значительно облегчала работу японской войсковой разведки, иногда почти заменяя ее.

Организацией и повседневным руководством разведывательной деятельности в России занимался японский Генеральный штаб. Он имел в своем распоряжении довольно обширную сеть различных организаций, обществ и бюро, на которые возлагалась практическая шпионская деятельность на территории России. Возглавляли эти организации обычно офицеры японского Генерального штаба.

Созданием этих учреждений японцы преследовали две главные цели — закрепить свои позиции в Маньчжурии, Корее и на российском Дальнем Востоке через официально существующие учреждения и организовать через них широкую агентурную сеть.

В 1903 г. Япония основывает в Корее так называемое «Корейское национальное общество» — «Ильтин-Хой». Его основной задачей, изложенной в уставе общества, являлось создание японской агентуры среди корейцев и подготовка из них кадров, могущих вести разведывательную работу в Уссурийском крае и в Маньчжурии.

Другой организацией, имеющей крупное значение в шпионской работе, являлось созданное также до войны 1904 г. во Владивостоке общество из японских подданных. Устав этого общества и его программа были разработаны известными японскими разведчиками в сане дипломатических представителей — Каваками и Номура. В целях более широкого использования членов общества в интересах японского правительства и, в особенности в шпионской работе, общество было поставлено в прямую зависимость от консула.

Масса других обществ и организаций, создаваемых японским Генеральным штабом на Дальнем Востоке, в Маньчжурии и Корее, всячески маскировались экономическими, коммерческими и иными целями.

Многие японские шпионы, офицеры Генерального штаба, «специализировались» в качестве содержателей публичных домов и курилен опиума. «Японские» улицы таких русских городов, как Владивосток, Никольск и другие, состояли почти сплошь из публичных домов. Число японских шпионов-сутенеров и содержателей публичных домов колебалось в среднем от одной трети до одной пятой всех японских подданных, проживавших в городах Дальнего Востока. И проститутки, и офицеры японского генерального штаба делали одно общее дело. Они не гнались за деньгами, а выкрадывали из полевых сумок, портфелей и карманов посетителей публичных домов различные документы.

Так, например, в городе Мукдене вплоть до русско-японской войны штаб-офицер Нагакио содержал четыре публичных дома, через которые собирал необходимые шпионские сведения для японского Генерального штаба.

В Порт-Артуре еще до войны 1904–1905 гг. долгое время существовал публичный дом, открытый американской подданной Жанетой Чарльз. Помимо «обычного» для данного заведения занятия, шпионское ремесло в его стенах достигло чрезвычайно больших размеров. После закрытия полицейскими властями заведения Жанеты Чарльз в Порт-Артуре, она переехала во Владивосток и так же открыла публичный дом под названием «Северная Америка». Так же, как и в Порт-Артуре, во Владивостоке велась разведывательная деятельность в пользу Японии и ее союзников (Великобритании и США).

Большую помощь японской разведке на территории России оказывали и немецкие подданные. Так, немецкая фирма «Кунст и Альберс», монополизировавшая торговлю на Дальнем Востоке, занималась шпионажем в пользу Германии и Японии. Японские агенты были внедрены в фирму под видом продавцов и мелких служащих, и их донесения

о состоянии русских войск в регионе регулярно появлялись в Генеральном штабе в Токио.

Немало японских шпионов работало приказчиками не только у русских, но и иностранных купцов в городах Дальнего Востока. Один из английских торговцев, часто бывавший во Владивостоке, имел здесь своего приказчика-японца. В начале января 1904 г. этот «приказчик» заявил своему хозяину, что больше он работать не будет. Англичанин никак не мог уговорить его не бросать работы, хотя и обещал ему утроить жалованье. Каково же было изумление англичанина, когда он по приезде в Токио встретил на одной из главных улиц города «своего» приказчика в форме капитана японского Генерального штаба. Офицеры японского Генерального штаба нередко устраивались на работу в парикмахерских городов или станций, где стояли гарнизоны царской армии. Обслуживая офицеров и солдат, шпионы-парикмахеры устанавливали состав расквартированных частей армии, добывая сведения, нужные японскому Генеральному штабу.

Вместе с сотрудниками Генерального штаба, разведывательной деятельностью занимались и японские дипломаты, при этом особую активность проявил японский посол в Петербурге.

Таким образом, японский Генеральный штаб еще задолго до начала русско-японской войны сформировал обширную агентурную сеть в России, через которую собирал все необходимые сведения о будущем дальневосточном театре военных действий.

С началом войны японские агенты основным местом деятельности избрали непосредственно театр военных действий и тылы русской армии. При штабе главнокомандующего японскими вооруженными силами было сформировано Центральное разведывательное бюро, управлявшее деятельностью шпионов в российской армии.

В первые месяцы войны Японии хватало кадров, завербованных еще в мирное время. Но с расширением театра военных действий их число не стало удовлетворять Гене-

ральный штаб. Поэтому Япония спешно стала заниматься вербовкой новых кадров, главным ядром которых стали представители местного китайского населения.

Проведению успешной вербовки китайцев на сторону японцев способствовало почти полное в связи с войной прекращение местной торговли. Многочисленные китайские торговцы и приказчики остались без работы и охотно соглашались на предложения японцев заняться агентурной деятельностью. Особую ценность для японской разведки составляли китайцы, хорошо знавшие русский язык. На содержание этой категории своих шпионских кадров Япония тратила огромные средства. По свидетельству разоблаченных агентов, они получали по 200 иен ежемесячно, что по тем временам представляло довольно солидную сумму. Не знавшим русского языка и не представлявшим особую ценность агентам выплачивалось около 40 иен.

Всем этим «неблагонадежным» китайцам и корейцам весьма прозрачно и неоднократно давалось понять, что если они согласятся быть шпионами, то будут исключены из списков «неблагонадежных», в противном случае их ожидают неприятности. И действительно, с сопротивляющимися японцы не церемонились. Если шантаж в отношении главы семьи не давал желаемых результатов, японцы подвергали репрессиям его семью. Эта мера была довольно действенной.

Многие китайцы и корейцы, боясь этих репрессий, или оставляли службу у русских, или давали согласие вести шпионскую и разведывательную работу в пользу японцев.

Особую ценность для японской разведки представляли те китайцы и корейцы, которые работали у русских в качестве переводчиков и писцов. Китайцы и корейцы, работавшие у русских и являвшиеся японскими шпионами, очень долго не были разоблачены. Лишь в конце 1904 г., т. е. спустя полгода после начала войны, из ряда дел о японских шпионах удалось установить, что среди переводчиков китайцев и корейцев, работавших в царской армии, были японские шпионы.

Наряду с довоенной вербовкой «неблагонадежных», японцы во время самой войны, захватывая территории, находившиеся до этого в руках России, немедленно развертывали активную работу по вербовке шпионов и разведчиков среди китайцев и корейцев, применяя те же методы: шантаж, подкуп, убийства.

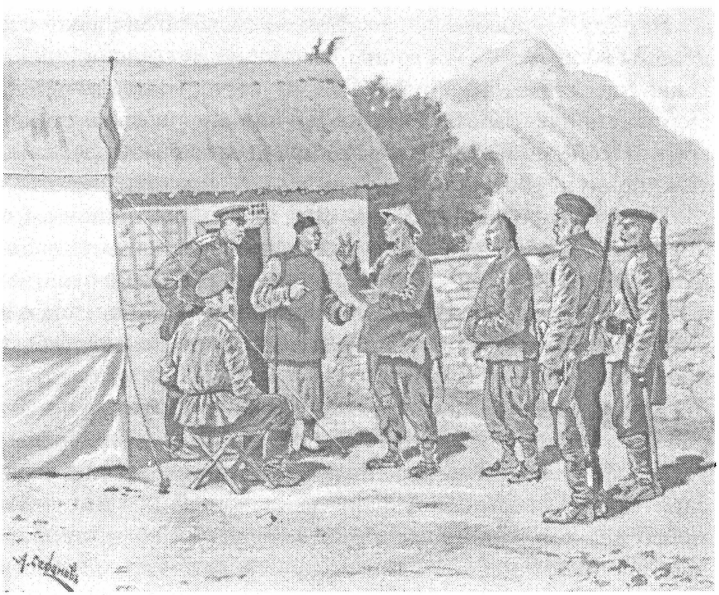
Методы вербовки, применяемые японскими шпионами и диверсантами, в основном сводились к следующему: японцы изучали слабости человека, которого намечено было завербовать, после чего в ход пускались подкуп, шантаж, обманы всякого рода, угрозы, использование недостатков и промахов отдельных людей.

Кроме того, помимо посылки шпионов на тот или иной участок, японцы имели возможность получать подробные устные, а иногда и письменные сообщения о русских войсках через местных жителей, среди которых у них было много знакомых, вольно, а иногда и невольно доставлявших японским шпионам те или другие сведения.

Заняв тот или другой город или деревню, японцы поручали вербовку шпионов и разведчиков резиденту или агенту, который проживал в этом пункте или поблизости и был знаком с окружающей местностью. Резидент вызывал к себе старшину деревни или местечка, а в городе — лицо, ведавшее одним или несколькими кварталами, и предлагал им представить податной (именной) список местного населения, который он сверял со списками местного населения, составленными японской разведкой до войны.

После этого резидент разбивал деревню или квартал города на участки и назначал во главе каждого участка агента, поручив ему наблюдение за всяким новым лицом, приходившим из другой местности. Агентам участков выдавалась награда за доставку подозрительных лиц, приходивших из другой местности, а в ином случае — сыпались репрессии.

Одновременно проводилась вербовка шпионов и разведчиков из той части китайского и корейского населения, которая была разорена войной и в силу тяжелого материаль-

ДОПРОС КИТАЙЦЕВ-ЛАЗУТЧИКОВ
Рис. художника А. Сафонова с театра войны

ного положения и своей моральной неустойчивости, шантажированная японцами, давала согласие выполнять шпионские поручения. Этой категории шпионов японцы платили от 1 до 3 рублей за каждый переход через границу. Кроме того, в занятых местностях японцы принуждали служить себе «нейтральных» китайских солдат, заставляя их наблюдать за движением русских войск.

Иногда дело доходило до того, что китаец, не имевший удостоверения от японцев, не мог показаться в поле. Малейшее подозрение влекло за собой арест. Если же китаец не мог доказать легальность своего появления в известном районе, то японцы без всякого суда предавали китайца публичной казни, зарывая его живым в землю.

Для того чтобы затруднить доступ шпионов и разведчиков со стороны противника, японцы применяли следующий

прием: путем дознания они выясняли пути, по которым шел тот или иной русский разведчик, узнавали названия деревень, где он останавливался, владельцев домов, где он ночевал, после чего привлекали всех этих лиц во главе со старшиной селения к ответственности как пособников русской разведки.

Однако по мере развертывания военных действий японским шпионам и разведчикам становилось все труднее и труднее работать на линии фронта. Использование японцами китайцев и корейцев для разведывательной работы вскоре потеряло свое преимущество. Хотя корейцы и китайцы, как местные жители, хорошо знали местность, но и они стали вызывать у русских не меньше подозрений, чем японцы, особенно после того, как удалось установить наличие среди японских шпионов корейцев и китайцев.

Помимо вербовки китайского населения, японцы привлекали к агентурной работе и родственников солдат, состоявших на службе в российской армии и попавших в плен к японцам. В рапорте полковника Огиевского от 27 июня 1905 г. по этому вопросу сообщалось: «Из рассказов многих шпионов как на суде, так и на предварительном следствии обнаружилось, что японцы, заняв новую местность, путем расспросов выясняют, кто из местных жителей находился на службе в русских войсках или имел с ними сношения, и потом всех таких лиц заносят в категорию подозрительных. Затем, под угрозой жестокого наказания подозрительным жителям предоставляется право заслужить себе расположение японских властей, для чего рекомендуется отправиться на север и, пользуясь своими прежними связями с русскими, доставить интересные японцам сведения»[6].

Разумеется, в условиях войны обучение агентов проводилось с большей поспешностью. После краткосрочного обучения и соответствующей практической подготовки шпионы группами в 3–4 человека направлялись для работы в тылы русской армии. Возглавлял такую группу обычно наиболее опытный агент, хорошо знавший русский язык.

Группе выдавались деньги, на которые она по прибытии в назначенный район открывала какое-либо торговое предприятие или мастерскую для конспирации своих истинных целей.

Члены группы, внедряясь в штат работников ресторанов, погонщиков при обозах, а также в госпитали, успешно собирали интересующие Токио сведения.

Скорейшей доставки собранной информации также уделялось большое внимание. С помощью специальных почтальонов она направлялась через линию фронта в Центральное японское бюро. Для этого к каждой агентурной группе приписывалось несколько надежных почтальонов, что обеспечивало оперативность доставки сведений о вооруженных силах России.

Серьезное внимание уделялось и сбору сведений о передвижении русских войск. Эта информация, несомненно, была стратегически необходимой японцам и давала возможность предупредительно передислоцировать войска. Для сбора такой информации японские агенты были заброшены на все крупные станции Сибирской железной дороги.

В то же время связь между японскими шпионами через фронт, передача донесений была очень затруднительна, особенно в первый период войны, когда японская армия продвигалась мелкими частями.

Своевременная доставка по назначению относительно легко собранных сведений нередко наталкивалась на непреодолимые препятствия. Воюющие стороны находились друг от друга на значительном расстоянии, и поэтому собранная информация часто запаздывала или попадала в руки русских.

Для сохранения и своевременной доставки собранных сведений «по назначению» придумывались всевозможные ухищрения. Так, донесения вплетались в косы китайцев, помещались в подошву обуви, зашивались в складки платья и т. п.

Наряду с этим японские шпионы, заметив, что китай-

цы перед началом боев в их деревне бросали свои дома и уезжали по различным направлениям, стали использовать их для передачи сведений по назначению. Этих беженцев японцы использовали и для прокладки телефонных линий. Так, русские разъезды неоднократно задерживали китайские арбы, груженные пожитками, среди которых оказывались катушки с японским телефонным проводом, а иногда даже находились и телефонные аппараты.

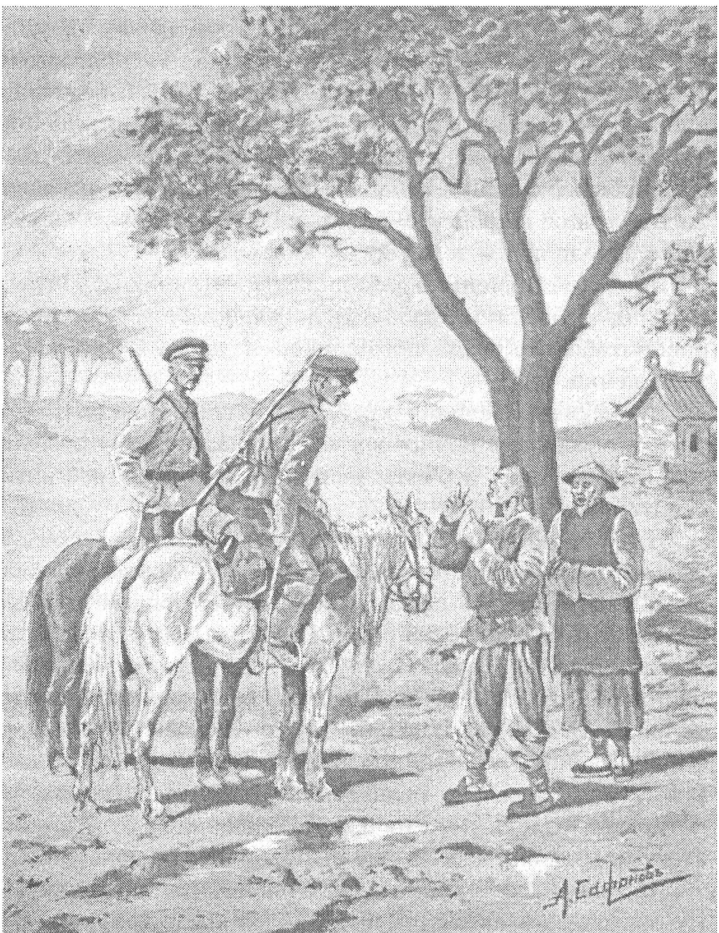
Японские шпионы переходили через линию фронта и под видом бродячих рабочих, носильщиков, странствующих китайских купцов, погонщиков скота, искателей корня женьшень и т. д.

Японские разведчики для доставки донесений по назначению, особенно в ночное время, надевали форму русских солдат, офицеров и очень часто переодевались русскими санитарами.

Для передачи сообщений через фронт применялась и такая уловка. Нарядившись уличным торговцем, шпион в корзине нес товары различных цветов, причем каждый цвет товара обозначал определенный род войск, а каждый мелкий предмет — оружия: трубки — тяжелую артиллерию, папиросы — полевые пушки, а количество этих предметов точно соответствовало количеству того или иного рода оружия на данном участке фронта. На товарах «торговца», кроме того, делались мельчайшими иероглифами записи, которые в отдельности ничего не значили, но, собранные агентом воедино, давали ему полное и четкое донесение.

Передача донесений от одного японского шпиона другому облегчалась их системой. Каждый агент получал крохотный металлический номер, который он мог прятать в косу, между пальцами ног, носить во рту.

В местах наибольшей глубины фронта, доходившей иногда до 60 километров, для быстрой передачи донесений японская разведка использовала специальных «проходчиков», которые передавали сведения от агентов, находившихся по ту сторону кордона. Вся работа этих «проходчиков» заключалась в том, чтобы непрерывно поддерживать

ЛАЗУТЧИКИ
Рис. художника А. Сафонова с театра войны

связь между агентом, которому они были приданы, и тем органом разведки, которому их агент передавал сведения. В роли «проходчиков» выступали многочисленные нищие, китайцы и корейцы, проживавшие в прифронтовой полосе.

Одним из самых доступных источников информации, активно использовавшимся накануне и в ходе русско-японской войны японцами, была российская и заграничная печать.

Очень много ценных сведений о состоянии и передвижении русской армии японский Генеральный штаб получал из русской прессы того времени, которая, несмотря на наличие цензуры, с преступной небрежностью публиковала многие вещи, не предназначенные для достояния общественности. Газеты оперативно сообщали о мобилизации той или иной части войск для отправки на Дальний Восток и даже сообщали сведения «из достоверных источников» о переброске войск в те или иные районы. Разумеется, все эти сведения по телеграфу передавались за границу, в результате чего японский Генеральный штаб имел полное представление о пропускной способности железных дорог, о количестве русских войск и пунктах их сосредоточения. Особо ценным источником сведений о русской армии для Японии был «Вестник Маньчжурской армии», в котором публиковались не только списки потерь, но и указания точных позиций русской армии. Так, в №212 и 245 «Вестника» были помещены «всеподданнейшая» телеграмма главнокомандующего генерала Линевича и приказ о производстве смотра прибывшим на театр военных действий пластунской бригаде, 4-й стрелковой бригаде и кавказской казачьей дивизии. В №225 был опубликован приказ главнокомандующего за №444 о производстве смотра 5, 17 и 9-му армейским корпусам 3-й армии и 10 и 6-му сибирским корпусам 3-й армии.

Число таких приказов было огромно, и естественно, что все эти сведения при свободной продаже русских военных газет и мощной разведывательной японской сети немедленно использовались японцами при планировании стратегических операций.

Военной тайной пренебрегала и другая известная газета — «Русский инвалид», в номерах которой давались объявления, призвавшие высылать материалы к годовщине того или иного полка. В подобных объявлениях указывался

не только точный адрес воинской части, но и краткая история ее существования.

Японский Генеральный штаб получал оперативные сведения и из иностранной прессы, особенно из французской газеты «Ля Франс Милитэр». Так, весной 1904 г. эта газета, имевшая непосредственный контакт с русской печатью, поместила сообщение о предстоящей отправке на фронт корпусов русской армии, причем перечень этих корпусов и их назначение в предстоящих военных операциях были сообщены газетой совершенно точно.

Широко используя приводимые в русской и иностранной печати сведения о русских войсках, японский Генеральный штаб установил строжайшую цензуру всей японской прессы, которой за несколько недель до начала войны было запрещено печатать что-либо о передвижениях японских войск. Строгость японской цензуры видна и по иностранной печати, которая, имея возможность публиковать подробные описания действий русских войск, совершенно не имела сведений о передвижении и дислокации японских подразделений. Иностранные корреспонденты ждали разрешений для поездки на фронт по полгода, а иногда и больше, причем получение разрешения часто обставлялось так, что иностранный корреспондент предпочитал уехать домой, чем писать о дозволенном.

Не бездействовала японская разведка и в центральных регионах России. Эта деятельность осуществлялась посредством японской дипломатической миссии в Вене. К началу русско-японской войны эта миссия стала играть роль японского разведывательного центра, во главе которого был поставлен бывший японский консул в Одессе.

Русская контрразведка в свое время документально установила, что японский консул в Одессе имел перед русско-японской войной свою широко разветвленную агентурную сеть в Турции, Персии, Болгарии, Сербии и на Кавказе. Убийство русского консула Ростовского в Турции и посылка в турецкие воды русской Черноморской эскадры представляли для японского консула в Одессе выдающий-

ся интерес. Он по нескольку раз в день получал с мест и посылал в Токио шифрованные донесения[7].

Уместным будет привести и такой факт: в 90-х годах XIX в. прусским артиллерийским офицером И. И. Германом был изобретен дальномер. Это изобретение привлекло внимание военных атташе всех больших государств, в том числе и японского военного атташе в Петербурге. Герман от продажи своего изобретения за границу отказался. Несмотря на это, во время русско-японской войны японская артиллерия, в отличие от русской, оказалась снабженной дальномером Германа[8], что еще раз подтверждает успехи японских агентов.

Своими успехами в разведывательной деятельности в России в 1904–1905 гг. японцы открыто гордились в 30-е годы XX в. Так, в 1934 г. в Японию был приглашен некий Симонов, руководивший во время русско-японской войны расстрелом шести японских шпионов, а после Октябрьской революции участвовавший в белогвардейском движении. В Токио господин Симонов был приглашен с единственной целью — прочитать ряд лекций на тему «о поведении японских героев-разведчиков в последние минуты их жизни». Еще одним характерным примером служит состоявшаяся в 1935 г. беседа министра иностранных дел Японии Хирота с корреспондентом журнала «Гэндай». В интервью Хирота рассказал о том, как перед самым началом войны с Россией начальник разведывательного департамента министерства иностранных дел Ямадза Ёндзиро готовил его к разведывательной деятельности в России. За несколько месяцев до начала русско-японской войны студент университета Хирота был ночью вызван к Ямадза, который заявил ему о том, что отношения с Россией натянуты и что война неизбежна.

«Поэтому вы скоро получите работу в министерстве иностранных дел и должны будете поехать с целью разведывательной работы в Россию, — заявил Ямадза. — Вы поедете вдвоем. Один из вас поедет через Владивосток в Сибирь, а другой — через Корею в Маньчжурию. Посылка вас как студентов для этих целей весьма удобна, так как вы

поедете как бы для того, чтобы использовать свой отпуск в России с целью изучения языка на практике»[9]. Как далее сообщает Хирота: «Я побывал в Дайрене, Порт-Артуре, порту Инкоу, Наньзяне, Мукдене и в других пунктах, детально обследовал укрепленные пункты русских войск, воинские масти и т. д. и вернулся в Токио»[10].

Все получаемые от своих шпионов в России сведения о передвижении русских войск и флота немедленно доставлялись в Генеральный штаб.

Японские агенты не ограничивали свою деятельность на территории России сбором информации. В их задачу входила также и организация диверсионных актов.

Диверсионная, подрывная работа японских шпионов и разведчиков давала себя чувствовать почти на каждом шагу. Все чаще и чаще казачьи разъезды ловили китайцев или японцев, переодетых в китайскую или монгольскую одежду, при разборке железнодорожных путей или порче телеграфных линий.

Офицеры японского Генерального штаба, еще до войны занимавшие те или иные должности на железнодорожных стройках Маньчжурии, руководили многими японскими шпионами, одетыми в китайскую, корейскую и монгольскую одежду и устроившимися работать в качестве строительных рабочих. Кроме того, некоторые из лиц других национальностей (китайцев, корейцев, маньчжур и монголов), занятых на строительстве этих железных дорог, также были завербованы японцами для шпионской работы. Проникновение японских шпионов на строительство железных дорог облегчалось тем, что, начиная с 1899 г., царское правительство выписывало на строительные работы десятки тысяч китайцев из Тяньцзиня и Чифу, где были сосредоточены крупные центры японского шпионажа. Естественно, что среди прибывавших партий строительных рабочих было немало японских шпионов и диверсантов.

Основной упор делался на организацию подрывов железнодорожных мостов и порчу железнодорожного полотна. Так, в феврале 1904 г. они создали в Пекине дивер-

Китайцы-сигнальщики, пойманные во время боя в дер. Хуаньшань

сионную группу из шести человек и направили ее в район станции Цицикар с целью разрушить там железную дорогу. В состав этой группы вошли подполковник Иосика, капитан Оки и четыре студента. Диверсанты пересекли территорию Монголии, но были задержаны русским разъездом.

В начале апреля 1904 г. в окрестностях Харбина были задержаны два японских офицера. Они были одеты тибетскими ламами и готовились к крупной диверсии. У них отобрали более пуда пироксилиновых шашек, несколько коробок бикфордова шнура, динамит и ключи для отвинчивания рельсовых гаек.

В конце апреля 1904 г. были арестованы пять китайцев, подложивших пироксилиновые патроны под русский воинский поезд около станции Хайлар.

В мае 1904 г. японцы создали в Тяньцзине диверсионную группу из восьми человек. Группе была поставлена задача просочиться в Маньчжурию, взорвать Маньчжурскую же-

лезную дорогу и совершить нападения на места расквартирования начальствующего состава русской армии. Диверсанты были снабжены взрывчаткой, пилами и топорами. Однако и эта диверсионная группа была своевременно задержана.

Судя по иностранным источникам, местоположение электрической силовой станции и главных передаточных линий, а также распределение минных полей около Порт-Артура были известны японскому командованию. Японцы были прекрасно осведомлены и о местонахождении больших прожекторов в Порт-Артуре, предназначенных русскими для ослепления противника при нападении с моря или с суши.

Японские диверсанты готовили также взрыв доков во Владивостоке, но, когда все приготовления к взрыву были сделаны оставшимися в городе японскими диверсантами, по счастливой случайности русские власти получили анонимное письмо, в котором сообщалось о готовящемся взрыве доков. Принятыми мерами диверсию удалось предотвратить.

Серьезного внимания заслуживает также деятельность большого количества сигнальщиков, завербованных японцами из местного населения перед войной и обученных японскими офицерами. Эти многочисленные сигнальщики были во всех пунктах предполагаемых сражений. Они давали знать японцам о приближении русских войск различными сигналами. В ясные солнечные дни сигнальщики взбирались на вершины сопок и давали сигналы ручными зеркалами или ярко начищенными жестянками от консервов; в пасмурные дни они сигнализировали флажками или дымом костров, а ночью — факелами. Сигнальщики также часто корректировали стрельбу японской артиллерии.

Японцы использовали своих резидентов и для понижения морального состояния русских войск, для чего последние в тылу войск, а часто и на передовых позициях разбрасывали листовки соответствующего содержания.

Так, перед наступлением на Мукден японцы разбросали

массу листовок, в которых указывалось, что 25 февраля 1905 г. город будет взят японцами.

Японский шпион под конвоем на дворе Симученского этапа
С фотографии В. Буллы с театра войны

Более того, с той же целью посеять панику среди населения города, что не преминуло сказаться и на русских войсках (позиции находились верстах в 20 от города), японские тайные агенты расклеивали 22 февраля по Мукдену прокламации, предлагавшие жителям и особенно торговцам покинуть город ввиду предстоящей его бомбардировки японцами. Особенно много подобной «литературы» японцы распространяли во время осады Порт-Артура, не будучи в силах сломить героическое сопротивление защитников крепости всем наличием боевых средств, имевшихся в распоряжении у осаждавших крепость.

Исходу войны во многом способствовало и игнорирование российским военным руководством очевидных фактов.

У наместника на Дальнем Востоке адмирала Алексеева никаких подозрений не вызвал факт повального бегства японцев из городов Дальнего Востока за несколько дней до начала войны. Почти все японские торговые фирмы в Порт-Артуре распродавали свои товары по самым дешевым ценам; во многих объявлениях японских фирм распродажа товаров назначалась до 25 января 1904 г. Чиновники «не заметили» массового, носившего характер паники, бегства 2000 японских подданных, уехавших 24 января 1904 г. из Владивостока на английском пароходе «Афридис».

Запоздалое и притом неудачное формирование царской агентурной разведки облегчало японскому командованию дезинформацию царской армии. И это было не так трудно, если учесть, что несколько сот миллионов золотых иен Япония затратила на организацию вредительства по заказам царского правительства, на подкуп руководящих газет капиталистических стран, на подкуп японоведов и военных корреспондентов. Так, в начале 1904 г. один из иностранных корреспондентов в Порт-Артуре, используя любезность и гостеприимство русских властей, тайком сфотографировал порт-артурские укрепления и уехал в Шанхай, где фотоснимки были переданы японцам.

Этим же подкупом иностранных корреспондентов и ряда руководящих газет можно объяснить то, что все известия о русской армии, особенно сведения, деморализующие ее, с завидной быстротой появлялись на страницах мировой печати, усиливая международные позиции Японии.

Особую ретивость в этом отношении проявили немецкие и английские газеты, особенно те из них, которые издавались в Шанхае. Им вторила печать и ряда других стран.

Разведка и шпионаж японцев во время войны были облегчены и тем обстоятельством, что царские генералы готовились к каждому маневру долго и открыто, без всякой маскировки передвигая войска, перемещая врачебные заведения, готовя продовольствие и фураж.

Более того, планы военных действий обсуждались офицерами русской армии открыто в станционных буфетах и

вокзалах железных дорог. Естественно, что все это при широкой агентурной разведке японцев быстро доходило до последних.

Таким образом, подводя итоги теоретической части, следует отметить наиболее существенные моменты. Во-первых, отсутствие российской агентурной сети в Японии привело к отсутствию точной информации о военном потенциале Японии и о планировании ею стратегических и тактических операций в ходе войны. Проводя активную экспансионистскую политику на Дальнем Востоке, что шло вразрез с планами японской экспансии, царское правительство не могло не предвидеть неизбежности военного столкновения с Японией. Однако организация разведывательной агентуры не была на должном уровне. Более того, проект организации тайной разведки в Японии, Китае и Корее, разработанный в 1902 г. штабом Приамурского военного округа, был отклонен Главным штабом.

Между тем грамотная организация разведывательных органов на Дальнем Востоке могла бы дать весьма хорошие успехи в самое короткое время. Имелись все условия для создания работоспособной агентурной сети за счет местного, особенно китайского населения, которое активно использовалось японцами. В Маньчжурии проживало множество семей, члены которых погибли во время японо-китайской войны 1894–1895 гг. и которые особенно охотно согласились бы на работу против Японии.

Недооценка роли разведки русским правительством и в связи с этим ограниченность в средствах, отпускаемых на организацию разведывательной работы, в начале русско-японской войны являлась основной причиной слабости русской разведки как на театре военных действий, так и в тылу японской армии. У японцев, в свою очередь, отпала необходимость в организации контрразведки.

Во-вторых, японские агенты наводнили Россию, особенно ее Дальний Восток, и получали точную информацию о многих оперативных решениях и совершали диверсии, которые негативно отражались на боевых возможностях от-

дельных подразделений. Получив от японцев с первых же дней войны хороший урок в организации разведывательной службы, России ничего не оставалось, как организовать широкую контрразведывательную сеть, которая в первые месяцы войны действовала крайне неумело. Однако к концу войны ситуация изменилась, и действия российских контрразведчиков стали приносить ощутимые результаты. При штабе главнокомандующего было создано центральное разведывательное отделение под руководством генерала Ухач-Огоровича.

Центральное разведывательное отделение при штабе главнокомандующего смогло организовать разведывательную и контрразведывательную службу во всех армиях, корпусах и отдельных крупных отрядах. Заведывание тайной разведкой в отдельных отрядах, корпусах и армиях было возложено на специально назначаемых офицеров, которые подбирали себе необходимое количество агентов и организовывали разведку на театре военных действий и в тылу японской армии.

Количество агентов, обслуживающих штаб корпуса, т. е. производящих непосредственную агентурную работу в лагере врага, колебалось от 10 до 20 человек.

Благодаря этим, хотя и запоздалым, мерам русскому командованию во время войны, особенно в 1905 г., удалось выловить целый ряд японских шпионов, действовавших как на театре военных действий, так и в тылу, и тем самым сорвать многие шпионские и диверсионные планы японского главного командования.

Значительно большие успехи были достигнуты Россией в борьбе с японской агентурой, действовавшей против России из Европы.

В начале войны в связи с разрывом дипломатических отношений между Японией и Россией находившаяся в Петербурге японская миссия во главе с японским посланником графом Курино 29 января 1904 г. выехала не в Токио, а в Берлин. Останавливаясь в Берлине, японская миссия имела целью организовать разведывательную ра-

боту против России на территории Германии. Кроме того, бывшее японское посольство в Петербурге посетило Швецию и на весьма длительное время остановилось в Стокгольме.

В столице нейтральной Швеции граф Курино оставил ту часть работников японского посольства, которая по своей специальной военной подготовке была наиболее пригодна для развертывания в широких размерах диверсионной работы. Лишь после создания опорных пунктов шпионажа и разведки против России в «нейтральных» странах японское посольство возвратилось в Токио.

Но Германией и Швецией не ограничивается перечень стран, на территории которых японцы вели активную разведывательную работу против России. Японские агенты также активно действовали в Великобритании, Австрии и других странах Западной Европы. Японские агенты, орудовавшие в Австрии, подкупили австрийских заводчиков, выполнявших заказ на 500 000 шрапнельных снарядов для царской армии. Заказ австрийские заводы выполнили так, что эти снаряды не разрывались.

Но благодаря своевременно принятым мерам со стороны департамента полиции и особенно энергичной работе И. Мануйлова, руководившего в то время русской заграничной агентурой, деятельность японских шпионов против России через Европу была в значительной степени ограничена.

Только с марта по июль 1904 г. в руки русской контрразведки агентурным путем попало свыше 200 телеграмм и других документов японских шпионов и дипломатов. А в конце июля 1904 г. русской агентуре удалось достать секретный ключ для разбора шифрованных телеграмм, отправляемых японцами из Парижа, Гааги и Лондона.

Существенную помощь русским контрразведывательным органам в работе по изучению постановки японской агентурной сети в России, а также в борьбе с ней оказали русские консульства, находившиеся в Маньчжурии, Корее, Китае и в странах Европы. Они регулярно сообщали в Рос-

Поимка японского шпиона на линии Сибирской железной дороги

сию ценные сведения о замыслах японцев, что давало возможность своевременно принимать меры к пресечению их деятельности. Так, по материалам и с помощью русского консула в Тянцзине, в мае месяце 1904 г. русскому командованию на заставе у реки Ляохе удалось арестовать пять

японских шпионов-диверсантов, направленных в Маньчжурию с диверсионными заданиями.

Таким образом, несмотря на крупные недостатки в постановке русской контрразведывательной службы, японским шпионам не удалось в России достигнуть тех результатов, на которые рассчитывало японское правительство и Генеральный штаб.

Основная же причина слабости борьбы с японским шпионажем, как уже указывалось выше, состояла в недооценке российским правительством и роли Японии, которая, с победой в японо-китайской войне 1894–1895 гг., превратилась в крупную империалистическую страну, не скрывающую своих амбиций в отношении российского Дальнего Востока.

Только этим можно объяснить тот факт, что на борьбу с японским шпионажем отпускалось крайне недостаточно средств, а оперативные меры принимались, как правило, несвоевременно.

Публикуемые ниже документы из секретного сборника «Японский шпионаж в царской России» взяты составителями из архивных фондов Министерства внутренних дел, Департамента полиции, Военного министерства, Министерства иностранных дел, Отдельного корпуса пограничной стражи и судебных органов России.

На наш взгляд, в свете 100-летия окончания русско-японской войны и в существовавших условиях закрытости архивных источников, ниже представленные документы вызовут несомненный читательский интерес и откроют важную, но малоизвестную страницу русско-японской войны.

Примечания

[1] *Подалко П. Э.* Япония в судьбах России: Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии в конце XIX — начале XX века. М., 2004. С. 79–80.

[2] Из истории русской контрразведки. Отчет об организации и деятельности Разведочного отделения Главного штаба за 1903 г. 11 декабря 1903 г. С. 28–29.

отсутствия на полуострове органов гражданской судебной власти, предоставить возбуждение уголовного преследования ему, контр-адмиралу Дубасову, а производство следствия поручить военному следователю.

Временно-управляющий Морским министерством вице-адмирал Авелан препроводил копию означенной телеграммы ко мне, для зависящего распоряжения.

Со своей стороны, рассмотрев вопрос о порядке производства дела по обвинению задержанного в Порт-Артуре японца в преступлении, предусмотренном 256 I ст. Улож. о Наказ., я нахожу, что за отсутствием на Квантунском полуострове жандармских чинов и лиц прокурорского надзора гражданского ведомства, по означенному государственному преступлению не может быть произведено дознание, как бы следовало, в порядке, определенном правилами Устава Уголовного Судопроизводства (ст. 1035 2–10). Посему и ввиду того, что на упомянутом полуострове пребывают военный следователь Приамурского военного округа и помощник военного прокурора Приамурского военно-окружного суда, я полагал бы, согласно с мнением контр-адмирала Дубасова, произвести по сему делу следствие по правилам Военно-судебного устава, чрез упомянутого военного следователя, при личном присутствии лица военно-прокурорского надзора. Засим, дело это я признавал бы необходимым, на основании пункта 111 высочайше утвержденного 20 апреля 1892 г. мнения Государственного Совета, передать на рассмотрение военного суда с тем, чтобы обвиняемый был предан суду, по заключению военно-прокурорского надзора, подлежащим военным начальством.

Сообщая о таковых моих предложениях вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить уведомить меня, не встречается ли с вашей стороны препятствий к указанному выше направлению настоящего дела.

Военный министр
генерал-лейтенант *Куропаткин*
ЦГИА, ф. Министра юстиции, д. 11674, л. 1.

Документ № 2

Рапорт прокурора Иркутской судебной палаты Малинина — Министру юстиции

25 июля 1902 г.

Прокурор Владивостокского окружного суда доносит, что по распоряжению командующего войсками Приамурского военного округа на его распоряжение передано дознание по обвинению японских подданных Сивоко[2], Сивоя[3] и Сузуки[4] в преступлении, предусмотренном 256 I ст. Улож. о Наказ. Обстоятельства этого дела заключаются в следующем:

Названные японцы задержаны были 3 сего июля между урочищем Славянка и станцией Черкасской, причем у них были отобраны записные книжки, в которых упоминаются многие города и местечки как русские, так и маньчжурские, в коих расположены русские войска, а также занесены сведения о дорогах, состоянии телеграфных линий, доступности гор и бухт, численности войск и т. п. Отобранная у них переписка была на рассмотрении директора Восточного института, который дал заключение, что перечисленные японцы занимались шпионством, что кроме них в это дело замешан еще некий Ямасоко, проживающий в Японском консульском агентстве, и что укрывательством шпионства занимается местная контора Японского пароходного Общества «Ниппон-Юзен-Кайша»[5].

Переписка эта препровождена Прокурором суда исполняющему обязанности Владивостокского полицеймейстера Худынцеву для производства дознания в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Суд.

Наблюдение за дознанием возложено на товарища прокурора Стравинского.

Об изложенном имею честь донести нашему высокопревосходительству и присовокупить, что сведения об обстоя-

[3] Японский шпионаж в царской России. Сборник документов / Под ред. П. Софинова. М., 1944.

[4] ГА РФ, ф. 102, оп. 316, 1904-II, д. 17, л. 1.

[5] РГА ВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 3017, л. 77–78.

[6] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 29070, л. 66.

[7] *Кириллович К.* Шпионы за работой / О методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры. М.,1937. С. 34.

[8] Там же. С. 36.

[9] Там же. С. 44.

[10] Там же. С. 45.

ИЗБРАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ И ДОНЕСЕНИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯПОНСКОЙ РАЗВЕДКИ В РОССИИ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Документ № 1[1]

Отношение военного министра Куропаткина — Министру юстиции Муравьеву Н. В.

25 августа 1898 г.
Секретно

Командующий эскадрою Тихого океана контр-адмирал Дубасов телеграммою от 23 сего августа за № 970 сообщает управляющему Морским министерством, что 17 числа сего же месяца арестован в Порт-Артуре японец, выдающий себя за коммерческого агента Фуну Хара; он задержан во время черчения кроки города с нанесением батарей и расположения орудий; при нем, между прочим, найдена карта Восточной Азии японского издания и подробная программа для собирания на Квантуне сведений военно-политического характера. При этом контр-адмирал Дубасов заявляет, что он полагал бы необходимым для пресечения в самом начале подобных попыток иностранцев привлечь означенного японца к ответственности по второй части 256 I ст. Улож. о Наказ, (по прод. 1895 г.), преданием его суду, согласно закона 20 апреля 1892 г., причем, ввиду

тельствах, обнаруженных при производстве дознания, будут представлены мною дополнительно.

И. д. Прокурора Судебной палаты *Д. Малинин*
ЦГИА, ф. Мин. Юстиции, д. 16055, л. 11.

Документ № 3

Рапорт прокурора Иркутской судебной палаты Малинина — Министру юстиции

6 сентября 1902 г.

В дополнение к рапорту от 25 июля с. г. за №595 доношу вашему высокопревосходительству, что производство дознания о японцах Сивоко, Сузуки и Сивоя замедлилось тем, что профессору японского языка Спальвину[6] пришлось употребить много времени на перевод отобранных в большом количестве рукописей на японском языке; трудность означенного перевода увеличилась еще тем, что самые важные сведения, заключающиеся в отобранном православном русском молитвеннике, были написаны хотя и японскими буквами, но особенным шрифтом, так что смысл письма являлся непонятным даже для хорошо владеющего японским языком. Профессору Спальвину удалось найти ключ к написанному и перевести его на русский язык. В означенном молитвеннике оказались занесенными сведения о составе и количестве русских войск, расположенных во всех населенных пунктах Маньчжурии и Приморской области; при этом означенные сведения изложены настолько подробно, что известно не только количество войск, но даже название частей, количество орудий и т. п. Кроме того, в одной из отобранных записных книжек значатся описания различных маршрутов между населенными войсками пунктами; маршруты эти описаны настолько подробно и точно, что занесены все встречающиеся на дороге речки, ручейки, горы, холмы с описанием глубины их, ширины, высоты и удобства подъема; занесены также все

встречающиеся селения с точным обозначением количества живущих там лиц с очевидной целью указать, где и на какое количество квартир, провианта и фуража можно рассчитывать. 17 августа все переведенные документы были предъявлены и. д. начальника штаба полковнику Громову в качестве сведущего лица, причем ему было предложено дать заключение, составляют ли перечисленные сведения такие, которые должны храниться в тайне, и представляют ли они какой-либо интерес для иностранного государства; на оба эти вопроса эксперт дал утвердительный ответ, причем он добавил, что сведения эти имеются лишь в особых книжках, ежегодно рассылаемых Главным штабом в штабы различных военных частей, причем последние обязываются держать их в строжайшем секрете, хранить под ключом и при получении нового экземпляра старые сжигать.

В связи с тем, что в числе других вещественных доказательств была отобрана квитанция в отправке на пароходе Японского общества «Ниппон Юзен Кайша» по адресу в Главный штаб в Токио заказной корреспонденции, за посылку которой уплачено 1 р. 13 к. (лот стоит 3 коп.), не осталось никакого сомнения в том, что все вышеперечисленные сведения собирались для сообщения таковых японскому правительству.

В виду всего вышеизложенного, того же 17 августа японским подданным Сивоя, Сузуки и Сивоко было предъявлено обвинение по 1 и 3 ч. 256 I ст. Улож. о Наказ. Первые двое заявили, что они по делу ничего не знают, как не знали даже о существовании молитвенника. Что же касается до Сивоко, то он заявил, что ходил по Приморской области, распространяя среди китайцев и корейцев лекарство «хотан» и что в Иркутске он крестился в православную веру и купил в магазине молитвенник; затем этот молитвенник в вагоне у него был похищен; в Харбине он сообщил о совершенной у него краже японцу, которого он раньше не знал, и тот ему дал молитвенник, тот самый, который у него отобрали; что там написано, ему, Сивоко, непонятно.

В настоящее время окончание дознания задерживается допросом путем отдельного требования тех лиц, которые арестовали помянутых японцев.

Прокурор Иркутской суд. палаты *Малинин*
ЦГИА, ф. Мин. юстиции, д. 16055, л. 12–13.

Документ № 4

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
По делу японских подданных Коноскэ[7] Сивоко, Зюузи[8] Сузуки и Магосичи[9] Сивоя, обвиняемых в шпионаже

30 июня 1902 года на почтовую станцию Черкасскую Южно-Уссурийского округа пришли три японца, назвавшиеся докторами, обратившие на себя внимание содержателя станции Осташевой, почтальона Лаврова и других тем, что они выходили со станции в разные стороны, осматривали окрестности, делали письменные отметки и рассматривали большой лист бумаги вроде географической карты. Японцы эти со всеми бывшими при них бумагами были 1 июля подпоручиком Шумским задержаны.

По осмотру и переводу взятых у названных японцев бумаг оказалось: в православном молитвеннике — ключ к шифру, которым зашифрованы сделанные на других страницах записи. В записях этих заключаются подробные сведения о составе и количестве русских войск, расположенных в населенных пунктах Маньчжурии и Приморской области с отметками о названии, численном составе войсковых частей, количестве и роде орудий и пр. Есть отметки об общем количестве войск в военное время в Амурском, Сибирском, Казанском, Московском, Одесском военных округах и Квантунской области. Из веденных в виде дневника записей в 4 памятных книжках видно, что авторы их в качестве продавцов японского целебного «хотана» обошли пешком многочисленные местности Приморской области и Маньчжурии, причем точно и подробно описаны маршруты

между населенными пунктами, отмечены расстояния между ними, номера телеграфных столбов, военные посты, состояние дорог, болота, глубина и ширина встречающихся речек и ручьев, мосты, броды, перевалы и горы с указанием их высоты и удобства подъема, селения с обозначением числа жителей, количества лошадей, скота, запасов дров, сена и т. п.

По заключению допрошенного в качестве сведущего лица начальника штаба Владивостокской крепости Генерального штаба полковника Громова, указанные выше сведения о подробном расквартировании русских войск и пр. подлежат хранению втайне, могли быть получены путем только личного сбора сведений и представляют, как и сведения о состоянии путей, количестве запасов и пр., весьма существенный интерес для иностранного государства при соображениях о ведении против России военных операций.

В найденном у Сивоко и его товарищей, в числе прочих бумаг, счета общества «Ниппон-Юзен-Кайша», от которого, судя по записям, упомянутые японцы получали денежные авансы, между прочим отмечен расход в 1 р. 13 к. за заказную корреспонденцию, адресованную в Японский Генеральный штаб.

По сообщению императорского Японского коммерческого агентства во Владивостоке, ходатайствовавшего об освобождении задержанных японцев из-под стражи, они не более, как «Японские маленькие обыкновенные торговцы».

Допрошенные в качестве обвиняемых Сивоко, Сузуки и Сивой виновными в собирании с целью сообщения иностранному правительству сведений, подлежащих в видах внешней безопасности России хранению втайне, себя не признали, объяснив, что они путешествовали с исключительной целью продажи лекарства «хотана»; по объяснению Сивоко, найденный у него молитвенник был у него похищен и затем случайно возвращен ему в вагоне пассажиром японцем с надписями, смысл которых ему не понятен. Более подробные объяснения в свое оправдание обвиняемые, по их заявлению, представят на суде.

Принимая во внимание, что совокупность изложенных выше данных не оставляет сомнений в виновности японских подданных Коноске Сивоко, Зюузи Сузуки и Магосичи Сивоя в преступлении, предусмотренном 256 I ст. Улож., я полагал бы, закончив настоящее дознание в административном порядке, вменить им в наказание время, проведенное под стражей по этому делу, и выслать их за границу с воспрещением возвращаться в пределы империи; из вещественных доказательств памятные книжки, молитвенник и счет оставить при деле, а остальные уничтожить.

Составлено октября 28 дня 1902 года, в Иркутске.

Прокурор Иркутской Суд. палаты *Малинин*
ЦГИА, ф. Мин. юстиции, д. 16055, л. 37–38.

Документ № 5

Рапорт начальника штаба Заамурского охранного округа отдельного корпуса пограничной стражи начальнику временного военного штаба наместника на Дальнем Востоке

13 сентября 1903 г.

10 сентября сего года, на ст. Хайчон командиром 35-й роты Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи задержаны три японца. Японцы приехали в Хайчон утром 9 сентября, осматривали целый день город и делали пометки в своих записных книжках. 10 сентября, около 9.30 часов утра, японцы пришли на ст. Хайчон, где, в ожидании поезда на юг, один из них, некто Такуши[10], начал что-то записывать в своей книжке. Последнее обстоятельство и послужило причиной ареста как Такуши, так и двух его спутников. При осмотре их багажа была найдена полевая сумка с различными бумагами, картами и письменными принадлежностями.

Во исполнение отношения штаба Квантунской области

от 20 августа сего года за № 5917, задержанные японцы в сопровождении офицера отправляются сегодня в Порт-Артур.

О вышеизложенном доношу вашему превосходительству.

ПРИЛОЖЕНИЕ: кожаная сумка.

Вр. и. д. начальника штаба,
Генерального штаба капитан *Троцкий*
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 27209, л. 10.

Документ № 6

Донесение начальнику Иркутского охранного отделения директору Департамента полиции

10 февраля 1904 г.
Совершенно секретно

Мною были получены агентурным путем сведения, что оставшиеся на жительстве в гор. Иркутске японские подданные, будучи враждебно настроены к России, имеют намерения, путем повреждения деревянного железнодорожного моста через реку Иркут и других железнодорожных сооружений по линии Сибирской железной дороги, задержать движение войск на Дальний Восток. Подтверждением указанных агентурных сведений приводилось, быть может, простое совпадение обстоятельств, а именно внезапный пожар ночью дома № 29 по Дегтевской улице, который был приспособлен для сборного пункта мобилизуемых запасных нижних чинов.

Придавая сообщенным сведениям весьма серьезное значение и не задаваясь проверкой их, я счел необходимым доложить о сем господину иркутскому губернатору и начальнику гарнизона г. Иркутска генерал-майору Ягодкину и просил г. губернатора о производстве чинами полиции обыска в помещении заподозренных японцев, владельцев

прачечной, помещавшейся в доме №29 по Дегтевской улице, именно в том доме, где и произошел описанный пожар. По произведенному в моем присутствии обыску ничего явно преступного не обнаружено, найдены лишь среди вещей до 600 фотографических негативов, принадлежащих, очевидно, японской фотографии некоего Саку. Среди этих негативов обращают на себя внимание негативы снимков мостов, переправ рек, постройки полотна, вокзалов и других сооружений по линии Сибирской ж. д., а также виды городов Мариинска, Красноярска, Томска и Иркутска. Под негативами мостов и городов помещены подробные их описания: длина, ширина мостов, глубина реки, способ пешей переправы, а под снимками городов: численность населения, род занятий жителей, размер обрабатывающей промышленности и т. п. Кроме сего обнаружен фунт черного пороху, найденный, по объяснению японца, на улице.

Об изложенном имею честь донести вашему превосходительству, почтительнейше присовокупляя, что в настоящее время, по распоряжению господина Иркутского военного генерал-губернатора, все японцы высланы из г. Иркутска, причем в случае обнаружения тайного проживания предложено подвергать их обыску и аресту, впредь до высылки из города этапным порядком.

Ротмистр *Гаврилов*
ЦГИА, ф. 6с/102, д. 20, л. 13-14.

Документ № 7

Донесение начальника Енисейского губернского жандармского управления Глоба директору Департамента полиции Лопухину

13 февраля 1904 г.
Сов. секретно

В городе Красноярске имеется отделение фирмы торгового дома «Поппам» английских машин и металлических изделий. Отделение это существует около 20 лет.

По собранным сведениям негласным путем выяснено, что фирма ежегодно несет убытка более 20 тысяч. В последние годы из магазина и склада почти ни одна вещь не продана и товара из-за границы не поступало. Управляющим фирмою в данное время состоит Великобританско-подданный Эдуард Самойлов Томсон с 1900 года, который ведет усиленную переписку с Лондоном и ежегодно ездит туда. Томсон почти со всеми должностными лицами знаком в губернии и живет довольно открыто.

Ввиду изложенного является предположение, не есть ли Томсон агент Англии или Японии? При Томсоне возведен мост в г. Красноярске на реке Енисее, имеющий чрезвычайно важное значение в данное время при передвижении войск на Дальний Восток, да и вообще ему хорошо известен железнодорожный Сибирский путь и экономические условия Сибири. Редкий день, что Томсон не бывает на вокзале железной дороги. То же самое он проделывал и во время прохождения войск в Китай в прошлую кампанию.

О чем считаю долгом донести вашему превосходительству на благоусмотрение.

Полковник *Глоба*

ЦГИА, ф. 6с/102, оп. 1, д. 20, 1904, л. 15.

Документ № 8

Донесение начальника Енисейского губернского жандармского управления Глоба директору Департамента полиции Лопухину

14 февраля 1904 г.
Сов. секретно.

В городе Красноярске с половины 1903 года проживает Корейский подданный Аким, имевший прачечное заведение «Японской прачечной», а за несколько дней до объявления войны Аким вывеску изменил: «Прачечное заведение».

В декабре месяце Аким принял православие и восприемниками его были Красноярский полицеймейстер Солюматов и домовладелица Елена Кузнецова. По секретно собранным сведениям Аким имеет двух братьев в Корее — один врач, а другой военный.

Полагаю, но не утверждаю, что Аким есть военный агент Японии. Человек средних лет, симпатичен и довольно развитой.

О чем имею честь доложить вашему превосходительству.

Полковник *Глоба*
ЦГИА, ф. 6с/102, оп. 1, д. 20, 1904, л. 16.

Документ № 9

Письмо русского военного агента в Париже Лазарева начальнику военно-статистического отдела Главного штаба В. П. Целебровскому

24 марта 1904 г.
В. секретно

Милостивый государь, Виталий Платонович.

Чиновник министерства внутренних дел Мануйлов сообщил мне, что центром японской разведывательной службы является Вена.

Японская миссия в Вене имеет секретных агентов в Кракове и Львове, которые получают надлежащие указания из Варшавы и Петербурга.

Представляя вышеизложенное на благоусмотрение вашего превосходительства, покорнейше прошу принять уверение в глубоком почтении и совершенной преданности.

Имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугой.

В. Лазарев
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 10060, л. 9.

Документ № 10

Донесение начальника Енисейского губернского жандармского управления Глоба директору Департамента полиции Лопухину

3 апреля 1904 г.
Сов. секретно

В дополнение к телеграмме моей от 2 апреля[11], имею честь донести вашему превосходительству, что негласным наблюдением за корейско-подданным Аким — в действительности его фамилия Кин-Чан-Сун, который при святом крещении получил имя Иоаким, а на вывеске прачечного заведения значится «Аким», выяснено, что означенный Кин-Чан-Сун постоянно посещает Красноярский вокзал Сибирской железной дороги и во время прибытия воинских поездов подходил к воинскому и продовольственному пункту, получал много писем из Харбина, Мукдена и других пунктов Востока. Письма эти по прочтении он сжигал в печке, что подтверждается свидетельскими показаниями: Марии Квашиной, Евдокии Потаповой, Михаила Кузнецова и Акулины Вяхиревой. 2 апреля один из японцев, следовавший с партией высылаемых из Востока, незаметно ускользнул от жандармского надзора, взял извозчика Иннокентия Степанова и приказал последнему везти его на Песочную улицу в дом Кузнецова, т. е. в дом, в котором квартировал Иоаким. В квартире Иоакима японец пробыл минут пять, а затем оба они приехали на вокзал. По возвращении Иоакима из вокзала, за которым неотступно имелось наблюдение в оба пути, был произведен обыск. По обыску ничего предосудительного не обнаружено. Отобрано два адреса: 1) Иркутск — квартира папиросника Кузнечная улица, Торговые ряды, дом Базанова № 22, Николаю Одаховскому и 2) гор. Томск — Парижская прачечная, на имя Ки-Ми-Кса.

О чем докладывая вашему превосходительству, испрашиваю дальнейших указаний как поступить с Кин-Чан-Сун. Иркутский военный генерал-губернатор на мою теле-

грамму уведомил меня, чтоб я испросил дальнейших указаний по этому делу у вашего превосходительства.

Полковник *Глоба*

ЦГИА, ф. 6с/162, оп. 1, д. 20, 1904, л. 34.

Документ № 11

Сообщение Российского консула в Тяньцзине Лаптева начальнику дипломатической канцелярии наместника на Дальнем Востоке

9 июня 1904 г.

Вчера вернулись в Тяньцзин мой разведчик турецкоподданный Эбобекер-бей, посланный мною несколько времени тому назад для наблюдения за партией японских шпионов, задержанных на заставе р. Ляохе ротмистром Измайловым.

Партия эта была организована в Тяньцзине начальником штаба квартирующих здесь японских войск и вначале в состав ее вошли: 2 японца, 3 грека, 2 китайца и вышеназванный тайный агент консульства, приглашенный нашими врагами в качестве бывалого в Маньчжурии лица и переводчика русского языка. Задачею партии было намечено попытаться разрушить Маньчжурскую железную дорогу и места квартирования наших начальствующих лиц.

Первыми выехали из Тяньцзина 23 минувшего мая китайцы, за ними на следующий день греки и за последними — японцы с Эбобекер-бей, захватив с собою два ящика с пилами, топорами и одну банку с взрывчатым веществом. При отъезде греков, на вокзале, я узнал между ними одного молодого низкорослого субъекта, который за несколько дней до событий являлся в канцелярии консульства с просьбой — провизировать его паспорт для проезда в Маньчжурию. Отказав в этой просьбе и не зная в то время, с кем имею дело, я, однако, заметил, что предъявленный

мне для визы вид был выдан из французского генерального консульства в Шанхае и явлен в нашем генеральном консульстве в том же порядке.

Местом свидания членов партии был избран Шанхай-Гуань, где, как теперь выясняется, состав ее еще увеличился пятью японцами. Там в квартире одного японского доктора, который, по-видимому, руководит деятельностью всех местных шпионов, состоялось собрание, где обсуждалась программа дальнейшего путешествия злоумышленников, и где иностранным членам партии было объявлено, что им уплатят за все время командировки по 50 долларов в сутки; в случае же успеха, было обещано особое вознаграждение. Здесь нелишним считаю присовокупить, что с означенным выше японским доктором в Шанхай-Гуане поддерживают особенно частые сношения Инкоусский английский коммерсант Г. Ф. Буш, его жена и брат. Из Шанхай-Гуаня вся партия направилась 1 сего июня в Цзиньчжоу; здесь злоумышленники ночевали в частных японских домах, где, между прочим, квартирует также 5 японских офицеров, несущих почтовую и разведочную службу. С рассветом 2 июня шпионы двинулись на Гоубанцзы и Синминтин. Входившие до сего времени в состав партии 2 японца из Тяньцзина остались в Цзиньчжоу, передав руководство делами одному из греков. В Гоубанцзы мой разведчик успел тайно свидеться с одним из своих друзей — китайцем-магометанином, которого послал наскоро в Синминтин, вручив ему письмо для первого встретившегося русского офицера с предупреждением о предстоящем прибытии туда шпионов. С этим же посланным Эбобекер-бей отправил также и выданное ему мною удостоверение, где были кратко обозначены данные о роли моего агента и приглашение оказывать ему помощь. Когда злоумышленники прибыли в Синминтин и переехали со станции в один из ближайших китайских постоялых дворов, к ним явился русский офицер с конвоем казаков и арестовал всех прибывших. Греков и китайцев посадили на две телеги, Эбобекер-бею дали верховую лошадь и повезли всех с наступлением ночи на

русскую военную заставу, расположенную в 12 верстах от города, где находилась квартира командира отряда. Таким образом, арестованные были переданы в руки русских офицеров, но затем всем членам партии, кроме Эбобекер-бея, удалось бежать из-под ареста. После трехчасовых поисков, были снова доставлены на заставу убежавшие 2 китайца; для поимки же греков был наскоро послан разъезд казаков, которым было приказано оцепить всю соседнюю местность. О дальнейшем результате поисков мне неизвестно. Утром на следующий день командир заставы сделал моему агенту допрос, выдал ему расписку, в копии при сем прилагаемую, в получении от него 2 китайцев шпионов и отпустил его с заставы, присовокупив, что пропавшие вместе с греками его вещи будут своевременно разысканы и доставлены в Тяньцзин.

Доводя о сем до сведения вашего высокородия, в дополнение к секретной телеграмме моей от 8 июня, и покорнейше прося доложить все вышеизложенное наместнику его императорского величества, позволяю себе вместе с сим ходатайствовать, не найдете ли вы возможным просить его высокопревосходительство возместить вверенному мне консульству 500 мексиканских долларов, выданных мною разведчику Эбобекер-бею на расходы по путешествию и в виде награды. Иностранец этот, исполняющий роль двойного шпиона, доказал выдачею преступников свою деятельность в нашу пользу, и я не мог не вознаградить его материально, тем более, что после неудавшейся попытки японцев привести в исполнение задуманное, Эбобекер-бей находится у них в подозрении и отказан от бывшего своего места привратника в одном из казенных японских помещений. В моем распоряжении не имеется сумм на подобные расходы, и я почту себя особенно обязанным, если наместник соблаговолит распорядиться покрыть произведенную мною уплату из имеющихся у него сумм на разведочную службу.

Н. Лаптев

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 27513, лл. 46, 47, 48.

Документ № 12

Докладная записка и. о. пристава 1 участка Спасской части г. Петербурга капитана Чеважевского Петербургскому градоначальнику

12 августа 1904 года

Наблюдением и сведениями, добытыми из разных источников, выяснено, что в 1901 году, в январе явился в контору чайного магазина «Васильев и Дементьев», Невский 50, японский подданый Хори-Сан, с лучшими рекомендациями своего посольства, прекрасно и всесторонне образованный и владеющий иностранными и отчасти русским языками, с предложением услуг в качестве подручного приказчика и вообще оказывать фирме услуги при сношениях с китайскими и японскими чайными фирмами. В декабре этого же года, по рекомендации Хори-Сан, к Дементьеву поступил на тех же основаниях и другой японский подданный Миура-Кен-Забура[12] 30–35 лет (фотографическая карточка при сем прилагается), высокообразованный и при этом отлично ознакомленный с большими городами России, Сибири и островом Сахалином, по его же словам, всю Сибирь и Сахалин он исколесил вдоль и поперек и хорошо ознакомлен с местностью и обычаями населения. Проживали эти японцы в общей квартире служащих магазина, в доме № 13, по Морской улице. 1 апреля 1902 года Хори-Сан оставил службу в магазине и выехал в Москву, не прерывая сношений с Миура-Кен-Забура, который в ноябре того же года перешел на службу в японское посольство и вместо себя рекомендовал японца Сиратори, как впоследствии оказалось, окончившего высший философский институт в Токио, этот последний, в свою очередь, определил на службу в этот же магазин своего земляка Мамиури Токаки, окончившего морскую школу в Токио, прибывшего будто бы из Одессы. Все эти японцы проживали вместе с другими служащими магазина в общей квартире по Садовой улице в доме № 29, а

затем в доме №13 по Морской улице, получали жалование от 35–40 рублей в месяц. Цель прибытия в Россию объяснили тем, что они при содействии своего посольства хотели открыть в С.-Петербурге японско-русский банк, но не успели в этом, а потому вынуждены были приискать другой род занятий. Для усовершенствования в русском языке и письме им был приглашен один русский студент университета, личность коего не удалось установить. Все эти японцы после закрытия магазина почти ежедневно отправлялись или в японское посольство-консульство, или в китайское, св. американское и английское, часто можно было наблюдать их в обществе лиц, служащих в вышеозначенных учреждениях, на улицах и в увеселительных местах; Миура был, видимо, их руководителем и знакомил последних как с особенностями столицы, так равно и с теми из русских лиц, с коими он приобрел знакомство в качестве служащего в посольстве. Таким образом, Сиратори и Токаки познакомились с лейтенантом флота де-Ливрон, капитаном II ранга Катаевым (среднего роста, черная французская бородка, усы кверху, носит пенсне в черной оправе), курсистками, замеченными в политической неблагонадежности, Кожданской и Никольской, ученым-лесоводом Марком Левиным (еврей). В начале 1903 года Сиратори сделал предложение кассирше магазина, дочери полковника, Елене Павловне Никуловой, для чего принял православие и женился на последней, ввиду же особых семейных условий в Японии, этот брак, по ходатайству посла Курино, был узаконен японским правительством. Женившись, Сиратори с женой и Токаки переехали 2 апреля 1904 года на жительство в дом №15 по Итальянской улице, где в меблированной квартире занимали одну комнату за 30 рублей в месяц. Здесь их начали посещать вышеупомянутые морские офицеры, сотрудник газеты «Русь» Шебуев, военный атташе китайского посольства и другие лица. О переезде японцев в эту квартиру и посещавших их лицах приставом было немедленно сообщено охранному отделению, а за ними, квартирой и чайным магазином «Дементье-

ва» возложено было самое строгое наблюдение на меня, как районного офицера, и местных околоточных надзирателей Водопьянова и Грабовского. Так как Сиратори и Токаки были уволены из магазина по случаю войны и видимо нигде не служили, но тем не менее посещения ими американского, английского и китайского консульств и посольств не прекращалось, причем неоднократно были замечены с ношей — пачками печатанных произведений и почтовой корреспонденции, равно сношения с вышеупомянутыми лицами, а также и кассиршей магазина «Дементьева» Клавдией Ожигиной, то в отсутствии их из квартиры, в комнате, занимаемой ими, были просмотрены принадлежащие им вещи, в коих найден был счет на 125 рублей лейтенанта де-Ливрона. Этот счет и добытые наблюдением за японцами сведения были лично сообщены приставом Пчелиным охранному отделению, но были ли предприняты по этому докладу какие-либо меры последним — неизвестно. Затем дальнейшим наблюдением установлено, что всю корреспонденцию японцы адресовали на верхнем конверте в Гамбург, а на вложенном внутреннем — в г. Токио и отправляли через Американское консульство, как равно и получали оттуда таковую. Всех своих знакомых старались встречать в квартире всегда лично, не допуская к открытию дверей на лестницу, по звонку, ни прислугу, ни хозяина. В первых числах августа сего года посетил их прибывший на одни сутки из Москвы и останавливавшийся в Северной гостинице японец Хори-Сан, у которого на обеде были Сиратори, Токаки и другие лица. 7 августа негласным путем мною было получено сведение, что Токаки думает этого же дня вечером или 8 августа утром выехать из Петербурга за границу на Берлин. Сообщив немедленно же, 10 час. утра об этом, по телефону, помощ. начальн. охранного отдел. ротмистру Модль, я командировал, в штатском платье, околоточных надзирателей Водопьянова и Грабовского неотступно следить за японцами и не дать им скрыться. Проследкой в этот день установлено, что японцы, выйдя из квартиры около 2 час. дня, направились в Американское консульство,

где Токаки получил 400 рублей денег на выезд за границу и затем они около 10 час. вечера вернулись на квартиру, где мною по полученному ордеру из охранного отделения произведен у японцев обыск в присутствии прибывших из департамента полиции: штабс ротм. корп. жандар. Комисарова и чинов. особ. поруч. при г. министре внутренних дел Мануйлове; при обыске обнаружено много компрометирующих японцев бумаг и последние были арестованы, а 9 сего августа, по ордену того же охранного отделения, мною произведен обыск и арест Елены Сиратори.

К сему присовокупляю, что Сиратори, владея прекрасно русским языком и письмом, помещал в газете «Русь», через сотрудника ее г. Шебуева, статьи под названием «Японские вечера» и, кроме того, занимался художественными работами по дереву и полотну в японском стиле, Токаки же был специализирован в рисовании морских судов и замечательном знании техники сооружения и боевого оборудования их, что видно было из сделанной или же исправляемой им модели, из черепахи, броненосного крейсера «Память Азова», бывшего у него в комнате.

О вышеизложенном имею честь доложить вашему превосходительству на благоусмотрение.

Капитан *Чеважевский*

ЦГИА, ф. 6с/102, оп. 1, д. 20, 1904, лл. 91–92.

Документ № 13

Докладная записка и. о. пристава 1 участка Спасской части г. Петербурга капитана Чеважевского Петербургскому градоначальнику

15 августа 1904 года

В дополнение к докладу моему от 12 сего августа о японских подданных Сиратори и Токаки, имею честь доложить вашему превосходительству, что продолжающимся наблюдением за квартирой арестованных японцев в доме № 15 по Итальянской улице выяснено, что 12 августа в бывшую

квартиру японцев являлись для свидания с ними: ученый лесовод Марк Левин и через черный ход флотский офицер, по приметам капитан 2 ранга Китаев, но им было заявлено о временном выбытии японцев на дачу; затем 13 сего августа, в 7 час. вечера на велосипеде с одним № 23996 приехал, судя по форме, курьер из посольства или консульства и требовал экстренно видеть Сиратори, но узнав у швейцара о выезде их — уехал. Справкой в Городской управе установлено, что велосипедный № 23996 выдан капитану корпуса военных топографов Владимиру Михайловичу Никифорову, живущему в доме № 9 по Большой Подьяческой улице в кв. 23, с ним вместе живет и брат его студент СПб. университета Павел Михайлович Никифоров, сестра домашняя учительница, Зоя Михайловна Никифорова 25 лет, ныне выбывшая за границу, брат ученик СПб. 5 гимназии Виктор Михайлович Никифоров, выбывший в гор. Ржев Тверской губернии и брат подпоручик Константин Михайлович Никифоров, 19 июня выбывший из Петербурга. Из добытых агентурным путем сведений выяснено, что будто бы один из велосипедных № 23996 был утерян гимназистом Виктором при проводах на вокзал отъезжавшего из СПб. брата подпоручика Константина, другой же № остался в изломанном виде где-то в квартире. Проверить справедливость этих сведений законным путем я не считал себя вправе до получения указаний вашего превосходительства.

Капитан *Чеважевский*

ЦГИА, ф. 6с/102, оп. 1, д. 20, 1904, л. 93.

Документ № 14

Отношение директора Департамента полиции начальнику Петербургского губернского жандармского управления

Август 1904 года

По наблюдению за проживавшими в Петербурге японцами Сиратори и Токаки Мамаити на них пало подозрение

в шпионской деятельности. Вследствие чего у названных японцев в ночь на 8 сего августа был произведен обыск, коим обнаружено большое количество писем на японском языке, рисунки мин, минных заграждений и разного типа судов, заметки о состоянии русских воинских частей и составленная от руки морская карта с обозначением на ней пунктиром пути следования судов. Значение этой карты, а также других документов в виду огромного количества их еще не определено, но в нескольких уже переведенных на русский язык письмах из Берлина заключаются настойчивые требования усиленной осторожности, что дает косвенное подтверждение падавших на них подозрений.

Препровождая при сем протокол обыска у японских подданных Сиратори и Такаки Мамаити, а также переписку и вещественные доказательства, отобранные у них по обыску, департамент полиции просит ваше превосходительство приступить к производству в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Суд. дознания о разведочной деятельности названных японцев.

Директор, Заведующий отделом
ЦГИА, ф. 6с/102, оп. 1, д. 80, 1904, л. 109.

Документ № 15

Сообщение министерства внутренних дел наместнику на Дальнем Востоке Е. И. Алексееву

18 сентября 1904 года
Сов. секретно

Пребывающий в С.-Петербурге корейский посланник уведомил, что ему доподлинно известно будто бы подкупленные Японией корейцы и переодетые в корейское платье японцы занимаются разведками в пределах империи и в местах расположения наших войск на Дальнем Востоке; при этом названный посланник высказал, что, в видах предупреждения злонамеренных замыслов означенных лиц, было бы, быть может, целесообразным всех подозрительных

корейцев направлять для определения их личности во Владивосток к начальству корейской общины в этом городе, заслуживающему, по мнению посланника, полного доверия.

Сообщая об изложенном вашему высокопревосходительству для сведения и зависящих распоряжений, покорно прошу вас принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Кн. *Н. Святополк-Мирский*
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 27513, л. 114.

Документ № 16

Записка директора Департамента полиции Лопухина о поездке в Париж

17 ноября 1904 года
Секретно

Организованной департаментом полиции в Балтийском море и северной части Немецкого моря охране 2 тихоокеанской эскадры удалось своевременно выяснить, что военно-морской агент при японской миссии в Берлине капитан Такикава через бывшего штурмана пассажирских пароходов германского подданного Цигера учредил на морском побережье Дании секретное наблюдение за прохождением наших судов. Вследствие слухов, распространенных газетами, прохождение эскадры вице-адмирала Рожественского через Большой Бельт ожидалось всеми 3–16 минувшего сентября; за два же дня перед этим числом, 1–14 сентября, как то установлено учрежденным охраной департамента полиции за упомянутым Цигером наблюдением, он, пользуясь ночной темнотой, со стоявшей на побережье Скагена мачты подавал красным фонарем сигналы, по-видимому, какому-то судну, находившемуся в море. 3–16 сентября до сведения Датских полицейских властей дошло, что в этот день капитан Такикава из порта Корсер послал секретарю японского посольства в Берлине Ода телеграмму следующего содержания: «В Корсере и Ньюборге неудобно. Еду в Скаген,

чтобы встретиться». Ввиду весьма подозрительного поведения Такикавы и Цигера оба они по распоряжению Датского правительства были арестованы и высланы из пределов королевства. При аресте Такикава заявил начальнику местной полиции, что прибыл в Скаген для свидания с Цигером. Ввиду чего, а также выше приведенного факта сношений Цигера с каким-то судном в море необходимо признать доказанным, что еще до отправления 2 тихоокеанской эскадры в плавание в распоряжении официальных представителей японского правительства, на пути следования эскадры в Европейских морях, находились суда. Обстоятельство это подтверждается и иными, многочисленными, имеющими значение косвенных доказательств данными. Так: рано утром 1–16 сентября рыбаки в Скагене видели миноноску без флага, входившую в Категат и вскоре затем скрывшуюся из вида; смотритель маяка в Скагене и капитан Нильсен, доверенное лицо учрежденной департаментом полиции сторожевой службы в Скагене, видели проходившей миноноску неизвестной национальности; в тот же день около полудня экипаж зафрахтованного департаментом полиции и по его поручению крейсировавшего в той же местности, катера «Эллен» увидал две миноноски неизвестной национальности, без флагов, причем когда означенный катер попытался к ним приблизиться, они стали быстро удаляться и скрылись. Независимо от сего капитан зафрахтованного департаментом полиции для охранной службы парохода «Флинтреннан» Монсон удостоверяет, что при встрече 6–19 сентября, между Анхолтом и Тринделеном шведской парусной лодки «Адель» — командир ее сообщил Монсону, что за несколько дней перед тем он недалеко от Скагена повстречал три миноноски, которые, по его мнению, принадлежат Японии.

По справкам, наведенным в министерствах подлежащих государств, оказалось, что 3–16 сентября ни германские, ни датские, ни шведские, ни норвежские миноносцы близ Скагена не крейсировали.

Перечисленные данные находились в распоряжении де-

партамента полиции и были сообщены им главному морскому штабу для предупреждения генерал-адъютанта Рожественского еще до отправления его в плавание. Но данные эти, служа для генерал-адъютанта Рожественского более, чем достаточным основанием ожидать нападения Японских судов из засады, свидетельствуют о фактах, имевших место за месяц до отражения судами Русской эскадры этого нападения в Северном море. Вследствие чего представлялось желательным получить указания на нахождение подозрительных судов на пути нашей эскадры во время более приближенное к моменту самого нападения. Для сего, за отсутствием в распоряжении департамента полиции соответствующих средств и ввиду нецелесообразности посылки в Англию специальных агентов, появление которых было бы замечено и возбудило бы подозрения, я согласно данным мне приказаниям отправился в Париж и вошел в переговоры с директором общественной безопасности во Франции Кавaром, дабы добиться производства необходимого исследования его агентами. Мне пришлось войти по сему поводу в сношения совершенно частного характера и с Президентом Французской Республики, от коего я рассчитывал получить неофициальное разрешение Кавару оказать мне содействие. Президент Республики отнесся к моему ходатайству как нельзя более благожелательно и дал директору общественной безопасности не только разрешение, но даже приказание сделать все возможное для выяснения нужных мне сведений. Благодаря этому удалось установить два имеющие весьма существенное значение обстоятельства.

А именно: 1) 2–15 октября, т. е. за шесть дней до произведенного на эскадру вице-адмирала Рожественского нападения, сопровождавший английский пароход «Титания» лоцман, английский подданный Лукас в двадцати пяти милях от Ньюарпского плавучего маяка видел два миноносца без флагов и огней, которые показались Лукасу подозрительными вследствие того, что они, как для него по внешнему их виду было несомненно, не могли быть миноносцами какой-либо европейской державы, хорошо Лукасу извест-

ными. Когда «Титания» попыталась приблизиться к этим миноносцам, они быстро от нее удалились. 2) В 5 часов 30 минут вечера 8–21 октября капитан французского судна «Св. Андрей» Жан-Батист Эсноль видел стоявший без движения в море, в расстоянии полмили от маяка Гросс-Занд миноносец, который не имел флага и, несмотря на сумерки, не открывал огней; команды на этом миноносце видно не было. И Лукас и Эсноль изъявили готовность сведения эти засвидетельствовать официально, должны были быть допрошены, а в настоящее время, по всей вероятности, уже допрошены консулами. Помимо выяснения этих данных проживающими секретно в Лондоне агентами директора общественной безопасности во Франции предпринято собирание сведений о приобретении японским правительством на английских верфях миноносцев. Кроме того, департаменту полиции, вскоре после произведенного в Северном море на русскую эскадру нападения, удалось задержать посланное из Гулля (что явствует из почтового штемпеля) письмо японца Муто к находящемуся у нас в плену японскому доктору Коно, в коем Муто, между прочим, пишет: «Вы интересуетесь целью моего прибытия сюда, — к сожалению, я не могу пока сообщить Вам об этом, но через некоторое время сообщу». Письмо это (переданное департаментом полиции в подлиннике главному морскому штабу), свидетельствующее о проживании в Гулле японца во время нападения на Русскую эскадру и при том проживании там с целью, которую японец этот скрывал даже от близкого ему лица, является по делу об этом нападении доказательством весьма существенным. Но независимо от сего по моей просьбе Каваром поручено подчиненным ему агентам собрать сведения об обстоятельствах проживания японца Муто в Гулле.

Результаты этих исследований, по мере поступления ко мне, будут сообщаться Морскому министерству.

Находясь в Париже, я, пользуясь личным знакомством с министром иностранных дел Делькассэ и некоторыми близкими к Президенту Республики лицами, постарался выяс-

нить отношение французского правительства как к делу о нападении японских судов на русскую эскадру в Северном море, так и к русско-французскому союзу. Будучи, вне всякого сомнения, преисполнены искренним стремлением поддерживать этот союз, и президент и министр высказали мне, что вполне сознают, что Россия должна и не может не выйти с достоинством из того тяжелого положения в отношении к Англии, в которое она поставлена коварным нападением японцев на нашу эскадру, и сообщили, что как в предпринятом по моей просьбе исследовании, так и в деятельности комиссии, имеющей рассмотреть дело об этом нападении, употребят все свое влияние для благоприятного для России решения. Каковое влияние может быть оказано и на представителя Англии адмирала Бомона, с которым Президент Лубэ находится в личных хороших отношениях. Что же касается отношения Президента Французской республики и его министра иностранных дел к русско-французскому союзу, то в разговорах с ними по сему поводу я не мог не заметить, что, не изменившись к этому союзу сами, они опасаются изменения в отношении к нему со стороны русского правительства. Распространившиеся во Франции слухи о том, что Россия заключает новый заем на надобности войны, в Германии, через банк Мендельсона, при том условии, что по имеющимся на Парижской бирже сведениям Германия не обладает в настоящее время свободным для покрытия означенного займа золотом, дает повод к толкованиям, что этот заем предпринят по соображениям не финансовым, а дипломатическим, и свидетельствует о сближении России с Германией в ущерб союзу с Францией. Кроме того, германский посол в Париже князь Радолин открыто, с большой настойчивостью распространяет в Париже слухи, что союз России с Францией существует только на бумаге, что русское правительство уже дало это понять правительству германскому и готово заключить союз с ним, приняв на себя обязательство не исполнять заключенный с Францией договор. Эти заявления представителя Германии и полное отсутствие со стороны

русского правительства мер, которые дали бы уверенность правительству республики в ложности заявлений князя Радолина и, что представляется еще более существенным, успокоили бы в этом отношении общественное мнение Франции, повергают таких горячих сторонников сближения с Россией, как президента Лубэ и министра Делькассэ в сомнения относительно прочности двойственного союза.

Действительный статский советник *Лопухин*
ЦГИА, ф. 6с/102, оп. 1, д. 19, лл. 78–81.

Документ № 17

Показания японского шпиона И. Гейштора военному следователю

1904 г.

1. Игнатий Иосифович Гейштор.
2. Потомственный дворянин.
3. 38 лет от роду.
4. Уроженец Западного края.
5. Русско-верноподданный.
6. Вероисповедания православного.
7. Женат.
8. Под судом и следствием не состоял и не состою.
9. Образование получил в Гродненской мужской гимназии 5 классов и окончил Александровское Московское императорское техническое училище, выпущен правительственным техником путей сообщений.
10. Имею знаки отличия: 1) Знак Красного креста, 2) Знак императорской правильной охоты, 3) знак золотой Холмского императорского св. богородицкого братства, 4) медаль за всеобщую народную перепись, 5) медаль за службу при Александре III, 6) медаль за китайский поход с надписью за храбрость и 7) георгиевский крест 4-й степени.

11. Течение служебной деятельности проходил 1) по военному инженерному ведомству, 2) по постройке железных дорог. Последнее время до 3 февраля с. г. занимал должность техника участка с правами помощника начальника 4 участка службы пути Китайской Восточной железной дороги.

12. Во время открытия военных действий в защиту дорогой Родины и моего государя императора оставил службу и отправился в г. Артур ближе к военным действиям, дабы быть полезным в случае надобности в военно-инженерном искусстве.

13. Генерал-лейтенантом Стессель был откомандирован в порт в судостроительный отдел для исправления судов эскадры, по выполнении исправлений отчислен в механический отдел для той же надобности до 19 июля 1904 года.

14. Желая принести больше пользы осажденному Артуру и нашей дорогой Родине, 19 июля уволился от должности и на китайской шаланде отбыл в г. Чифу с целью пробраться в г. Дальний для собрания сведений о японских войсках и планах действий. По прибытии в г. Чифу, я явился к японскому консулу и заявил, что я с Артура военный инженер, признавая войну со стороны России не основательной и желая помочь Японии, желаю перейти к ним на военную службу. Он меня вместе с приглашенными им японскими офицерами принял очень любезно с благодарностью за услугу, просил обождать 2 дня пока он из г. Дальнего вызовет военное судно для отправки меня в Дальний, спустя 2 дня прибыл крейсер II ранга, остановился за утесами, не доходя до Чифу 6 верст меня отвез на таковой на китайском катере капитан II ранга японского флота Мори, на котором я отправился в Дальний.

По прибытии меня спустили на берег и немедленно ко мне приставили 4 пехотных солдата с ружьями и 2 драгунов с голыми саблями при 1 офицере отвели меня и поместили в доме б. градоначальника Сахарова. В мое распоряжение дали 6 комнат с мебелью, роялем и всеми удобствами при неотступном карауле, кормили японской пищей и гале-

тами, продержав безвыходно 3 суток, разрешил мне главный начальник этапов полковник Яцуга ходить по Дальнему с караулом, я гулял 2 суток и на все обращал внимание, по истечении 2 суток меня потребовал к себе главнокомандующий 3 армии генерал Ноги, я поездом отправился к нему в китайскую деревню Содайко, прибыв к нему, меня 6 офицеров при начальнике штаба подробно взяли на испытание не шпион ли я, но я на все их вопросы отвечал в их пользу, так что они поверили, что я именно желаю им добра. Представившись генералу Ноги, он меня благодарил и сказал, что так как я признан им полезным, то он не стесняется в военных секретах и доверяется как своему офицеру. Спустя 2 суток пребывания в штабе армии ко мне к комнату явился адъютант штаба и объявил, что я судом офицеров под председательством главнокомандующего генерала Ноги, как русский шпион через 2 часа буду расстрелян, если не сознаюсь, с какой целью к ним прибыл. Я заявил, что смерть принимаю охотно, но я прибыл лишь принести им пользу своей службой. Через 2 часа ко мне явилось 6 офицеров и 12 солдат и приказали мне отправиться с ними на смертную казнь. Я отправился. Отошли за деревню, мне полковник Ямага заявил, что так как у них священника нет, то он должен заявить, что закон войны шпионов наказывает смертной казнью и он мне дает сроку 10 минут помолиться богу, по исполнению мною последнего, меня офицер подвел к вкопанному столбу, вынув из кармана белый шелковый шнурок, привязал мне руки к столбу, а платком завязал глаза, спустя минуту, раздалась команда, затворы щелкнули и произведен был залп, я почувствовал слабость, но боли никакой, расслышал еще один залп и впал в обморок, по мне было сделано еще 3 залпа, но я не слышал, после последнего офицеры взяли меня на руки, отнесли в помещение и доктора по требованию генерала Ноги меня привели в полное сознание, на 2-е сутки, когда я поправился, то мне заявили, что если бы я просил у них пощады, то был бы расстрелян, а так они признают меня своим приятелем. Цель моя была узнать

подробно намерение армии и генерала Ноги и броситься в бой, а там хотя под выстрелами перебежать к нашим, если не будет другого исхода, но по счастью по моем выздоровлении меня начали знакомить с шпионами, из коих 2, один монгол и китаец, намереваются попортить тоннель на Хингане, тогда я предложил им свои услуги помочь как хорошо знаю Хинган и был на постройке тоннеля. Они ужасно за это спохватились и вполне доверились мне, с какой целью и мне удалось освободиться. По нашему окончательному уговору меня снабдили прокламациями к русскому воинству, удостоверением к японским войскам на свободное прохождение, и я отправился опять в Дальний. Из Дальнего меня крейсер II ранга отвез в Чифу, я из Чифу следую обычным путем. Моя задача состоит в том, помочь оказать содействие при порче тоннеля, содействовать шпионам в их поручениях, кои будут ко мне обращаться по условленному знаку. Шпионы ихние мне в лицо известны, из них 2: один кореец и один монгол отправились под видом мирных жителей через Пекин, Кяхту и Верхнеудинск для порчи Кругобайкальской железной дороги. Многие часто сообщают относительно армии генерала Куропаткина...

Техник путей сообщений *И. Гейштор*
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 27513, лл. 106–108.

Документ № 18

Выписка из донесения русского консула в Сингапуре Рудаковского в 1-й департамент министерства иностранных дел

9 января 1905 года

... Японцы, зная конечно об... особенностях малайской расы, никогда не пытались заняться пробуждением несуществующих инстинктов, уверенные заранее, что всякое владычество будет принято беспрекословно. Когда же им

понадобились стоянки у берегов Индийского океана — для встречи русского флота, — японцы послали заблаговременно специальных агентов-чертежников, которые с июня по октябрь 1904 года объездили все острова западного берега Суматры, составляя планы. О поездках японских агентов мной сообщено агенту морского министерства в Батавию 7–20 ноября 1904 г., № 316. О том, что японцы составляли именно планы, выяснилось только в декабре 1904 года, когда в Паданге конфискованы составленные одним из японских агентов подробные карты западного прибрежья Суматры. Точно так же в самом начале русско-японской войны, когда все предполагали, что русский флот из Балтики будет брать уголь в попутных портах, японцы разослали своих агентов в места вероятных стоянок: в Сингапур, в Батавию, в Сурабайю, в Сайгон и другие места. Японские агенты, работая на пристанях как простые китайские грузчики угля, должны были подсунуть какую-нибудь неприятность вместе с углем на русские суда и даже, в крайнем случае, поджечь угольные склады.

Консул *Рудаковский*
ЦГИА, МИД, Японский стол, д. 226, 1905, л. 35–36.

Документ № 19

Запрос военного министра Сахарова министру иностранных дел Булыгину о диверсионной работе японских шпионов

28 января 1905 года
Секретно

Милостивый государь, Александр Григорьевич! Тайный агент разведывательного отделения Штаба Главнокомандующего войсками на Дальнем Востоке, прибывший из Парижа, сообщил, что японским посольством в Париже, при участии капитана Ямагата, заказаны особые самовзрывные мелинитовые патроны и вскоре командируются щедро

подкупленные иностранцы для производства разрушения больших мостов на Волге, Оби и Енисее.

Вследствие этого мною сделано распоряжение местному военному начальнику об организации, по соглашению с железнодорожным жандармским полицейским начальством, наблюдения за пассажирами вообще и за иностранцами в особенности, проезжающими по Сызрано-Вяземской, Самаро-Златоустовской, Сибирской, Кругобайкальской и Забайкальской железным дорогам и о принятии самых строгих мер к предупреждению возможности разрушения железнодорожных сооружений.

Однако я считаю, что для большей безопасности в этом отношении было бы желательно кроме того организовать наблюдение на пограничных станциях за всеми вообще пассажирами и их багажом, прибывающими из-за границы, такое же наблюдение на одной из начальных станций Сибирской магистрали, например, на станции Сызрань, как наиболее удобном для этой цели пункте.

Уведомляя об этом, имею честь просить ваше превосходительство не отказать сообщить мне по изложенному свое заключение.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности.

В. Сахаров

ЦГИА, фонд 6с/102, оп. 1, д. 20, 1905, л. 5.

Документ № 20

Запрос военного министра Сахарова министру иностранных дел Булыгину о диверсионной работе японских шпионов

5 февраля 1905 года
Секретно

Господину министру внутренних дел.

Военный министр, отзывом от 14 января с. г. №13, уведомил меня, что по полученным Военным ведомством све-

дениям из-за границы, японским посольством в Париже заказаны особые самовзрывные мелинитовые патроны и вскоре командируются щедро подкупленные иностранцы для производства разрушения больших мостов на Волге, Оби и Енисее, посредством бросания патронов на мосты через отверстия в вагонных клозетах.

Получив означенное сообщение, я предписал начальникам Самаро-Златоустовской, Сибирской и Забайкальской железных дорог немедленно принять, по соглашению с заведующими передвижением войск и начальниками жандармских железнодорожных управлений, самые строгие меры охраны железнодорожных сооружений, путем тщательного наблюдения за пассажирами, к особенности во время прохода пассажирскими поездами мостов и других сооружений, причем начальникам дорог было указано на необходимость запирания клозетов и удаления пассажиров с вагонных площадок во время хода поездов.

На означенное предложение начальник Самаро-Златоустовской железной дороги ныне донес Управлению железных дорог, что о запирании вагонных клозетов и о недопущении пассажиров на вагонные площадки при проходе поездов по наиболее важным мостам, — коих на означенной дороге имеется двенадцать, для чего решено запирать выходные двери, — надлежащее распоряжение сделано. В числе же других охранных мер начальник дороги указывает на предположение начальника жандармского управления установить сопровождение всех пассажирских поездов жандармскими унтер-офицерами в кондукторской форме, для более тщательного наблюдения за пассажирами, и распоряжение командующего войсками Казанского военного округа о постановке часовых на вагонных площадках во время прохода поездов по большим семи мостам и другим важным сооружениям, перед которыми все пассажирские поезда будут останавливаться для посадки военных караулов и, после прохода мостов, — для высадки таковых.

Засим, ввиду возможности проникновения злоумышленников и на товарные поезда для выбрасывания с та-

ковых самовзрывных патронов, — начальник Самарского жандармского полицейского управления находит необходимым останавливать перед вышеупомянутыми мостами для осмотра и все товарные поезда.

Вследствие вышеизложенного, имею честь уведомить ваше превосходительство, что, так как осмотр всех товарных поездов перед проходом таковыми семи главных мостов неизбежно будет занимать слишком много времени и значительно повлияет как на уменьшение пропускной способности перегонов, на коих расположены означенные мосты, так и на общей пропускной способности дороги, допущение чего, при настоящем весьма значительном скоплении на Самаро-Златоустовской железной дороге всякого рода грузов, подлежащих немедленной вывозке, и при необходимости выполнения в то же время усиленного воинского движения на Дальний Восток, — представлялось бы едва ли возможным.

Если же при этом, для последовательности в деле охраны мостов на Сибирской, Забайкальской и Китайской Восточной железных дорогах, пришлось бы ввести такой же порядок осмотра перед главными мостами всех товарных поездов и на этих дорогах, то является совершенно ясным, что пропускная способность всего Сибирского пути весьма значительно уменьшилась бы, что при настоящих военных обстоятельствах отнюдь допущено быть не может.

Кроме сего, осмотр перед мостами всех товарных поездов, помимо вышеизложенных неудобств, повлек бы за собою необходимость значительного увеличения числа воинских чинов, находящихся ныне на охране мостов, для размещения коих пришлось бы строить новые бараки, так как ныне устроенных было бы недостаточно.

Признавая в то же время некоторую основательность опасений за возможность проникновения злоумышленников в товарные поезда, и необходимость более строгого наблюдения за таковыми, я, со своей стороны, полагал бы возможным установить — взамен остановки товарных по-

ездов для осмотра у самых мостов, — производить таковой осмотр на станциях, предшествующих всем большим мостам, и хотя эта мера также повлекла бы за собою, кроме увеличения численности воинской охраны дорог, — некоторую задержку в движении, но не в той степени как при порядке осмотра товарных поездов у самых мостов.

По изложенным соображениям осуществление проектируемой начальником Самарского жандармского полицейского управления меры, со своей стороны, считаю невозможным, о чем имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства, для зависящих распоряжений, и покорнейше просить о последующем по настоящему делу почтить меня ответным отзывом.

Министр путей сообщения,
статс-секретарь — *подпись*.
ЦГИА, ф. 6с/102, оп. 1, д. 20, 1905, л. 6–7.

Документ № 21

Сообщение чиновника особых поручений русского Министерства внутренних дел Мануйлова директору Департамента полиции

3 мая 1905 года

Ввиду поступивших сведений о том, что Японский военный агент в Стокгольме полковник Акаши[13] является руководителем шпионско-разведочной деятельности в Европе, мною было установлено за означенным японцем агентурное наблюдение, благодаря коему выяснилось, что он на сих днях прибудет по особо важному делу в Париж. Полковник Акаши, действительно, приехал в Париж 1 мая (н. ст.) и остановился в гостинице «Интернациональ», Авеню Иен, 60.

Для непосредственного наблюдения за Акаши мною было нанято в упомянутой гостинице помещение, смежное с комнатой этого военного агента, и я поселил туда одного

из моих сотрудников. Благодаря такой организации, моему сотруднику удалось снять копию с письма, полученного Акаши 1 мая (н. ст.) следующего содержания:

«Господину Акаши, гостиница Интернациональ, Авеню Иена, 60. Париж. Париж, 1 мая 05.

Милостивый государь и друг.

В ответ на Ваше письмо сообщаю, что Вы можете рассчитывать на меня завтра во вторник у вас между 3 и 4 часами. В ожидании удовольствия беседовать с Вами, примите, милостивый государь, мои дружеские и горячие приветствия.

Деканози»

Ввиду вышеприведенного письма, я решил, при содействии прислуги устроиться так, чтобы лично слышать весь разговор между Деканози и Акаши.

Действительно, в назначенное время 2 сего мая в гостиницу явился Деканози, который велел доложить о себе, как об «Емпилове». Акаши встретил его как старого знакомого, и разговор сейчас же коснулся революционного движения в России. Акаши заметил, что его не удовлетворяет настоящая форма революционного движения, так как она совершенно расходится с теми планами, которые намечены были ими в предыдущих свиданиях как с ним, Деканози, так и с другими единомышленниками. На это Деканози возразил, что местные условия весьма часто, в силу вещей, видоизменяют заранее намеченные планы и что с этим обстоятельством волей-неволей приходится считаться. Главной помехой, по словам Деканози, является войско, которое самым слепым образом исполняет приказы правительства. Акаши заметил на это, что, по тем сведениям, которые были получены через посредство Деканози от офицера, в данное время в России всего от 400 до 500 тысяч войска и, по его мнению, если бы суметь сорганизовать стотысячную вооруженную толпу, то с уверенностью можно бы сказать, что при содействии общества эта вооруженная сила одержала бы победу над деморализованными солдатами. «Мы готовы, как вы знаете, — сказал Ака-

ши, — помогать вам материально на приобретение оружия, но самое главное, чтобы движению этому не давать остывать и вносить, таким образом, в русское общество элемент постоянного возбуждения и протеста против правительства».

Затем разговор перешел на одного из сотрудников Акаши, живущего в Одессе, который, по его словам, крайне преувеличивает события. «Я решил ему платить еженедельно, дабы иметь возможность в каждую данную минуту прекратить с ним сношения; в этом духе прошу вас и со своей стороны ему написать».

За сим Акаши обратился с просьбой найти ему еще одного сотрудника на юге России, но с тем непременным условием, чтобы сотрудник этот был активным деятелем революционного движения. «Вы уж мне об этом писали, возразил Деканози, и я остановился на одном человеке, с которым я вас познакомлю через несколько дней в Берлине. Мы его, если он вам подойдет, оттуда отправим в Россию».

После сего Акаши вспомнил о двух сотрудниках, которые, под видом представителей торговых домов, недавно уехали в Россию и благополучно путешествуют, давая всевозможные сведения о происходящих событиях внутри империи.

Разговор переходит снова на революционное брожение, и Деканози самым подробным образом рассказывает своему собеседнику о многих событиях, происходящих на Кавказе, утверждая при этом, что к осени можно ожидать весьма крупных беспорядков в Тифлисе, Баку и Батуме, куда уже доставлено весьма значительное количество оружия. Акаши развивает ту мысль, что во всем этом движении необходимо, по возможности, не трогать частной собственности, дабы не раздражать общества, но направить все против самодержавного правительства. «Нужно, — сказал Акаши, — чтобы движение это в особенности носило характер анти-царский, а потому, по моему мнению, следовало бы громить имущество, принадлежащее Удельному Ведом-

ству». «В этом направлении, — ответил Деканози, — кое-что уже начато в Таврической губернии».

По словам Акаши, в японскую миссию в Лондоне недавно явился некий Максимов, который предлагал Гаяши[14] свои услуги, но посланник не пожелал войти с ним в сношения, поручив это дело ему, Акаши. Последний обратился к Деканози с просьбой в точности выяснить, кто такой Максимов и насколько искренно его предложение. Деканози заявил, что он Максимова знает за человека, образ жизни которого не внушает особого доверия, и он опасается, не является ли его шаг провокаторством. «Во всяком случае, в самом близком будущем, — добавил он, — я доставлю вам подробное о нем сведение».

Затем Деканози осведомился, имеются ли известия о Захаре или Шахере, о котором он давно ничего не слышал. Акаши ответил, что Шахер в России, присылает ему небольшие письма, но, ввиду его частых переездов, он опасается, как бы он не сделал какого-нибудь ложного шага.

Разговор коснулся, наконец, денежных затрат. Как я, так и мой сотрудник явственно слышали следующее: Деканози получает от Акаши на расходы и на разъезды 2050 франков в неделю. Потом до нас донесся шелест пересчитывавшихся бумаг, причем Акаши заметил: «Тут на 125 тысяч франков, но вы их разменяйте во Франции, но не заграницей, особенно не в Гамбурге, куда вы теперь поедете, так как Германское правительство очень зорко следит за иностранцами и размен такой значительной суммы может обратить внимание. И не меняйте их сразу».

В заключение беседы Акаши просил писать ему по следующим двум адресам: Андерсон, купец, Стокгольм, до востребования, Фридрих Даумер, Лимерштрассе, Берлин (номера я расслышать не мог), причем всегда класть все в двойные конверты и на одном из конвертов надписывать: «Прошу передать письмо г. Тэдэ или Тэлэ» (хорошо не мог расслышать). Все письма Деканози дол-

жен подписывать «Фредерик», а Акаши — «Жорж», причем корреспонденция для Деканози должна направляться по адресу: «Мадам Рэно, 18, ул. Клод-Бернард (?). Они условились еще раз встретиться через несколько дней.

Находящиеся в гостинице мои филеры взяли под наблюдение Деканози, причем было выяснено, что сейчас же после свидания с Акаши он отправился в меблированный дом, 32, улица Дезэколь, отель де Фамиль, где посетил русско-подданного из Тифлиса Архилла Джорджадзе, сейчас же по приходе Деканози к означенному Джорджадзе туда явилось несколько человек, по справке оказавшихся русскими, причем собрание носило весьма конспиративный характер.

Во время одной из отлучек Акаши, мною, при помощи сотрудника и прислуги гостиницы, был досмотрен его чемодан, в котором, между прочим, находилось письмо известного финляндского сепаратиста Кони Зильякуса следующего содержания:

«Копенгаген, 25 апреля. Милостивый государь и друг.

Благодарю за ваше письмо, которое из-за праздников пришло слишком поздно для ответной почты из Стокгольма. Итак, что касается моего путешествия, я надеюсь выехать отсюда в пятницу на страстной неделе в Гамбурге, где останусь один день, выеду в субботу вечером, буду в Париже в понедельник днем. Пробуду в нем, вероятно, всего несколько дней до поездки в Лондон, но, если вы сможете мне передать 4000 ливров в счет обещанной мной коллекции, я буду вам очень благодарен. Приготовления в полном ходу, деньги же тают как снег на солнце. Надеюсь вам передали отношение, обещанное вам до отъезда. Оно отправлено отсюда в субботу вечером. Как только буду в Париже, сообщу вам свой адрес. Итак до свидания. Увидимся приблизительно через неделю. Искренно ваш Кони Зильякус».

Собственноручный черновик Акаши (в копии):

«Дорогой друг, вы, наверное, были удивлены услышать

о Гансе Мейере, он был, как вы знаете, моим сотрудником в редактировании «Novia», в настоящее время он безнадежный помощник, вследствие его жениховства, вы это знаете лучше меня. Он побывал в Норвегии, где нашел скромное место в страховом обществе, одновременно он состоит корреспондентом одной большой немецкой газеты по вопросам экономики. Он просил меня передать вам самые сердечные приветствия. Я просил его помогать мне время от времени, в деле обогащения моего труда. Скоро я возвращусь в Берлин. Адрес мой прежний. Если вы нашли...»

Несколько прокламаций, напечатанных на гектографе по-русски (одна из прокламаций — призывающая все революционные фракции в общей борьбе против самодержавия, по плану, намеченному Гапоном) список фамилий: Гросфельд, Додсон, и Рейнштейн; представляемый в подлиннике документ на японском языке, с чертежом на обороте и названиями городов Кавказского края; визитная карточка Романа Дмовского, заметка на японском языке и копия телеграммы следующего содержания: «Краков, 11 апреля 10 часов утра. «Грегуар (посещает) посетит Александра 27 мая».

Разговор между Деканози и Акаши, шедший на французском языке, был тут же в точности записан моим сотрудником, бывшим комиссаром французской политической полиции. На вопрос мой, признал ли бы он возможным, в случае надобности, подтвердить перед русскими компетентными властями все слышанное и записанное им, — сотрудник мой выразил на сие полную готовность.

Таким образом, факт непосредственного участия японского правительства в последнем революционном движении в России — можно отныне считать вполне установленным.

О вышеизложенном имею честь почтительнейше донести вашему превосходительству.

И. Мануйлов

ЦГИА, ф.6с/102, оп. 1, д. 28, л. 48–51.

Документ № 22

Сообщение министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа министру внутренних дел А. Г. Булыгину

5 мая 1905 года № 67
Весьма секретно

Милостивый государь
Александр Григорьевич.

Имею честь препроводить вашему превосходительству копию с весьма секретного письма императорского посла в Париже, которое мною было повергнуто на высочайшее благовоззрение.

О последующем для извещения действительного тайного советника Нелидова буду ожидать отзыва вашего превосходительства.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Ламздорф

ЦГИА, ф. 6с/102, оп. 1, д. 28, л. 80.

Документ № 23

Письмо русского посла в Париже Нелидова Министерству иностранных дел

27 апреля (10 мая) 1905 г.
Секретно

Несколько недель тому назад я получил от прислуги одной из здешних гостиниц письмо, извещавшее меня, что в ней останавливается часто приезжающий сюда японский офицер, занимающийся, как кажется, шпионством и имеющий связи и в России. Автор письма предлагал свои услуги, чтобы проследить действия этого японца и его сообщников.

Я счел нужным передать это дело г. Мануйлову, и ему удалось тотчас же выяснить, что прислуга эта — немка, сестра которой находится в услужении в России, и что сочувствие к «нашему отечеству, а вероятно и надежда на

вознаграждение побудили ее обратиться к нам со своими предложениями. Затем было установлено, что японец — полковник Акаши, один из главных агентов для разведок, проживающий по преимуществу в Стокгольме, откуда он при помощи частых переездов руководит всеми нитями шпионства.

На днях Акаши снова приехал в Париж, и г. Мануйлов мог, с помощью находящегося в его распоряжении французского агента, наняв соседнюю с помещением Акаши комнату, проследить его здешнюю деятельность. Он имел свидания с одним из русско-армянских политических выходцев, который отдавал ему отчет о распространении революционного движения в России, о подготовлении беспорядков, ввозе оружия для вооружения 100 000 населения с целью парализовать, таким образом, действия войска и т. п. Главное внимание этих деятелей обращено на Кавказ, Привислинский край и Финляндию, причем для поддержания движения Акаши отсчитал своему русскому агенту 125 000 фр., а на движение в Финляндии им было послано одному известному выходцу 100 000 фр.

Все эти данные, подкрепленные письмами, с некоторых из коих удалось снять копии, а частью и фотографии, представляют такую политическую важность, что мне кажется необходимым проследить далее деятельность Акаши с целью открыть пути его сношений с Россией, способ проникновения к нам оружия из-за границы (главным образом, через Гамбург), а равно и узнать, с какими лицами или обществами в России он находится в связи. Он должен, между прочим, иметь в конце мая нового стиля свидание с кем-то в Кракове (вероятно, одним из агентов, находящимся в России), а равно и направить из Гамбурга партию ружей в Россию.

Для исполнения сложной задачи выслеживания движений, действий и сношений полковника Акаши и его сподвижников необходимо устроить совершенно особое за ним наблюдение, причем интерес дела так велик, что стесняться средствами не следовало бы. Нельзя также вести дело

обыкновенным полицейским порядком. Его надо поручить сведущему и опытному агенту, и я считал бы самым подходящим для этого того же Мануйлова. Он доносит об этом подробно своему начальству, но я считал бы полезным его вызов в Россию для устного доклада и получения должных указаний и средств, после чего он должен был бы без потери времени приняться за работу.

Ввиду исключительной важности этого дела и решился я представить его со своей стороны вашему сиятельству для возможного воздействии на надлежащие ведомства.

Нелидов

ЦГИА, ф. 6с/102, оп. 1, д. 28, л. 81-82.

Документ № 24

Телеграмма статского советника Давыдова из Пекина

6 июня 1905 г.

По полученным мною сведениям, в Пекин прибыл японский шпион Хаяшиде-Камацу-Ихара[15], изъездивший в свое время всю Маньчжурию и Монголию. Он послан будто бы сюда японским генеральным штабом для организации разведочной партии, с которой он отправится через Китай на границу русского и китайского Туркестана. Он уверен, что в течение одного года ему удастся изучить русский Туркестан так же хорошо, как он изучил Маньчжурию.

ЦГИА, МИД, японский стол, д. 226, л. 243.

Документ № 25

Телеграмма русского консула в Шанхае Павлова Министерству иностранных дел

7 июня 1905 г.

Секретно

Имею достоверные сведения, что на днях проехал через Шанхай в Пекин японец Коматсу Харахаяшиде, бывший

еще до войны одним из главных японских тайных агентов в Маньчжурии и Монголии. Ныне будто бы поручено организовать в Пекине особенную партию разведчиков и шпионов: из числа специально подготовляемых для сего в Пекине молодых японцев и отправиться во главе ее в Кашгар и пограничные с нами местности китайского Туркестана с целью распространения японской политической пропаганды.

ЦГИА, МИД, японский стол, д. 226, л. 244.

Документ № 26

Сообщение русского посла во Франции Нелидова министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу

15 июня 1905 г.
Весьма секретно

М. г.
граф Владимир Николаевич!

Ссылаясь на секретное письмо мое от 27 апреля (10 мая) и ознакомившись с содержанием препровожденного ко мне в копии совершенно секретного письма г. министра внутренних дел от 10 мая № 46 я считаю долгом еще раз вернуться к вопросу о японском полковнике Акаши. Деятельность его, как явствует из добытых г. Мануйловым подлинных документов, не ограничивается предприятиями разведочного характера и переходит далеко за пределы Скандинавии и Стокгольма. Он руководит целою сетью направленных против России интриг, имеющих в виду поднятие смут и вооруженного движения, главным образом на Кавказе, куда, равно как и в Балтийские порта, его заботами и на его деньги отправляется в большом количестве оружие. Для перевозки этого груза приобретен в Гамбурге пароход, о котором г. Мануйлов доставил в департамент полиции самые подробные сведения и

фотографию. Кроме того, ему удалось получить точные данные о времени и месте отправления ружей из Марселя в Черное море. За этими опасными предприятиями надо зорко следить, чтобы не допустить выгрузки оружия в России.

Если я позволяю себе еще раз обращать внимание вашего сиятельства на это важное дело, то это из опасения, чтобы среди других многочисленных и настоятельных дел, отвлекающих деятельность нашего полицейского департамента, сведениям, доставленным из Парижа г-м Мануйловым, не было придано той государственной важности, которую они представляют. Возможность наблюдения за подпольною деятельностью японцев, которую г-ну Мануйлову удалось добыть, кажется мне настолько существенной для ограждения нас от происков этого опасного и беззастенчивого, ничем не стесняющегося врага, что мне казалось бы необходимым ее еще расширить, а именно, доставить средство для наблюдения за японской миссией в Лондоне. Тамошний посланник пользуется полным доверием своего правительства и имеет на него огромное влияние. При предстоящих переговорах о мире нам было бы в высшей степени важно быть осведомленными о получаемых и посылаемых им телеграммах.

Само собою разумеется, что дело это должно быть ведено с крайней осмотрительностью, чтобы не возбудить ничьего подозрения и не лишиться имеющихся в руках средств разведывания. А между тем французская тайная полиция, не без содействия которой все это производится, была недавно весьма озабочена, ознакомившись с передававшейся по телеграфу г-ну Мануйлову открытой депешей, в которой ему разрешалось произвести незначительный расход «для получения сведений о провозе оружия».

Покорнейше прошу, ваше сиятельство, принять уверения в глубоком моем почтении и совершенной преданности.

Нелидов

ЦГИА, ф. 6с/102, оп.1, д. 28, л. 169.

Документ № 27

Дознание по делу о китайце Тию-цай, обвиняемого агентами Управления транспортов штаба главнокомандующего в шпионстве

9 июля 1905 г.

1905 года июля 8 дня, согласно словесному приказанию начальника Управления транспортов штаба главнокомандующего, мною было произведено дознание о китайце Тию-цае, обвиняемом тайными агентами Управления транспортов Люинго, Панюшен, Ванкотун и Лиюнчон в шпионстве.

Спрошенный мною сего же числа китаец Тию-цай, 21 года, родом из Телина, вероисповедания китайского (Конфуция), показал: живу я постоянно в Телине за южными воротами, где снял фанзу, и отдаю ее под помещения отдельным лицам. В конце 4-й луны (первая половина мая месяца) поселился у меня японский переводчик, китаец Вандоли, живший до сего времени в здании ссудной кассы. После китайского праздника (5-е число 5-й луны) он мне предложил собрать сведения в Гунчжулине о прибывающих туда ежедневно воинских поездах, причем я должен был возвратиться туда через месяц, не считая времени в дороге. За собранные сведения мне было обещано 100 иен, на руки я получил 40 иен. Я знал, что у Вандоли на службе 300 китайцев, но чем они занимаются, не знаю. Через несколько дней после китайского праздника я отправился в Гунчжулин через Кайюанъ, Тагада, Сандятунь, Эршидзядзы. В Тагада я прожил несколько дней, у союзного брата Гуаниджин, а в Эршидзядзях сжег выданное мне японское удостоверение, во-первых, чтобы скрыть принадлежность мою к японской службе, а, во-вторых, я издержал в пути деньги и решил не возвращаться в Телин. 9 числа 6-й луны (28 июня) я купил в Гунчжулине корзину носить офицерам их покупки, за что получал от них деньги. В Гунчжулине я раньше не был и на разведку пошел в первый раз. Сообщников у меня не было и указать на японских шпионов,

находящихся в местах расположения русских войск, не могу, так как никого из них не знаю.

В первых числах 5-й луны японцы казнили в Телине свыше 20 китайцев — русских разведчиков.

При мне в Телине и его окрестностях было 100 000 войска, в районе Телина — Чйнхачо свыше 200 орудий. Правда, доходили до Кайюаня; ежедневно отправлялось четыре поезда, перевозили дрова, уголь и гаолян. В Телин войско прибыло с юга, солдаты были в возрасте 20 лет.

В Кайюане войска 6000 –7000; продовольственные склады небольшие.

Спрошенные мною сего же числа тайные агенты Управления транспортов, штаба главнокомандующего: Панюшен, Люинге, Ванкотун и Лиюнчон показали:

1. Панюшен, 20 лет, из д. Чангаю, проживал в Телине долгое время, вероисповедания Конфуция. 5 июля я встретил в Гунчжулине китайца, лицо его было хорошо мне известно по Телину. Зная, что в настоящее время, оттуда, главным образом, если и приходят, то для получения сведений о русских армиях, поэтому я сказал товарищу своему агенту Лиюнчон, что надо следить за ним. Он ходил больше с пустой корзинкой. Нас заинтересовало, куда он, главным образом, будет ходить. Оказалось, что он ходил по дороге, параллельно идущей с железной дорогой по направлению к Куанчендзам. Нам показалось подозрительным, ибо стало ясно, что он выслеживает воинские поезда; корзина у него была пустая. Видя это, мы решили проследить, что будет он делать в течение следующих дней, и решив, установить для сего очередь в наблюдении за ним, сообщили товарищам — агентам Ванкотун, Лиюнчон. Заметя, что в продолжение 3 дней он выслеживает по той же дороге поезда, я решил еще раз проверить самого себя и спросил, не из Телина ли он, сказав, что помню его, так как сам недавно оттуда. Он сказал, что действительно пришел из Телина. 7 июля вечером мы вчетвером пошли в гостиницу, где он ночевал, и опросили, давно ли он из Телина, на что получили от него ответ, что свыше двух недель. Потребовав

книгу от хозяина постоялого двора, мы увидели, что Тиюцай всего лишь в Гунчжулине 9 дней, после этого мы его арестовали и он нам сознался, что послан за сведениями о русских войсках, проходящих через Гунчжулин.

2. Спрошенный мною Люинге, 25 лет, родом из Ляояна, вероисповедания Конфуция, показал: 5 июля Панюшен указал мне на прибывшего из Телина китайца. Мы начали следить за ним и вскоре увидели, что он подозрительный человек, так как ходил с пустой корзиной по направлению прибывающих поездов. Мы решили проследить в течение 3 дней, для чего сообщили агентам Ванкотун и Лиюнчон, которые подтвердили то же самое. 7 июли мы арестовали его в поселке — в гостинице, он сознался, что послан был в Гунчжулин собрать сведения о прибывающих воинских поездах.

3. Ванкотун, 31 года, родом из Тяньцзина. Товарищи — агенты Панюшен и Люинго, сообщили, что вдоль железной дороги ходит с пустой корзиной подозрительный китаец — по-видимому, японский шпион. Так они хотели убедиться в этом и боялись впасть в ошибку, то решили следить за ним в течение 3 дней, для чего необходимо было установить им очередь. Пригласили они меня и Лиюнчон. Установив смены, мы следили 3 дня и безусловно убедились, что он наблюдает за прибывающими воинскими поездами, но чтобы отвлечь от себя внимание, ходит с корзиной. 7 июля мы арестовали его в гостинице. Он сознался нам, что послан из Телима китайцем-разведчиком Вандоли, который имеет квартиру в ссудной кассе, а для секретных дел снял помещение в его фанзе; он сообщил, что у Вандоли на службе 300 китайцев.

4. Лиюнчон, 29 лет, родом из Теньцзяна, вероисповедания Конфуция.

Меня и Ванкотун позвали товарищи-агенты следить за китайцем, ходившим вдоль железной дороги с пустой корзиной. Проследив 3 дня, мы пришли к заключению, что он, безусловно, шпион, так как под видом рабочего с корзиной высматривал поезда. 7 июля мы арестовали его в гостини-

це, причем он сознался, что был послан из Телина выяснить число воинских поездов, прибывающих в Гунчжулин в течение месяца.

Дознание производил прапорщик *Бурнашев*
Подписал: генерал-майор *Ухач-Огорович*
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 29070, л. 77–78.

Документ № 28

Телеграмма штаба главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии, в Главный штаб генералу Поливанову

10 июля 1905 г.

Посланник Павлов из Шанхая телеграфирует: Я имею достоверные сведения, что на днях проехал через Шанхай в Пекин японец Коматсубара Хаяши[16], бывший еще до войны одним из главных японских тайных агентов в Маньчжурии и Монголии. Ныне ему будто бы поручено организовать в Пекине особую партию разведчиков и шпионов из числа специально подготовляемых для сего в Пекине молодых японцев и отправиться во главе ее в пограничные с нами местности китайского Туркестана и в Кашгар, с целью распространения японской политической пропаганды среди местного населения. Копия настоящей телеграммы препровождена консулу нашему в Кашгаре для сведения. 6988/1871.

Генерал *Орановский*
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 29070, л. 21.

Документ № 29

Из показаний японского шпиона Лиу-юн-ен

24 июля 1905 г.
Секретно

По приказанию правителя канцелярии отдела этапов при главнокомандующем, мною, поручиком Федюшиным,

24 июля 1905 года произведено дознание о китайце Лиу-юн-ен.

Я, Лиу-юн-ен, после Мукденского отступления поселился в городе Мукдене, так как состою постоянным жителем Мукденской провинции. У меня было хозяйство в деревне севернее Мукдена в 12,5 русских верстах. Имел на своем иждивении жену, двух малых детей и старуху мать свыше шестидесяти лет. Когда японцы заняли Мукден, то они разорили все мое имущество, приносившее мне в год около 400 рублей доходу, сумму, вполне обеспечивающую наше житье. Делали это они с явною целью вынудить меня поступить на их службу, к чему я и прибег ради мести за свое разоренное хозяйство. Меня японцы сильно обидели, забрав от меня все хозяйство и всю мою семью, я не надеюсь уже более никогда с ними видеться и моя одна только цель теперь мстить японцам за все зло, которое они мне причинили. Задумав план своей мести, я поступил на службу к японцам в качестве шпиона. Здесь меня поместили в школу для шпионов и обучали там в продолжение пяти дней писать русские цифры и буквы, учили отличать погон от погона, распознавать, к какой части — кавалерии, артиллерии или пехоте принадлежит известный солдат. В этой школе, которая находится в Тундианкоу Мукденской провинции, в 45 верстах русских на северо-запад от Телина, нас обучали два человека офицеров японских, по-видимому, назначенных исключительно для этой цели. В школе нас было до 100 человек. Во время занятий мы не имели права друг с другом разговаривать, а должна была быть мертвая тишина. По окончании занятий, состоявших исключительно в писании русских цифр и русских букв, нас разводили под присмотром солдат каждого в отдельное помещение, где сообщение и свидание с другими моими же сослуживцами не разрешались. Таким образом, в продолжение пяти дней мы не были знакомы друг с другом. По мере успеха и способностей в этой науке, нас офицер рассылал из этой школы, давая различные поручения. Рассылал обыкновенно по одному человеку в разные стороны. До известного же пунк-

та, куда он направлял нас, мы должны были идти вместе, что у японцев, очевидно, положено за правило и служит как бы условным знаком для отличия своих шпионов от чужих. Дойдя до пункта, от которого уже не полагалось двигаться кучею, нас пропускали по одному в порядке постепенности день за днем, т. е. сегодня я, завтра другой, после завтра третий. Ставилось нам также в условие проходить известное число китайских ли в день, например, мне было велено двигаться не скорее 25 ли в день. О поручении одному не знал никто из нас и друг другу мы не говорили, куда он направлен и зачем, ибо друг друга видели первый раз в глаза и боялись открыть один другому свои мысли из опасения, нет ли здесь тайных шпионов от японцев, которые могли бы донести им о наших разговорах друг с другом.

По окончании школы шпионства в Тундианкоу меня японский офицер командировал для разведки в деревню Та-ва, город Паменчин и Фунхуасен узнать, сколько в этой местности стоит русских войск, какие у них погоны и к какому роду оружия они принадлежат — пехота, казаки или артиллерия. Местность эту я решил не осматривать, ибо не хотел у них служить, а хотел исключительно отомстить им за обиду. Поэтому я явился к комиссару и решился рассказать по чистой правде обо всем, что делается у японцев, русским. Как я уже сказал, в школе учат 5 дней и учат очень строго. После учения дают нам разные поручения, но в нашей школе не более трех, т. е. мы должны были побывать в трех местах и, высмотрев численность русских войск с отметкою, к какой части оружия они принадлежат, придти обратно не пославшему нас и там, ни в коем случае не записывая всего этого на бумагу и не расспрашивая ни о чем русских солдат, доложить обо всем виденном лично, а потом обо всем случайно слышанном от китайцев, пришедших почему-либо в деревню, хотя слух опять-таки нами должен быть проверенным личным наблюдением. Совершивший раза два или три донесение, получает уже повышение, выражающееся в том, что ему с первона-

чального жалования — 60 рублей в месяц — постепенно повышают это жалование до 300 рублей. Получающие 300 рублей в месяц называются главными шпионами, они имеют постоянное местожительство на русской территории в районе расположения армий или же несколько позади нее. Оттуда они посылают донесения со своими младшими шпионами, уже не раз исполнявшими свою задачу под видом, относя письмо к своему знакомому, живущему в японском расположении, под видом торговцев товарами, чаще всего практикуется подарок халата, зонтика, палки, хомута и т. п. Человека же, командируемого в первый раз в расположение русских войск, они, японцы, никогда не направляют к своим главным шпионам и не указывают им места их жительства, очевидно, из опасения дезертирства на русскую сторону. Школы обучения шпионству разделяются у них на несколько разрядов; так, например: шпионство по поселкам и городам, шпионство на железной дороге, повидимому, одно от другого имеет разницу. При назначении нас в разведку нам выдают два удостоверения, одно для прохода до известного места через японское расположение, которое всегда должно быть в руке, другое же зашитое где-либо у пешего в одежде, очень маленькое, для обратного прохода с русской территории в японское расположение. Это удостоверение должно быть предъявлено при первом же задержании нас на японской территории. По предъявлении его, нас не задерживают и ничего не расспрашивают, а направляют прямо туда, откуда мы были отправлены первоначально, и здесь устное донесение передается офицеру, который нас обучал. Про школы шпионства я могу сказать, что их есть три (из разговоров и слухов от других китайцев) — за левым флангом японского расположения: в Факумыне, Тунянкоу, Телине. Школы эти находятся далеко от позиции, но занимают приблизительно центральное расположение к известной части войск. В полках же и дивизиях я не знаю, есть ли шпионы. Шпионы в пределах разведки могут быть узнанными только лишь своим поведением и расспросом друг у друга, зачем он пришел. У

японцев есть масса ранее подготовленных шпионов, которые разбросаны по различным местечкам и городам в тылу русского расположения войск. Об этих шпионах знают старшие, но не мы, посылаемые в первый раз. Когда я шел через Мукден, то узнал, что в Мукдене находится какой-то генерал японский Тасан, наверное он главнокомандующий, ибо ему все подчиняются. В самом городе Мукдене и его окрестностях войск очень мало, но на позициях японских и в деревнях, через которые я проходил: Сан-Чен, Хун-ши-цяю, Киндиатунь, Тиндиона, Яндиопа, Син-Лун-Шан, Син-чу, Удагоу, Чидиоза, Оуанфаншин, в каждой из этих деревень есть войска, но опять-таки сравнительно немного.

В этом месте позиции японские не настоящие, настоящие же находятся в направлении Пабатунь, Палитунь. Деревни эти расположены севернее деревень, через которые я проходил. В этом направлении я не был и сказать, сколько там войск, не могу. В деревнях же, через которые я проходил, стоят войска, состоящие из пехоты, артиллерии и кавалерии, между прочим последней очень мало. Через самые позиции нас не пропускают, но направляют в промежутке между главными позициями обойти один из флангов расположения и зайти в известные уже заранее намеченные места и, все там высмотрев, придти и доложить учившему нас офицеру. Относительно, есть ли из китайских чиновников кто-либо на японской службе, я не знаю. Также я не слышал ничего и относительно того слуха об обязательном засеве полей в районе Гунчжулин Сунгари. Товарищи мои, шедшие со мною, направились согласно своей задаче на Куанченцзы. При проходе мною возле монгольской границы, я японских войск не встречал, очевидно, их там нет, а если и есть, то в таком ничтожном количестве, и так они себя скрытно держат, что даже этого и заметить невозможно.

Писал со слов рассказчика поручик Федюшин 25 июля 1905 года.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 29070, л. 151–152.

Документ № 30

Из показания японского шпиона Лю-цзюй-тэнь

12 августа 1905 года

Кроме местных шпионов-китайцев, имеются и приезжие из других провинций. Некоторые приезжают сюда по поручению Цзянь-цзюней или же по поручению вице-королей. Эти шпионы имеют предписания и являются к местным властям, чтобы последние покровительствовали им. Есть некоторые шпионы, командированные японскими и китайскими чиновниками, имеют при себе официальные документы. Делятся они на три категории и все снабжены предписаниями к местным гражданским и военным властям, чтобы последние покровительствовали им; кроме того, имеются предписания местным властям: выбирать способных людей или чиновников из подведомственных местных учреждений. Каждый шпион имеет какое-либо занятие для маскировки своей специальности, а также они имеют отдельную комнату и, наконец, у каждого имеется дневник для записи. Выдавший эти сведения подвергается смертной казни. Для добывания важных сведений есть руководители и есть хорошие письмоводители, которые составляют бумаги; есть хорошие переводчики, которые свободно владеют европейскими языками; последние добывают сведения из газет; есть чертежники, которые чертят планы и т. д. Совместное собрание между чинами и собрание приезжающих шпионов и, наконец, собрание между друзьями происходит ночью, днем же они занимаются чтением китайских газет из разных стран китайской империи или читают разные иностранные газеты и проч. Важные сведения они записывают в книгу и кладут в особое место, тщательно укрываемое от посторонних лиц. В случае обнаружения шпионов русскими, каждый обязан выдержать всякую пытку, но не выдавать товарищей, а тем более чинов администрации, замешанных в шпионстве. Нет ни од-

ного шпиона, чтобы он не имел сношений с китайской администрацией; все они живут роскошно. Один из шпионов показал: «я всегда вижу, как русские чиновники дружатся с китайскими чинами. На глазах они очень дружны, но на уме у них совсем другое. Если вы будете продолжать службу с чиновниками по-прежнему, то, безусловно, вреда нельзя миновать. Вы должны хорошенько подумать и рассудить о сказанном. За эти сведения я должен подвергаться смерти».

Форма и правило составления шифрованных писем различны, т. е. иероглифы читаются не по строчкам, а через один иероглиф, или через 10 иероглифов; все это делается по обусловленным знакам: название товаров обозначает солдат или лошадь и проч. Письма пишутся не в одинаковых формах, разобрать постороннему лицу совершенно невозможно.

Главная цель шпионов заключается в донесениях: о местности и количестве кавалерии и пехоты, а также о местонахождении артиллерии, количестве здоровых людей и лошадей, а также и транспортов, кроме того, обязаны доносить о глубине воды, о дождях, высоте гор, сколько проходящих войск, охранных войск, интендантских складов в тылу, о грузах поездов большой скорости и малой скорости, о тайных приготовлениях, водяных путях и судах, о пристанях и мостах, о понтонных мостах, подводных минах и фугасах и прочих сведениях.

Кроме того, есть мелкие шпионы, которые обязаны о каждом полученном сведении сообщать старшим шпионам. Для осмотра местности выдают себя за путешествующих, имеют при себе бумагу и чертят планы. Есть несколько женщин, занимающихся проституцией, которые входят в сношения с некоторыми переводчиками и бойцами, таким образом, получают важные сведений о расположениях русских чинов. Сведения они записывают и своевременно сообщают главному шпиону. Некоторые шпионы одеты очень чисто и выходят на вокзал для сбора сведений; некоторые выдают себя за служащих при театре

или в качестве компаньона содержателя театра и путешествуют по городам будто бы для приглашения хороших артистов.

Раньше я имел честь быть допрошенным и при допросе я указал сведения по делу шпионов, все в правду. В случае обнаружения с моей стороны несправедливости, тогда вы можете поступить со мною по военному закону. Если вы примете меня на службу для преследования шпионов, то у меня еще есть особое средство: 1) на обстоятельственный вид, 2) о движении, 3) о деятельности чиновников, 4) о деятельности торговли, 5) о движении купцов, т. е. по ночам они собираются, а днем расходятся, 6) о движении всех бездельных людей.

Уже два раза служил при штабе, но как-то не имел возможности лично видеться с вами. Если я удостоен поступить к вам на службу, тогда я не буду бояться двух государств, т. е. японского и китайского. После моего поступления на службу к вам, обо всем буду докладывать вам своевременно: о движении японских шпионов и о движении китайских чинов и других китайцев; одним словом, буду помогать вам, как ваша правая рука, тогда будет очень хорошо как для вас, так и для меня. Если бы я не знал о деле шпионов, то я бы не осмелился поступить к вам на службу; буду исполнять обязанности по делам шпионов; нужно внимательно преследовать их, а в противном случае тогда привлекут массу невинных людей; во-первых, задевают хорошую русскую репутацию, а во-вторых, портят свою совесть, за что нельзя миновать страшной смерти, т. е. за непосредственность будет мучиться при смерти. Я искренно желаю поступить на службу, а не ради освобождения из-под ареста, посему прошу вас освободить меня и принять на службу в качестве разведчика, желаю доказать вам свою искренность и прошу вас освободить себя от всяких сомнений. 12 августа 1905 года, переводил драгоман штаба округа Лудахе.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 29070, л. 351–352.

Документ № 31

Доклад военного следователя 3-й Маньчжурской армии об организации японского шпионажа

15 сентября 1905 г.

В настоящем докладе очерчены только наиболее характерные черты японской организации, насколько они выразились в наших военно-служебных процессах и документальных данных разведывательного отделения по этому вопросу.

До начала войны японцы имели своих тайных агентов не только во всех более или менее важных пунктах намеченного ими театра войны, но также и во внутренних губерниях России, благодаря чему они были прекрасно осведомлены о действительном положении дел.

В Уссурийском крае и Маньчжурии агентами являются по преимуществу японцы в виде торговцев-парикмахеров, содержателей гостиниц, меблированных комнат, публичных домов и т. п. учреждений.

Во внутренних губерниях контингент этот пополнялся еще евреями, греками, австрийцами, англичанами и другими нашими западноевропейскими соседями.

С началом войны, когда последовало распоряжение о выселении японцев и пребывание их на театре войны сделалось опасным, японцам пришлось довольствоваться услугами только тех китайцев, с которыми у них еще заблаговременно были завязаны сношения. В эту минуту японцев выручил тот хаос, который наблюдался в первый период войны.

До учреждения жандармско-полицейского надзора наблюдения за приезжающими почти не было, благодаря чему на театр войны хлынула масса всевозможных аферистов.

Бывшие сахалинцы, отбывшие уже свой срок наказания, беглые каторжники, проживающие по чужим или под-

дельным документам, евреи, кавказцы, греки, турки — все они стремились на театр войны, исключительно ради наживы, не брезгая никакими средствами. Ехали из Шанхая, Тяньцзина, Шанхай-Гуаня через Инкоу и Синминтин.

С этим людом проникло к нам и много шпионов, которые пополняли собой пробел, вызванный высылкой японцев.

В делах Разведывательного отделения есть много данных, указывающих на то обстоятельство, что в этот период войны японцы пользовались услугами преимущественно таких лиц, работавших под видом корреспондентов, содержателей кафе-шантанов и особого типа меблированных комнат, содержимых больше для кутежей, чем для жизни в них. Число комнат в таких номерах было невелико, но обставлялись они насколько возможно роскошно; хозяйки их отличались большим гостеприимством, а одна или две хорошенькие компаньонки являлись деятельными помощниками собирания необходимых сведений. В это же время были наблюдаемы и попытки проникнуть в нашу армию так называемых двойных шпионов: одновременно желавших служить нашим и японским интересам. Типичным представителем этого рода шпионства может служить португальский подданный Гидис.

Из дел однако видно, что как Гидис, так и другие лица, пытавшиеся служить одновременно «двум господам», особенным успехом не пользовались и скоро теряли кредит как у нас, так и у противника.

Мало-помалу японцы убедились, что при наличности местных условий наилучшим материалом для формирования шпионства служат все-таки китайцы. Помимо лучшего знания местных условий, китайцы, имели еще и то преимущество, что, теряясь в общей массе жителей, наименее обращали на себя внимание. Опыт войны показал, что они могли считать себя в полной безопасности, если одевались в костюм чернорабочего, не носили при себе письменных документов и не ходили часто одними путями. При наличности массы китайцев, вечно передвигающихся с места на

место в поисках работы, лазутчики расплывались в этой массе и делались неуязвимыми.

Вербовке агентов из среды китайского населения не могло не благоприятствовать также и то обстоятельство, что благодаря войне местная торговля свелась на нет, и оставшиеся без работы приказчики и торговцы охотно принимали предложение японцев для формирования собой кадров разведчиков.

В первый период кампании до образования школ для подготовки разведчиков японцы ценили их труд, главным образом, в зависимости от степени грамотности, интеллигентности и знания русского языка, причем постоянное жалованье лучшим из них доходило до 200 иен в месяц, кроме отдельных вознаграждений за каждое удачно выполненное поручение; неграмотным и не знающим русского языка платили около 40 иен.

Сама система разведки велась следующим образом:

В тыловые учреждения низшей армии шпионы высылались преимущественно небольшими группами в 3–4 человека, причем им от себя предоставлялось право нанимать помощников для доставки донесений в японское бюро. Во главе такой организации ставился наиболее интеллигентный агент, хорошо владеющий русским языком, остальные играли роль «подручных». Им давалась задача: исследовать данный район в каком-либо отношении или проследить передвижение в нем войсковых единиц.

Для такой организации важно иметь основную базу, из которой можно было бы производить разведки в отдельных пунктах заданного района, поэтому японцы, высылая подобную группу, снабжали ее и необходимой суммой для открытия мелочной лавки или чаще хлебопекарни. Булочная предпочитается, вероятно, потому, что в ней сходятся люди всевозможных положений, и можно прислушиваться к самым разнообразным разговорам, тогда как в мелочную лавочку офицер уже не пойдет, и посетители ее представляют собою слишком однообразную среду. Устроившись таким образом, один из лазутчиков вел торговое дело и вы-

спрашивал интересующие его сведения на месте в то время, как его товарищи оперировали на стороне, под видом мелочных торговцев или, если это оправдывалось условиями разведки, работали в роли помощников при обозе, ресторанной прислуги, в госпиталях и т. п.

Добытые таким путем сведения отсылались через специальных почтальонов, которые, чередуясь, устанавливали непрерывное сообщение с японским бюро.

В начале войны было несколько случаев поимки подобных переносчиков, почему, очевидно руководимые свыше, они постоянноимели свои приемы. Так, например, переносители писем в начале войны часто прятали их в подошвы своих башмаков, потом излюбленным приемом было вплетение документов в волоса своей косы, а когда это обнаружилось, агенты начали зашивать донесения в шов рубца на обуви и платье. Для того чтобы найти подобный документ, необходимо распороть всю обувь или платье. На практике приемы эти в массах неприменимы, а потому для большинства проносителей обыски кончались ничем. Наряду с этим простым, но остроумным способом, практиковались и другие, например, трубочки провощенной бумаги с донесением зашивали в хомуты лошадей, вкладывались в выдолбленные пустоты повозок и т. п.

Ряд задержанных шпионов красноречиво говорит нам, как умело и практично японцы пользовались услугами даже неграмотных китайцев.

В январе месяце 1905 года в одном из наших военных судов судился китаец за шпионство. На судебном следствии выяснилось, что китаец этот под видом продавца махорки все время шатался в тылу войсковых частей, занимающих позиции южнее Мукдена. Его много раз прогоняли подальше от мест, занятых войсками, но он назойливо возвращался снова, пока в один день проходивший мимо его переводчик не обратил внимание на то, что китаец, сидя на корточках, что-то вычерчивал на имеющейся у него бумажке. Китайца задержали и при дальнейшем расследовании оказалось, что бумажка была разделена на квадратики. Крас-

ная черта изображала железную дорогу к югу от Мукдена, а квадрат — участки прилегающей площади земли, на которых китаец должен был вычерчивать изображение погон тех частей войск, которые в данную минуту на них находились.

Задача эта наполовину была уже выполнена китайцем, и изображения погон солдат довольно разборчиво были вырисованы в квадратиках.

Сопоставляя этот факт с аналогичными, следует прийти к заключению, что сущность данного приема сводилась к тому, что известная местность разбивалась на квадраты и в каждый такой квадрат посылались один или два китайца. Посланный снабжался листом бумаги, изображавшим собою план исследуемого участка. Бумажка эта в свою очередь делилась на квадратики, и вся задача импровизированного шпиона сводилась к тому, чтобы, бродя по своему участку под видом мелочного торговца, на каждом квадратике нарисовать изображение погон тех частей войск, которых он там встретил. Если на подобном участке сразу работает два человека, ничего не зная друг о друге, то они вместе с тем являются и контролерами по отношению один к другому. Получая время от времени зарисованные листки, японское разведочное бюро группирует их, подводит им итоги и всегда прекрасно осведомлено о том, какими войсками в данное время занят известный район.

К числу выгодных сторон подобной системы следует, между прочим, отнести и то обстоятельство, что при такой организации японцы, имея возможность утилизировать труд неграмотных китайцев, в то же время никогда не рисковали остаться без необходимых сведений, что всегда могло бы случиться при высылке одиночных агентов. В денежном отношении эта система также очень выгодна, ибо неграмотные китайцы ценили свои труды очень низко.

Есть данные, что в этот период кампании немаловажные услуги японцам оказывали китайские власти и некоторые их торговые фирмы. Так, например, незадолго до отступления наших войск от Мукдена, один из японских

генералов в сопровождении китайского конвоя приезжал в Мукден и под видом китайского сановника разъезжал по его улицам. Мукденское купечество со своей стороны поддерживало сношения с неприятельским разведочным бюро.

Во внутренних губерниях России также были случаи поимки лиц, наблюдавших за ходом нашей мобилизации и затем передвижений войск к театру войны. Так, например, в Екатеринославле были задержаны два австрийских подданных, которые при помощи подкупа писарей воинского начальника получали все данные о ходе мобилизации и пересылали их затем через Австрию в Японию. Одновременно с этим японские агенты наблюдали за передвижением войск на многих станциях Сибирской железной дороги. Хорошей иллюстрацией того, как велось это дело, может служить случай задержания японского агента в Мукдене, незадолго до оставления его нами. Ко времени прихода воинских поездов в вокзал являлся китаец, пил за общим столом и заносил какие-то заметки в записную книжку.

При расследовании оказалось, что китаец записывал все, что ему приходилось наблюдать на вокзале: время прихода поездов, название прибывающих частей, число вагонов в поезде и проч. В числе сведений, занесенных им в свою книжку, между прочим, значилась следующая характеристика проследовавшего через эту станцию штаба одной из войсковых частей: «офицеры очень молоды, к делу относятся легкомысленно, очевидно, многие из них назначены по протекции». Оставляя в стороне вопрос о близости к истине этой заметки, нельзя не обратить внимание на нее, как характеризующую японскую наблюдательность. Очевидно, от их внимания не ускользнула ни одна мелочь, так или иначе характеризующая нас как противника.

Шпионы их проникали всюду, даже в госпитали, где было несколько случаев поимки шпионов среди прислуги. Казалось, госпиталь сам по себе должен бы представлять мало интересного для наблюдения, а между тем оно было систематизировано и в лечебных заведениях, благодаря чему были японцы хорошо осведомлены как о числе боль-

ных и раненых, так и об уходе за ними. Несомненно, подобная организация наблюдения давала японцам полную картину мобилизации наших войск, их передвижения, боевого расположения, санитарного состояния и проч. Бой под Мукденом показал, что Япония умело пользовалась этими сведениями и японскому главному штабу они сослужили большую пользу.

Этим дело, однако, не ограничивалось. Установив самое важное наблюдение над Россией, Япония в то же время следит и за тем, что делается в Китае. В Пекине с этой целью была ими учреждена особая школа разведчиков, которые обязаны были не только наблюдать за положением дел в местностях, прилегающих к театру войны, но вести там специальную японскую пропаганду.

Далеко не в таких благоприятных условиях оказались, однако, японцы, когда фронты армии отдалились один от другого, и при штабе главнокомандующего у нас, наконец, были организованы средства для борьбы с этим злом.

Находить желающих заняться шпионством сделалось труднее, да и самый сбор сведений усложнился. Старые приемы оказались малоприменимыми, и японцам пришлось приспособляться к новым условиям. Для непосредственного руководства своими шпионами они устраивают вдоль линии фронта ряд разведочных бюро, параллельно которым, но уже в нашем районе, были сформированы такие же бюро, с тою только разницей, что в японском районе заведующими ими были японские офицеры, а в нашем — китайцы. Обязанность первых состояла в общем руководительстве несколькими партиями, оперировавшими в данном участке, и в то же время прием, сортировка и направление полученных сведений в штабы своих армий; вторые же, т. е. начальники бюро, расположенных в нашем районе, руководили разведками, уже непосредственно посылая их в те или другие места или города скопления наших войск.

Много помогло японцам то обстоятельство, что к этому времени из среды китайцев у них успел образоваться кадр вполне надежных агентов, и эти бюро получили

опытных руководителей. Что касается формирования штата собственно разведчиков, то в этом отношении японцам пришла на помощь обычная их неразборчивость в выборе средств. Так, например, все те лица, которые так или иначе служили в наших войсках в виде переводчиков, подрядчиков, погонщиков, были причислены японцами к категории подозрительных и занесены в особые списки. Кто мог из числа этих подозрительных лиц, конечно, скрылся в части Маньчжурии, занятые нашими войсками, но скрыться оказалось не всегда удобным и возможным. Дело в том, что семьи этих лиц и имущественные владения оказались во власти японцев. И вот японцы с чисто азиатской откровенностью и жестокостью объявили этим подозрительным китайцам, что им легко перейти в категорию лиц вполне благонамеренных: стоит только сходить за неприятельскую черту расположения и принести им сведения о расположении русских войск. Пользуясь своими старыми знакомыми лицами и связями, эти разведчики свободно проникали в расположение наших войск и пристраивались к каким-либо воинским частям, находя приют у знакомых переводчиков. Для экономии труда разведчика в помощь каждому из них придавались два-три посыльных, обязанность которых состояла в том, чтобы безостановочно переносить добытые сведения в китайские бюро, откуда начальники этих бюро сейчас же пересылали их за черту расположения войск в японские учреждения этого рода. Если принять во внимание, что глубина нашего фронта в большинстве случаев не превышала 40–50 верст, то при такой организации лазутчик, располагая тремя посыльными, мог непрерывно доставлять свои наблюдения, и все, что им посылалось, достигало японцев на 3–4 день. Из мест же ближайших к черте японских войск сведения эти достигли своего места назначения гораздо ранее, так что сообщение устанавливалось почти непрерывное.

Типичным представителем такого рода организации может служить бюро или, как говорилось в донесении по этому поводу, теплое «гнездо» шпионов в Маймайкае, орга-

низованное китайцами Ин-зай-пу и Ли-сянь в доме местного купца Сюнь-цзао-вей. На судебном следствии по этому делу выяснились, между прочим, интересные данные, во что обходилось японцам устройство подобных бюро или «гнезд» в данный период кампании. Ин-зай-пу — главный руководитель — получал сто рублей в месяц, остальные агенты получали единовременно в виде подъемных десять руб., постоянного жалованья 40 руб. в месяц и 6 руб. за каждое донесение. Переносители сведений или почтальоны получали только издельную плату 5–6 руб. за переноску каждого сведения. Почтальоны эти вербовались преимущественно из местного пролетариата и при той низкой плате, которую они получали, трудно даже допустить, чтобы они всегда вполне сознавали всю опасность принятых на себя обязанностей. По крайней мере на суде многие из них заявили, что смотрели на свое занятие просто как на средство заработать себе кусок хлеба.

В обществе думают, что японцы часто посылали в роли шпионов своих офицеров, а между тем это совершенно неверно. В делах разведывательного отделения, правда, встречались указания на то, что японские офицеры, переодеваясь китайцами, следят с сопок за движением наших войск и сигнализируют при помощи оптических приборов, но и только. В судебных же процессах о шпионах японские офицеры фигурировали в качестве обвиняемых только в редких случаях, где на них возлагались исключительные по своей важности задачи. В этом отношении обращает на себя внимание дело подполковника Иошика[17] и капитана Оки. В феврале месяце 1904 года эти офицеры вместе с четырьмя японскими студентами были командированы из Пекина для порчи нашей железной дороги в районе от Хинпанского перевода до ст. Цицикар. Этот крошечный отряд под видом китайских купцов совершил очень тяжелый 40-дневный переход через Монголию, но был, однако, обнаружен и захвачен нашим разъездом ранее, чем успел достигнуть железной дороги.

По рассказу подполковника Иошика, подтвердившемуся другими данными следствия, он так же, как и его спутники, отправились в эту крайне трудную и опасную экспедицию, будучи к ней совершенно не подготовленными. Оба офицера так же, как и студенты, никогда не были кавалеристами и настолько слабо владели лошадью, что в первый же день выезда из Пекина половина их свалилась с коней.

Застигнутые нашим разъездом 30 марта около станции Турчихо, они не пытались даже сопротивляться, но это обстоятельство нисколько не помешало им также мужественно встретить смерть, как стоически они перенесли все невзгоды своего путешествия.

Вторым офицером, который судился по обвинению в шпионстве, был кавалерийский офицер Томако Кобаяси и унтер-офицер Кого.

Кобаяси, юноша 23 лет, единственный сын в семье, был послан из Кайюаня с разъездом в 5 человек в г. Гирин, чтобы собрать сведения о движении туда русских войск. Проехав до деревни Шейчиупу, он убедился, что дальше нельзя ехать и вести разведку открыто, о чем и донес своему полковому командиру, но в ответ получил категорическое приказание: «задача должна быть выполнена». Продолжать дальнейший путь можно было только переодевшись китайцем. Отправив нижних чинов обратно в полк, поручик Кобаяси вместе с унтер-офицером Кого переоделись китайцами, привязали себе искусственные косы и, наняв китайскую арбу, под видом путешествующих купцов отправились дальше. Все шло удачно, вплоть до 16 марта, когда в д. Тойсухе (20 вер. южнее Гирина) они были узнаны нашим караулом и привлечены к судебному следствию, как шпионы.

В обоих случаях японские офицеры судились как шпионы, главным образом потому, что для успеха своей задачи они переодевались в китайские костюмы. Во всех же остальных отношениях нельзя не указать резкой разницы между мотивом и образом действий шпионов, действующих за деньги, и этими офицерами, которые были посланы во-

преки их желанию и шли на опасное дело исключительно ради блага своей родины.

Резюмируя все вышеизложенное, следует придти к заключению, что тайная разведка в японской армии велась очень широко, умело применялась к местным условиям и давала сама собою контролируемый материал. Благодаря такой организации противник прекрасно был осведомлен как о состояния наших войск, так и о внутреннем положении России.

ЦГВИА, ф.5, д. 61, л. 2–6.

Документ № 32

Краткая объяснительная записка о системе японского шпионажа, составленная ротмистром Михайловым

28 июля 1906 г.
Совершенно секретно

Многочисленными наблюдениями и агентурными данными, полученными, впрочем, только за время войны, при исключительно ограниченном круге действий и когда приходилось иметь дело уже с готовыми и сплоченными организациями, борясь с небольшими средствами; не имея опытных и верных агентов и создавая самую агентуру при тяжелых условиях осадного положения, несомненно установлены факты измены с русской стороны целой группы лиц, выразившиеся в продаже секретных документов кр. Владивосток и постоянной передаче всех военных секретов и новостей крепости. Осведомленность японцев была поразительна — каждый мало-мальски значительный фактор из военной жизни крепости немедленно становился их достоянием и даже печатался на другой же день в японских газетах. Только во вторую половину войны, когда дело разведки несколько наладилось, благодаря неусыпному надзору и многочисленным арестам,

удалось парализовать это обстоятельство, хотя и то не окончательно, т. к. некоторые сведения хотя и с большим опозданием и далеко неточно иногда все-таки проскальзывали.

С другой стороны, выяснилось существование чрезвычайно искусно функционирующей сети японского шпионажа, очень широко поставленной, охватывающей весь Дальний Восток и правильно организованной с большими затратами еще в мирное время. Тут было все — и тщательная подготовка еще задолго до войны переодетыми офицерами Генерального штаба, не брезговавшими содержать публичные дома, заниматься ремеслами и исполнять лакейские и поварские обязанности у высшего русского начальства; и чрезвычайно полная и остроумная рекогносцировка (ориентировка по № телеграфных столбов, проходимость дорог везде указана собственным временем, употребленным на прохождение или проезд этого пути с грузом, соответствующим походной укладке, каждая дорога рекогносцировалась несколько раз в различные времена года, записано даже число кур, а не только мешков зерна, в каждом отдельном хозяйстве, всех подступов к Владивостоку, и многочисленные съемки всех позиций). Из дел военно-окружного суда видно, что некоторые из этих лиц попадались, совершенно случайно застигнутые во время работы; кого тут только не было — и фельдшера, и китайские фокусники, и знахари, и купцы, и бродячие музыканты... Несмотря на очевидность преступления с какой яростью защищал их японский коммерческий агент Каваками и как настаивал на немедленном освобождении «этих мирных иностранных подданных». К делу были привлечены иностранные торговые фирмы, военные и коммерческие агенты Америки, Англии и Китая, китайские и корейские купцы, содержатели китайских публичных домов, хунхузы, отдельные китайцы и корейцы, содержательница во Владивостоке американского публичного дома (излюбленное место всех родов оружия Владивостокского гарнизона), воспитанницы ее пансиона и многочисленные русские из самого разнооб-

разного круга. Чтобы не быть голословным, охарактеризую вкратце некоторые категории. Во Владивостоке имеется много крупных иностранных фирм — несколько немецких и англо-американских и много китайских и японских, из последних очень много домовладельцев. Фирма Кларксон, глава ее англичанин В. Кларксон, поставлял для нужд крепости машины, инструменты и взрывчатые вещества, имел точные и немедленные сведения, далеко раньше газетных, обо всех новостях на театре военных действий; всякому успеху японцев открыто аплодировал у себя в конторе, не стесняясь своих русских служащих; вел постоянную переписку с Японией; его магазины в Порт-Артуре по занятии такового японцами были оставлены в полной сохранности и продолжали торговать без перерыва; неоднократно по ночам у него собирались подозрительные личности (некоторые выяснены); находился в особо хороших отношениях с полковником Нечволодовым, заведовавшим разведкой Кореи и полковником Жигалковским — начальником инженеров кр. Владивосток. Полковник Нечволодов содержал американку Бертину Г., связь эта афишировалась. Бертина за февраль и март 1905 г. выслала через русско-китайский банк в Шанхай свыше 20 т. рублей. Бертина — бывшая пенсионерка заведения Жанеты Чарлз и приятельница американки Вайлед Н. и Ричарда Гринер. Выслана административно в апреле или мае 1905 г. из пределов крепости за предосудительное поведение (имеются интересные телеграммы). Полковник Жигалковский, будучи главным инженером, часто был и главным подрядчиком (дело о лесах), при нем украли из строительного управления крепости планы фортов и батарей; (опрошен был мной в качестве свидетеля). Хранение секретных документов было ниже всякой критики (я сам при нахождении кр. на осадном положении приобрел за деньги последний план телеграфных и телефонных сообщений, кажется, ларионовских батарей и минных заграждений впереди их). Был в связи с Х. Пользовался неограниченной властью. Обладатель ныне многомиллионного состояния. Помощник

его инженер полковник Ющенков, домовладелец, женат на дочери местного купца Бабинцева, вторая сестра жена директора русско-китайского банка С. Эпштейна, многочисленные родные Ющенкова заведовали военными прожекторами, телефонами, телеграфами, голубятней и т. д. Фирма «Кунст и Альберс» универсальные магазины и банковые операции. Поставка цемента на порт. Собственник фирмы ком. советник Густав Адольфович Даттан; приказчики — немцы и датчане. Отдельный мир — свой клуб, столовые, библиотека, бильярды, общежития и отдельные дома. Частые собрания; осведомленность об японских действиях. Подача от лица фирмы (есть лента с аппарата Уитстона) в Кардиф о посылке 3 машин в день выхода 3 крейсеров для набега к берегам Японии (следствие — встреча неожиданно с сильнейшей эскадрой Камиуры и ловушка у пролива Цугарского). Китайские купцы все настроены в душе враждебно к русским и относятся даже с презрением, ввиду поголовного взяточничества и вымогательства всех русских чиновников, имеющих с ними дело. Многие из купцов уехали на время войны в Чифу и Шанхай, оставив во Владивостоке доверенных приказчиков, поддерживавших все время письменные сношения через знакомых китайцев и нарочных. То же и относительно японских купцов, оставивших свои имущества под защитой американского коммерч. агента Гринера и державших управляющих из китайцев и корейцев, как во Владивостоке, так и на Сахалине, где у них были многочисленные рыбные ловли (перехвачено много писем).

Военные иностранные агенты посещали Владивосток во время войны 2 раза, а военно-морские английский, американский и какой-то экзотической республики, кажется Перу (Монэта), очень долго проживали. Все агенты с разрешения главнокомандующего осматривали морскую и сухопутную оборону крепости. Английский морской военный агент (Эрес) ездил самостоятельно и часто на форты, чертил кроки с коня, а после Мукдена переехал к японцам, как бы попав в плен.

Все коммерческие агенты иностранных держав, несмотря на полное отсутствие торговых интересов ввиду блокады и осадного положения, почти всю войну провели в крепости и усердно шпионили (много наблюдений). Выселены под благовидными предлогами под конец войны и только благодаря моим неотступным докладам. Японский коммерческий агент Казаками[18] (сейчас опять находится во Владивостоке) выехал накануне объявления войны. Как характерная подробность, — три дня и три ночи перед его отъездом японские часовые патрулировали вокруг его дома. В доме после его выбытия в клочках старых газет случайно был найден синий телеграфный бланк с пометками карандашей на английском языке: (приблизительно) новые форты — 12 т. р.; минные заграждения 8 т. р.; батареи 16 т., подробная дислокация Владивостокского гарнизона 3 т. и т. д. всего на сумму 69 т. рублей. При производимом мною дознании, по заключению экспертов почерк пометок карандашей аналогичен с почерком предъявленных им писем (были предъявлены письма Э. Швабе).

Вскоре после этой находки я получил через начальника штаба крепости из Главной квартиры маньчжурских армий 10 планов фортов, батарей и общий план Владивостока (верстовка в горизонталях) с нанесенными фортификационными сооружениями, купленные д. с. с.[19] Павловым через какого-то американца в Японии, согласно письму посланника, за 10 т. руб. Чертежи эти крупного масштаба, но малоценны для дела разведки, т. к., к сожалению, представляют не подлинники, а копии, неважно нанесенные на прозрачный холст. Насколько пока удалось выяснить, это дело тоже рук Э. Швабе и его личного секретаря Лохвицкого, неизвестно куда скрывшегося и мной разыскиваемого. Эдуард Самсонович Швабе, англ. ком. агент, полковник Великобританского флота в отставке, проживая во Владивостоке, состоял директором-распорядителем акционерной компании Уссурийского горнопромышленного общества. Образ жизни вел очень открытый и богатый, при-

нимал на обедах командира порта, губернатора, коменданта и все высшее общество города. В числе акционеров уссурийского общества состоял комендант г.-л. Воронец, два директора русско-китайского общества — Масленников и Эпштейн и агент добровольного флота вице-адмирал в отставке Терентьев. Эти же лица (конечно без Швабе), вначале 1905 года настояли на прекращении работ на строившейся стратегически важной ветке от 30 версты Уссурийской ж. д. до Сучанских каменноугольных копей. Сучаны — богатое месторождение полуантрацита и бурого угля высоких качеств, в 40 верстах от бухты Находка и в 110 от Уссурийской железной дороги.

Впоследствии для надобностей флота около 1 млн. пуд. угля перевезли на лошадях до бухты Находка, а затем на китайских лайбах на Эгершельд во Владивосток (с пуда платили 17 коп., брали 31 коп., перевозил некто N., товарищ командира порта К. А. Греке по корпусу). Ходатайство в Петербург о прекращении работ было мотивировано их необеспеченностью и возможностью захвата японцами. Земляных работ было произведено уже на 900 т., теперь работы возобновлены и ведутся сначала, были дожди, прошло много времени и их рассосало. Услугами французского коммерческого агента я неоднократно пользовался для дела разведки. Коммерческий агент Дайцинской империи Ли-тзьяо, бывший хунхуз, страшно обирал Владивостокских китайцев, одно время стоял во главе нелегального китайского самоуправления, ездил очень часто на форты, еженедельно посылал донесения о положении Владивостока в китайское министерство иностранных дел. Очень дружил с американским коммерческим агентом Ричардом Гринер. Гринер — друг Швабе и Казаками, часто виделся с девушками из американского публичного дома — Бертиной (в связи с полк. Нечволодовым) и Вайлед. Вайлед состояла агентом тайной полиции в С.-Франциско, перехвачены стенографические записки по американскому методу со сведениями о кр. Владивосток. Американский публичный дом во Владивостоке, известный под названием «Север-

ная Америка», содержала американская подданная Жанета Чарлз. До этого она содержала публичный дом в Порт-Артуре пополам с какой-то испанской авантюристской, кажется, по фамилии графиня Бевэт; дом этот был закрыт за шпионство. Чарлз имеет мужа и 9-летнюю дочь. Муж ее директор большого страхового общества в С. Америке, а дочь воспитывается в католическом монастыре. Чарлз имела только постоянных любовников, оставаясь им верной. Сначала она жила с лейтенантом флота Бахтиным, он в этом доме жил безвыходно, вел ее домашние приходо-расходные книги и отсылал своей жене ежемесячно по несколько сот рублей. Когда по моему представлению лейтенант Бахтин был по приказанию морского министра выслан из крепости, то Чарлз очень быстро сошлась с инженером Любомиром Гердец — это серб, венгерский гусар, окончил политехникум в Вене, в Владивостоке занимался подрядами у инженера Жигалковского, заведуя важными работами по укреплению Русского острова. Перед заключением мира оба эти лица исчезли с горизонта, равно скрылась немного раньше и Вайлед. В китайских публичных домах я находил неоднократно подозрительных китайцев без документов и никому из местных жителей неизвестных {они выселялись по этапу за китайскую границу}, там же мной были найдены планы крепости Владивосток и Русского острова грубой ручной работы с китайскими надписями и с подробным и точным указанием всех новейших батарей, линий окопов, мест расположения лагерей и прожекторов. Хунхузы и корейцы передавали много сведений сухим путем через Северную Корею, некоторые из них отчасти по рекомендации штабс-капитана Бирюкова состояли у меня на службе. Из русских сильно замешаны фирмы «Владимир Шевелев и Моисей Семенов», шкипер дальнего плавания Петр Кошкин, Смолин и много других лиц. Для полноты картины следует добавить несколько греков, евреев, много черкесов и еще больше каторжан. Измене способствовала усиленная политическая пропаганда, среди видных деятелей находились знаменитые социал-революю-

ционеры Борис Оржих (обвиненный в покушении на цареубийство, просидел в крепости 9 лет, в Владивостоке занимался цветоводством; а ныне издает в Японии вместе с одним русским офицером русскую революционную газету) и Людмила Волкенштейн (убита при демонстрации 19 января 1906 г.). В числе главных причин военных бунтов следует искать политическую пропаганду (много материала). События Владивостокского военного мятежа мной были подробно описаны еще за 3 месяца до их возникновения в особом дознании, переданном, кажется, в штаб главнокомандующего, в числе вещественных доказательств приложено было несколько бомбочек и около 30 фунтов рокорока.

Все вышеприведенные сведения крайне неполны, т. к. за отсутствием агентурных данных записаны по памяти и наспех.

Михайлов

ЦГВИА. ф. 5, д. 34, л. 18–23.

Документ № 33

Отношение директора департамента полиции начальнику военно-статистического отдела Главного штаба В. П. Целебровскому

26 марта 1904 г.

Милостивый государь
Виталий Платонович!

Из совершенно секретного источника мною получены сведения, что центром японской разведочной службы является г. Вена. Так, на днях к японскому посланнику в Париже явилось одно лицо (имя его мне, по всей вероятности, будет известно) с предложениями агентурных услуг. Посланник Мотоно заявил этому лицу, что ему надлежит обратиться в Венскую миссию, спросив проживающего ныне в Вене бывшего японского кон-

сула в Одессе. Японская миссия в Вене имеет секретных агентов в Кракове и Львове; агенты эти получают сведения о передвижении наших войск из Варшавы и Петербурга.

Из того же источника мною получены сведения, что подробный план Порт-Артура был приобретен японцами от какого-то русского военного инженера.

Об изложенном считаю долгом сообщить вашему превосходительству.

Прошу ваше превосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Лопухин

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 10060, л. 10.

Документ № 34

Предписание Главного штаба военному агенту в Вене

марта 1904 г.
В. Секретно

Директор департамента полиции письмом от 26 сего марта уведомляет, что по полученным им сведениям центром японской разведочной службы является гор. Вена. Так, на днях к японскому посланнику в Париже явилось одно лицо с предложениями агентурных услуг. Посланник заявил этому лицу, что ему следует обратиться в Венскую миссию, спросив проживающего ныне в Вене бывшего японского консула в Одессе.

Японская миссия в Вене имеет секретных агентов в Кракове и Львове: агенты эти получают сведения о передвижениях наших войск из Варшавы и Петербурга.

Донесение совершенно однородное с письмом директора департамента полиции получено и от нашего военного агента в Париже.

Сообщая об изложенном, Главный штаб по приказанию военного министра просит ваше высокоблагородие просле-

дить за делом японской разведки, донося о ваших наблюдениях.

Начальник отдела генерал-майор *Целебровский*
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 10060, л. 12.

Документ № 35

Донесение военного агента в Вене начальнику военно-статистического отдела Главного штаба В. П. Целебровскому

15 апреля 1904 г.
Секретно

Милостивый государь
Виталий Платонович!

Представляю при сем вашему превосходительству два письма, адресованные мне частным сыскным институтом в Германштадте, предлагающим свои услуги по выслеживанию и сообщению различных подробностей относительно перевозки в Японию закупаемых, якобы, для нее в настоящее время лошадей и патронов.

Так как ввиду моего официального положения в Австро-Венгрии является нежелательным входить в личные сношения с подобным учреждением, тайная деятельность которого, наверно, контролируется здешнею полициею, а потому, быть может, ваше превосходительство найдете полезным воспользоваться предложениями означенной фирмы установить с нею связь непосредственно из С.-Петербурга.

Вместе с сим доношу вашему превосходительству, что наши консула в портах Адриатического моря следят за всеми мероприятиями японцев по покупке и транспортированию военных грузов, причем результаты их наблюдений сообщаются в наше министерство иностранных дел.

Прошу ваше превосходительство принять уверение в совершенном почтении и преданности.

(подпись)
ЦВИА, ф. ВУА, д. 10060, л. 28.

Документ № 36

Письмо департамента полиции начальнику Одесского охранного отделения и начальникам губернских жандармских управлений

18 июня 1904 г.
Сов. секретно

По полученным из вполне достоверного источника сведениям, японским правительством в скором времени командированы будут в порты Черного моря японские морские офицеры и нижние чины, на коих возложена задача принять меры к нанесению повреждений как находящимся в этом море военным судам, так равно и военно-морским сооружениям.

Принимая во внимание, что первая партия японских разведчиков должна прибыть в Константинополь к первому числу будущего июля месяца, департамент полиции просит ваше высокоблагородие теперь же озаботиться учреждением самого тщательного наблюдения за всеми прибывающими из-за границы на пароходах лицами, обращая особо тщательное внимание за приезжающими японцами.

К сему департамент полиции считает долгом присовокупить, что для организации агентурного наблюдения за прибывающими японскими разведчиками, по приказанию господина министра внутренних дел, командирован за границу состоящий в резерве Отдельного корпуса жандармов подполковник Тржецяк, которому, в случае его обращения, надлежит оказывать полное содействие, а равно исполнять его требования, предъявленные в телеграммах за подписью: «Цитовский».

ЦГИА, ф. 6с/102, оп. 1, д. 12, л. 7.

Документ № 37

Памятка подполковнику Тржецяку, командируемому за границу

16 июня 1904 г.

Для выполнения поручения подполковника Тржецяка желательно было бы.

Сделать сношение с Морским министерством об оказании этому штаб-офицеру содействия в случае нужды находящимся в Константинополе станционером и о предоставлении, в случае нужды, парового катера и людей; об оказании содействия всеми находящимися на Черном море военными судами и судами Добровольного флота.

Сделать сношение с тем же министерством о предоставлении подполковнику Тржецяку свидетельства или вида на имя Александра Константиновича Цитовского; в свидетельстве этом желательно было бы упомянуть, что лицо это состоит на службе в Управлении Добровольного флота и командировано для надобностей службы за границу.

Сделать сношение с Министерством иностранных дел об оказании содействия подполковнику Тржецяку посланниками в Бухаресте, Софии и Константинополе, а также консулами и вице-консулами в Констанце (Кюстенджи), Сулине, Варне, Бургасе и Салониках.

Сделать сношение с Главным штабом об оказании этому штаб-офицеру содействия военными агентами в Бухаресте, Софии и Константинополе.

Сделать распоряжение по телеграфу о временном командировании сотрудника бывшего Бессарабского охранного отделения Осипа Осадчука в распоряжение подполковника Тржецяка.

Сообщить русским жандармским властям по побережью Черного моря, главным образом, в Николаеве, Севастополе и Одессе, о цели командирования Александра Константиновича Цитовского и об оказании ему содействия при выполнении возложенного на него поручения.

Снабдить подполковника Тржецяка заграничным паспортом на имя Александра Константиновича Цитовского и выдать ему открытый лист на то же лицо для предъявления такового в случае надобности русским властям при выполнении возложенного на него поручения и

Снабдить подполковника Тржецяка пятью бланками русских заграничных паспортов, а также телеграфными шифрами.

ЦГИА, ф. 6с/102, оп. 1, д. 12, л. 6.

Документ № 38

Сообщение подполковника Тржецяка (Цитовский) в департамент полиции из г. Константинополя

27 июня 1904 г.

Глубокоуважаемый Василий Сергеевич!

Сегодня я получил предписание от 17 июля за № 8330 с приложением копии письма, взятого нами. Очень, очень рад, что труды наши увенчались успехом и что мы действительно вошли в японскую военно-разведочную организацию. Из письма этого видно, что адресат Т. Ямада есть действительный военный японский разведчик, получающий указания из Токио. Но прежде чем говорить дальше, я должен сознаться в моей ошибке. Дело в том, что как в письмах моих, так и в телеграмме от 6 июля я упомянул, что японец Ямада Накамура выехал из Константинополя по ж. д. в Вену и далее в Лондон. Сведение это должна относиться не к Т. Ямада, который не выезжал вовсе из Константинополя, а к другому японцу по названию Тамака, действительно выехавшему. Т. Ямада, проживающий в Стамбуле по улице Султан-Хамам, содержит магазин японских товаров, составляющий отделение магазина К. Накамуры в Пера. Имеются уже многие указания,

что К. Накамура и Т. Ямада — родные братья. Ныне ходят упорные слухи о том, что К. Накамура будет назначен здесь японским консулом. Возвращаясь к прошлому моему письму, в котором я писал о прибытий к нам японца Торо Матзуместа[20], спешу сообщить вам, что он избрал себе профессию журналиста, живет в гостинице Лондон, занимает дорогой номер и располагает большими средствами. Почти все дни своего пребывания здесь М. проводит с Накамурой и Т. Ямада, а сегодня два часа провел у английского консула. К. Накамура состоит в переписке с журналистом Ито, который теперь живет где-то в Малой Азии. Для полноты я позволю себе свести в виде таблицы всех наших друзей:

1. **К. Накамура**, содержит магазин японских вещей по улице Пера, 136. Живет по улице Socac Tepe Bochi. Главное лицо в смысле ведения военно-разведочного дела. Долго живет в Константинополе и пользуется поддержкою турецкого правительства. Весьма развит, хитер и ведет свое дело очень толково. Располагает открытым кредитом в Оттоманском банке. Как упомянуто выше, предполагает быть здесь японским консулом.

2. **Т. Ямада**, живет в Стамбуле по улице Султан-Хамам и содержит магазин японских вещей, составляющий отделение магазина К. Накамуры. Говорят, что Т. Ямада — брат К. Накамура. Ямада состоит в переписке с неким Такасака в Токио и вместе с Накамурой законтрактовывает для Японского правительства судна, сообщает в Токио об общественном мнении турок, о текущих местных событиях, доставляет сведения о планах русского правительства и его намерениях, приобретает уголь, провиант и высылает таковой в Японию. Ямада тщательно конспирирует себя и сравнительно редко показывается в городе.

3. **Ито**, журналист, доктор, инженер, фотограф. До 18 июля вращался в Пера с К. Накамурой и затем, сопровождаемый К. Накамурой, выехал в Малую Азию, откуда присылает письма Накамуре. Весьма ловкий человек и мастер на все руки. Правая рука Накамуры и Т. Ямады.

4. **Тамака,** приказчик в магазине Накамура. 6 июля выехал по ж. д. в Вену, а затем в Лондон, имея какое-то поручение от Накамуры к местным японским агентам.

5. **Морисаки,** приказчик в магазине Накамуры. Интереса не представляет и

6. **Торо Матзуместа,** говорит по-англ. и по-фр., старый друг Накамуры, журналист по профессии, живет в гостинице Лондон, располагает большими средствами, любит возиться с женщинами (что и им, кстати, очень на руку). Постоянно проводит время с Накамурой и Ямада, стараясь скрывать это. Состоит в сношениях с английским консулом.

Это главнейшие лица местной японской колонии и все они живут здесь, конечно, не для торговли или журналистики. Имена их будут упоминаться в последующих моих письмах.

В прошлом письме я упомянул, что 21 июня с фр. пароходом Eqoateur из Марселя прибыло два лица, из коих один китаец, а другой японец. Лица эти 23 июля получили 10 мест багажа, прибывшего с Крайнего Востока, и намеревались получить все эти места от турецкой таможни в Стамбуле. По неизвестной мне причине товар в Стамбуле им не был выдан, а был отослан для досмотра в таможню в Галата. Здесь эти лица получили всего четыре места, заключавшие в себе старинные китайские вещи, а остальные 6 мест оставили в таможне в Галата, заявив, что места эти они повезут с собой в Румынию в порт Констанс (Кюстенджа). Что находится в этих шести ящиках, мы не могли установить. Японец и китаец, поселившись в Галате в гостинице Нью-Йорк, стали разносить по городу привезенные ими вещи с целью продажи. Ввиду этого, я письменно предупредил нашего консула в Констансе, прося принять меры к точному установлению национальности этих лиц и проверке содержания в их багаже. Это вполне возможно выполнить при помощи румынской таможни.

Наконец, 24 июля через Босфор прошел, не останавливаясь в Константинополе, английский грузовой пароход «Trematon» торг. фирмы «Gilchrist», следующий из Пирея

в Керчь за зерном. Первые сведения д. с. с. Павлова относились к англ. пароходу «Фримантель». Т. к. «Фримантеля», как я уже писал, не существует, то вероятно название этого парохода искажено. Сходство названий «Фримантель» и «Трематон», а также то обстоятельство, что «Трематон» не останавливался здесь, заставило меня телеграфировать о проходе его от 26 сего июля.

Задача наша крайне осложняется тем обстоятельством, что многие пароходы, не имеющие надобности останавливаться в Константинополе, получают в Пирее, Александрии и др. портах прямые патенты на следование в русские порты, причем зачастую они проходят Босфор и ночью. Вынудить подобные пароходы останавливаться в Константинополе для получения здесь патентов на русские порты посол не может и таким образом подобные пароходы вне всякого контроля с нашей стороны. На это весьма важное обстоятельство я вынужден обратить особое внимание и просить распоряжения на все порты Черного моря об особо тщательном досмотре пароходов, попавших в Черное море, не останавливающихся в Константинополе и, вообще, имеющих патенты, выданные не нашим консульством в Константинополе.

Вот пока все текущие новости. Дело наше понемногу расширяется и обо всем я ставлю в известность Шванка и посла, которые отлично относятся к нам, помогая всем, чем можно. Пока наша конспирация сохранена, но, вероятно, цель нашего приезда скоро станет известна туркам. Тогда нас выручит и оградит посол.

Крепко жму вашу руку.

Весь ваш Александр *Цитовский*

От Годенштрома по-прежнему нет никаких вестей и мы не знаем, где он находится.

Как курьез, прилагаю копию телеграммы «Нового Времени» из № 10195 от 20 июля, стр. 2 «Отклики войны».

Батум, 19 июля. На прибывшем в батумский порт английском пароходе «Гампстед» оказалось 18 человек ко-

манды монгольского происхождения. Трое из них, называющих себя китайцами, не имеют кос и похожи на японцев. Установлен строгий надзор.

ЦГИА, ф. 6с/102, оп. 1, д. 12, л. 93–96.

Документ № 39

Сообщение чиновника особых поручений в Париже Мануйлова директору департамента полиции

26 июля 1904 г.

Согласно приказанию вашего превосходительства я сообщил в Париж по вопросу об учреждении секретной агентуры в японской миссии и Лондоне, с платой агенту по 500 франков в месяц.

Сегодня мною получено от помощника начальника Французского разведочного бюро письмо, в котором мне сообщают, что наши условия агентом приняты, а также, что на сих днях мы получим непосредственные указания из японской миссии в Лондоне.

Докладывая о вышеизложенном, позволяю себе просить наше превосходительство сделать распоряжение об ежемесячном отпуске 500 франков.

И. Мануйлов

ЦГИА, ф. ДП, Особый отдел, д. 1, ч. 2, л. 60.

Документ № 40

Записка департамента полиции о награждении французских агентов

31 июля 1904 г.

Представляемые к почетным наградам французские граждане оказали содействие русским властям при органи-

зации дела по получению, с марта сего года, агентурным путем, копии шифрованных телеграмм и других секретных документов японских посланников в Париже и Гааге, адресованных японскому правительству; кроме того имеется основание предполагать, что благодаря содействию вышеупомянутых лиц в самом непродолжительном времени представится возможность также учредить наблюдение за корреспонденцией японского посланника в Лондоне.

В настоящее время уже в департаменте полиции имеется более двухсот телеграмм и различных документов как политического, так и военно-разведочного характера, кроме того, на днях удалось приобрести секретным путем ключ для разбора упомянутых шифрованных депеш, отправляемых японскими представителями в Париже, Гааге и Лондоне.

При сем представляются переводы имеющихся в департаменте телеграмм и документов.

ЦГИА, ф. ДП, Особый отдел, д. 1, ч. 2, л. 106–6.

Документ № 41

Сообщение директору департамента полиции

3 августа 1904 г.

Во исполнение приказания вашего превосходительства имею честь доложить, что вскоре по открытии военных действий на Дальнем Востоке департамент полиции, при посредстве чиновника особых поручений при министре внутренних дел Мануйлова, стал пытаться организовать правильное наблюдение за представителями японского правительства в западноевропейских государствах и уже в феврале месяце, благодаря полному содействию начальника Французской секретной полиции Кавара и начальника Разведочного бюро при Министерстве внутренних дел Моро, удалось получать копии всех телеграмм японской миссии в Париже, а также, в виду существующей во Француз-

ском бюро секретной агентуры в японской миссии, г-н Мануйлов регулярно стал получать значительное количество документов из Парижской миссии. Затем, по предложению французской полиции, г-н Мануйлов расширил свою деятельность и установил правильное наблюдение при посредстве домашней прислуги в японских миссиях в Лондоне и Гааге, и кроме того, в настоящее время происходят переговоры об учреждении нашей секретной агентуры в японских миссиях в Стокгольме и Вене.

ЦГИА, ф. ДП, Особый отдел, д. 1, ч. 2, л. 105.

Документ № 42

Рапорт военного агента в Копенгагене и Стокгольме начальнику военно-статистического отдела Главного штаба

17 августа 1904 г.

Из поступивших за последние 3 недели донесений консулов и собранных сведений о появлении на берегах Балтийского моря японцев видно, что они продолжают прибывать по одиночке, по два, в незначительном сравнительно количестве, и продолжают направляться в Швецию и в Норвегию. В Дании они бывают лишь проездом и, по-видимому, никакой деятельности в ней не проявляют. В чем заключается деятельность приезжих в Швецию и Норвегию японцев еще не констатировано, но можно думать, что она носит разведочный шпионский характер.

Шведское правительство, подобно датскому, с официальной стороны имеет наблюдение за деятельностью пребывающих в Скандинавии неурочных японцев.

Организованное г-ном Гартингом фактическое наблюдение за побережьем скандинавских и датских вод, насколько мне известно, уже вполне функционирует, и по-

лучаемые ими сведения направляются в Главный морской штаб.

Генерального штаба полковник *Алексеев*
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 10060, л. 115.

Документ № 43

Отношение директора департамента полиции в министерство финансов

14 октября 1904 г.

Ввиду полученных указаний, что Вена, Стокгольм и Антверпен являются центрами военно-разведочных организаций японского правительства, департаментом полиции было признано полезным учредить в этих городах наблюдение, ввиду чего было сделано сношение с французским разведочным бюро, в распоряжении которого имеются вполне опытные агенты.

По мнению начальника означенного бюро, организация этих наблюдений вызовет приблизительно следующие ежемесячные расходы:

Вена:

Жалованье секретному сотруднику ..... 1500 фр.
Жалованье двум наблюдательным агентам ..... 1000 фр.
Итого ..... 2500 фр.

Стокгольм:

Жалованье секретному сотруднику ..... 600 фр.
Жалованье двум наблюдательным агентам ..... 700 фр.
Итого ..... 1300 фр.

Антверпен:

Жалованье секретному сотруднику ..... 500 фр.
Жалованье одному наблюдательному агенту ..... 350 фр.
Итого ..... 850 фр.

Кроме того, на непредвиденные почтовые и телеграфные расходы потребуется отпускать на каждый наблюдательный пункт ежемесячно по 300 франков.

Итого ..... 900 фр.

Следовательно, учреждение этих пунктов вызовет расход в размере приблизительно 5550 франков в месяц.

Кроме того, для организации наблюдений и для руководящих указаний на месте было бы желательно командировать чиновника особых поручений при министре внутренних дел Мануйлова, каковая поездка совместно с одним из чинов разведочного бюро вызовет единовременный расход в размере приблизительно 8000 франков.

Представляя об изложенном на благоусмотрение вашего превосходительства, департамент полиции имеет честь испрашивать разрешение на выписку в расход из секретных сумм департамента восьми тысяч (8000) франков единовременно и об ассигновании ежемесячного кредита в размере пяти тысяч пятисот пятидесяти франков на вышеуказанный предмет, назначив отпуск последней суммы с 1 будущего ноября.

Директор *Лопухин*
Заведующий отделом *Макаров*
ЦГИА. ф.6с/102, оп. 1, д. 1, ч. 4, л. 75.

Документ № 44

Рапорт подполковника Тржецяка директору департамента полиции Лопухину А. А. о командировке в Турцию, Болгарию, Грецию и Румынию

15 января 1905 г.
Секретно

Представляя при сем агентурную записку о командировке моей в Константинополь с 15 июня по 18 декабря истекшего года по организации наблюдения за японскими

разведчиками в районе Черного, Мраморного морей, Архипелага, побережий Малой Азии, Европейской Турции, Болгарии, Греции и Румынии, имею честь донести вашему превосходительству нижеследующее:

При командировании в Константинополь мне было поставлено целью не допустить прибытие в пределы России 22 японских офицеров, которые, по указаниям д. с. с. Павлова из Шанхая, предполагали якобы проникнуть в Черное море с целью нанести вред нашей Черноморской эскадре. С этой целью по прибытии в Константинополь было учреждено агентурное наблюдение за всеми прибывающими в русские воды иностранными пароходами, находящимися на них японцами, а также за японской колонией, находящейся в Константинополе. Уже в начале августа месяца агентурою получены были определенные указания на то, что сведения, сообщенные д. с. с. Павловым, лишены основания, и морские японские офицеры, действительно выехавшие из Японии, предназначались не для нанесения вреда нашей Черноморской эскадре, а для укомплектования экипажей военных судов, приобретенных японским правительством от бразильского и чилийского военного флота.

Ввиду этого вверенная мне организация, продолжая попрежнему вести наблюдение за всеми прибывающими в район агентуры иностранными судами, обратила главное внимание на выяснение японских разведочных сил и их деятельности.

За отчетное время были выяснены нижеследующие разведчики-японцы:

Негласный японский консул в Константинополе К. Накамура, представитель японского торгового музея в Константинополе.

Его помощник, запасный офицер японских войск, Т. Ямада, в распоряжении коего состояли два японца: Морисаки и Тамака.

Доктор археологии, фотограф, инженер Ито (Chieta Ito), все время путешествовавший по побережью Малой Азии и Египту.

Корреспондент газеты «Ниши»[21] Торо Матзумото[22], проживавший на Босфоре в Терапии и наблюдавший за проследованием наших судов через проливы.

Профессор Хаяши, бывший в Софии, Константинополе, Пирее, Афинах, Перосе и выехавший затем через Бриндизи в Рим и далее во Францию и

Инженер Митсуаки[23], посетивший Париж и Лондон и имеющий сношения с Бухарестом по организации на юге России военного шпионства.

Из числа упомянутых лиц агентурою была получена корреспонденция японцев Накамура, Ямада, Матзумото и Митсуаки, каковая по мере получения представлялась мною в подлиннике департаменту полиции.

Независимо сего, попутно, при наблюдении за Босфором и Дарданеллами, чинами агентуры получен был ряд ценных сведений военно-разведческого характера, касающихся вооружении Турции и Греции, доставлены фотографии вновь приобретенных турецким правительством двух миноносцев и указано место в Босфоре, где находятся ныне минные заграждения. Все эти сведения, упомянутые в подробности в прилагаемой агентурной записке, были своевременно переданы военно-морскому агенту в Константинополе капитану 2 ранга Шванку, а также и его помощнику г. Щербо.

Кроме того, при формировании охраны Суэцкого канала, от вверенной мне организации было выделено три сотрудника, образовавшие отдельную агентуру, находящуюся в распоряжении командированного туда от Морского министерства, капитана 2 ранга Шванка, а также командировано два агента, состоявшие в распоряжении известного департаменту полиции Жюльена Леруа.

В течение шестимесячного пребывании моего в Константинополе я располагал полною возможностью выполнять возложенную на меня задачу, благодаря полному покровительству и помощи, оказанными мне как послом Зиновьевым, чинами посольства и консульства в Константинополе, так и военно-морским агентом капитаном 2 ран-

га Шванком и его помощником г. Щербо; благодаря этому мне удалось сохранить полное мое инкогнито и избежать каких-либо нежелательных оглашений в печати о цели моей командировки.

Из числа лиц, оказавших особые услуги агентуре и способствовавших успешному выполнению возложенной на меня задачи, я считаю себя обязанным донести о нижеследующих:

Георгий Дмитриевич Фотиади, наш вице-консул в Смирне, доставивший агентуре ряд весьма ценных услуг и сведений о деятельности в Малой Азии японца Ито и отказавшийся принять средства на наем служащих для этой цели. Ходатайствую о награждении его орденом Св. Анны III степени.

Проживающий в Пирее греческий подданный Сократ Арханиотаки, способствовавший организации агентуры в греческих морях и затем обслуживавший Суэцкий канал, под руководством капитана Шванка. Ходатайствую о награждении его медалью на Станиславской ленте с надписью «За усердие».

Кроме того, из числа подведомственных мне агентов я считаю себя обязанным выделить особо полезную деятельность нижеследующих известных департаменту полиции по службе в заграничной агентуре моих агентов: 1) Георгия Анастасиевича Меласа, проживающего в Бухаресте, 2) состоявшего в распоряжении б. Бессарабского охранного отделения сотрудника Ивана Осиповича Осадчука и 3) заразившегося при исполнении служебных обязанностей и умершего 20 октября в Константинополе от черной оспы черногорца Михаила Кралевича. Меласу, Осадчуку и вдове Михаила Кралевича, оставшейся с двумя малолетними детьми в Бухаресте, я испрашиваю денежные награды.

Подполковник *Тржецяк*

ЦГИА, ф. 6с/102, оп. 1, д. 12, ч. 2, л. 44–47.

Документ № 45

Доклад ст. адъютанта разведывательного отделения штаба Главнокомандующего генерал-квартирмейстеру Орановскому

2 мая 1905 г.

Из дел, поступающих в разведывательное отделение штаба, видно, что японские шпионы проникают большими массами в район расположения наших войск, беспрепятственно собирают интересующие их сведения и потом также безнаказанно отсылают их японцам.

Легкость, с которой удается китайцам проносить эти сведения, сделала настолько популярным среди них подобное занятие, что вознаграждение, получаемое ими за доставку отдельного сведения, понизилось до 10, а в некоторых случаях и до 6 рублей. В то же время возможность проникнуть нашим агентам за черту расположения японских войск очень затруднительна и им удается это всегда с большим трудом и крайним риском.

Подобное положение вещей нельзя назвать нормальным; а между тем с нашей стороны есть полная возможность, если не вполне искоренить шпионов, то, во всяком случае, значительно сократить их вредную деятельность.

В числе мер, ведущих к этой цели, я нахожу наиболее действительными: своевременное знакомство военных начальников с теми приемами, к которым прибегают японские агенты при собирании сведений о нашей армии, так как только зная эти уловки, и можно более или менее успешно бороться с ними. Опыт показал, что японские разведочные отделения сообразно обстоятельствам войны меняют свои инструкции относительно деятельности агентов и потому было бы полезно, чтобы всякие изменения в этом смысле своевременно передавались в войсковые, части.

Кроме лазутчиков, высылаемых японцами из мест своего расположения, противник имеет своих постоянных агентов и на службе в некоторых наших учреждениях, преиму-

щественно на должностях прислуги, конюхов, переводчиков. Желательно, чтобы войсковые начальники получали соответственные инструкции и относительно наблюдения за такими лицами.

Успешное осуществление этих мер возможно только при условии объединения деятельности всех наших агентов под наблюдением одного лица.

С той же целью было бы крайне желательно сосредоточить в руках одного военного следователя, обладавшего достаточной опытностью, все дела о шпионах для того, чтобы на него возможно было возложить руководящую деятельность и по принятию всех вышеизложенных мер.

По моему мнению, таким опытом обладает военный следователь полковник Огиевский, так как он был уже несколько лет помощником военного прокурора, четвертый год состоит военным следователем, автор «Справочной книги по военно-судебным делам» и, как видно из других его литературных работ, знаком уже с организацией шпионства в Японии.

Генерального штаба подполковник барон *Винекен*

Резолюция:

«Вполне согласен с мнением, изложенным в сем докладе. Полагал бы весьма полезным для указанной цели командировать подполковника Огиевского в мое распоряжение».

Генерал-квартирмемстер, генерал майор *Орановский*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 29017, л. 116–117.

Документ № 46

Рапорт военного следователя 3 Маньчжурской армии генерал-квартирмейстеру при Главнокомандующем

27 июня 1905 года

Ничего не имея возразить против целесообразности при-

емов борьбы с японскими шпионами, разработанными в инструкции, полученной мною при предложении вашего превосходительства от 26 июня сего года №7636[1], я полагаю, что настоящая ее редакция требует дополнения и развития только следующих пунктов:

§ 4. При задержании неприятельских шпионов по указанию местных жителей, последние сейчас же интересуются вопросом о том, кто им выдаст следуемую награду, когда и в каком размере. Видно, что вопрос о возможности получить награду живо интересует их, в то же время они боятся всякой излишней огласки в этом отношении. Было бы желательно поэтому, чтобы китайцы, задержавшие шпионов, удовлетворялись по возможности скорее следуемыми им наградами, не ожидая решения суда, а как только будет установлена подозрительность арестованного лица. Крайне было бы желательным также соблюдение возможно большего такта к положению доносчика, который всегда в таких случаях более или менее рискует не только своей жизнью, но и жизнью своих родных.

А между тем некоторые коменданты открыто в присутствии других, лиц вызывают доносчиков, предъявляют их обвиняемым и не только не считают нужным щадить щекотливое положение доносчика, но иногда еще и подчеркивают безнравственность его поведения.

§ 5. К докладам местной китайской администрации следует относиться осторожно, ибо многие представители ее втайне более сочувствуют Японии, чем России.

§ 8. Из следственных дел видно, что китайцы, подозреваемые в шпионстве, часто приобретают удостоверения от других лиц, состоящих или ранее служивших на русской службе; полезно было бы поэтому в каждом удостоверении указывать наиболее характерные приметы лица, коему выдается удостоверение, или прилагать его фотографическую карточку.

§§ 9, 10, 11 и 15. Эти пункты требуют к себе особого внимания. Мне известны случаи, когда японские шпионы оправдывали неполноту своих донесений именно тем обсто-

ятельством, что русские жандармы прогоняли их со станции и этим мешали производить наблюдения над проезжающими войсками.

Было бы желательно установить секретное наблюдение и над китайцами, служащими на железнодорожных станциях, — прислугой и по администрации. Известны случаи изобличения в шпионстве лиц, посещавших вокзалы под предлогом получения обедов. Посещая буфеты и прислушиваясь к разговорам офицеров, шпионы таким путем могут получать важные сведения.

Наблюдение следовало бы иметь не только над лицами, причастными к железной дороге, но и вообще над всеми китайцами, служащими в госпиталях и других наших учреждениях. Так, например, были случаи, что китайские мальчики, прислуживающие и госпиталях, сообщали японским агентам сведения по указанным им программам.

С особенною осторожностью следует относиться к переводчикам, ибо японские агенты очень часто именно от них получают наиболее ценные сведения. С этой стороны важно наблюдение не только над самими переводчиками, но и также и над теми лицами, с которыми они приходят в соприкосновение.

Из имевшихся у меня следственных дел я знаю несколько случаев, когда японские шпионы, перейдя в район расположения наших войск, находили себе приют именно у переводчиков различных мелких нестроевых частей: арбяных транспортов, госпиталей, обозов и, поселившись там, жили целыми неделями, не возбуждая подозрения.

В этом отношении также важно, чтобы секретная переписка всегда оставалась секретной. К сожалению, мне приходилось наблюдать случаи, когда секретные бумаги доверялись писарям. Если принять во внимание, что переводчики большею частью помещаются с писарями и, живя с ними общею жизнью, бывают слушателями и их разговоров, то не трудно прийти к выводу, насколько преступна может быть подобная небрежность.

Из следственных дел также видно, что японцы посылают к нам своих шпионов в большинстве случаев группами от трех до пяти человек, причем один из них в таком случае снабжается суммой денег, необходимой для открытия лавки или хлебопекарни, остальные же работают под видом мелких продавцов табака, папирос, безделушек или же нанимаются рабочими в транспорты и другие учреждения.

Насколько я мог заметить, булочная является наиболее частой формой прикрытия подобной организации. Оно и понятно, если принять во внимание, что булочная посещается людьми всех положений и она дает наиболее разнообразный материал для наблюдения и подслушивания.

§ 17. При задержании шпиона виновность его определяется, главным образом, следующими данными:

а) вещественными доказательствами в виде найденных у него записок, чертежей, рисунков и т. п.

К сожалению, задержать шпиона с такими уликами удается очень редко, так как они избегают носить их при себе;

б) косвенными уликами, к числу которых между прочим относится местонахождение его семьи и личное его происхождение.

Из рассказов многих шпионов как на суде, так и на предварительном следствии обнаружилось, что японцы, заняв новую местность, путем расспросов сейчас же выясняют, кто из местных жителей находился на службе в русских войсках или имел с ними сношения, и потом всех таких лиц заносят в категорию подозрительных. Под угрозой затем жесткого наказания подозрительным жителям предоставляется право заслужить себе расположение японских властей, для чего им рекомендуется отправиться на север и, пользуясь своими прежними связями с русскими, доставить интересные японцам сведения.

Семейства посланных в таких случаях остаются у японцев в виде заложников.

Мне кажется поэтому, что раз удалось установить фак-

ты, что задержанный прибыл из местности, занятой японцами, и там же находится его семья, что у задержанного были раньше связи и знакомство с нашими войсковыми частями, и в данный момент он дает сбивчивые ответы относительно цели своего прибытия, наконец, что перед задержанием он вел бродячий образ жизни, переходя из одной местности в другую, то совокупность этих данных уже является вполне достаточной для признания задержанного подозрительным лицом.

Устанавливать эти факты следует немедленно путем тщательного обыска и расспросов арестованного, если же они не устанавливаются, и при этом нет в наличности других каких-либо подозрительных указаний на занятие задержанного шпиона, то их следует сейчас же отпускать, а не загромождать ими этапные учреждения, так как скопление на этапах подобных мнимых шпионов только напрасно вызывает усиленные наряды караулов и создает удобную обстановку для побегов действительных шпионов.

В заключение считаю долгом доложить вашему превосходительству, что обо всех срочных случаях задержания шпионов нижними чипами, особенно там, где проявилась их личная инициатива и находчивость, было бы полезно объявлять в приказах, прочитывая их затем в ротах, сотнях, батареях и командах.

Борьба со шпионством не может вылиться в шаблонные формы, так как японцы, очевидно, постоянно меняют свои приемы, приспособляя их к условиям данного места и времени, и потому описание удачных случаев задержания шпионов может служить лучшим руководством правильной борьбы с ними

Искоренить шпионов только при помощи наемных агентов нельзя. Успешное разрешение этого вопроса возможно только при вдумчивом и участливом отношении к нему всех чинов армии.

Военный следователь полковник *Огиевский*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 29070, л. 64–66.

Документ № 47

Доклад начальника военных сообщений при Главнокомандующем Маньчжурской армии начальнику штаба Главнокомандующего

24 июля 1905 г.

Имея основание предполагать солидную организацию шпионства у японцев, мы должны думать, что: во-первых, по железной дороге она направлена к определению числа подходящих войск развития станций, определению интендантских складов на станциях, исправности движения поездов и т. п.

Во-вторых, шпионство может быть направлено к исследованию тыла наших армий, расположения тыловых учреждений, чем ясно определится фронт наших операций, в-третьих, определение наших интендантских складов в тылу каждого района этапов, в-четвертых, определение позиций, определение флангов, определение разрывов между частями и т. п.

Если к этому допустить, что у них разведка ведется каждой дивизией в строго очерченных географических районах, подтверждением чему служит изложенное в надписи генерал-квартирмейстера при главнокомандующем от 20 июля 1905 г. за № 3525, то при простоте приемов добывания этих данных окажется почти невозможным отыскать шпионов, а потому система этой борьбы должна быть строго обдумана и приведена в известную систему.

В подведомственном мне районе по линии железной дороги функционирует выработанная этапным отделом инструкция по борьбе со шпионством, одобренная генерал-картирмейстерской частью и затем дополненная указаниями, данными полковником Огиевским. Эта инструкция предложена к руководству Дорожному управлению Китайской жел. дор. и подведомственным мне начальникам гарнизонов и препровождена в этапные управления армий и в 4 бригаду пограничной стражи. Последнею принята к

исполнению. Кроме того, генерал-квартирмейстерской частью при главнокомандующем она разослана в штабы армий тыла Заамурского округа, отдельного корпуса пограничной стражи Приамурского военного округа и военным комиссарам для сведения и руководства.

Инструкция хотя заключает в себе некоторые принципиальные способы борьбы со шпионством, однако в деталях приспособлена исключительно к одной цели, а именно к борьбе со шпионами, ведущими подсчет укомплектований с целью определить число прибывших к нам подкреплений. Борьба со шпионством, организованная только в тылу в подведомственном мне районе и при средствах, имеющихся лишь в моем распоряжении, полагаю, не будет столь производительна и не достигнет положительных результатов, если не привьется в армиях, в особенности тыловых ее учреждениях: обозах, лазаретах и проч., где японское шпионство имеет возможность получать обильные и желательные сведения.

Ввиду вышеизложенного полагал бы:

1. В виде общей меры прекратить доступ китайцев с Южного фронта в Северный и с Северного в Южный район расположения армии.

2. Образовать комиссии в отдельных частях для обсуждения вопроса о борьбе со шпионством, а объединение этого вопроса сосредоточить в дивизиях, дав им полную самостоятельность, причем должен быть строго определен район, подлежащий наблюдению, все выработанные правила комиссии должны обменивать между собою и по сборе от всех их вновь рассмотреть и окончательно составить надлежащую инструкцию; штабы корпусов должны работать по сводке, по строго выработанной программе.

3. В каждой отдельной части избрать одного, или сколько укажет надобность, офицеров, специально для целей борьбы со шпионством, по их указанию избрать соответствующее число смышленых нижних чинов, в помощь им составить для них известную программу и первоначальные и важнейшие пункты допроса.

4. В каждом районе, как наиболее верный путь к раскрытию шпионов, желательна регистрация местного населения, связь с местными китайскими властями по выяснению всех вопросов обычного права.

5. При каждом подозрении офицер или соответствующий нижний чин должен (хорошо, если бы это были наши особо назначенные разведчики со строго определенной программой см. п. 3), арестовывая, точно описывать причину ареста по пунктам, заранее выработанным, после чего передавал бы местной комиссии, решающей немедленно вопрос, — следует ли его освободить или же возбудить дело, сообразуясь с местными обычаями.

6. Установить по определенной форме срочные донесения в высшие штабы для работ по сводке, включив следующие данные:

а) имена и фамилии, откуда родом, род занятия;

б) когда и зачем сюда пришел;

в) путь его движения, и что на этом пути встречал, обозначить на карте;

г) в каком виде шпионства подозревается;

д) ход его шпионирования (следует давать ему возможность выяснить метод);

е) повторяются ли эти разведки, сколько их было и по времени когда;

ж) местопребывание перед поимкой, где был вчера, место поимки и куда направляется;

з) что можно было видеть за это время, справиться, не видел ли его кто-нибудь;

и) выпытывать у них всякие интересные данные, сведения о противнике.

7. Штабам дивизий из экономических сумм нанимать из местных жителей, если в этом встретится надобность для агентурной цели.

8. Если дело передано следователю, то он сообщает свои особые доклады в разведывательные отделения штабам армий.

9. Составлять данные нравов и обычаев китайцев.

Вр. и. д. начальника военных сообщений генерал-майор *Истомин*

Резолюция начальника штаба:

«Из всех перечисленных здесь пунктов практическое значение, по моему мнению, имеет только п. 4, который и следовало бы обдумать».

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 29070, л. 149–450.

Примечания

[1] Нумерация документов наша. За исключением явных опечаток и некоторых знаков препинания, имеющих важное смысловое значение, стиль и орфография документов приводятся без изменений. Написание японских омонимов и топонимов в тексте сохранено без изменений.

[2] Прав. — Сиоко.

[3] Прав. — Сиоя.

[4] Прав. — Судзуки.

[5] Прав. — «Ниппон юсэн кайся».

[6] Е. Г. Спальвин (1872–1933). Известный востоковед, знаток языка, истории, культуры Японии, основоположник научной школы японоведов на Дальнем Востоке. В 1894–1998 гг. учился в Петербургском университете на китайско-монгольско-маньчжурском отделении восточного факультета. В январе 1899 г. командирован в Японию. В 1900 г. назначен профессором Восточного института. Написал многочисленные пособия по изучению японского языка, которые получили высокую оценку не только в России, но и за рубежом. Впервые составил и издал на русском языке иероглифический словарь японского языка. Спальвиным написаны статьи и по истории Японии. Он был редактором периодических изданий «Известия Восточного института» и «Известия Восточного факультета». В 1925 г. Спальвин уехал переводчиком в Японию, затем перебрался в Харбин, где в ноябре 1933 г. умер после операции.

[7] Прав. — Коносукэ.

[8] Прав. — Дзюудзи.

[9] Прав. — Магосити.

[10] Прав. — Такуси.

[11] В этой телеграмме полковник Глоба испрашивал указаний о возможности привлечения к дознанию Акима. — *Прим. сост. сборника.*

[12] Прав. — Миура Кэндзабуро.

[13] Прав. — Акаси.

[14] Прав. — Хаяси.

[15] Прав. — Комацу Харахаясидэ.

[16] Прав. — Комацубара Хаяси.

[17] Прав. — Ёсика.

[18] Прав. — Кадзаками.
[19] Действительный статский советник.
[20] Прав. — Торо Мадзумэсута.
[21] Прав. — «Ниси» — «Запад».
[22] Прав. — Торо Мацумото.
[23] Прав. — Мицуаки.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителя 3

В. А. Апушкинъ. Русско-японская война 1904–1905 г. 15

Глава первая. Прошлое русско-японских отношений 17
Глава вторая. Готовность к войне 51
Глава третья. Начало войны — Порт-Артур—Тюренчен—Цзиньчжоу 88
Глава четвертая. Вафангоу—Дашичао—Хайчен 125
Глава пятая. Порт-Артур 167
Глава шестая. Ляоян 192
Глава седьмая. Шахе 218
Глава восьмая. Порт-Артур 237
Глава девятая. Набег на Инкоу—Сандепу—Мукден 262
Глава десятая. Цусима — мир 296

Е. М. Османов. Деятельность японской разведки и российской контрразведки в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. 329

Избранные документы и донесения о деятельности японской разведки в России в годы Русско-японской войны 367

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ
1904–1905 гг.

Директор Издательства СПбГУ
проф. *Р. В. Светлов*

Главный редактор
Т. Н. Пескова

Корректоры *И. А. Симкина, Т. П. Рындак*

Обложка художника *Е. А. Соловьевой*

Верстка *Е. М. Воронковой*

Лицензия ИД № 05679 от 24.08.2001

Подписано в печать 22.07.2005. Формат $84\times108\,{}^{1}/_{32}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24,78. Заказ № 146

Издательство СПбГУ
199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9

Тел. (812) 328-96-17; факс (812) 328-44-22
www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:
С.-Петербург, 6-я линия В. О., д. 11/21, к. 21
Телефоны: 328-77-63, 325-31-76
E-mail: post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41

Издательство С.-Петербургского университета

предлагает учебники, учебные пособия, научную и научно-популярную литературу по

истории,
экономике,
психологии,
философии,
филологии,
языкознанию,
естественным и точным наукам

студентам, преподавателям, научным сотрудникам, а также учителям, школьникам — всем, кому интересен мир книги.

Книги можно приобрести в магазинах Издательства, а также через отдел реализации:

199034, С.-Петербург, 6-я линия В. О., д. 11/21, к. 21
Телефоны: 328-77-63, 325-31-76
E-mail: post@unipress.ru

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904-1905 гг.

В. А. Апушкинъ.
Русско-японская война 1904–1905 гг.

Е. М. Османов.
Деятельность японской разведки и российской контрразведки в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Избранные документы и донесения о деятельности японской разведки в России в годы Русско-японской войны

